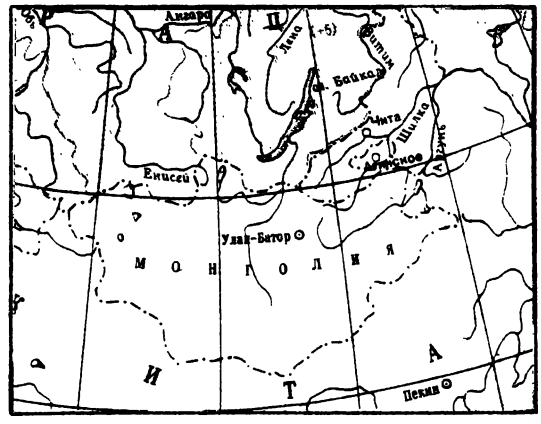
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ПРИБАЙКАЛЬЕ В ДРЕВНОСТИ

Улан-Удэ
Чита
2002


Ленинград
Ленд
Байкал
Читта
Шилка
Енисей
Улан-Батор
М О Н Г О Л И Я
И Т А
Пекин

MINISTRY OF EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
BURYAT STATE UNIVERSITY
Department of History
ZABAJKALSKY STATE PEDAGOGICAL INIVERSITY
AFTER N.G. CHERNYSHEVSKY
Department of History

THE ANCIENT CENTRAL ASIA AND TRANSBAIKALIA

Collection of scientific works

Editorial Staff
Doctor of History *M.V. Konstantinov*,
Candidate of History *A.D. Tsybiktarov*

Ulan-Ude – Chita
Buryat State University Publishing House
2002

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
Исторический факультет

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ПРИБАЙКАЛЬЕ В ДРЕВНОСТИ

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы
д-р. ист. наук *М.В. Константинов*,
канд. ист. наук *А.Д. Цыбиктаров*

Улан-Удэ – Чита
Издательство БГУ
2002

УДК 947
Ц 382

Утверждено к печати редакционно-издательским советом Бурятского государственного университета и Ученым советом Забайкальского государственного педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского

Рецензенты

И. В. Асеев - д-р ист. наук, глав. науч. сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН

О.В. Кузнецов - канд. ист. наук, стар. науч. сотрудник Читинского областного краеведческого музея им. А. К. Кузнецова

The Ancient Central Asia and Transbaikalia: Collection of scientific works /
Ts. 382 Edited by M.V. Konstantinov and A.D. Tsybiktarov. – Ulan-Ude – Chita: Buryat State University Publishing House, 2002. – 204 p.
ISBN 5 – 85213 – 605 – 0

The book contains articles by home and Mongolian researchers devoted to different aspects of the ancient history of Central Asia and Transbaikalia beginning from the Paleolithic Age up to the Middle Ages. The collection introduces field materials assembled by the authors of the articles, and also taken from foreign editions, which are inaccessible to home researchers. The results of various material, descriptive and literary texts analysis, reflecting different aspects of the history of the ancient population of Asia beginning from the Stone Age up to the Middle Ages are published in the book. They also consider some results of the study of the Paleolithic soil found in stonework burial complexes on the territory of South Transbaikalia and which date back to the Bronze and Early Iron Age.
The book is addressed to archaeologists, historians, students and local historians, those who are interested in the problems of the ancient history of Central Asia, Transbaikalia and South Siberia.

ISBN 5 – 85213 – 605 – 0

© Buryat State University, 2002
© Transbaikalian State Pedagogical University, 2002

Центральная Азия и Прибайкалье в древности: Сб. науч. тр. / Под ред.
Ц 382 М.В. Константинова и А.Д. Цыбиктарова. - Улан-Удэ-Чита: Издательство Бурятского госуниверситета, 2002. – 204 с.
ISBN 5 – 85213 – 605 – 0

Сборник содержит статьи отечественных и монгольских исследователей, освещающие самые разные аспекты древней истории Центральной Азии и Прибайкалья от эпохи палеолита до средневековья. В них вводятся в научный оборот материалы полевых исследований авторов, а также из зарубежных изданий, малодоступные отечественным исследователям, публикуются результаты анализа разнообразных вещественных, изобразительных и письменных источников по разным аспектам истории древних обществ этих регионов Азии широкого хронологического диапазона от древнекаменного века до средневекового времени. В сборнике рассматриваются и результаты изучения палеопочв из-под кладок плиточных могил эпохи бронзы и раннего железа Южного Забайкалья.
Издание предназначено для археологов, историков, а также студентов и краеведов, интересующихся проблемами древней истории Центральной Азии, Прибайкалья, Забайкалья и Южной Сибири.

ISBN 5 – 85213 – 605 – 0

© Бурятский госуниверситет, 2002
© Забайкальский госпедуниверситет, 2002

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОИСКА И ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В БУРЯТИИ

Л.В. Лбова

Работы выполняются при поддержке РФФИ №01-06-80355, РГНФ №01-01-00295а, Интеграционной программы СО РАН №74

Палеолитическое население азиатских территорий играло важную роль в формировании первобытной ойкумены. Изучение древнейших этапов заселения и освоения человеком территорий Северной и Центральной Азии являются приоритетными в современной общесибирской археологической проблематике. Среди основных тематических направлений в археологии Бурятии за последние годы также оформились и получили развитие исследования в области палеолитоведения. Накоплен значительный объем знаний в области археологии палеолита, четвертичной геологии и стратиграфии, палеонтологии, палеоклиматологии, позволяющий решать вопросы ранних культурно-исторических процессов, а также реконструкции среды обитания и палеоэкологии древнего человека. В соответствии с современными требованиями научной достоверности, необходимость четкого и аргументированного обоснования наиболее ранних в истории человечества палеолитических комплексов артефактов, их общего геологического и биологического контекста, хроностратиграфической позиции является одним из основных (приоритетных) направлений современного палеолитоведения, определяющих постановку проблемы поиска и изучения древнейших комплексов и в Забайкалье.

В настоящее время признается, что Центральная и Восточная Азия была очагом эволюционных импульсов для многих таксонов млекопитающих и ареалом распространения высокоразвитых в эволюционном отношении приматов. Исследования в Центральной и Северной Азии сформировали солидную источниковую базу по раннему этапу истории человечества с выделением разновидностей предметных комплексов.

Обзор раннепалеолитических азиатских комплексов показывает, что для большинства индустрий характерны раннепалеолитические технологии с приемами параллельного и леваллуазского расщепления, истоки которых наиболее отчетливо прослеживаются в ашельских индустриях западных районов Евразии (Кавказ, Левант). Такие индустрии обнаружены в Средней Азии и Казахстане (Мангышлак, Мугоджары, сборы на северо-востоке Каратау, в Северном Прибалхашье, на Казахском мелкосопочнике и др.); в Монголии (Ярх, Дно Гоби, Кремневая долина, Цаган Агуй и др.); в Кузнецкой котловине (МК-1); в Туве (Торгалык А); в зоне размыва Красноярского водохранилища (Каменный лог и Верхний камень); в Приангарье в материалах олонского пласта; на территории Китая (Кэхэ, Гунванлин-Ланьтян и др.) (Окладников, 1981; Окладников, Абрамова, 1994; Абрамова, 1994; Каменный век...., 1990; Деревянко и др., 1994, 2000; Ларичев, 1969). В коллекциях присутствуют нуклеусы с элементами леваллуазской техники и параллельного расщепления, образцы бифасиальных изделий (лимандов, протолимандов, рубила овальной и миндалевидной и подтреугольной формы), скребловидные изделия, зубчато-выемчатые формы. Отсутствие в ранних восточноазиатских индустриях развитой стандартизированной технологии, отличия в орудийных наборах рассматриваются как аргумент в гипотезе западного происхождения технико-типологической, леваллуазской и бифасиальной основы раннего палеолита Центральной Азии (Шуньков, 2001).

Комплексы, представленные памятниками Чжоукоудянь, Юншань в Китае, Кошкурган-1 в Казахстане, Разлог-2 и Разлив на р. Енисей, индустрий тарахайского пласта Приангарья, Диринг-Юрях в Якутии составляют субстрат так называемых галечных индустрий (Абрамова, 1994; Деревянко и др., 1994, 2000; Медведев, 1983; Мочанов, 1992; и др.). В комплексах артефактов преобладают радиальные и ортогональные нуклеусы, чопперы и чоппинги, орудия с обушком на долечных сколах.

Древнейшие комплексы азиатского палеолита вызывают немало дискуссий, их оценка затруднена ввиду малочисленности находок, неясности хронологии, а представленные разнообразные варианты индустрий характеризуют, очевидно, не только хронологические, но и биологические, и культурные - (?) варианты и стадии развития социумов.

В рамках обозначенной проблемы представляемые материалы раннепалеолитического комплекса Засухино, открытого нами в 2000 г., вызывают особый интерес как древнейшего в Забайкалье, а возможно и в Байкальском регионе, с сохранившимся биостратиграфическим контекстом.

Геологические и палеонтологические данные. Итанцинская впадина расположена между хребтами Улан-Бургасы и Морским, вдоль подножий которых прослеживаются конусы выноса и делювиальные шлейфы. Здесь располагаются известные в четвертичной геологии и палеонтологии разрезы антропогеновых отложений Клочнево и Засухино, на которых отрабатывалась схема развития кайнозойских отложений Восточного Прибайкалья (Резанов, 1988). Интересующий нас комплекс Засухино располагается на правобережье р. Итанцы, в 1,5 км западнее дер. Засухино, или в 5-6 км от с. Турунтаево (Прибайкальский район Бурятии). Объект был открыт и изучался И.Н. Резановым в 1966 г., позднее исследовался в 1978 г. объединенным палеонтологическим отрядом (Э.А. Вангенгейм, М.В. Сотникова, М.А. Ербаева и др.), в 1980 г. - геологами И.Н. Резановым и Д.Б. Базаровым, в 1989-90 гг. палеонтологом Н.П. Калмыковым, в 2000 г. археологами Л.В. Лбовой и др. Неоднозначный подход к палеонтологическому и геологическому обоснованию возраста отдельных толщ местонахождения Засухино, открытие комплексов артефактов (изделий с искусственной обработкой) в нижне и среднеплейстоценовых осадках, а также возможность построения сквозной климато-стратиграфической схемы всего антропогена для юго-восточного Прибайкалья определили актуальность и новизну современного этапа исследований Засухинского разреза.

Сводная стратиграфическая картина (Резанов, 1988), с корреляцией палеонтологических комплексов (Калмыков, 1986, 1999) и открытых в 2000 г. археологических комплексов (Резанов, Лбова, 2001), представляет собой следующее (рис.1).

1 пачка. В основании разреза на зеленоватых щебнисто-дресвяных суглинках, представляющих кору выветривания конгломератов байкальской свиты, залегают красновато-бурые и красновато-коричневые суглинки с белесыми полосами и пятнами, с тонкими слойками мелкой дресвы, а также с дресвой, рассеянной по всей толще. В верхней части этой пачки в виде коричневых полос и пятен отмечаются остатки размытой ископаемой почвы. Верхняя граница толщи, четкая и неровная, резко понижается (на 3-3,5 м) в сторону погребенного тальвега древней лощины. Видимая мощность красновато-бурых суглинков - 3,5 м. В них найдены остатки мелких млекопитающих, в частности, корнезубые полевки и цокор, что позволило датировать эту толщу концом плиоцена (Алексеева и др., 2000).

2 пачка. Переслаивание светло-коричневых, кремовых и красновато-коричневых суглинков, включающих прослои и линзы (до 20-30 см) щебня, дресвы и слабоокатанного гравия с разнозернистым грубым песком. Мощность прослоев суглинка от 2-3 до 10-15 см, слоистость волнистая, общая мощность - 1,8-3,0 м. Найдены остатки крупных млекопитающих: носорога, санмэньской лошади (форма 1), оленей, бизона (очень мелкая форма) (Вангенгейм, Сотникова, 1981). Здесь встречены первые представители родов лошадей, носорогов (в том числе итанцатерциумов), бизонов, спироцерусов (антилоп). Мелкие млекопитающие представлены различными пищухами, сусликами, мелкими грызунами, сибирскими сурками. Геологический возраст этих отложений оценивается ранним эоплейстоценовым временем (1.8-1.3 млн. л.н.) (Агаджанян, Ербаева, 1983; Калмыков, 1990).

Фаунистический комплекс второй толщи синхронизируется с поздним виллафранкским этапом развития биоты в Северной Монголии (булганский комплекс, Бурал-Обо и Орхон 2б), в юго-восточной Азии соответствует отложениям опорного разреза Сангиран, содержащим в формации Пуканган комплекс фауны и остатки древнейших гоминид (Калмыков, 1999).

3 пачка. Выполняет овраг, выработанный в отложениях пачек 1 и 2. Состоит из палевых и коричневато-палевых грубых несортированных отложений: дресвы, щебня, мелких глыб и суглинков. Внутри этой пачки имеются отдельные куски красновато-коричневых суглинков пачки 1 (нижней), которые обвалились при подмыве стенок оврага. Вблизи тальвега ископаемого оврага в нижнюю часть пачки 3 вклиниваются языки красновато-бурых и белесых суглинков с размытой ископаемой почвой. Мощность - 3-4,5 м. Очевидно, эти отложения выполняют глубокий врез в контуре древнего лога и представляют собой овражные образования. Местонахождения ископаемой фауны пачки 3 приурочены к щебнистым прослоям и линзам.

В 1966 и 1969 гг. здесь И.Н. Резановым были собраны многочисленные остатки следующих видов животных: волки, хищники, кошачьи, мамонт, санмэньская лошадь, примитивная лошадь, носороги, олени различных форм, жираф (?), винторогие антилопы, горные бараны, бизоны, пещерный лев, широколобый лось, южный слон (определения В.С. Кожамкуловой, К.Ж. Жилкибаева и Л.Т. Мусакуловой) (Базаров и др., 1976; Резанов, 1988). Вместе с костями крупных млекопитающих были встречены фрагменты скелетов мелких млекопитающих: пищухи, суслик, сурок, даурский некорнезубый цокор, даурский хомячок (определения М.А. Ербаевой).

Новые находки, обнаруженные в процессе работы 1978 г., представлены остатками бобра, енотовидной собаки, волчьими, древнего красного волка, медведя, росомахи (гуло), китайской гиены, кошачьими, овцебыком, винторогом Вонга (Вангенгейм, Сотникова, 1981), а также мелких млекопитающих (Агаджанян, Ербаева, 1983). Этот список характеризует заключительные фазы развития эоплейстоценовых млекопитающих в Забайкалье и позволяет отнести фауну пачки 3 к концу времени существования таманского фаунистического комплекса.

К аналогичному выводу пришел Н.П. Калмыков. Он полагает, что присутствие в фауне крупных млекопитающих - южного слона и санмэньской лошади ранней формы - также дает основание сопоставить ее с таманским комплексом и датировать толщу 3 поздним эоплейстоценом (1.3-0.8 млн. л.н.). В качестве аналогов приводятся комплексы Налайха в Монголии, формация Нихэвань, Саньмэнь, Юши (между эпизодами Харамильо и Олдувэй), тринильская фауна о. Ява с присутствием в комплексе гоминид (Калмыков, 1990; 1999).

4 пачка. Характеризуется как типично овражные, грубые отложения, представляющие собой гравий глинистый с редким включением крупных обломков, переслоенный грубыми невыдержанными по простиранию и мощности прослоями плохо отсортированного щебня с дресвой и песком горизонтальной и косослойчатой текстуры. Отложения «прислоненные преимущественно к пачке 2 и ограниченные сверху ясно выраженной, хотя и размытой погребенной почвой» (Резанов, 1988, с.38) Состоит из щебня, дресвы, слабоокатанного гравия и гальки с суглинистым заполнителем. Отложения несортированные, имеют косую, волнистую, местами перекрестную слоистость. Мощность - 2- 4 м.

5 пачка залегает с размывом на 2 и 4, ограничена сверху размытым горизонтом погребенной почвы. Отложения представлены оранжево-коричневыми, местами пестро окрашенными суглинками, с редкими, невыдержанными по простиранию прослоями мелкого щебня, дресвы и песка, белесыми полосами. Мощность - 1-2,2 м.

Отложения, представленные пачками 4 и 5 в Засухинском разрезе, несомненно, являются поздними стратиграфическими горизонтами. Овражные образования пачки 4 не соприкасаются с отложениями пачки 3, но для перекрывающих эти образования оранжево-коричневых суглинков пачки 5 эти взаимоотношения устанавливаются (Резанов, 1988). Пачки 4 и 5 разделены между собой отчетливо выраженным горизонтом ископаемой почвы, после которого последовало накопление мощной толщи коричневато-палевых, сероватых отложений, резко отличающихся от нижних. Мелких млекопитающих характеризуют бесцементная корнезубая полевка, тушканчик и бобр (Калмыков, 1999).

В пачке 5 отмечены мелкие грызуны, пищухи, суслик, сурок (определение М.А. Ербаевой). Н.П. Калмыковым зафиксировано присутствие плотоядных хищников (волчьих, гиены, медведя), хоботных, непарнопалых (южного слона, санмэньской лошади), оленьих, полорогих (бизон). Биотическая составляющая экосистемы соответствует раннему или нижнему неоплейстоцену (0.8-0.4 млн. л.н.) (Калмыков, 1990, 1999).

Как отмечает И.Н. Резанов, хотя список ископаемой фауны и не указывает на явную принадлежность вмещающих отложений к нижнему плейстоцену, геологическая позиция этих двух пачек свидетельствует о том, что они формировались вслед за накоплением пачки 3, фаунистически охарактеризованной таманским временем (1.3-0.8 млн. л.н.). По данным Н.П. Калмыкова, возраст 4 толщи однозначно относится к нижнему плейстоцену, а 5 к первой половине среднего плейстоцена (0.8-0.4-0.13 млн. л.н.).

В качестве аналогов приводится Тологойский комплекс фауны (средняя толща), который считается аналогом синантроповой фауны Северного Китая, вероятным аналогом вяткинского комплекса Западной Сибири и тираспольского Восточной Европы (Вангенгейм, 1977). Присутствие в фауне санмэнь-

ской лошади, тологойского носорога и винторогой антилопы свидетельствует о тесном фаунистическом обмене между территорией юго-восточного Прибайкалья и Центрально-Азиатской палеозоогеографической подобластью в раннем плейстоцене (Калмыков, 1999).

6 пачка состоит из лессовидного, тонкого, светлого коричневато-палевого, сероватого суглинка, в котором заключены крупные куски суглинка пачки 5. Слоистость лессовидных суглинков тонкая параллельная и косоволнистая. Мощность - 1,5-3,5 м. В слое найдены остатки многочисленных млекопитающих, представленных различными геологическими эпохами и отражающих механическое смешение древних и молодых форм и, как полагает И.Н. Резанов (1988), не характеризуют истинного времени размыва. Накопление 6 толщи происходило в условиях сокращения древесных форм и возрастания роли травянистых растений, что свидетельствует о похолодании и иссушении климата. Среднеплейстоценовую фауну характеризуют гастроподы, орнитофауна (коростель, чирок-свистун), мелкие млекопитающие (Калмыков, 1999). В целом же большинство исследователей относят эту толщу ко времени среднего неоплейстоцена (0.4-0.13 млн. л. н.) (Равский и др., 1964; Базаров, 1968; Антощенко-Оленев, 1975).

7 пачка - лессовидный суглинок коричневато-палевый, связанный с суглинком нижележащего слоя постепенным переходом. Заметны редкие прослои песка и мелкой дресвы, а также полосы темно-коричневой размытой почвы и охристые пятна. Слоистость тонкая, местами слегка наклонная. Мощность от 1 до 11 м. Определяется позднеплейсто-ценовым возрастом. Венчает разрез бурый слой современного почвенного горизонта.

Археологические материалы. В отмеченных выше погребенных почвах, выделенных в толщах 4 и 5, нами зафиксированы фауна и артефакты. Находки последних свидетельствуют о присутствии человека в столь раннее время территории Прибайкалья, поэтому более точное определение возраста культуросодержащих отложения становится остро актуальным.

Условно нами выделено 4 комплекса, имеющие различный стратиграфический контекст. В рамках общего геологического разреза комплексы зафиксированы в зоне контактов 3 и 6, 4 и 6, 5 и 6 выделяемых толщ. Таким образом, по геологическим и палеонтологическим материалам культуросодержащие отложения не могут быть моложе среднеплейстоценового возраста.

Пункт 1 - зафиксирован в западной стенке основного палеонтологического раскопа и представлен единичной находкой - изделием из мелкозернистой гранитной гальки, приуроченным к низам 6 толщи. По морфологии орудие может быть квалифицировано как изделие с выступом, или орудие с носиком. В фауне присутствуют кости мелкого парнокопытного (типа косули).

Пункт 2 - отмечен в центральной части Засухинского разреза. Артефакты приурочены к двум прослоям, первый представлен шоколадным суглинком, ограниченным щебнисто-дресвянистыми прослоями; второй к темно-бурой супеси, с включением щебня. Слои стратиграфически разделены серовато-зеленым прослоем суглинка с редким включением дресвы, мощностью 25-20 см.

Комплекс 1 представлен двумя отщепами из кварцита и мелкозернистого гранита. Первое изделие характеризует долечное расщепление, артефакт с сохранившейся галечной корочкой. Второе - отщеп с ныряющим дисталом, на дорсале которого отмечены негативы центростремительных сколов (рис. 2-*5*).

Комплекс 2 - является наиболее ярким и представительным. В разрезе зафиксирована конструкция, которая, возможно, могла служить боковой обкладкой очага (?). Выполнена из крупных слабоокатанных галек (видимая длина обкладки 70 см), внутри которой и за ее пределами отмечены угольные прослои толщиной до 2 см. Под камнями и внутри обкладки зафиксированы фрагменты кости со следами резания и термической обработки. Из коллекции предметов, обнаруженных в расчистке, 7 являются несомненными артефактами со следами искусственной обработки. Из них: 2 отщепа типа цитрон из кварцита с намеренно организованными выемками (выемчатые орудия) (рис.2-*7*); отщеп жильного кварца (рис.2-*3*); 2 скола с рабочей кромкой; пренуклеус (галька со следами опробования); орудие типа чоппинга из гранитогнейса с негативами конвергентных снятий, образующих выступ (орудие типа сечки). Также обнаружены 4 рассеченные гальки различных пород (в т.ч. кварца, кварцита, гранита). Фаунистический комплекс представлен фрагментом плечевой кости крупной лошади (возможно, санмэньская форма или древний кулан) и фрагментом голени хищника (определения А.М. Клементьева).

Пункт 3 - расположен в зоне довольно сложной для стратиграфического определения. Этот участок является тальвегом древнего оврага, стратиграфически нарушенной, поэтому более ранние по возрасту костеносные линзы находятся выше по разрезу. Комплекс зафиксирован в нижней части 5 пачки, в дресвяно-щебнистом прослое. Артефакты представлены фрагментом терки-отбойника с хорошо выраженной рабочей поверхностью и плоскостью раскалывания, орудием типа «боло» (отбойник-?) округло-полиэдрической формы (рис.2-*1*), 2 отщепами со следами сработанности на кромке, галькой с двумя конвергентными сколами (чоппинг-?) (рис.2-*6*), 5 опробованными мелкими галечками. Фауна характеризуется фрагментами костей и зубов носорога, бизона (мелкая форма), лошади.

Пункт 4* - зафиксирован по правому борту древнего оврага, практически у восточной стенки основного палеонтологического раскопа. Здесь также отмечено 2 уровня залегания артефактов, приуроченных к нижней части щебнистого суглинка, с пятнами ожелезнения, слабовыраженной слоистостью. Культуросодержащие горизонты разделены стерильной прослойкой суглинка сероватого оттенка мощностью до 30см. Культуросодержащие отложения контактируют в зоне расчистки с пестроокрашенной пачкой суглинков - 2 пачки и суглинка красновато-коричневого тона - 1 пачки. Создается впечатление более глубокой геологической древности выявленного комплекса, однако, учитывая сложный характер геологических напластований на этом участке фронтального разреза, можно предполагать и наличие стратиграфического перерыва, размыва нижележащих осадков и возможную хронологическую близость описанной выше паре комплексов пункта 2.

Набор артефактов не имеет принципиального различия и представлен отщепом из кварца типа цитрон (рис.2-*4*), половинкой орудия типа терки-отбойника (рис.2-*2*), фрагментом терки. Фауна представлена фрагментами зубов и пястной кости лошади и небольшим количеством колотой неопределимой кости.

Выявленные комплексы характеризуют галечную технику, выделяемую рядом исследователей как особую разновидность расщепления галечного сырья. В Засухинском комплексе галечная техника представлена, в основном, в системе долечного расщепления. В единичном случае представлено подперекрестное, биполярное и ортогональное расщепление. Основное сырье для артефактов - жильный кварц, кварцит, гранито-гнейсы (гнейсированные породы), гранит.

Предварительные результаты абсолютного и относительного датирования. Несомненно, на настоящем этапе исследования оценка выявленных комплексов затруднена ввиду малочисленности находок, неясности в ряде случаев искусственности обработки, неопределенности геостратиграфической позиции и в том числе общей проблемы определения возраста культуровмещающих отложений (пачки 3, 4 и 5 разреза).

По совокупным данным подстилающие пачки 1, 2, 3 определены соответственно концом плиоцена, нижним и верхним эоплейстоценом (согласно общей Стратиграфической шкалы четвертичной системы, 1995г.). По геолого-палеонтологическим данным пачки 4 и 5, содержащие в фауне представителей вяткинского комплекса, возраст которого оценивается не моложе 400 тыс. лет назад (Вангенгейм, Сотникова, 1981; Калмыков, 1999), отнесены к нижнему звену неоплейстоцена (800-400 тыс. л. н.). Перекрывающие отложения пачки 6 большинством исследователей определяются средним звеном неоплейстоцена (400-130 тыс. л. н.)

На основании изучения магнитных свойств, палеомагнитной характеристики и диагностики отложений в исследованиях 1970-х гг. (Гнибиденко, Ербаева, Поспелова, 1976) были сделаны следующие заключения. Суглинок красновато-коричневый и красновато-бурый, в кровле которого отмечается ископаемая почва, как нам представляется, соответствует пачке 2 (авт.). Породы обладают обратной намагниченностью и отнесены к хрону Матуяма (т.е. древнее 780 тыс. лет), что подтверждается и фаунистическими определениями. Верхняя часть разреза представлена суглинком светло-палевым, легким со столбчатой отдельностью, с гипсовыми образованиями.

Эти отложения имеют прямую полярность и отнесены к хрону Брюнес (т.е. моложе 780 тыс. лет) (заключение З.Н. Гнибиденко).

В 2000 г. нами было отобрано 15 образцов по разрезу на РТЛ-датирование, прове-

* Материалы 2000 г. В 2001г. зафиксировано 5 культурных горизонтов среднего - нижнего неоплейстоцена.

денное в Геологическом институте СО РАН, к.г.-м.н. А.В. Переваловым. Полученные результаты методом радиотермолюминисцентного датирования подтверждают правильность заключений, сделанных ранее. Для культуросодержащих отложений (пачки 4 и 5) - более 700-900 тыс. л.н. (№432,437,438), для перекрывающих отложений (пачка 5 и 6) - 550 и 190 и тыс. л. н. (№446, 444).

Таким образом, по совокупности данных геостратиграфии, палеонтологии, палеомагнитного и РТЛ-датирования, культуросодержащие отложения оцениваются в пределах нижнего звена неоплейстоцена, т.е. 800-400 тыс. л. н. Как нам представляется, по альпийской стратиграфической шкале культуровмещающие отложения могут быть датированы гюнц-миндельским периодом. Более точно можно определиться после дополнительных комплексных исследований. Особое внимание будет уделено палеопедологическому изучению отмечаемых всеми исследователями почвенных горизонтов, к которым приурочены комплексы артефактов. Несомненно, на настоящем этапе изучения разреза оценка выявленных комплексов артефактов затруднена. Не решены окончательно вопросы хроностратиграфической позиции и корреляции культуросодержащих отложений (работы 2000 г. носили предварительный характер), условий тафономии палеонтологических и археологических остатков, остается общая проблема определения абсолютного возраста культуровмещающих пачек, подстилающих и перекрывающих отложений и т.д. В любом случае, примечателен сам факт открытия стратифицированных комплексов артефактов в восточном Прибайкалье (территория Бурятии), в более древних геологических отложениях, чем было известно ранее.

1. *Абрамова З.А., 1994.* Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. -С.-П.: Наука. - С.63-135.
2. *Алексеева Н.В., 2000. Борисова Н.Г., Ербаева М.А., Хензыхенова Ф.И., Шушпанова Г.Г.* Новые данные о похолодании климата в плейстоцене и этапы развития фауны мелких млекопитающих Забайкалья // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири - Новосибирск: Изд. ИАЭ СО РАН. - С.5-17.
3. *Агаджанян А.К., Ербаева М.А., 1983.* Позднекайнозойские грызуны и зайцеобразные территории СССР. - М.: Наука.- 190 с.
4. *Антощенко - Оленев И.В., 1975.* Кайнозой Джидинского района Забайкалья. - Новосибирск: Наука. - 126 с.
5. *Базаров Д-Д.Б. 1968.* Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья - Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во. - 166 с.
6. *Вангенгейм Э.А., 1977.* Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогенеза Северной Азии. - М.: Наука. - 172 с.
7. *Вангенгейм Э.А., Сотникова М.В., 1981.* Геология и фауна млекопитающих местонахождения Засухино, Западное Забайкалье // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. - № 51. - С. 106-117.
8. *Гнибиденко З.Н., Ербаева М.А., 1976. Поспелова Г.А.* Палеомагнетизм и биостратиграфия некоторых отложений верхнего кайнозоя Западного Забайкалья // Палеомагнетизм мезозоя и кайнозоя Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука. - С. 75-95.
9. *Деревянко А.П., Маркин С.В., 1994. Васильев С.А.* Палеолитоведение. Введение и основы. - Новосибирск: Наука. - 287с.
10. *Деревянко А.П., Олсен Д., 2000. Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н.* и др. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997-1998 гг. -Новосибирск: Изд. ИАЭт СО РАН.- 384с.
11. *Каменный век Монголии.* Палеолит и неолит Монгольского Алтая. -Новосибирск: Наука, 1990.- 646с.
12. *Калмыков Н.П., 1990.* Фауна крупных млекопитающих плейстоцена Прибайкалья и Западного Забайкалья. - Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО АН СССР.- 116с.
13. *Калмыков Н.П., 1999.* Эволюция экосистем бассейна оз. Байкал в позднем кайнозое. - Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН. - 112 с.
14. *Ларичев В.Е., 1969.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. -Ч.2: Азия и проблема прародины человека. История идей и исследования. -Новосибирск: Наука. - 390 с.
15. *Медведев Г.И., 1983.* Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис... . докт. ист. наук.- Новосибирск.- 44 с.
16. *Мочанов Ю.А., 1992.* Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. - Новосибирск: Наука.- 252с.
17. *Окладников А.П., 1981.* Палеолит Центральной Азии. Мойлтын-ам (Монголия). - Новосибирск: Наука. - 460 с.
18. *Окладников А.П., Абрамова З.А., 1994.* Палеолит Центральной Азии - Монголии// Палеолит Центральной и Восточной Азии. -С.-П.: Наука.- С.7-60.
19. *Равский Э.И., Александрова Л.П., 1964. Вангенгейм Э.А., Гербова В.Г., Голубева Л.В.* Антропогеновые отложения юга Восточной Сибири // ТГИН.- Вып. 105.- М.: Наука. - 336 с.
20. *Резанов И.Н., 1988.* Кайнозойские отложения и морфоструктура Восточного Прибайкалья. - Новосибирск: Наука. - 128 с.
21. *Резанов И.Н., Лбова Л.В.* Перспективы комплексного исследования Засухинского разреза антропогеновой толщи Итанцинской впадины (восточное Прибайкалье) // Новосибирск: Изд. ИАЭ СО РАН, 2001 (в печати).
22. *Шуньков М.В., 2001.* Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая: Автореф. д-ра ист. наук. - Новосибирск.- 54 с.

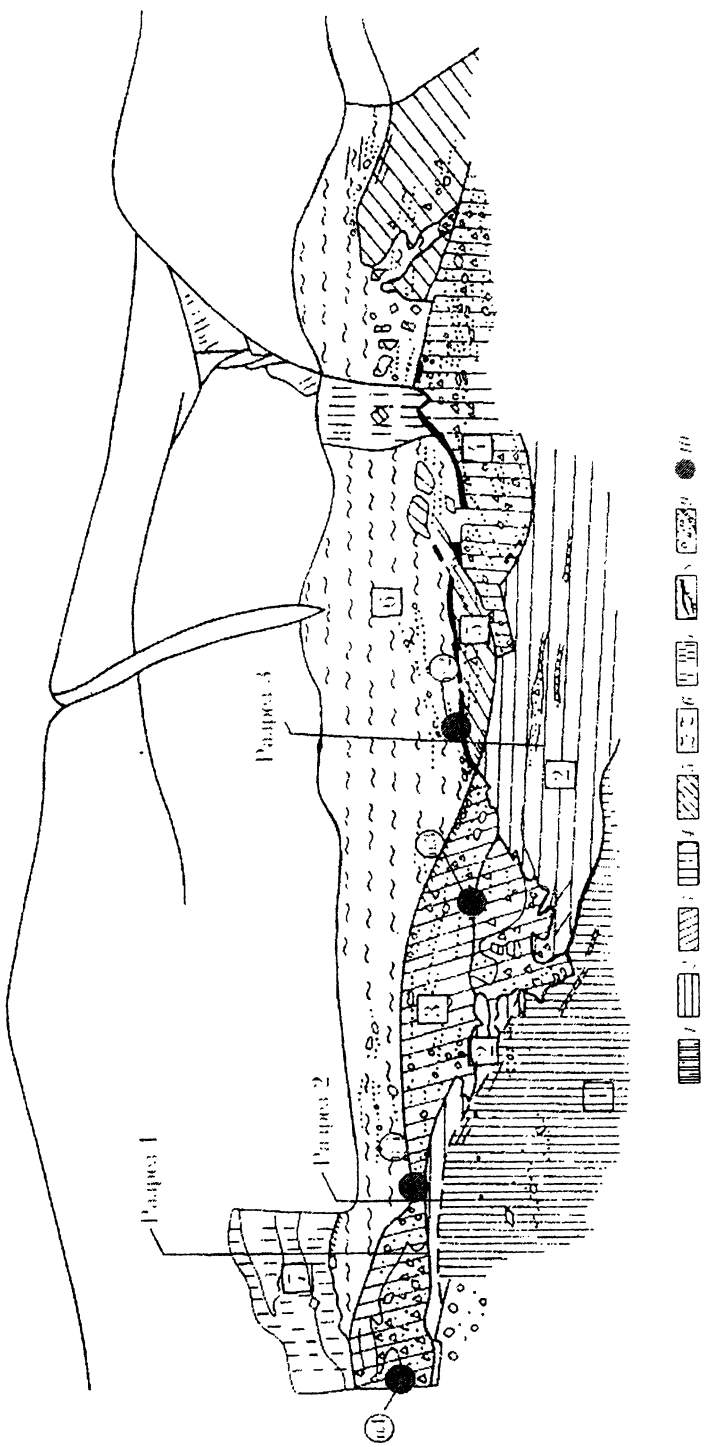


Рис. 1. Итанцинский геоархеологический район. Объект Засухино. Схема строения разреза антропогенной толщи. 1-7 пачки: 1 красновато-бурый и красновато-коричневый суглинок: 2 – светло-коричневый, кремовый и красновато-коричневый суглинок с прослоями щебня: 3 – щебнистый суглинок с линзами щебня; 4 – овражный аллювий: щебень с дресвой и галечником на суглинистом заполнителе; 5 – оранжево-коричневый и пестроокрашенный суглинок с дресвой и щебнем; 6 – коричневато-палевый суглинок с обломками породы пачки 5: отложения; 10 – комплексы артефактов.

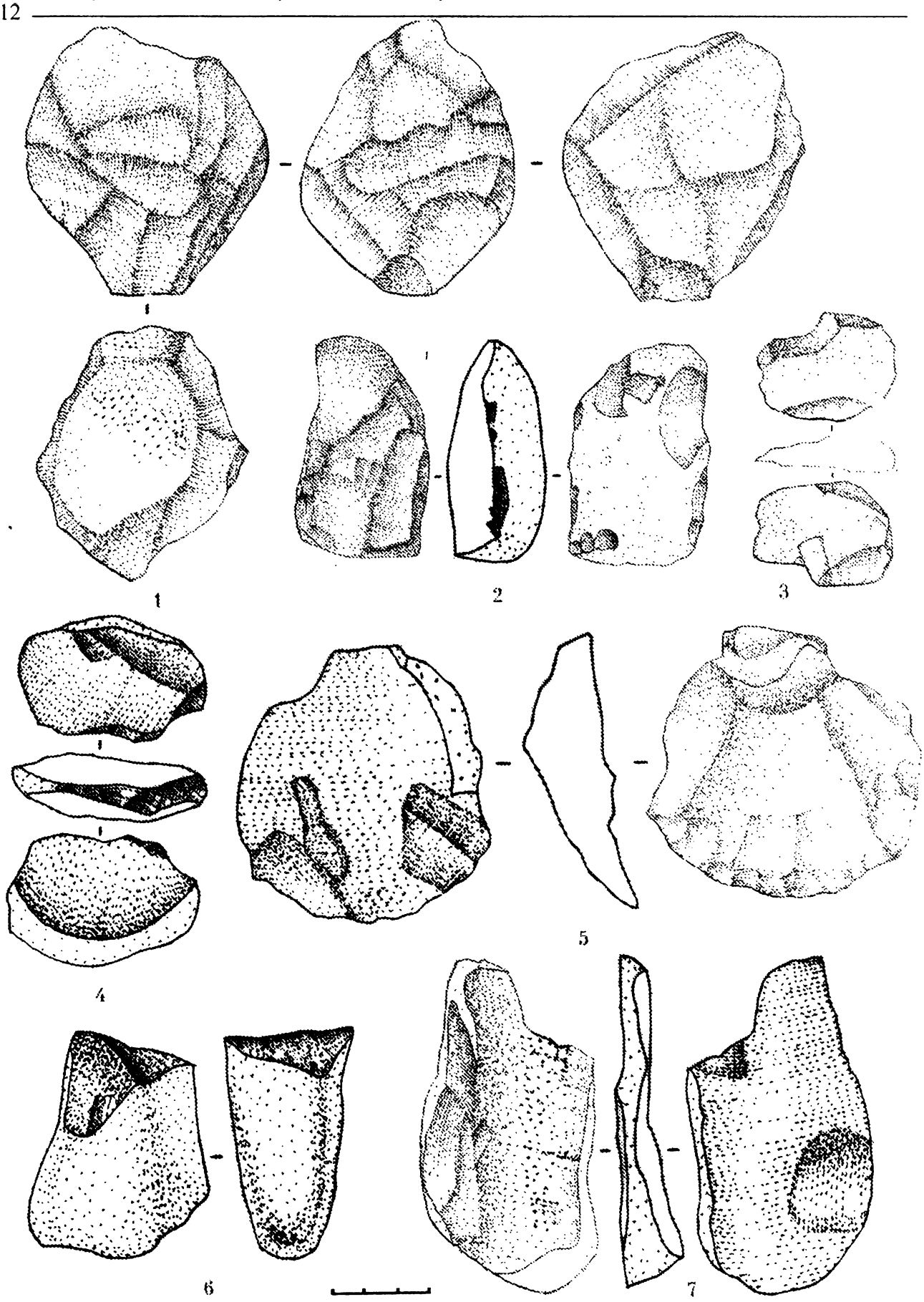


Рис. 2. Засухино. Археологический материал комплексов 2, 3, 4.

АНАЛИЗ 17 КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА ПОСЕЛЕНИЯ СТУДЕНОЕ - 1

И.И. Разгильдеева

В последние годы исследование археологических памятников все более отмечается совершенствованием методик раскопок, это значительно расширило степень информативности новых данных и закономерно привело к необходимости переосмысления полученных ранее. В Забайкалье накоплен обширный материал по верхнепалеолитическим памятникам с жилищно-хозяйственными комплексами, которые дают разнообразные варианты социально-экономических реконструкций. Большую роль в их достоверности играет применение планиграфического анализа, который давно перерос уровень закономерностей пространственного размещения артефактов, превратившись в комплексный метод исследований, включающий широкий спектр направлений (A. Leroi-Gourhan, M. Brezillon, M. Olive, N. Pigeot, Н. Леонова, В. Сергин и др.).

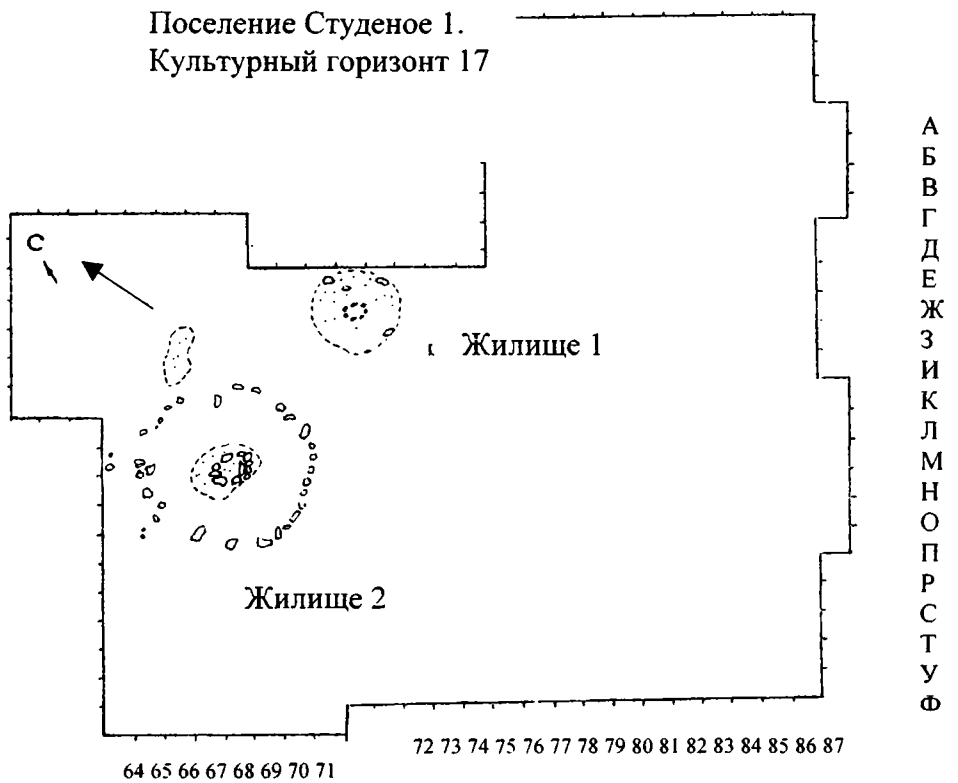


Рис 1.

Многослойное поселение Студеное 1 (Красночикойской район Читинской области) приурочено к I надпойменной террасе р. Чикой, высота террасы по бровке равна 5,0 - 6,0 м. Культурные горизонты (К/г) располагаются в разрезе отложений, охватывая его от современной верхней поверхности до кровли галечника. К/г 14 - 19/4 датируются временем конца палеолита и содержат остатки 10 верхнепалеолитических жилищ. (Константинов, 1994, с.71-78).

В данной работе делается попытка планиграфического анализа уже известных жилищных комплексов К/г 17. Горизонт вскрыт на площади 488 кв.м и связан с темной суглинистой прослойкой мощностью 5 см, залегающей на глубине 2,68 - 2,73 м от поверхности. С горизонтом связано два хозяйственных комплекса, представленных остатками округлых одноочажных жилищ. При проведении планиграфического анализа К/г использовались методы количественного и пространственного распределения каменного и фаунистического материала. В процессе выполнения работы первичная документация по памятнику была переведена в компьютерную базу данных, на основе программы Microsoft Excel, что позволило значительно ускорить и

расширить возможности статистического анализа. Методика компьютерной статистической обработки, при которой выполнялись разнообразные выборки, строились многоуровневые диаграммы площадей вскрытия, позволила по-новому взглянуть на известные памятники. Для анализа материала составлялись поквадратные схемы - таблицы, в которых отражался количественный и качественный состав каменного инвентаря, учитывался характер присутствия фаунистических остатков. Выполнялись отдельные схемы размещения по типам изделий, формам орудий, характеру продуктов расщепления и дебитажа. Проводилось выявление зон скоплений каменного инвентаря. Границы скоплений (их площадь и форма) изначально определяются по полевым планам раскопов, с нанесенными на них условными обозначениями всеми находками. Состав каменного инвентаря анализировался по характеру сырья, использовались метод аппликации (ремонтажа), технологический анализ, все данные отражались в схемах и рисунках.

На основе выборок по типам археологического инвентаря строились плоскостные диаграммы, при этом учитывались данные со всей изученной площади К/г, в результате уточняется «визуально» считываемая информация относительно выделяемых зон, выявляются участки слоя с неслучайным распределением находок. Для построения диаграмм использовалась стандартная функция программы Microsoft Excel, и в формате легенды диаграмм в шкале данных для выделения реальной площади присутствия артефактов устанавливалось минимальное значение в отрицательных параметрах. Цена основных делений приближалась к тройному среднестатистическому значению количества находок на квадрат вскрытой площади, а минимальное отрицательное значение либо соответствует цене основных делений, либо должно быть на одну - две единицы меньше. Такая градация данных позволяет выявлять скрытые при визуальном анализе зоны со слабым присутствием материала, в ряде случаев показывает «невидимые» взаимосвязи структур. Недостатком является то, что введение минимального шага делений приводит к автоматическому увеличению подразделений, что загромождает саму диаграмму. Так как строится она по алгебраическим законам, происходит геометризация линий построения, что искажает границы скоплений. Границы квадрата диаграммы проходят через центр квадрата плана раскопок, что приводит к несоответствию квадратных сеток планов и диаграмм. Центр реального квадрата приходится на центр пересечения линии сетки диаграммы. Несмотря на эти недостатки, диаграммы позволяют уточнять субъективные наблюдения.

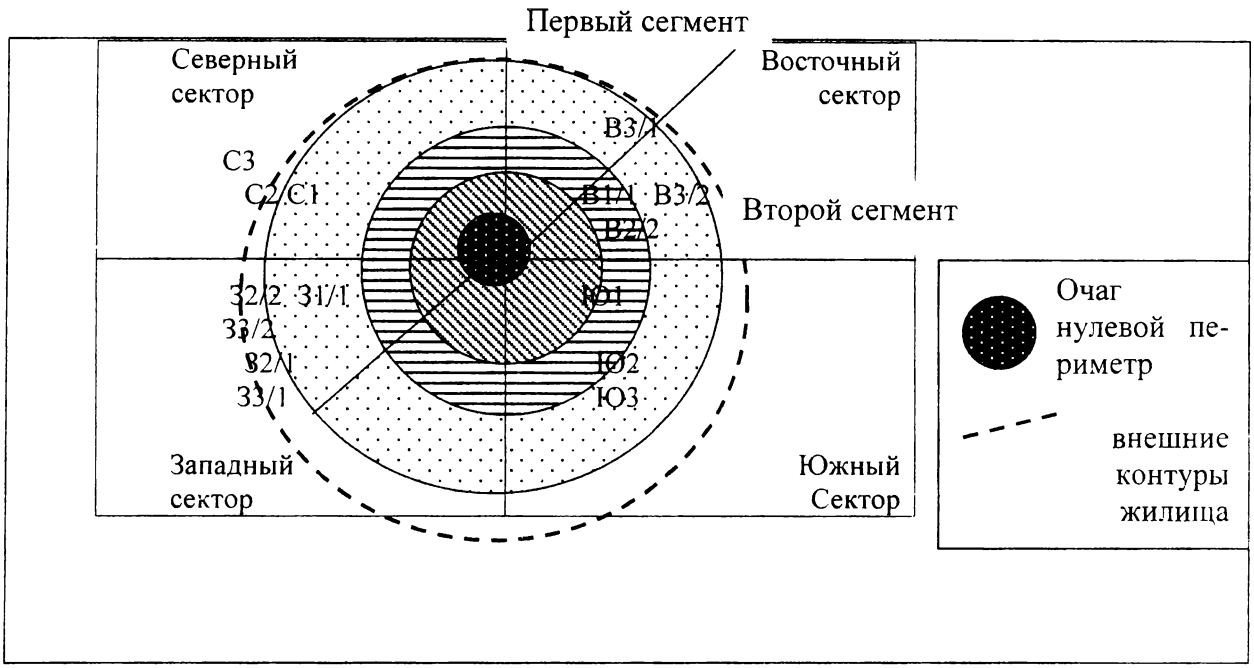
Фаунистические остатки на поселении Студеном, чаще всего, представлены мелкими «рассыпанными» по площади неопределимыми фрагментами костей, включенными в заполнитель слоя, анатомические связки единичны, а определимые кости немногочисленны. При проведении пространственного анализа выполнялись схемы присутствия фаунистических остатков, когда учитывалось не только количество найденных фрагментов, но обращалось внимание на наличие их, как таковых, на изучаемой площади. Наложение схем «присутствия фауны» и скоплений каменного инвентаря уточняет картину поселений, зачастую выявляет «скрытые» связи. Комплексное применение указанных методов имеет большое значение при определении синхронности существования разных структур К/г, выявления внутренних связей жилищ.

Исходя из общего характера верхнепалеолитических жилищ, имеющих четкие границы округлых или овальных очертаний, была применена методика разделения внутренней площади жилища на сектора (с ориентацией по сторонам света) и периметры удаления от очага. Выполнялись схемы жилищных комплексов, с круговыми зонами распределения артефактов, для выявления внутренних зон скоплений, взаимосвязей между отдельными структурами жилищ.

Посередине длинной оси жилища (выбирается максимальное значение) отмечается условный центр, при наличии округлой внешней обкладки центр определяется пересечением длинных осей. Относительно центра жилища строится система координат, оси которой ориентируются по линиям румбов сторон света - северо-восток, юго-запад. При таком построении площадь жилища делится на четыре сектора - северный, южный, восточный и западный. На схемах они получают соответствующее буквенное обозначение - С, Ю, В, З, что устраняет путаницу в описаниях. Определяется местоположение очага относительно центра жилища,

смещение в тот или иной сектор, при сложной линии внешней обкладки жилища - направление изгибов, ориентация входов и т.д. Приняв за константу, что деятельность людей была привязана к очагу, определяется его центр, через который строится вторая система координат, ориентированная как первая, сектора сохраняют свои обозначения. Так как хозяйственная деятельность концентрировалась вокруг очага, дальнейший анализ распределения находок ведется относительно второй системы координат, по условным окружностям - «периметрам».

Условная модель жилища.



Очаг определяется нулевым периметром, границы последующих проводятся через равное расстояние, радиус окружностей вырастает на величину, равную радиусу очага, что в целом отражает соотношение между внутренней площадью жилищ и размерами очагов. Периметры имеют цифровые обозначения 1, 2, 3 и т.д., нумерация ведется от нулевого (очаг). При необходимости сектор делится на два сегмента, разделение проходит по основным линиям координат по сторонам света (север, юг, запад, восток), они получают цифровое обозначение внутри сектора 1 или 2 по часовой стрелке (см. Условную модель жилища). Таким образом, описание, например, скопления находок в первом сегменте второго периметра восточного сектора будет выглядеть - скопление находок «В 2/1».

Первое жилище К/г 17 занимает кв.71-73, д-ж (рис. 2). Округлый очаг (диаметр до 1 м), по периметру выложен 9 речными валунчиками. Камни длиной от 16 до 36 см, лежат на широких плоскостях, расположены вплотную или на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга. Заполнение очага представляет углисто-сажистую массу (мощность до 2 см). Вокруг очага черная углистая масса в виде тонкой пленки образует пятно диаметром до 3 м, контуры его четко выделяются на фоне желтого суглинка. По краю пятна - с южной, восточной и северной сторон, - находились три валунчика, отмечающих внешнюю границу жилища. С западной стороны, посередине между камнями обкладки очага и камнем внешней обкладки, отдельно лежит уплощенный валунчик. Вокруг очага по всей поверхности углистого пятна располагаются находки: фрагмент пластинки, 245 отщепов и 260 чешуек. В восточном секторе находился нуклевидный желвак. Практически все отщепы и чешуйки являются результатом расщепления одной конкреции сырья. Из-за хрупкости породы отщепы неправильных, аморфных очертаний, без выраженных рабочих кромок. Продукты дебитажа распределены по пятну равномерно, их количество уменьшается по мере удаления от очага. Орудия, представленные в жилище 1, вы-

полнены из другого сырья: отщеп с ретушью по боковым сторонам и вогнуто-выпуклой рабочей кромкой. В секторе «С 1», недалеко друг от друга лежали скребло и скобель.

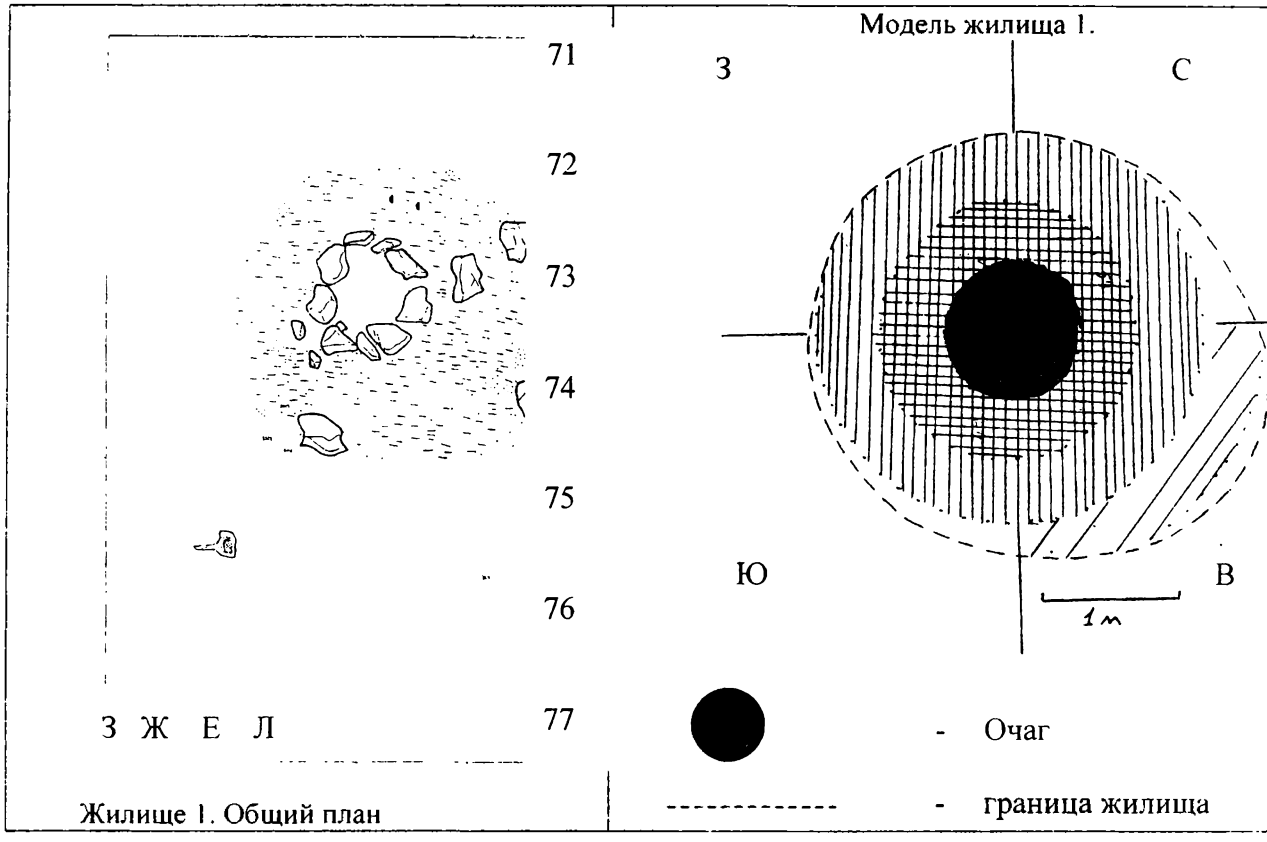


Рис. 2.

Фаунистические остатки представлены мелкими фрагментами косточек в секторе «З 3», за пределами углистого пятна, и в «Ю 2» на границе его. За пределами конструкции единичные находки неопределимых костей. С юга в непосредственной близости к жилищу выявлены обломки рога полорогого животного - сибирского козла (Capra sibirica Pall?), а также обломок рога благородного оленя (Cervus elaphus), рог был сброшен зверем, по мнению палеонтолога Н.Д. Оводова, мог употребляться как молоток (возможно, они использовались как мягкие отбойники).

Второе жилище находится в 4 м к западу от первого, имеет овальную форму размерами 5,1 х 4,4 м и занимает площадь 15,5 кв.м (кв. 65-70, к-о, рис. 3). Очаг с овальной формы обкладкой (размерами 1,16 х 0,75 м) немного смещен в восточный сектор жилища. В обкладке очага плотно уложены 11 речных валунчиков размерами от 22 до 40 см. Крупный вытянутый валун, лежащий по диагонали на очажных камнях в южной части обкладки, и уплощенный округлый валун (с востока), вероятно, использовались для крепления тагана. Рядом с первым, в обкладку очага уложен фрагмент ортогонального нуклеуса, с другой стороны находился крупный чоппер из подчетырехугольной гальки. Заполнение очага - черная углистая масса, мощностью до 8 см, она выходит за пределы обкладки. Углистая пленка растеклась вниз по склону, образовав неправильно овальное пятно площадью 1,6 х 1,5 м. С юго-восточной стороны оно выходит за пределы приочажного пятна на 5-20 см, а с северо-западной - до 56 см. Мощность пятна уменьшается по мере удаления от очага до 1 см.

Линию внешней обкладки жилища образуют 30 речных валунчиков (длиной от 25 до 55 см). Камни обкладки удалены от очага от 0,95 до 2,3 м. С южной стороны 9 валунчиков, лежащих на расстоянии до 15 см друг от друга, образуют слабо выгнутую дугу длиной 4 м. Камни уложены плотной цепочкой, ориентированы вдоль длинной оси. С севера и запада комплекса линию обкладки составляют лежащие отдельно по дуге 12 камней. С

западной стороны длинные оси камней ориентированы перпендикулярно очагу. На наш взгляд, обкладка была потревожена в западном и северном секторах - камни сдвинуты в восточную сторону, что выражается в нарушении ориентации длинных осей камней. В западном секторе они располагаются перпендикулярно линии обкладки. Два разрыва в обкладке выделяются с северо-восточной и северо-западной сторон соответственно в 0,9 и 1 м. В восточном секторе два камня смещены внутрь дуги, в результате линия внешней обкладки образует характерную спираль.

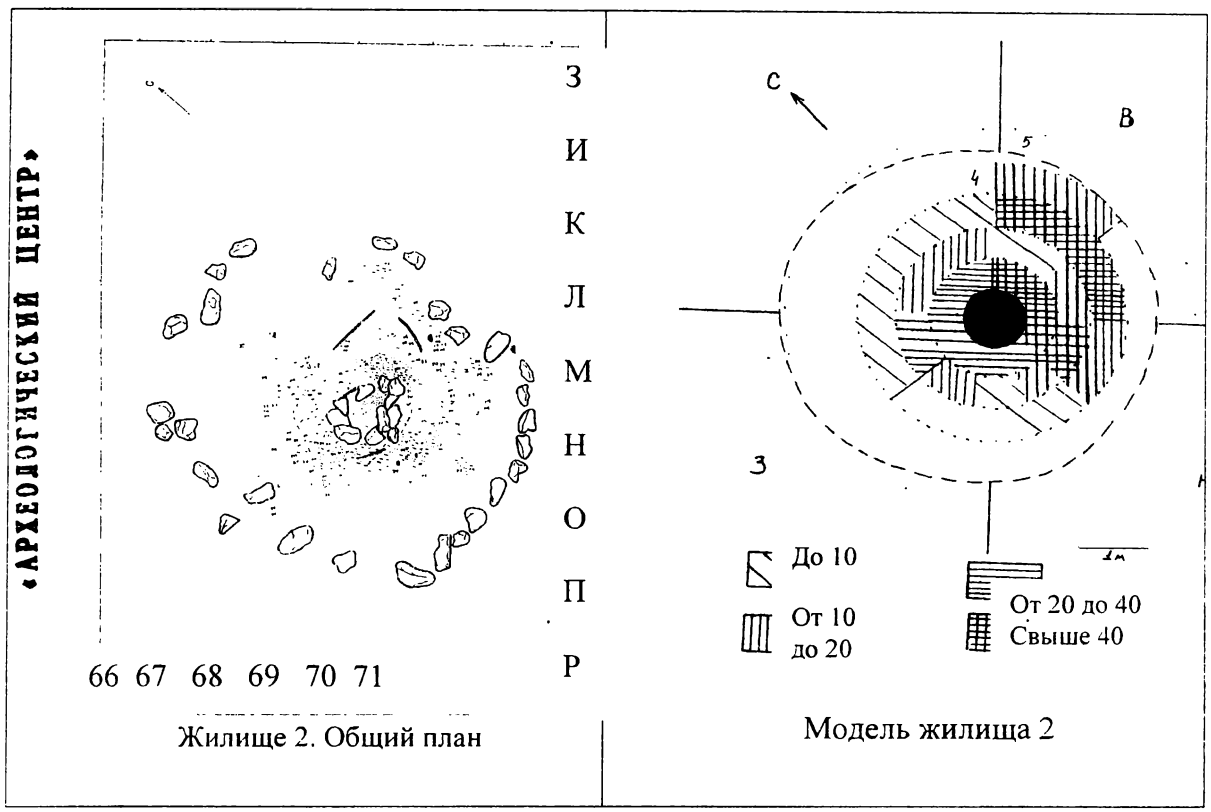


Рис. 3.

На «полу» жилища обнаружено большое количество культурных остатков различного характера. Планиграфически распределение археологического материала неравномерно (рис.3). Находки образуют плотное кольцо вокруг очага (периметр 1), с выраженным скоплением в секторе «В 1» и «Ю 1-2/1». Во втором периметре выделяются зона скопления «З 2», с переходом к участкам с рассеянными находками - «З 3/2» и «С 3». Скопление инвентаря в «В 3», видимо, тяготеет к зоне входа жилища. В последнем периметре, включающем линию камней внешней обкладки находки единичны, исключение составляет первый сегмент восточного сектора («В 4/1»). Учитывая характер внешней обкладки и расположение зон скоплений находок, можно предполагать восточное расположение входа (кв.70-к-л). При этом во внутреннем пространстве жилища выделяются участки, которые можно относить к «спальным зонам» в «С и З» секторах, и непостредственно «сидящие» рабочие места - «В 2/1», «Ю 2/2».

В пределах жилища обнаружены: 20 орудий, 563 отщепа, 698 чешуек, 6 микропластинок, 97 фрагментов микропластинок и 5 пластинок, 8 фрагментов нуклеусов. Фактически нуклеусы представлены двумя экземплярами: два ортогональных - фрагменты одного нуклеуса, шесть других фрагментов - части расколотого торцового нуклеуса.

Из двух фрагментов (ортогональные нуклеусы) и серии сколов и отщепов полностью апплицируется сырьевая основа - уплощенная галька (рис. 6). Фрагменты нуклеуса располагались по кругу вокруг очага, среди них сколы с ретушью и скребок, на треугольном галечном сколе. Попарно апплицируются четыре фрагмента торцового нуклеуса (рис. 4, 1). У двух на торцах фасетки от первичных пластинчатых снятий, у двух других отмечены следы предварительной оббивки или естественная корка.

Орудия представлены галечным конвергентным и продольным обушковым скреблами (рис.5,5,10), двумя пластинчатыми ножами. Присутствуют также небольшой треугольный фрагмент рабочего лезвия орудия из крупнозернистой породы и фрагмент пластинки (?) с двусторонней мелкой краевой ретушью по спинке, с диагональным изломом (обломок рукояточной части орудия или обломок резчика?) из тонкозернистой яшмоидной породы. Небольшой серией представлены резцы (4 экз.), выполненные на отщепах (рис.5, 1-4). В качестве отбойника и лощила, для разглаживания швов использовались две средних размеров галечки. Чопперы составляют серию из пяти орудий. Наиболее выразительный, выполнен на массивной трапециевидной в сечении гальке. Обушок изделия заужен, выпуклое рабочее лезвие с углом заострения 750 . Орудия из кости представлены обломком шила и фрагментом рога, на одном конце которого по периметру вырезаны семь подтреугольных зубцов. Возможно, рог служил рукояточной частью (рис.5, 6,7).

Все орудия и нуклеусы лежали в пределах скопления материала вокруг очага: 4 фрагмента торцового нуклеуса в западном секторе («З 1-2»). Отдельно, в северном секторе рядом с обкладкой лежал ортогональный нуклеус. Большинство чопперов располагалось в южном секторе первого- второго периметра («Ю 1-2»). Три резца найдены к северу от очага, один к югу.

Прослеживается полный цикл расщепления на базе местного галечного сырья. В коллекции присутствуют отдельные фрагменты изделий из яшмоидов, они единичны и, вероятно, были принесены в качестве готовых орудий или их заготовок. Скопления микропластинок выявлены в «З 1-2/2» и «В 1/1» и соответствуют расположению индивидуальных рабочих точек.

В жилище, на поверхности пола, были зафиксированы следы от сгнивших, по-видимому, деревянных обломков, в виде темных локализованных пятен, длиной от 0,4 до 0,8 м и диаметром 3-5 см (рис.3). По углю из очага жилища 2 было получено две радиоуглеродных даты 12140 ± 150 (2934-ГИН), 12130 ± 150 (2934а-ГИН).

С жилищем связано углистое пятно вытянутой формы размерами 0,7 х 1,36 м, оно располагалось в 0,8 м к северо-востоку. При разборке углистого заполнения мощностью 0,5-1 см найдено скребло на массивном отщепе с дугообразным рабочим лезвием, оформленным регулярной разнофасеточной ретушью со спинки. Рядом с пятном находился один отщеп. По углю из пятна получена дата 6030 ± 400 (2933-ГИН), которая не корректна по отношению к стратиграфическому положению комплекса.

В таблице 1 представлено соотношение каменного инвентаря по жилищам:

Таблица 1

Каменный инвентарь 17 К/г

	Жилище 1	%	Жилище 2	%
отщепы	245	48,2 %	563	40,5 %
чешуйки	260	51,2 %	698	50,2 %
нуклеусы (фрагменты)	0	0 %	8	0,6 %
микропластинки	0	0 %	103	7,4 %
орудия	3	0,6 %	18	1,3 %
всего	508	100 %	1390	100 %

Как видно из таблицы, в первом жилище очень низкий индекс орудий, в то время как во втором он соответствует характеристике собственно жилищ.

Очень интересные результаты планиграфического анализа дали пространственные диаграммы скоплений находок слоя. Схемы распределения археологического материала в слое, с учетом фаунистических остатков, выявили взаимосвязь двух комплексов, существование «дорожки» между ними и планиграфически направленное другу к другу расположение входов (см. Диаграмму 1).

Рассматривая первое жилище, можно лишь условно выделять каменную внешнюю обкладку, тем не менее ограниченность существовавшего пространства четко определяется резкими границами скоплений археологического материала и микроструктурами «пола»: «элементарными частицами» культурного слоя, образующими округлое пятно. На наш взгляд, мы имеем дело с остатками не-

большого крытого сооружения типа лабаза, площадью до 9 кв.м, с легким покрытием из коры или шкур, укрепленным по основанию тремя камнями. Вход находился с западной стороны. Абсолютное преобладание продуктов расщепления - 99,4 % определяет его как производственную зону по расщеплению.

Можно уверенно говорить о расположении входа в жилище 2 с восточной стороны. Само жилище отличается размерами (его «полезная» площадь составляет 14,5 кв. м) и выраженной внешней обкладкой.

Человек здесь не только жил, но занимался хозяйственной деятельностью: вел расщепление камня и изготовление орудий. Аппликацией прослеживается полный производственный цикл: целая галька - оббитые нуклеусы + продукты дебитажа - готовые орудия.

К/г 17. Скопления находок с учетом фаунистических остатков

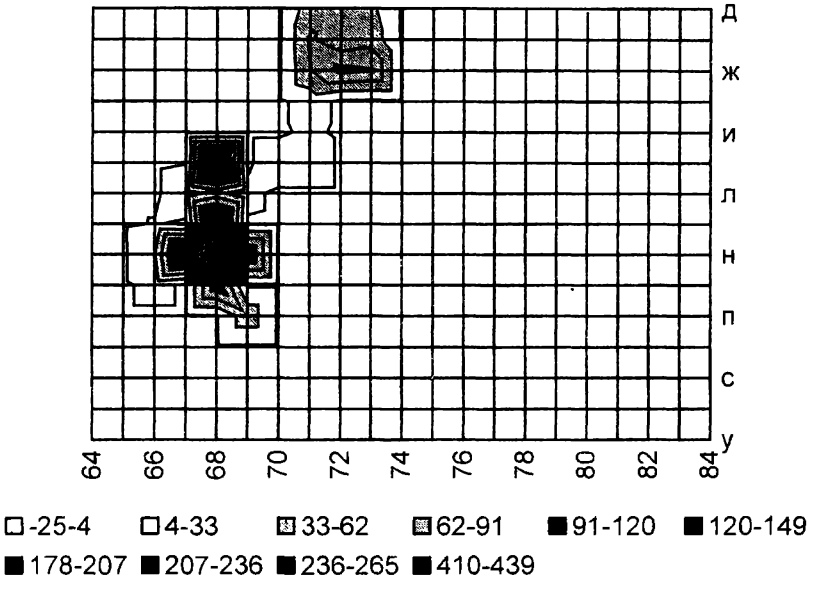


Диаграмма 1.

Интересно, что только здесь проводилось торцовое расщепление и получение микропластинок. Внутри производственные зоны выделяются с юга и северо-востока от очага, именно здесь располагались основные скопления каменного инвентаря. Графики нивелировочных промеров показывают «утоптанность» пола вокруг очага и небольшой наклон поверхности в сторону реки.

На наш взгляд, реконструировать внешний вид жилища можно в виде чума. При снятии «крыши» произошла деформация линии внешней обкладки, судя по всему, следует говорить об округлой форме основания постройки, со спиралевидным загибом в области входа. Зоны скоплений находок и шлейф фаунистических остатков определяют его расположение с восточной стороны. Помимо всего, мы имеем дело с уникальной ситуацией, когда при раскопках удалось зафиксировать остатки деревянных жердей, используемых при сооружении жилища для создания каркаса конструкции. У нас нет данных для точной реконструкции климатической обстановки в период поселения, но на основе археологического материала, его планиграфической организации, можно говорить об условиях, определивших необходимость создания закрытых, обогреваемых - освещаемых помещений для выполнения хозяйственных работ, когда основная деятельность сосредотачивалась в организованном (утепленном) пространстве.

Трасологический анализ орудий, выполненный О.В. Кузнецовым (Диссертация, с.184-185), выявил, что чопперы использовались для разрубания дерева и кости (с.159). Семь орудий, найденных в жилищах, имеют следы работ по шкурам (скобление, протыкание, лощение). Шесть орудий - со следами резания мяса - шкур. Два орудия использовались для дробления кости. Резчик служил для

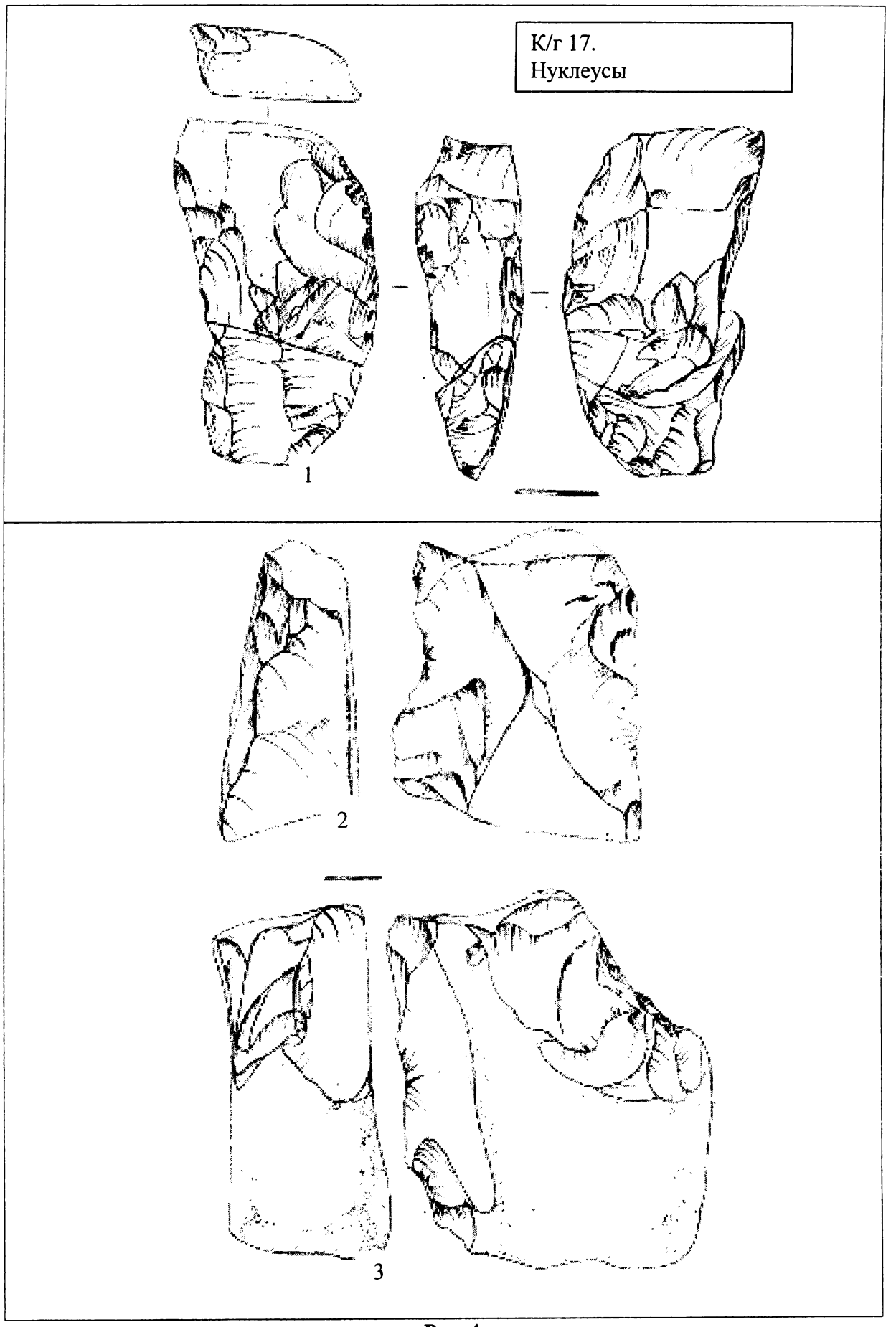
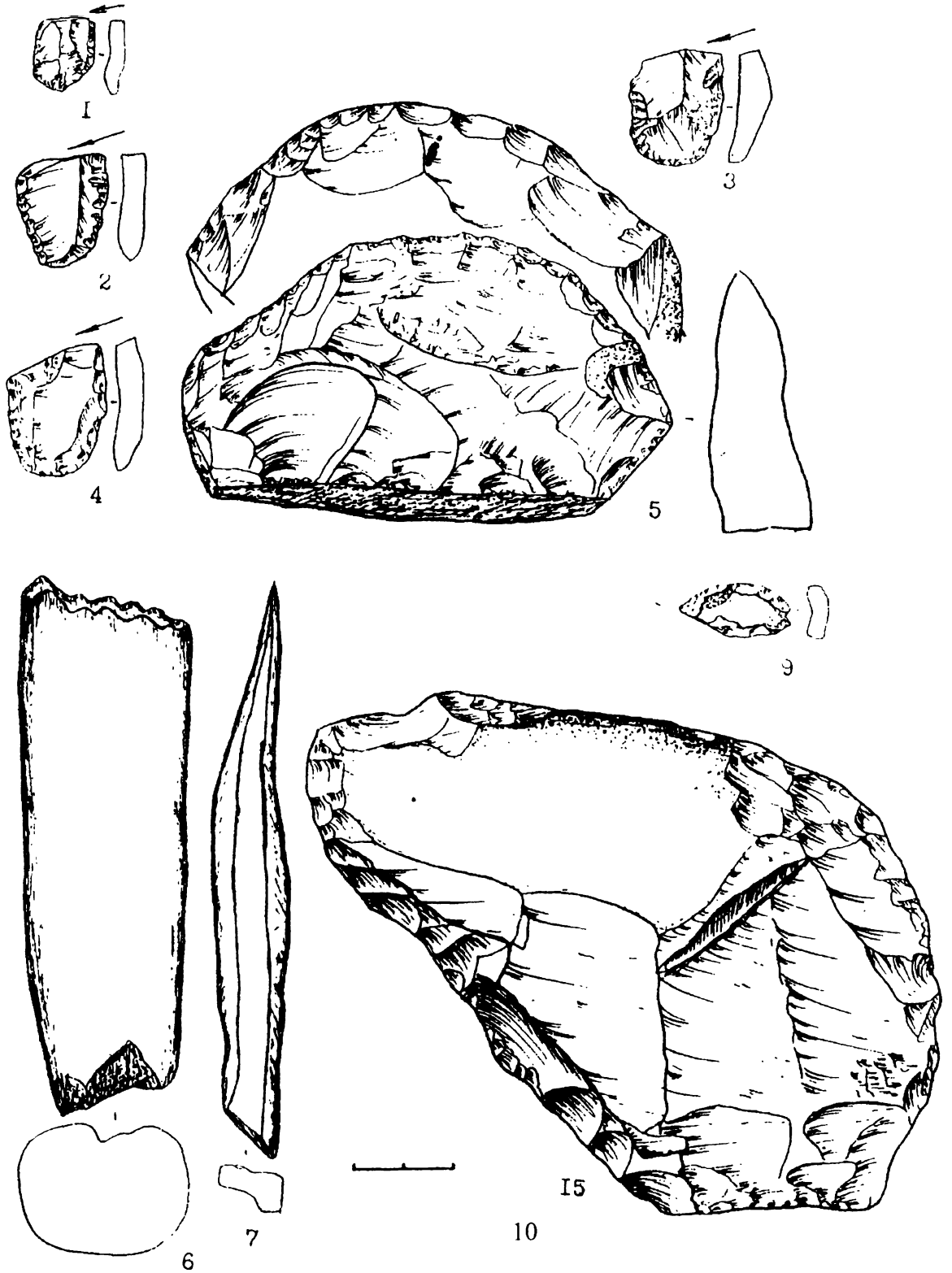


Рис. 4.



1 – 4 – резцы; 5, 10 – скребла;
6 – костяная рукоятка; 7 – костяное шило

Рис. 5.

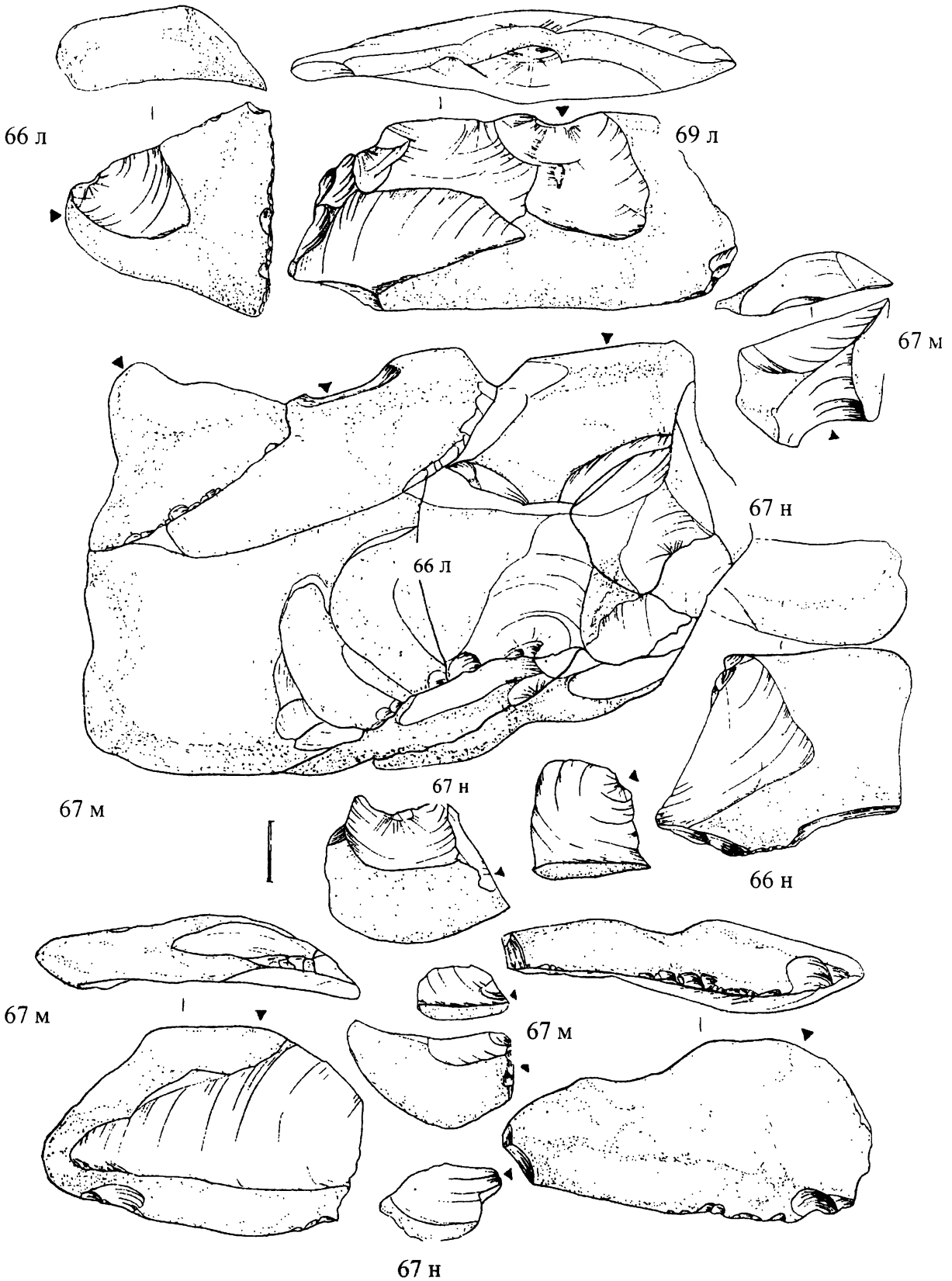


Рис. 6. К/г 17. Аппликация ортогонального нуклеуса

прорезания узких пазов по кости-рогу. Кроме того, лощило, изготовленное из гальки, было использовано в качестве отбойника и ретушера. В данном случае набор орудий четко определяет стоянку коллектива охотников, при этом говорить о «кратковременности охотничьего лагеря» (Там же, с.185) следует осторожно, так как этот термин носит чисто условный характер и подразумевает длительность обитания от месяца до трех.

Таким образом, культурный горизонт 17 содержит остатки охотничьего поселения, которое включало как минимум (в связи с ограниченностью изученной площади) две организованные взаимосвязанные структуры: лабаз, где находился производственный центр по расщеплению камня, и собственно жилище.

1. *Константинов М.В.*, 1994. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии //К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). - Улан-Удэ - Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН и Изд-во ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского. - 179 с.+ Прил. 83 с.
2. *Константинов М.В., Константинов А.В.*, 1985. *Семина Л.В.* Палеолитические горизонты поселения Студеное //Древнее Забайкалье и его культурные связи. - Новосибирск: Наука. - С. 91-104.
3. *Кузнецов О.В., 1996.* Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья: (технологический, типологический и функциональный анализ). Дис...канд. ист. наук. - СПб. - 305 с.: библ. С. 201-220. ил. -С.222-305.
4. *Леонова Н.Б., 1977.* Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений. Автореф.дисс...канд.ист.наук. - М.. - 20 с. Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методы, концепции, подходы. Дис...д-ра ист. наук. - М., 1994. - 264 с.: ил., библ.: с.234-263.
5. *Леонова Н.Б., 1983.* О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок. //Вопросы антропологии. - Вып.71. - М.: Изд-во МГУ. - С. 104 - 110.
6. *Сергин В.Я.* 1988. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР //Советская археология. № 3. - М.: Наука. - С.5-20.
7. *Сергин В.Я.,1992* Палеолитические поселения европейской части СССР: (Памятники с жилым обустройством). Автореф...д-ра ист.наук. - М. - 52 с.
8. *Leroi-Gourhan A.* & Brezillon M., 1972. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse Ethnographique d'un Habitat Magdalenien.(La section 36) Paris.
9. *Leroi-Gourhan A.* Pincevent. Camperement magdalenien de chasseurs de rennes. Paris : Ministere de la culture. 1984.
10. *Monique Olive, Nicole Pigeot.* Les tailleurs de silex magdaleniens d'Etiolles: vers l'identification d'une organisation sociale complexe? //La Pierre Préhistorique Actes du seminaire du Laboratoire de Recherche des Musées de France 13 et 14 decembre 1990. Pp. 173-185.
11. *Monique Olive.* Une habitation magdalénienne d'Etiolles. L'Unite P15. Mémoires de la société préhistorioue Franéçaise - tome 20. 1988. Ouvrage publié avec le concours du Centre National de la Culture et de la Communication. Sous-Direction de l'Archéologie. Couvertune de Gilleis Tosello.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ ЖИЛИЩ ЮЖНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА-МЕЗОЛИТА (на основе данных археологии, этнографии, этноархеологии и эксперимента)

А.В. Константинов

1. Древние жилища в археологическом проявлении

Жилище - это одна из фундаментальных составляющих человеческой культуры, важнейший показатель уровня развития общества. В силу этого оно всегда было объектом внимания со стороны специалистов различных научных направлений. Исследование древних жилищ представляет особый интерес, изучение их достаточно специфично и сопряжено со многими сложностями. Этнографы имеют дело с реальными жилищами, этноархеологи с остатками жилищ на дневной поверхности. Археологи сталкиваются с остатками жилищ, погребенными в геологических отложениях. Эти остатки подвергались различным воздействиям - антропогенным и геологическим, поэтому их следует еще распознать в определенных комплексах. Не случайно первые жилища палеолита стали известны лишь столетие спустя после открытия поселений той же эпохи.

В Забайкалье первое древнее жилище было выявлено А.П. Окладниковым на поселении Санный Мыс на р. Уде (Бурятия) в 1968 г. (Окладников, 1971). В последующие годы только на поселениях Студеновского, Усть-Мензинского, Косошиверинского ар-

хеологических комплексов, расположенных в долинах р. Чикоя и Мензы (Читинская область, Красночикойский район), было выявлено более трех десятков жилищ, которые относятся ко времени верхнего палеолита и мезолита. На поселениях Студеное-1,2, Усть-Менза-1-3, Песчаная Тропа, Косая Шивера-1,2 выявлены различные типы жилищ - одинарные (одноочажные), сложносоставные, большие многоочажные. Самым распространенным типом жилища является одинарное (одноочажное). Остатки жилищ выявлены в тонких культурных горизонтах, залегающих в теле речных террас, разделенных стерильными песчаными прослоями. Эти жилища уже получили достаточную известность благодаря ряду публикаций и демонстрации их остатков на всесоюзных и международных конференциях (М. Константинов, Семина, А. Константинов, 1982; Базаров, М. Константинов и др., 1982; А. Константинов, 1992; М. Константинов, 1994; А. Константинов, 1999, 2000).

Анализируя историю изучения палеолитических жилищ Сибири, мы обратили внимание на то, что чисто археологические доказательства выделения жилищ нередко не находят отражения в публикациях. Они признавались как бы за аксиому (в случае интерпретации комплекса как жилища) или, напротив, оставались невостребованными. В последнем случае жилище не выделяется и важнейшая часть информации о слое оказывается утерянной.

Возможность археологического выделения жилищ показана нами на примере комплекса, выявленного в 14 культурном горизонте поселения Косая Шивера-1 (А. Константинов, Клейнос, 1993). Поселение связано с I надпойменной террасой высотой 8-9 м. Комплекс в археологическом проявлении представлен предметным материалом, тяготеющим к очагу, и кольцом внешнего обрамления диаметром 5 м (рис. 1). Отдельные элементы комплекса взаимосвязаны между собой. Так, очаг находится, примерно, в центре. Предметный материал выявлен только в очаге и углистом пятне, которое «расплылось» вокруг него. Внешняя обкладка выполнена из тех же по характеру, но больших по размеру речных валунчиков, что и очаг. Из всего этого вытекает, что перед нами не просто скопление культурных остатков, а искусственно созданный комплекс. При характеристике комплекса возможно применение таких терминов, как «системность», «ритмичность», «компактность», «соразмерность».

Комплекс имеет горизонтальное простирание, отчетливо увязываясь с единой «опорной» поверхностью в виде иловатой прослойки минимальной мощности. Вертикальные объемы комплекса незначительны. Они передаются лишь высотой камней. Верхние поверхности и «точки» камней превышают низкие, опорные на 15-20 см. Отталкиваясь от доказательства, что перед нами искусственно созданный комплекс, можно предположить, что он является составной частью конструкции, сохранившейся лишь частично, а первоначально имевшей не только горизонтальную (плоскостную), но и полную вертикальную структуру. Вертикальная структура, как таковая, себя не проявляет, но она угадывается, поскольку внешнее кольцо из камней должно иметь смысл. Оно позволяет логически воссоздать какие-то вертикальные, наклонные плоскости или полусферические поверхности, опирающиеся на горизонтальную плоскость в зоне внешнего кольца. Сочетание горизонтальной (реально существующей) и вертикальной (воссоздаваемой) структуры позволяет продолжить логическую реконструкцию до полного или замкнутого внутреннего объема. Такой объем в данном случае будет непременно жилым. Об этом свидетельствует очаг и предметный материал, явные следы активной жизнедеятельности человека в пределах указанного пространства.

Таким образом, мы приходим к выводу, что перед нами не просто искусственная структура непонятного назначения, а достаточно узнаваемые остатки жилища человека. В этом описании мы старались максимально отрешиться от этнографических и прочих данных и опираться только на археологический материал. Археологических данных вполне достаточно для выделения жилища. Однако о характере вертикальной структуры жилища, о назначении камней внешней обкладки судить сложно. Для дальнейшего развития темы реконструкции одинарного (одноочажного) жилища обратимся к экспериментальным работам, данным этнографии и этноархеологии.

2. Экспериментальные работы

Пока мы ограничились описанием остатков древних жилищ, в их археологическом проявлении. Можно ли представить, как выглядели эти жилища? От жилищ осталось только их основание или наземная конструкция, но не сохраняется никаких следов от надземной. Иными словами, есть плоскость, но нет объема. Если объемная конструкция не выражена, то можно предположить, что она была изготовлена из материала, уничтожаемого гниением. Таким материалом является древесина - материал вполне доступный для древних охотников. Человек того времени мог использовать тонкоствольные березы, осины, сосны. Освобожденные от веток, они превращаются в жерди, которые обладают достаточной прочностью и относительной легкостью. Из таких жердей не трудно собрать каркас жилища. Чтобы воссоздать первоначальный облик жилища, совсем не обязательно привлекать этнографический материал. можно действовать по «логической схеме». В полевых условиях легко соорудить каркас из жердей. Подобные жилищные каркасы, дополненные верхним покрытием, давно используются в практике туристов, охотников, крестьян-косарей, исследователей-полевиков, включая археологов. К ним прибегают во всех случаях, когда нет «стационарного» или палаточного жилья. В данном случае можно использовать обычный для науки «книжный» вариант ссылок на справочно-учебную или другую специальную литературу, например, «Краткий справочник туриста» (1982), «Таежное природопользование» (1982), «С природой один на один» (1989), «Большая энциклопедия выживания в экстремальных ситуациях» (1999) и т.д. Все это свидетельствует о том, что цивилизованная жизнь с ее домостроительными реалиями не отторгла простейшие традиционные варианты жилищ, которые продолжают иметь место и в современной жизни.

Первые наши соображения по реконструкции каркасов жилищ строились не на изучении этнографической и другой литературы, а на логических рассуждениях, жизненном опыте, практике, наблюдениях, а также экспериментах в полевых условиях по сооружению жилищ с практической и научной целью. Впервые подобный эксперимент был проведен в 1978 г. на Студеном-1 в процессе изучения жилища № 1 горизонта 19/4. Напомним, что это жилище располагается в основании разреза непосредственно на русловом галечнике и представляет собой плотную внешнюю округлую обкладку из 33 камней с четко обозначенным входом (рис. 2).

Реконструкция была проведена непосредственно на древнем основании жилища. Использованные жерди были подобраны в лесу, во многих случаях их не приходилось даже вырубать. Из жердей была собрана конструкция типа чума. Нижние концы жердей устанавливались на расстоянии 40-50 см друг от друга. При этом нужно было решить: какова в данном случае роль камней? Мы пришли к выводу, что камни должны располагаться с внешней стороны жердей, но они не могли использоваться для их фиксации. В этом случае камни располагались бы иначе - не в одну линию, а скоплениями (по несколько камней на каждую жердь). Подобной ситуации в древних жилищах нигде не наблюдается. В итоге мы пришли к выводу, что камни должны удерживать нижний край покрытия жилища (в нашем случае это был брезент).

Еще одно жилище мы соорудили в 1984 г. на Алтане на р. Мензе, где велись раскопки многослойного поселения. На этот раз жилище было построено за пределами раскопа на ровной поверхности террасы. Во время установки жердей стало ясно, что сначала надо использовать только три жерди. Они собираются в виде треноги. Остальные жерди укладываются на основные. Для более прочного закрепления покрытия использовались камни, принесенные с берега реки. Если на Студеном мы не могли себе позволить даже пододвинуть камень, поскольку это были камни реального древнего основания жилища, то теперь была ситуация - «полной свободы». Для закрепления покрытия понадобилось 26 валунчиков, которые укладывались на небольшом расстоянии друг от друга. Замечено, что камней больше нужно там, где шире расстояние между жердями. Наименьший эффект получается, если камень привалить к концу жерди. Позиция жерди не становится жестче, покрытие придавливается гораздо хуже, к тому же камень может соскользнуть с жерди.

Край покрытия жилища должен быть плотно придавлен. Иначе прорвавшийся внутрь жилища сильный порыв ветра способен сбросить покрытие и разрушить жилище. Камни придавливают края покрытия, а по-

крытие дополнительно удерживает жерди. В целом же каркас удерживается за счет сцепления в верхней связке, а также за счет упора на дневную поверхность. Камни из обкладки располагаются с внешней стороны жилища. Можно ли расположить камни внутри жилища? Это возможно, но при этом края покрытия придется подвести под концы жердей, которые продавят его своей тяжестью. Никакого эффекта от внутреннего расположения камней не наблюдается. Это лишняя работа, к тому же портится покрытие.

Построенное нами на Алтане жилище использовалось по прямому назначению. Вскоре выяснилось, что наиболее уязвимой частью жилища является входной проем, несмотря на то, что он был сделан с подветренной стороны, ущерб наносится ветром, а также механическим действием самого человека. В связи с этим зону у входа пришлось укрепить еще несколькими камнями, а три камня держать в створе входа с внутренней стороны с тем, чтобы закрепить нижнюю часть входного покрытия, после того как оно прикрывалось. Особо следует отметить, что вход был устроен под прямым углом к его «стенкам». Сделать это несложно. Одна из жердей каркаса заводится нижним концом ближе к центру, а соседняя с ней, напротив, выводится наружу. В результате привходовые жерди оказались в плоскости, перпендикулярной соседним жердям. Такой вход становится менее открытым, более защищенным. Заметим, что конструкция входа была прямо заимствована у жилища № 2 горизонта 19/4 Студеного-1 (рис. 3).

Столь явное соприкосновение с археологией позволяет нам вновь обратиться к остаткам древних жилищ, в частности к жилищу № 2 горизонта 17 Студеного-1. При взгляде на жилищную кладку отчетливо видна ее уплотненная часть, состоящая из 10 камней (№ 12-21). За ней наблюдается изгиб в кладке (зона с камнями № 37-39) и далее она представлена отдельно расположенными камнями (№ 34-36). Можно предположить, что в зоне изгиба располагался вход. Он развернут по отношению к линии стенок почти под прямым углом. Лежащий у входа камень мог служить для полога входа. Кстати, этот камень отличается от других, он более крупный и плоский.

Именно к зоне намечаемого входа со стороны очага простираются находки, в том числе и продукты расщепленного камня. Создается впечатление, что древний мастер расположился между очагом и входом в жилище. Если предложенная интерпретация верна, то жилище № 2 горизонта 17 будет во многом близко к жилищу № 1 горизонта 19/4. У них одинаковый по размерам и позиции вход, только во втором случае он «свободный», а в первом «прикрытый» камнем. Завершая описание алтанского эксперимента, укажем, что мы стремились к тому, чтобы по размерам новодельное жилище соответствовало палеолитическим. Его основание имело овальную форму размерами 3 х 3,5 м при высоте в 2 м. Высоту можно было вполне увеличить на 1-1,5 м.

В 1990-е гг. во время работ на Усть-Мензе и Студеном строительство чумов было продолжено. Вызвано это было, с одной стороны, желанием дальше постичь тонкости «домостроения», научить студентов и школьников строить простейшие жилища и соотносить их с теми комплексами, которые раскапывались. С другой стороны, строительство чумов стало результатом кризисного состояния экспедиционного палаточного фонда. Количество вышедших из строя палаток резко возросло, и они превращались в «тиски» и «нюки». В итоге сооружение чумов стало своего рода традицией.

Мы не будем давать описание строительства каждого чума - в этом просто нет необходимости. Отметим лишь некоторые общие моменты, а также отдельные детали, дополнительно замеченные во время строительства и эксплуатации жилищ. С учетом значительного числа участников экспедиции чумы стали строиться достаточно большими (диаметром основания от 4 до 6 м). Высота чума ненамного превышала основание (иначе он может потерять устойчивость при сильном ветре). От высоты чума и размеров выходного отверстия зависела и его задымленность. Если чум был низким, то дым заполнял его до такой степени, что в нем невозможно было находиться. Оптимальный вариант, когда слой дыма располагается несколько выше головы сидящего человека. Как-то на Усть-Мензе внешнюю обкладку жилища с успехом заменили напиленные чурки для дров, которые, по мере их использования, постепенно заменили речными валунчиками.

Было замечено, что старый брезент от палаток, который протекал даже при небольшом дожде, вполне служит в качестве покрытия чума еще несколько лет и не пропускает влагу. Причина этого заключается в действии костра, который постоянно подсушивает бре-

зент. Костер в чуме даже в июле был совсем не лишним. Он не только «спасал» от дождя, помогал просушить одежду, но и служил источником света и обогревал жилище, что в условиях Забайкалья при большой разнице дневных и ночных температур даже в летнее время является немаловажным. По нашим наблюдениям очаг может быть небольшим и обязательно огорожен камнями (это необходимо в целях «противопожарной безопасности»). Большой огонь разводить нет необходимости, вполне достаточно просто его постоянно поддерживать. Гораздо удобнее очаг с дугообразной обкладкой. Это позволяет более рационально использовать топливо. В жаркое дневное время в чуме было прохладно, воздух хорошо вентилировался, если слегка приподнималось покрытие. Так что в экспедиционных условиях чум, крытый брезентом, при наличии очага имеет ряд преимуществ перед обычной палаткой.

Был и неудачный опыт строительства, связанный с выбором места для чума. Однажды после сильного ливня все внутреннее пространство чума оказалось залито водой. Выяснилось, что чум поставили в небольшом (всего в несколько сантиметров) блюдцеобразном углублении, которое визуально первоначально не было замечено. Однако данный просчет показал, что место для чума должно быть ровным или иметь небольшой наклон.

На примере чума, построенного на пойме в устье Мензы, мы наблюдали процесс «захоронения» культурных остатков. После паводка пойма оказалась затоплена водой. В течение двух недель затопленный чум посещался на байдарке. Сквозь воду было видно, что «пол» чума, очаг, забытые вещи покрылись тончайшим слоем ила. Невольно возникала аналогия, что подобные процессы происходили и в древности с изучаемыми нами жилищами.

В 1990-е гг. основные исследования проводились на Студеном. Ежегодно чум ставился на новом месте, иногда рядом со старым «чумовищем» (рис. 4). При этом прежняя внешняя обкладка и очаг не разбирались. В итоге поверхность террасы покрылась кольцеобразными выкладками, которые стали объектом своего рода «этноархеологических исследований». Важно отметить, что в момент снятия покрытия чума нужно освободить его нижнюю часть от камней. Сделать это не сложно. Причем не нужно нагибаться, чтобы отодвинуть камни. Достигается это резким рывком брезента. При этом камни (при условии если это окатанные валунчики) не меняют, что для нас очень важно, своего первоначального положения. В результате резкого рывка камень может даже «кувыркнуться» и занять первоначальное положение. Так что внешняя обкладка остается фактически без изменений. Таковы были некоторые наши наблюдения, связанные с реконструкцией жилищ на основе эксперимента.

3. Этнографические аналогии

Итак, мы построили жилище в виде чума, руководствуясь «строительной документацией», полученной в результате раскопок, а также логическими построениями. Далее, чтобы пополнить наши знания о жилищах, мы решили обратиться к этнографии. Выход на этнографию кому-то покажется слишком смелым. Известен скептицизм многих ученых относительно самой идеи использования этнографических материалов, поскольку попытки «сконструировать» палеолит по образцу австралийских аборигенов, эскимосов и других народов ни к чему не привели. И тем не менее мы предпримем такую попытку.

Напомним также, что и М.М. Герасимов, и А.П. Окладников использовали этнографические данные для реконструкции жилищ. М.М. Герасимов сравнивал наземные жилища Мальты с чумами сибирских народов, занимался их реконструкцией и моделированием (Герасимов, 1961). Эта тема получила дальнейшее развитие у А.П. Окладникова. Он проводил параллели между жилищем Бурети, при строительстве которого использовались кости мамонта, носорога, северного оленя, и валькаром (домом из челюстей кита) - жилищем народов арктического побережья северо-востока Азии. Особо следует отметить, что А.П. Окладников обратился к вопросу экологии жилищ (История Сибири, 1968).

Жилища народов Сибири. Эвенкийский чум

Известно, что народы Сибири использовали и продолжают использовать различные типы традиционных жилищ. Литература, где

упоминаются жилища сибирских народов, достаточно обширна. Первые сведения о них содержатся еще в отписках русских землепроходцев, затем в материалах академических экспедиций XVIII в. Но дело в том, и это парадоксально, что они только «упоминаются». Не будем повторять эти сведения, поскольку это не является целью нашего исследования.

Основательный материал по данной теме собран в «Историко-этнографическом атласе Сибири» (1961). В главе «Жилище» приведена прекрасно иллюстрированная сводка материалов по жилищам народов Сибири. Во введении к главе ее автор А.А. Попов сообщает о состоянии этой темы: «Наша попытка изучения распространения типов жилищ у народов Сибири в известной мере должна считаться первым опытом. Неудовлетворительное качество источников, однако, не дает нам возможности представить эту тему в таком виде, в каком хотелось бы. Так, например, за недостатком материалов не везде удалось дать такие важные сведения, как основные размеры жилищ, чертежи конструкций и планов». Такое признание нас в немалой степени удивило, поскольку археологами делаются тщательные зарисовки и промеры всех структур и находок, а этнографами до последнего времени жилища изучались «на глазок».

В первую очередь нас интересовало описание чума. Чумы сооружают различные сибирские народы - ненцы, ханты, манси, якуты, энцы, нганасаны, долганы, тувинцы, эвенки. Приведенные в «Атласе» краткие описания чумов в основном касались каркаса и покрытия, а также подчеркивали некоторые конструктивные особенности, характерные для разных народов. В описании действительно отсутствовало указание размеров и важных, на наш взгляд, деталей. Определенный недостаток в описании в какой-то мере восполнял иллюстративный материал - фотографии, чертежи, рисунки каркаса и других отдельных элементов чума. К этому описанию и иллюстрациям мы еще вернемся.

Нас в первую очередь интересовало описание жилищ эвенков, ведь именно они являются коренным народом, населяющим Забайкалье. Еще в XVII в. эвенки населяли практически всю территорию края и жили, что для нас очень важно, по Мензе и Чикою. В «Атласе» сведения эти были достаточно краткие, но, как и в случаях с чумами других сибирских народов, дополнялись иллюстрациями.

Очень короткое описание эвенкийского чума дано в работе «Народы Сибири» (1956). Автор главы «Эвенки» Г.М. Василевич. Достаточно подробное описание чума, а также нескольких других видов эвенкийских жилищ мы встретили в ее известном труде «Эвенки» (1969, с.109-113). Тем не менее, здесь отсутствовали сведения о порядке установки чума. Данное описание мы нашли в работе М.Г. Турова (1990, с.138-139). Таким образом, на основании только целого ряда источников нам удалось составить достаточно определенное представление о чуме и порядке его сооружения. И все-таки мы так и не обнаружили описания именно забайкальского чума (хотя не мало исследователей изучали быт и культуру эвенков Забайкалья). В итоге составлен.его «коллективный портрет».

Как построить чум?

Наверное, такой вопрос покажется странным. Выше уже приводились результаты экспериментальных работ, имеется и немало этнографических описаний. И все-таки предлагаем построить чум, тщательно соблюдая всю последовательность действий. Это позволит актуализировать материал, перекинуть мостик между древностью и этнографической современностью. Строить чум будем «совместно», опираясь на научные сведения этнографов (Попов, Василевич, Туров), данные различных путешественников, а также на собственный опыт. В процессе «строительства» мы встретимся (в этом мы вскоре убедимся) с деталями, имеющими для нас принципиальное значение. Нам предстоит соорудить чум - основное традиционное жилище эвенков. Терминология, относящаяся к чуму и его частям, едина для всех тунгусо-маньчжуров: джу (~ джо ~ дю ~ де ~ дюг ~ дюкан ~ дюкча) - «чум», «дом».

Сооружение остова

Для основы остова нужно иметь две (иногда и более) толстых оструганных жерди (сона), «воткнутых в землю» (Василевич, 1969). По Турову нужны три основные жерди (тургу). Попов использует термин шест, что, собственно, равнозначно. Он отмечает, что у енисейских и олекминских тунгусов основные шесты не отличались от остальных.

Следующее действие - установить данные жерди, создать основу для прочного каркаса. Попов пишет, что у енисейских и олекминских эвенков верхние концы жердей упирались концами, образуя острую верхушку. Соответствующий рисунок приведен в «Атласе» (с. 204). На практике подобный способ крепления осуществить нам ни разу не удалось. Концы жердей соскальзывали друг с друга. На наш взгляд, подобный способ возможен только при условии подработки конца жердей, но даже и в этом случае они не будут устойчивы без дополнительного крепления. А надежное крепление жердей в верхней части - залог устойчивости чума. Наряду с этим Попов описывает еще один способ крепления шестов, приводится и соответствующий рисунок. Три или четыре шеста устанавливали в виде треноги или ребер четырехугольной пирамиды, концы их скрещивались без всякой завязки. Однако и такой способ по нашим наблюдениям не реален. Дело в том, что у жердей нет «точки опоры» и они скользят друг по другу.

Туров ограничивается в своем описании предельно коротким упоминанием о том, что три жерди (тургу) соединяются развилкой (вершина - «дуо»). Наконец у Василевич есть короткая, но ясная фраза: «Верхний конец одной из них опирался на развилку конца другой, остальные жерди опирались на них». Весь секрет действительно кроется в развилке, которая должна быть оставлена на одной из жердей. Именно она и служит «точкой опоры» всей конструкции (если не применяются другие способы крепления). Со ссылкой на Пекарского и Цветкова о таком способе пишет и Попов: «Скреплением служат и сучья на верхушке жердей, обращенные в разные стороны». Еще одна любопытная деталь есть у Турова. Три жерди (тургу) устанавливались таким образом, что две из них, образуя одну из сторон треугольника, ставились с ориентировкой в сторону тропы, по которой пришли на стоянку.

Заметим сразу, что воткнуть массивную длинную жердь даже с приостренным нижним концом в землю, как об этом пишет Василевич, весьма проблематично. Да и «втыкать» можно только после того, как закреплены верхние части жердей, но сначала нужно совершить первое действие, после чего второе действие («втыкание») совершить уже практически невозможно. Скорее всего, заостренные внизу жерди, таковыми они показаны и в «Атласе» (с.204), углублялись в землю силовыми действиями. Уже в момент окончательной установки жерди под ее основанием в земле несложно любым острым предметом (вплоть до камня) сделать небольшое углубление (всего несколько сантиметров). В этом случае уже практически невозможно «скольжение» жерди по поверхности и основной каркас приобретает жесткую, устойчивую позицию. Подтверждение этому мы встретили в кратком описании чума И.И. Майнова (1908): «...несколько жердей слегка врыто в землю».

Имеются и другие способы крепления жердей остова. Попов сообщает о том, что у эвенков, кочевавших в верховьях Олекмы, верхушки трех основных шестов связывались веревками и ремнями. По нашим наблюдениям вполне достаточно и гораздо проще связать только две жерди. Сделать это можно на земле, поднять две закрепленные жерди никакого труда не составляет. Среди иллюстраций в «Атласе» приводятся рисунки шестов. Они ошкурены, обработаны и по форме напоминают толстую иглу. В верхней части шеста сделано отверстие, через которое продета веревка. На рисунке показан соответствующий способ крепления. Для этого брали два шеста с отверстиями. Через оба отверстия продевалась веревка, которая связывалась, образуя петлю. Затем шесты поднимали и они скрещивались ниже отверстий на длину веревки. При этом сама веревка натягивалась и фиксировала шесты. Василевич также упоминает о том, что верхние основы остова подрубались на одном уровне, т.е., надо понимать, делались пазы.

Мы не упомянули о том, каких размеров задуман чум и, следовательно, какие используем жерди. Попов сообщает о диаметре основания в 2 м и высоте в 2-3 м. По нашему опыту с учетом разведения огня этого крайне мало. По Василевич, диаметр основания колебался от 3 до 6 м, а высота от 2 до 4 м. Туголуков пишет, что обычно в поперечнике жилище имеет 5 м. О длине жердей ничего не сообщается. А это также существенный момент, который нужно продумать заранее, намечая размеры чума. Иначе может возникнуть ситуация несоответствия строительных конструкций. При диаметре основания в 5 м основные жерди должны быть не менее 6-6,5 м. Жерди должны превышать высоту жилища и это тоже не случайно (об этом позже). Размеры чума задаются уже при установке ос-

новных жердей. Сделать это несложно даже одному человеку, передвигая уже установленные основные жерди.

Итак, как видно, с немалыми усилиями сооружен пока только остов чума. Теперь нужно завершить его строительство. К основным жердям, сообщает Василевич, приставляются остальные более тонкие шесты. Общее их количество в зависимости от размеров чума колебалось от 20 до 40. По Туголукову при диаметре чума в 5 м для остова нужно 25-30 шестов (серан). Туров замечает, что устанавливать жерди (херан) нужно, двигаясь «по солнцу» на равном расстоянии от центра.

Покрытие

Выясним характер покрытия. У этнографов по этому вопросу нет принципиальных расхождений. Покрытие чума зависело от сезона. Летом чумы покрывали тисками или ровдужными нюками, тканью. Ровдужное покрытие изготавливали из старых шкур, служивших ранее «постелями». На Амуре чум покрывали камышом и травой. Тиски - это сшитые из отдельных кусков длинные полосы бересты. Предварительно бересту вываривали в воде со щелоком. Из берестяных полос шили нюки - полотнища покрытия. Тиски укладывали на остов чума в четыре ряда (в двух нижних рядах - по две тиски, в двух верхних - по одной). От углов тисок отходили веревки, с помощью которых они крепились к жердям. Верхние тиски покрывали нижние. У входного отверстия тиски загибали внутрь и привязывали. В ряде случаев тиски шили двойными. В местах, где березняков было мало, низ покрывали нюками из брезента, миткаля, сукна или ровдуги. Наверх старались сохранить хотя бы одну тиску, так как ткань была менее прочна. Берестяная покрышка состояла из ряда наброшенных друг на друга длинных полос. При перекочевках покрытие свертывали в рулоны, которые были легкими и занимали немного места (Василевич, 1969; Туголуков, 1969; Попов, 1961). Майнов описывает чум, где в качестве основного покрытия использовалась лиственничная кора, нарезанная широкими пластами. Выше лиственничных полос, также шла береста (Майнов, 1898). В «Атласе» представлены фотографии, на которых показаны чумы, крытые берестой, лиственничной корой (причем полностью), сеном, ровдугой.

Зимние нюки изготавливали из шкур оленей и лосей. Такое покрытие было гораздо тяжелей, но оно надежно защищало от холодов и сильных ветров. На нижний нюк (эллун) шло 6-10 шкур, на верхний (унэкэн) - 2-4 (Василевич, 1969). Для покрытия чума с диаметром основания 5 м для пошива нюков требуется 40 оленьих «постелей» (Туголуков, 1969). Нижний нюк покрывал ¾ чума, верхний ¼. Нижние два нюка делали шире и длиннее. К их концам пришивались веревки для крепления к шестам. Верхние нюки были меньше, по их углам пришивали петли или железные и медные кольца. В них просовывали концы длинных шестов, а затем с их помощью поднимали нюк и накидывали его на верхнюю часть чума (Попов). Покрытие чума начинали снизу, натягивая покрытие плотно на остов слева направо, «как солнце ходит», при этом левый край второго нюка запускался под правый. Верхний нюк накладывали поверх нижнего. (Туров, 1990).

Верхнее покрытие крепилось так, что в месте скрещивания жердей оставалось дымовое отверстие. Оно одновременно служит и окном, через которое в чум проникает свет (Туров, 1990). Здесь, по нашим наблюдениям, также нельзя ошибиться. Если отверстие будет большим, то через него свободно уходит не только дым, но и теплый воздух, что не допустимо. Если отверстие сузить, то в чуме будет сильная задымленность. Выходящие поверх чума жерди также играют определенную роль. Они в какой-то мере защищают дымовое отверстие от прямого воздействия ветра, от попадания дождя и снега внутрь чума. Гораздо лучше, если на них сохраняются ветки с хвоей или листвой. В случае сильных осадков, сообщает Попов, на чум надевали берестяной колпак.

На этом работа над покрытием не заканчивалась. В завершение все покрытие прижималось несколькими толстыми жердями. Зимой основание чума обкладывали лапником и засыпали для тепла снегом (Туров), а летом наоборот приподнимали покрытие для проветривания (Василевич). Количество используемых жердей было различно. Этот момент хорошо передают фотографии «Атласа». В некоторых случаях их немного. На одной из фотографий покрытие чума придавлено толстыми ветками, на другой толстыми жердями (20 штук с видимой стороны). Еще на одной фотографии корьевое лиственничное покрытие придавливают бревна (видимых 7)

диаметром примерно 20-25 см. На фотографиях чумы показаны в тундре, лесотундре, таежной зоне. Подобные вариации были обусловлены различной природной обстановкой, наличием или отсутствием деревьев, их размерами, а также силой ветра, временем года и другими факторами. В работе Э.К. Пекарского и В.П. Цветкова (1913) о приаянских тунгусах помимо жердей упоминаются еще и поленья, которые дополнительно придавливали внизу покрытие. .

Обустройство очага

В последнюю очередь обустраивался очаг. Этот процесс включал в себя устройство как самого очага, так и приочажных конструкций. В этих целях в центре чума вертикально устанавливалась жердь (чимка, симка). Она могла устанавливаться и вместе с основными шестами остова. Затем горизонтально крепилась еще одна жердь (икоптун), с которой свешиваются крючки для котлов и чайников. Один ее конец привязывался к основной жерди у входа, а другой к вертикально стоящей жерди в центре. Еще одна таким же образом закрепленная жердь служила для просушки одежды. Как раз посреди чума находится очаг (Туголуков). В описании есть существенная для нас неточность. В этом случае, если устанавливалась вертикальная жердь, очаг не мог находиться в центре, а оказывался несколько смещенным от центра по направлению горизонтальной жерди (икоптун). Очаг мог занимать и центральное положение. Об этом, вслед за Туголуковым, пишут Василевич и Туров. Такая ситуация была возможна, если центральная жердь занимала не вертикальное, а наклонное положение (ее нижний конец находился между центром жилища и шестами остова). На одном из рисунков «Атласа» показано, что к этой жерди на одной высоте прикреплено две горизонтальных жерди. Они расходятся под острым углом и крепятся к двум жердям остова.

Что представлял собой очаг? Очаг - обыкновенно простой костер (Туголуков). Василевич сообщает, что обкладывали его с трех сторон «плашками», причем данный термин не объясняется. А Туров пишет, что место очага (аран-харан) в центральной части чума огораживалось уложенными П - образно бревнами оклада очага (уво-ого), открытого со стороны входа. Рисунки устройства очагов имеются и в «Атласе». Очаги выложены аккуратно нарезанными прямоугольными кусками дерна. В одном случае они уложены по периметру квадрата, в другом - огораживают место очага с трех сторон. Заметим, что, как правило, очаг был открыт с одной стороны. Это делало более рациональным заготовку и использование топлива. Дрова поджигали с одного конца и по мере сгорания продвигали. Огонь в чуме разводили после завершения строительства от углей ранее разведенного костра (гулувун) рядом с чумом (об этом подробнее ниже) (Туров).

Туголуков сообщает о том, что уже в конце XIX в. среди эвенков получила распространение палатка с железной печью, которая постепенно вытеснила конический чум и стала господствующим видом жилища на громадной территории от побережья Тихого океана до Олекмы. К западу от Олекмы у эвенков повсеместно сохранился чум, но в чум «вошла» печка. В работе Туголукова помещена авторская фотография (с.79), на которой хорошо видно, что труба от печки выведена через верхнее дымовое отверстие. Таким образом, при соблюдении симметричности чума она должна была находиться точно по центру. Василевич добавляет, что если использовалась палатка, то печь устанавливали посредине палатки, а труба коленом выводилась через переднюю ее часть (Василевич). Мы не будем дальше развивать «печной вариант», тем не менее, это важно отметить с учетом последующего выхода на этноархеологию.

Планировка чума

Важным является и внутренняя планировка чума. На небольшом удалении от очага с двух или трех сторон сооружался дощатый настил (со стороны входа он отсутствует). За настилом были спальные места. Это пространство зимой и летом покрывали толстым слоем хвои. Около входа вдоль стены устраивались маленькие подставки (дуна) для посуды. Запасы дров находились между входом и очагом. Напротив входа за очагом располагалось почетное место (малу) для гостей. Женщины и дети, должны были находиться, как правило, по бокам от входа на местах, называемых «бе».

В теплое время пища готовилась на костре (гулувун), который разводился рядом с чумом напротив входа. Поэтому отпадала не-

обходимость устанавливать срединную жердь. Летом чум часто не имел срединной жерди, так как эвенки все делали вне чума. Костер днем служил только для дымления шкур, которые набрасывались на верхнее соединение, а по вечерам - для освещения.

Итак, мы построили чум. Еще раз напомним, что при его строительстве руководствовались «указаниями» этнографов. В ряде случаев при его сооружении происходили «сбои». Это было вызвано стремлением разобраться в деталях строительства и в некоторых мелких неувязках в описаниях. Поэтому мы вносили уточнения, исходя из своего опыта «домостроения», но в целом не нарушали «инструкцию».

«Голомо» и другие формы жилищ

Мы подробно описали эвенкийский чум. Однако чум не был единственным жилищем у эвенков и поэтому следует упомянуть и о других формах жилищ. Это также может быть полезно не только для анализа древних забайкальских жилищ, но и жилищ других регионов Сибири. Еще одним коническим жилищем, характерным для потомков «сидячих» эвенков, был корьевой чум (голомо, утэн). Он устраивался на постоянном стойбище (мэнэен, тугэдэк). В таком чуме семья жила только зимой. Сооружали его из плах - расколотых пополам нетолстых стволов. Основа остова состояла из 4-5 плах. Их прислоняли друг к другу и иногда связывали вверху. В промежутках между ними устанавливались жерди с развилками на верхних концах. На развилку горизонтально укладывали нетолстые, разрубленные пополам короткие плахи, концы которых опирались на основные жерди. К этим поперечным плахам прислоняли вплотную остальные плахи. Затем снаружи жилище окапывали землей, обкладывали сверху дерном, а зимой еще и снегом.

Жерди могли устанавливаться и разреженно. В этом случае остов снаружи покрывался корой лиственницы, которая в свою очередь пригнеталась жердями. Вход в жилище, который был между двумя основными жердями, закладывался на высоту одного метра плахами. Зимой уровень снега доходил до высоты верхней плахи. Чтобы войти в жилище, нужно было спрыгнуть с порога. Дверное отверстие завешивали куском старой ровдуги, шкуры или ткани (Василевич, 1969, с.112).

Такой способ устройства жилища, по мнению Василевич, является пережитком очень древней традиции населения каменного века, устраивавшего жилище над углублением. Сделав такое заявление, тем не менее, она не развивает далее эту тему, не приводит конкретных сравнений с древними жилищами Сибири, которые были известны к тому времени. Речь в данном случае может идти о сравнении с уже широко известными жилищами Мальты и Бурети. На этом примере заметно существующее «разделение» наук или осторожность автора.

Называет Василевич и еще один вид жилища эвенков - куполообразный (марма). Он был распространен среди сымских эвенков и оякученных по языку эвенков нижней Лены. Строили его только на одну-две ночевки при перекочевках и только летом. Для сооружения жилища вырубали тонкие березки, оставляя в верхней части ветки. Березки втыкали по окружности, а концы веточек соединяли таким образом, что получалось подобие купола. Верх покрывали берестяными тисками, бока - нюком с чума. Внутри разводили костер, дым от которого выходил через открытую «дверь». Куполообразное жилище, крытое берестой, существовало и у забайкальских эвенков и использовалось как охотничье. Об этом сообщал Л.Я. Штернбергу С.М. Широкогоров. Сходное с марма жилище отмечалось на Алтае у шорцев, а также у хантов, селькупов и кетов как промысловое (Василевич, 1969, с.114).

Помимо вышеназванных у эвенков существовали еще два вида жилищ. Одно из них называлось «калта». Оно строилось из бревен в виде четырехугольника, а снаружи заваливалось землей и глиной. Эвенки с Нижней Тунгуски в начале XX в. помнили о жилище «калтамни». Для него вырывали яму, над которою устраивался конусообразный остов из разрубленных пополам стволов деревьев. Затем сверху остов покрывался дерном.

Василевич отмечает, что эвенки не имели промысловых жилищ. Обычно охотник устраивался на ночь у костра - гулувун. Костер, как правило, разводили под деревом с развесистыми ветками, под которым можно было найти защиту от дождя и снегопада. Костер устраивался из 3-4 уложенных друг на друга сухих лесин. Огонь распространялся вдоль стволов, и сухие деревья тлели всю ночь. На сухом месте, подостлав хвою, охот-

ник устраивался на ночь. Среди охотников восточных групп в XIX в. получил распространение ночлег в пологе. Полог (дямпан) шился с прямоугольным верхом, к центру которого привязывали длинную вязку, а к углам короткие. Для устройства полога связывали вверху 4 жерди, ставили их конусом, привязывали к связке срединную вязку полога, а к жердям - угловые. Зимой для ночлега перед костром устраивали наклонную стенку, крытую хвойными ветками (Василевич, 1969, с.109).

По другую сторону океана

Впервые сходство жилищ Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки отметил В.И. Иохельсон (1908). Речь шла о древних и современных подземных жилищах. Это отдельная тема и мы не будем касаться ее в своей работе. Близкие к эвенкийским формы жилищ существовали в недавнем прошлом у американских индейцев. Так Самюэл Хирн, путешествуя во второй половине XVIII в. по северу Канады, описывает следующий способ строительства вигвама зимой на заснеженной площадке. Глубокий снег протыкают шестом, отыскивая ровный участок. Затем до самого мха расчищается круглая площадка. Если вигвам ставится на одну или две ночи, то мох также удаляется (иначе он пересохнет и может загореться).

Затем вырезаются несколько шестов. Если ни на одном не окажется удобной развилки, то два шеста связываются у верхушки, а нижние концы разводятся. Остальные шесты расставляются с равным промежутком по окружности. Покрытие прикрепляется к легкому шесту, приделанному поверх остова. Он откидывается так, что когда все покрытие натягивается, вход оказывается с подветренной стороны. Покрытие изготавливается из тонкой лосиной кожи. Огонь разжигается посреди жилища под центральным отверстием. Пол выстилают сосновым лапником. Снаружи вигвам обкладывается верхушками сосен и сосновым лапником. Поверх них укладывают шкуры и наваливают сверху снег, чтобы в жилище не проникал холодный воздух (Фарли Моуэт, 1985, с.47-77).

4. Чум глазами этнографа и археолога

Еще раз, перечитав написанное, ощущаешь, что в нем чего-то не достает. В итоге приходишь к выводу, что «инструкция», по которой мы строили чум, неполная. Она написана этнографами, и теперь мы видим «этнографический чум». Везде в описаниях чума, выполненных Поповым, Василевич, Туровым и другими, в первую очередь описывается каркас жилища, назначение и названия отдельных его элементов, характеризуется покрытие. Это, конечно, очень важно. Но нам хотелось бы посмотреть на эвенкийский чум «глазами археолога». Нас особо интересует то, что находится «внизу», т.е. основание. Нельзя сказать, что этнографы этого не касались. Они приводят описание очага и показывают функциональное назначение различных мест в чуме.

И все-таки ... Возьмем, например, описание очага - «...разводили костер, обкладывая его с трех сторон плашками» (Василевич, 1969, с. 112). У нас сразу возникают вопросы. Размеры очага? Углубленный или нет? Какова мощность заполнения? Сколько и какие камни в обкладке, их размеры? «Место костра обкладывалось с трех сторон бревнами» - таково короткое описание очага у Турова (1990, с. 152). И снова возникают вопросы ... В «Атласе» описание очага отсутствует и показаны только рисунки, на которых очаг выложен дерном. Такая же ситуация и по ряду других позиций. Нас в итоге интересует не только функциональное расположение мест в чуме, хозяйственная деятельность, но и то, что после этого осталось.

И, что нас особенно удивило, нигде в тунгусоведческой литературе нет упоминаний о внешней обкладке. А для нас она является важнейшим элементом, который, собственно, (в нашем случае) и позволяет стопроцентно выделять жилища. Возникает вопрос: может быть на такую «малозначительную деталь» этнографы просто не обратили внимания? Но нет камней и на фотографиях в «Атласе», которые мы уже использовали. Правда, здесь не указаны места, где сделаны эти снимки. Напомним, что не везде в Сибири имеется камень, доступный для использования. В поисках сведений о внешних обкладках пришлось пересмотреть массу литературы о жилищах других сибирских народов (Зыков, 1986; История Сибири, 1968; Народы мира, 1956, Народы Сибири, 1956; Попов, 1948 и т.д.). И только в описании якутского

чума И.С. Гурвича мы встретили упоминание о внешней обкладке. Он сообщает, что нижний край покрытия летом обкладывали тяжелыми камнями, а зимой нижнюю часть чума заваливали на полметра или на метр снегом (Гурвич, 1977, с. 91-93). Итак, внешняя обкладка имеет место! Но насколько широко, где и у кого она была распространена?

Любопытная фотография имеется в «Атласе» (с. 191). На ней изображено шалашеобразное жилище орочей или удэгейцев, построенное непосредственно на галечнике! Хорошо видно, что речной бечевник сложен речными гальками и валунчиками. Из более крупных камней выложен очаг, который расположен перед входом в жилище ближе к реке. Нигде в описаниях мы не встречали, что жилище устраивалось на галечнике, но есть фото-факт. Напомним, что жилища на галечнике выявлены в культурном горизонте 19/4 на Студеном-1 (два рядом расположенных жилища) и 25 культурном горизонте Усть-Мензы-1. Подобных ситуаций в палеолите больше нигде не известно.

«Полом» жилища, изображенного на фотографии, служила непосредственно галечная поверхность. Естественно предположить, что это требовало определенных подготовительных действий по выравниванию поверхности. Наиболее крупные камни должны были отодвигаться в сторону или как-то использоваться. На более крупные камни мог быть положен настил из жердей (мы думаем, что в данной ситуации он был необходим). Скорее всего, эти камни и использовались для сооружения очага. И эти же камни шли на сооружение внешней обкладки. На фотографии хорошо видно, что нижняя часть покрытия придавлена речными валунчиками. Мы видим только фасад жилища (оно шалашеобразное), но естественно предположить, что камни расположены по всему периметру. Если снять покрытие и разобрать остов, то главным доказательством существования на этом месте жилища будет именно его внешняя обкладка, которая в данном случае будет прямоугольной формы.

Еще раз отметим, что и у Гурвича в описании якутского чума и судя по фотографии из «Атласа», внешняя обкладка из камней использовалась летом. Вариант размещения жилища непосредственно на галечнике (мы доказали, что он возможен) - это пример его кратковременного, летнего размещения.

Заслуживает внимания фотография чукотского жилища из «Атласа». Мы не будем приводить его описание, но укажем, на то, что его основание также выложено камнями. Причем камни впечатляют своими размерами. Другая часть камней поменьше размерами привязана к веревкам, которые во множестве перекинуты через куполообразную крышу жилища и придавливают верхнюю часть покрытия. В варианте с эвенкийскими чумами эту роль играли внешние жерди. Итак, мы все-таки нашли некоторые, хотя и скромные доказательства использования внешних обкладок из камней.

5. Эвенкийское стойбище: организация пространства

Войдя в область этнографии, мы коснулись пока только непосредственно жилищ. Имеется ли полезная для нас информация по организации эвенкийских стойбищ? Может быть, этнографические данные прольют определенный свет и на вопросы планиграфии древних поселений (выше мы как раз разобрали планиграфию Студеного-1). Естественно, переходя к этому вопросу, мы учитываем, что имеем дело не только с гигантской разницей во времени, но и с разными культурно-хозяйственными типами. Эвенки не только охотники и собиратели, но и оленеводы. Тем не менее, некоторые моменты устройства стойбищ могут быть нам полезны.

Г.М. Василевич сообщает, что среди эвенков были большие семьи, кочевавшие круглый год самостоятельно. Они всегда выбирали для стойбищ «красивые» места, расположенные на возвышенном берегу или на холме, откуда можно было далеко видеть, или на берегу реки. Чумы ставили рядом, а если собиралось несколько семейств - полукругом. Против входа разводили костер-гулувун для варки пищи и чая (Василевич, 1969, с. 108).

У Турова мы встречаем важные для нас сведения об обустройстве стойбища, о выборе места для чума. Он сообщает, что, придя на очередную стоянку и развьючив оленей, эвенки разводили гулувун, на котором кипятили чай. И только после чаепития начинали устанавливать чум и разбирать вещи. Вспомним, что во всех вышеописанных случаях устройства очагов тонкая углистая прослойка находилась под очажными камнями. Это тоже свидетельство последовательности действий человека. Види-

мо, древнее население края тоже начинало обустройство стойбища «с чая».

В случае, когда место стоянки совпадало с прошлым (стоянки, как правило, вновь посещались не ранее, чем через 4-5 лет) новые места для установки чума выбирались на новых площадках в нескольких метрах от старых «чумовищ». Это же правило действовало и в отношении гулувуна. При сооружении остова три основные жерди обязательно брались из остова чумовищ прошлых лет. Новые жерди изготавливались только в том случае, если старые приходили в полную негодность (Туров, 1990, с. 137). Помимо этого эвенки сооружали загоны и навесы для скота, дымокуры, лабазы и другие постройки. В целом мы получаем, конечно, совершенно иную картину организации стойбища, но в частностях можно найти удивительную закономерность.

Первоочередное разведение костра-гулувун для приготовления пищи перед началом сооружения чума. Костер-гулувун рядом с чумом.	Первоочередное разведение костра на месте будущего жилища. След кострища рядом с жилищем.

Немалые сложности возникали при необходимости сменить место стойбища. Во время кочевок остов чума разбирался, но не перевозился (исключение составляли районы тундры, где их перевозили на нартах). Покрытие чума перевозилось на оленях, для чего, в зависимости от размеров чума, требовалось два-три оленя (Туголуков, 1969, с. 80). После зимы, проведенной в зимних урочищах (стойбища, как правило, были в узких лесных долинах, расположенных в глубине хребтов), начинались летние кочевки. При этом все тяжелые и ненужные вещи (включая зимнее покрытие и одежду) оставляли в расположенных над землей лабазах.

Таковы результаты нашей попытки применить данные этнографии к проблеме реконструкции древних жилищ и поселений. Думаю, что нам удалось избежать попытки «сконструировать» палеолит по образцу и подобию «эвенкийского», но эвенкийская ретроперспектива была при этом полезна.

6. Выход на этноархеологию

Какое место может занять этноархеология в нашем исследовании? Есть ли ей место? С одной стороны, мы имеем жилища, относящиеся к палеолиту, с другой, войдя в область этнографии, мы описали традиционные жилища эвенков и других народов Северной Азии. Несмотря на гигантский разрыв во времени, мы нашли ряд общих черт. И все-таки, разрыв велик. Разумеется, приходит мысль о поисках «недостающего звена», точнее «недостающих звеньев» (если даже считать по эпохам).

Теперь попробуем взглянуть на интересующую нас проблему с точки зрения этноархеологии. Этноархеология получила распространение за рубежом в 1960-70-е гг. Предметом конкретного этноархеологического изучения стали группы населения на севере Северной Америки, продолжающие вести традиционный образ жизни охотников и собирателей. Полевые наблюдения и эксперименты, а также «этнографические раскопки» позволили получить интересные данные по планировке стоянок, расположению жилищ и т.д. (Д. Йеллен, Л. Бинфорд, Д.О. Коннелл).

Например, Л. Бинфорд исследовал распределение культурных остатков у костра под открытым небом у эскимосов нунамиут. По его сведениям люди располагаются около костра полукругом на расстоянии от него в 60-70 см. При дроблении костей оленя для добывания костного мозга мелкие обломки падают здесь же, образуя вокруг очага «зону падения остатков». Крупные кости отбрасываются в стороны и формируются две «зоны выброса» - передняя за огнем и задняя, состоящая из перебрасываемых через плечо костей. Расстояние выброса в среднем составляет 1,14 м. Как раз именно наличие полукруга или кольца остатков является свидетельством отсутствия искусственного ограждения. В жилищах такая ситуация не возникает (Binford, 1978, 1983).

Бинфордом разработана модель распределения остатков под открытым небом. Суть ее в том, что картина распределения остатков вокруг очага - асимметрична. С одной стороны, скопление остатков будет непосредственно налегать на край очага (соответствуя «передней зоне отбросов»), с другой, между оча-

гом с приочажной концентрацией («зоной падения остатков») и внешним скоплением («задней зоной отбросов») расположится участок с разреженными находками. По мнению С.А. Васильева, предложенная модель находит прямое соответствие с комплексом, вскрытым С.Н. Астаховым в третьем слое стоянки Голубая I (Васильев, 1996, с.187).

Этноархеологические исследования стали хорошим стимулом для собственно археологических исследований, придав им новый импульс. Выделение этноархеологами ряда функционально различных стоянок (долговременных, кратковременных охотничьих лагерей, мастерских, транзитных стоянок и т.д.) заставило археологов по-новому взглянуть на различия в материале стоянок, увидеть не хронологические, культурные, а функциональные различия. На их основе разработаны региональные реконструкции для верхнего палеолита некоторых районов Европы (М. Джохим, Р. Уайт, Б. Эриксон). Этноархеологические модели позволили определить факторы, обуславливающие расположение стоянок на местности, критерии оценки их функциональной специфики, т.е. способствовали разработке поселенческой стратегии.

Вышесказанное относится к Европе и Америке. Что мы имеем в Сибири в плане этноархеологических исследований? В монографии А.П. Деревянко, С.В. Маркина, С.А. Васильева «Палеолитоведение: Введение и основы» (1994) коротко говорится о возможности использования данных этнографии для реконструкции образа жизни, хозяйства и социальной организации в палеолите, термин же этноархеология не упоминается, хотя здесь же говорится о необходимости построения и для Сибири моделей экономики конкретных микрорайонов жизнедеятельности палеолитических обитателей, как это сделано во Франции, Испании и Германии. Создание же этих моделей стало возможно во многом благодаря данным этноархеологии.

Этноархеологические исследования коснулись и Сибири. Есть попытки теоретической проработки проблемы (Кузнецов, 1997). Отдельные исследователи пытаются применить результаты этноархеологических работ, например, Л. Бинфорда, к своим материалам (Васильев, 1996, 1997; Инешин, Тетенькин, 1998).

Действительно, Сибирь с ее просторами и пока еще слабо освоенными территориями может представлять прекрасный полигон для проведения этноархеологических исследований, так сказать, «золотое дно». К сожалению, сибирская археология и этнография, за редким исключением, не может пока похвастаться сколько-нибудь определенными успехами в этом направлении.

В 1997-99 гг. на севере Читинской области в Каларском районе в рамках международного проекта «Культурная антропология и экология обитания аборигенных народов Забайкалья» работала совместная российско-норвежская экспедиция. Полевые исследования проводились в эвенкийском селе Чапо-Олого, в долине р. Чины, в районе озер Чкаловского и Ничатка. Эти территории являются местами проживания эвенков, которые отчасти сохраняют традиционные формы хозяйства. Одной из целей экспедиции являлись этноархеологические исследования на местах прежних эвенкийских поселений (Кузнецов, 1997; Gron, Holm-Olsen, Tommervik, Kuzntsov, 1999; Поворознюк, 2000).

Судя по сообщению о некоторых предварительных результатах работы экспедиции, сделанному О.В. Кузнецовым на заседании лаборатории палеоэкологии ЗабГПУ, здесь выявлены места прежних эвенкийских стойбищ, которые расположены вплотную к современным. Под слоем мха были обнаружены очаги, а также следы жилищ. Основания жилищ совершенно определенно фиксировались по камням внешней обкладки. Очаг в центре отсутствовал, но здесь располагалось несколько камней. Размер одного из жилищ, а также число камней во внешней обкладке удивительно совпадали с жилищем № 1 культурного горизонта 19/4 поселения Студеное-1. «Раскопки» жилищ пока ограничились только их «зачисткой» в виде снятия мха.

Как видно, даже первые этноархеологические исследования крайне интересны и важны для нас. Совершенно очевидно, что следы жилищ относятся к этнографической современности. В центре данного жилища на камнях устанавливалась металлическая печка. О ее широком использовании с конца XIX в. мы уже писали выше, ссылаясь на Туголукова. Палатка с печкой в итоге вытеснила традиционный чум с очагом. Палатка имеет гораздо меньший вес в сравнении с традиционным покрытием, а печь была гораздо более экономична и дает больше тепла в сравнении с очагом. Но, главное, мы наглядно увидели внешнюю пунктирную обкладку из камней, которая четко обозначает место жилища. Выше мы сообщали, что о ней нет упомина-

ний в тунгусоведческой литературе. Здесь же она налицо, и данный пример не единичен. Чем объяснить данный феномен? Нам представляется, что этнографы часто просто не обращали внимания на столь «малозначительную деталь». Вряд ли можно представить, что внешняя обкладка из камней является «достижением» XIX-XX вв.

Исследовательскими этноархеологическими «площадками» могут быть не только районы севера области, но и Чикой-Хэнтэйского нагорье. Широкомасштабные археологические работы здесь до последнего времени проводились только в долинах рек Мензы и Чикоя. В 1999 г. исследования Чикойской археологической экспедиции впервые переместились с речных долин в высокогорье. Небольшим отрядом под руководством М.В. Константинова пройден маршрут в 300 км по притокам Мензы и высокогорью. Обнаружен ряд археологических памятников на высотах от 1500 м и свыше, в том числе на берегу высокогорного Буркальского озера (1860 м) (Попов и др., 1999, с. 31). Здесь пока не выявлены интересующие нас этнокультурные объекты, но это, на наш взгляд, вполне вероятно. Выше мы уже отмечали, что раньше эвенки жили по Мензе и Чикою. Обнаружение следов их жизнедеятельности вполне возможно в первую очередь в высокогорье, поскольку долинные приустьевые участки террас практически все распахивались с приходом русского населения.

Итак, в области этноархеологии в Сибири и Забайкалье делаются пока только первые шаги, но имеются уже положительные результаты. Работы в области этноархеологии свидетельствуют об интеграции наук, о необходимости сотрудничества специалистов смежных дисциплин. Собственно начинать исследование о древних жилищах можно и в обратном направлении, чем это сделали мы, то есть от этнографии к этноархеологии и археологии. Но в данном случае «центр тяжести» сместится к первым двум наукам. У нас несколько другой путь - идти «от археологии».

Заканчивая обзор зарождающейся сибирской этноархеологии, мы полностью согласны со словами С.А. Васильева о том, что «этноархеологические раскопки» не представляют собой готовых моделей для реконструкции прошлого, но они могут иметь определенное значение в качестве стимулов для размышления при работе археолога (Васильев, 1997, с.98).

«Оживление» изученных нами жилищ за счет этнографического и этноархеологического материала представляется нам вполне естественным и правомерным. В то же время отметим, что выразительность остатков жилищ такова, что сама по себе позволяет реконструировать их внешний облик жилищ и интерьер. В статье мы коснулись только вопроса реконструкции одинарных (одноочажных) жилищ. Однако выработанные подходы служат своеобразным ключом к реконструкции и более сложных древних жилищ - сложносоставных и больших многоочажных.

1. *Базаров Д-Д.Б., Константинов М.В., 1982. Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В.* Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. - Новосибирск: Наука. - 161 с.
2. *Васильев С.А., 1996.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). - СПб : Центр «Петербургское Востоковедение». - 224 с.
3. *Васильев С.А., 1997.* Использование этнографических данных для реконструкции верхнего палеолита в современной археологии // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. - СПб. - С. 98-100.
4. *Герасимов М.М.,1961.* Круглое жилище стоянки Мальта // КСИА. - Вып.82. - С. 28-53.
5. *Василевич Г.М., 1969.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-XX в.). - Л.: Наука. - 303 с.
6. *Гурвич И.С., 1977.* Культура северных якутов-оленеводов. - М.: Наука. - 244 с.
7. *Деревянко А.П., Маркин С.В., 1994. Васильев С.А.* Палеолитоведение: Введение и основы. - Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма. - 288 с.
8. *Иохельсон В.И., 1908.* Древние и полуподземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки // Ежегодник Русского антропологического общества. Т.II. - СПб. - С. 17-56.
9. *Зыков Ф.М., 1986.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов. - Новосибирск. - 99 с.
10. Историко-этнографический Атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. - М-Л.: Изд-во АН СССР. 1961. - 496 с.
11. История Сибири: Древняя Сибирь /Гл. ред. А.П. Окладников/. - Л.: Наука. 1968. Т.1. - 453 с.
12. *Константинов А.В., 1992.* Палеолитические жилища Чикойско-Мензинской провинции Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Санкт-Петербург. - 19 с.
13. *Константинов А.В., 1999.* История исследования палеолитических жилищ Сибири //... На пользу и развитие русской науки: Сборник статей. - Чита: изд-во ЗабГПУ. - С. 85-158.

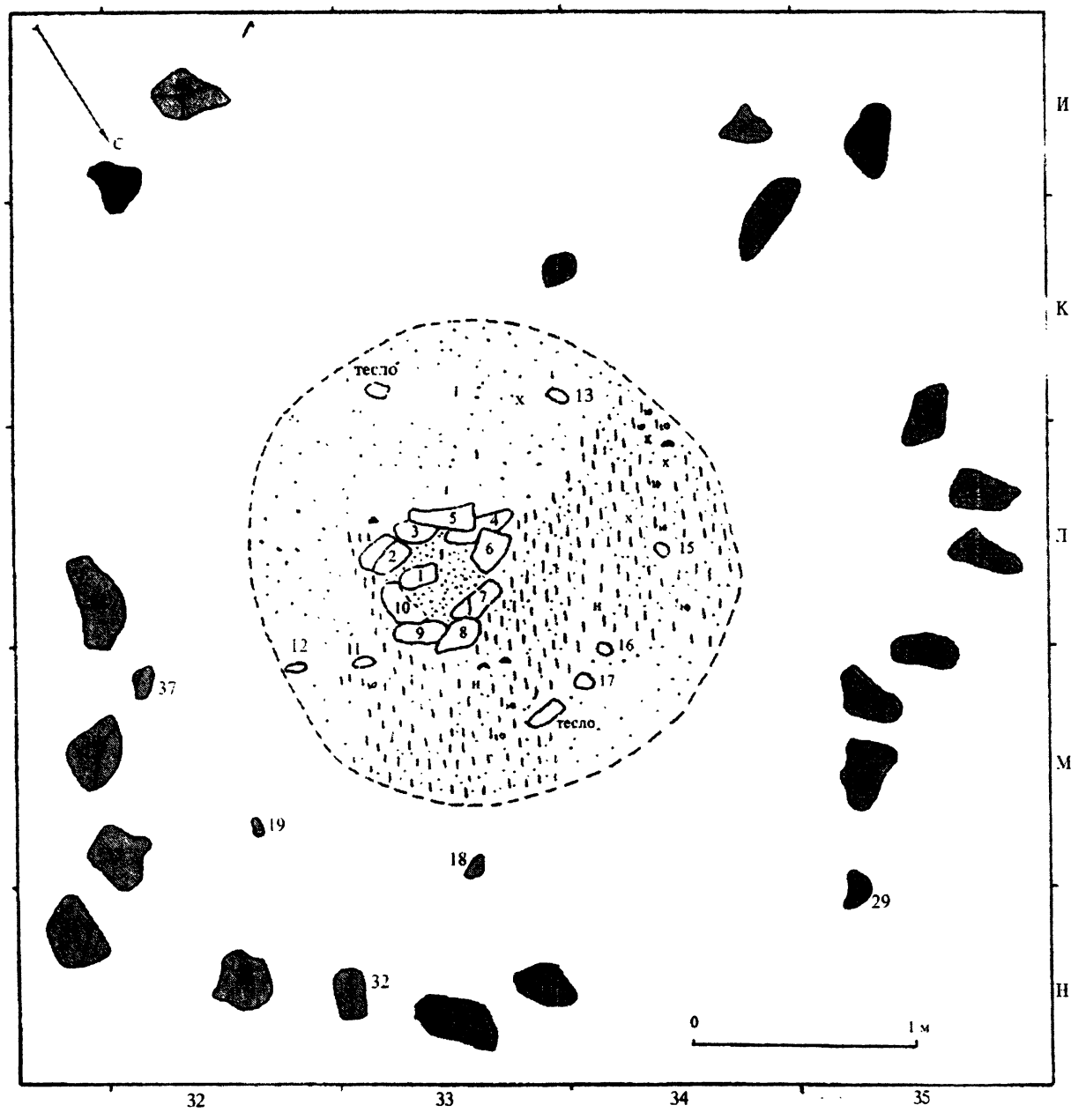


Рис. 1. Косая Шивера-1. Культурный горизонт 14. Жилище

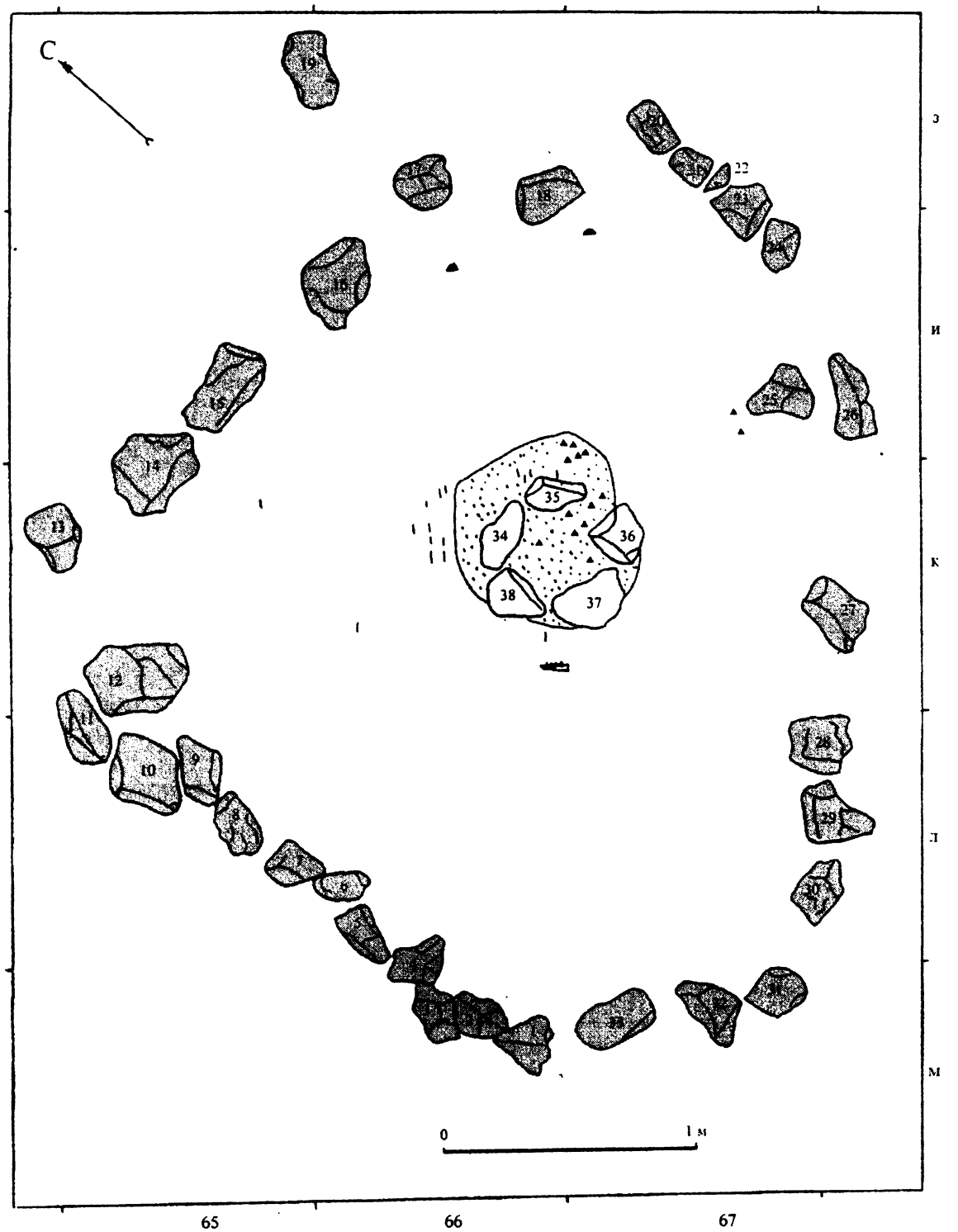


Рис. 2. Студеное-1. Культурный горизонт 19/4. Жилище № 1

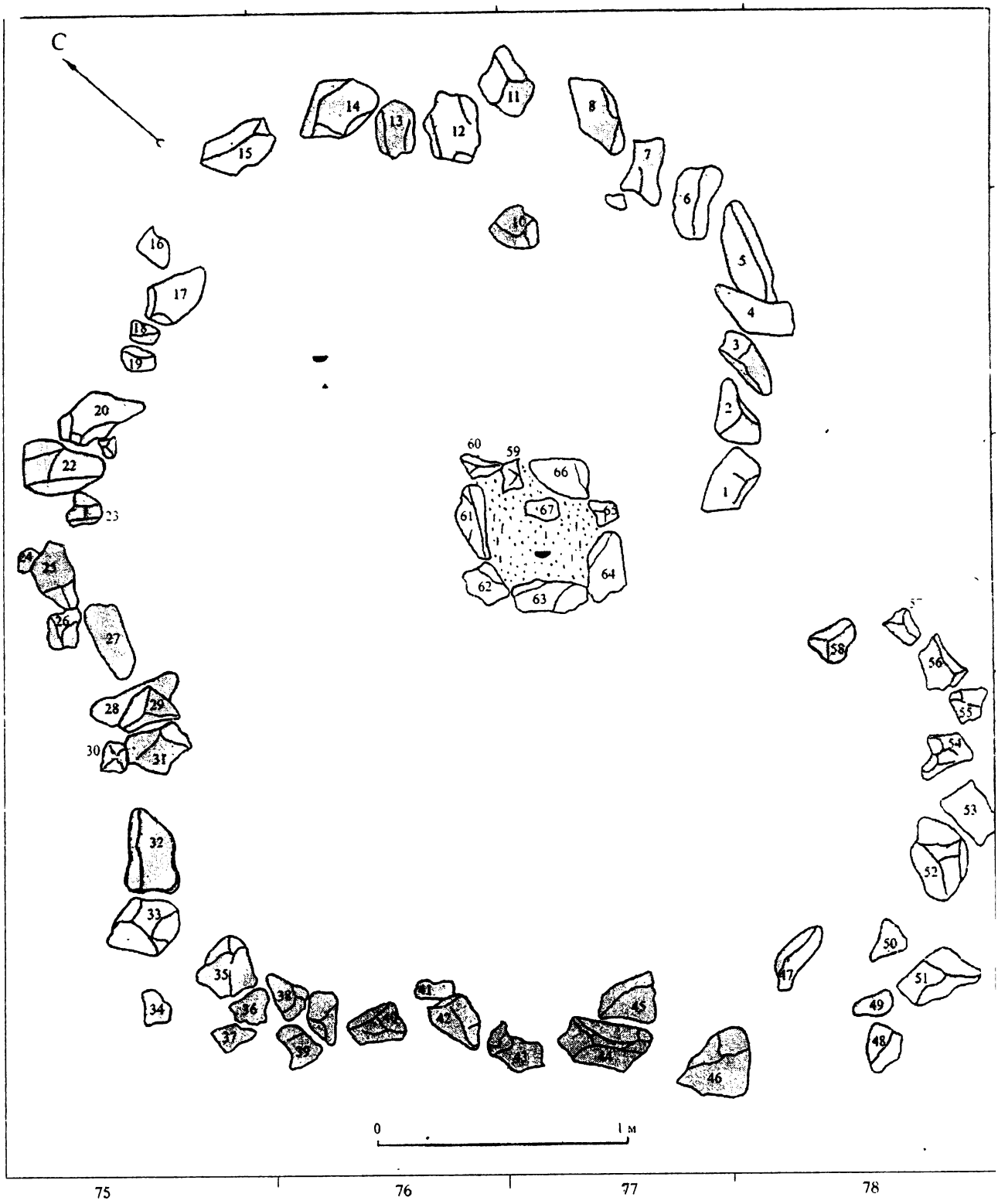


Рис. 3. Студеное-1. Культурный горизонт 19/4. Жилище № 2

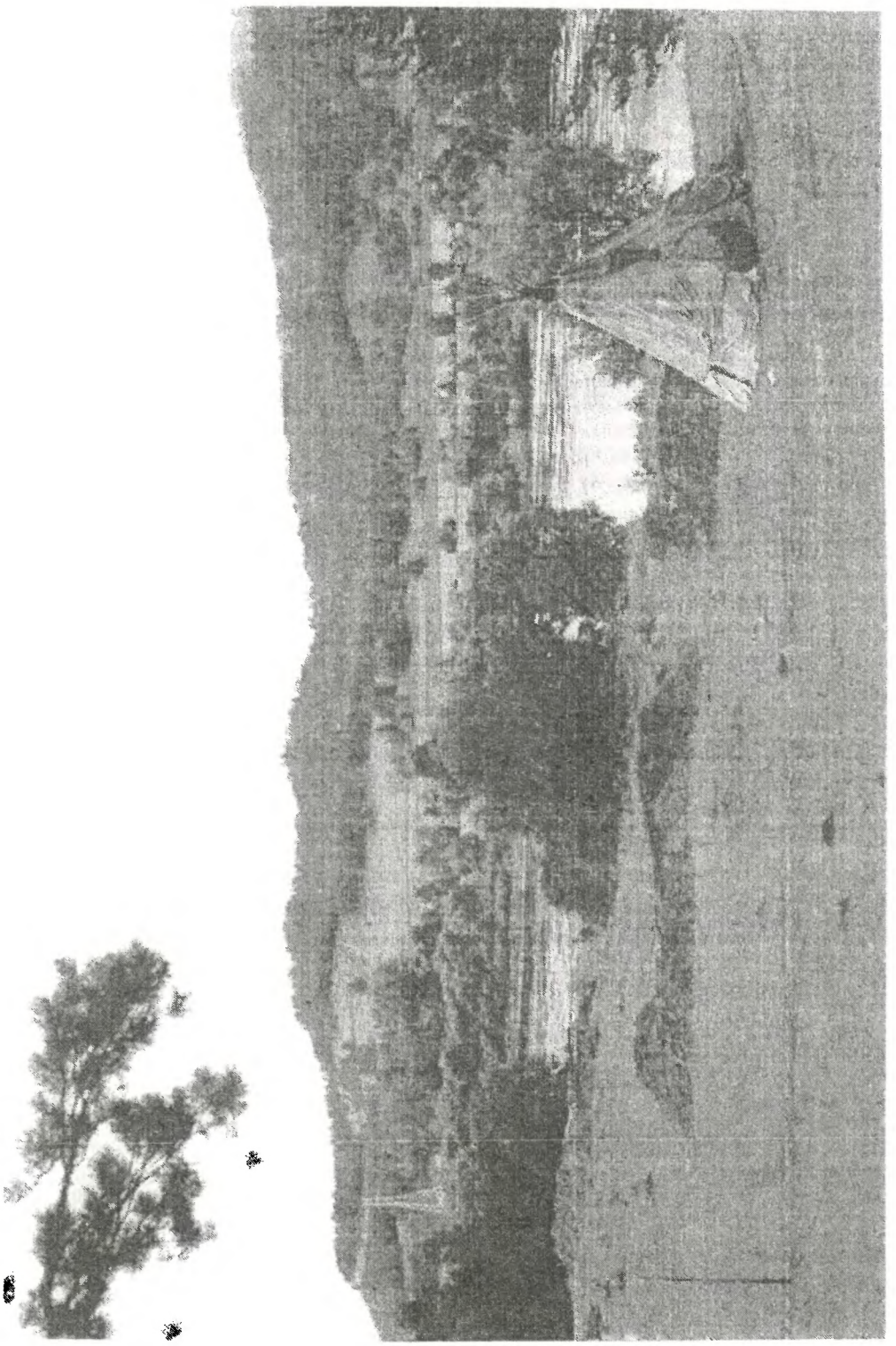


Рис. 4. Общий вид поселения Студеное

14. *Константинов А.В., 2000.* Большое многоочажное жилище на Студеном // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологически культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы международной конференции. - Красноярск: РИО КГПУ. - С. 71-73.
15. *Константинов А.В., Клейнос С.А., 1993.* Палеолитическое жилище на поселении Косая Шивера в Западном Забайкалье // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. - Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма. - С. 36-47.
16. *Константинов А.В., Шлямов К.О., 1987.* Палеолит Усть-Мензинского комплекса (возраст и характер) // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. - Улан-Удэ. - С. 150-167.
17. *Константинов М.В., 1994.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. - Улан-Удэ - Чита. - 200 с.
18. Краткий справочник туриста / Автор-сост. Ю.А. Штюрмер. - М: Профиздат. 1985. - 272 с.
19. *Кузнецов О.В., 1997.* Этноархеология охотников и собирателей // Гуманитарный Вектор. Вестник/ Забайкальского отделения Академии гуманитарных наук. - № 2. - С. 16-22.
20. *Майнов И.И., 1898.* Некоторые данные о тунгусах Якутского края // ТВСОРГО. Иркутск. - № 2. - 214 с
21. *Моуэт Ф., 1985.* Следы на снегу. - М. - 239 с.
22. Народы мира. Этнографические очерки. -1956. - М.: Л. - 1083 с.
23. Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина. Л.П. Потапова. - М.: Л.. 1956. - 1076 с.
24. *Пекарский Э.К., Цветков В.П.* Очерки быта приаянских тунгусов // МАЭ. Т.II. Вып. 1. - СПб. 1913.
25. *Поворознюк О., 2000.* Культурная антропология эвенков севера Забайкалья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Том 2. - Новосибирск: НГУ. - С.103-104.
26. *Попов А.А., 1948.* Нганасаны. - М.: Л. - 123 с.
27 *Попов А.А., 1961.* Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина. Л.П. Потапова. - М-Л.: - С.131-226.
28. *Попов В.П., Таскин Д.А., 2000.* Константинов А.М. Материалы к археологической карте горно-таежного Забайкалья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы 40 РАЭСК. Т.1. Новосибирск: Изд-во НГУ. - С.31.
29. *Туголуков В.А., 1969.* Следопыты верхом на оленях. - М.: Наука. - 213 с.
30. *Туров М.Г., 1990.* Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX- начале XX в. (принципы освоения угодий). - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. - 176 с.
31. *Binford L.R. 1978.* Dimensional analysis of behaviour and site structure: learning from an Eskimo hunting stand // AA. vol 43. n 3. P.330-361.
32. *Binford L.R. 1983.* In pursuit of the past. Decoding the archaeological record. L.: Thames and Hudson. 256 P
33. *Gron O., Holm-Olsen M., Tommervik H., Kuznetsov O.* Reindeer Hunters and Herders Settlement and Environmental Impact // Kulturminneforskningens mangfold august 1999 P.20-27

МОГИЛЬНИКИ АФАНАСЬЕВСКОГО ТИПА МОНГОЛИИ И ТУВЫ

А.Д. Цыбиктаров

(Вопросы культурной принадлежности и датировки)

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 02-01-00400а «Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья эпохи бронзы и раннего железа (сер. II - первая половина I тыс. до н.э., с использованием материалов оленных камней)».

В последние десятилетия XX в. на территории Монголии и особенно Тувы были проведены значительные объемы археологических раскопок в ходе работ СМИКЭ и ряда крупных экспедиций. Несмотря на это бронзовый век Центральной Азии до сих пор остается одной из наименее изученных эпох в древней истории региона. При этом энеолитический период является, пожалуй, самым слабым звеном. За исключением достаточно многочисленных петроглифов и некоторого количества случайных находок он представлен лишь несколькими могильниками афанасьевского типа: Алтан-сандал, Шатар-чулуу на территории Монголии и Байдаг-баары, Кызыл-Хая, Хайыракан I в Туве. Материалы всех памятников опубликованы (Волков, 1980; Новгородова, 1989, С. 81-84; Кызласов, 1979, С. 19-22; Мандельштам и др., 1979; Рева, 1995). В свое время открытие могильников афанасьевского типа так далеко на востоке евразийского материка, почти в центре Азии, сразу же привлекло внимание многих исследователей, давших оценку их материалам.

Каменно-земляные курганы из могильников Алтан-сандал в Ара-Хангайском аймаке и Шатар-чулуу в Баян-Хонгорском аймаке, расположенных на разных сторонах Хангайского хребта, содержали в неглубоких могильных ямах захоронения людей европеоидного типа. Костяки в них лежали на спине с согнутыми в коленях ногами и были окрашены охрой. Инвентарь в могилах отсутствовал. Немногочисленные находки были обнаружены между камнями кладок курганов. Сначала автор раскопок В.В. Волков и затем Э.А. Новгородова отметили их принадлежность к памятникам афанасьевского типа (Волков, 1980; Новгородова, 1989, с. 81-84). К афанасьевскому типу европеоидной расы относились и черепа из них (Мамонова, 1979, с. 205; 1980, с. 73; Тумэн, 1985, с. 4; Алексеев и др., 1987, с. 226, 238). При этом В.В. Волков и Э.А. Новгородова отмечали бо́льшую близость курганов из Алтан-сандала и Шатар-чулуу к афанасьевским курганам Горного Алтая, чем к минусинским (Волков, 1980, с. 16; Новгородова, 1989, с. 85-86). Они также выделили и другие материалы энеолитического времени подобные южносибирским и саяно-алтайским: случайные находки керамики афанасьевского типа из Ара-Хангайского аймака, жезлы с изображениями голов копытных животных и значительное число петроглифов в западных районах Монголии. На этом основании В.В. Волков и Э.А. Новгородова сделали вывод о том, что в энеолитическое время Западная Монголия входила в состав большой этнокультурной области, в которую входили Тува, Горный Алтай и Минусинская котловина (Волков, 1980, с. 16; Новгородова, 1989, с. 85-88, 118-119).

Неоднократно к курганам Алтан-сандала и Шатар-чулуу обращались и исследователи тувинских и горно-алтайских древностей в связи с анализом материалов афанасьевской культуры Алтая или курганов афанасьевского типа Тувы. В.А. Семенов связывает их с продвижением европеоидного населения из степей Восточной Европы на восток сначала в Южную Сибирь и затем далее в Монголию и интерпретирует курганы афанасьевского типа как самые восточные из памятников древней прототохарской миграции на восток (1983, с. 25; 1987, с. 19; 1993, с. 26,28). Он также отметил определенную близость погребений из Шатар-чулуу к захоронениям могильника Хайыракан I неподалеку от г. Новый Шагонар в Туве и сделал предположение о существовании особого варианта афанасьевской культуры в Центральной Азии, отличного от минусинского и алтайского. Для него «... характерно влияние местного субстрата, оставлявшего погребальный инвентарь в насыпях надмогильного сооружения» (Семенов, 1992, с. 78).

Материалы курганов афанасьевского типа Монголии и Тувы, пятого афанасьевского слоя многослойной стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея привлекли внимание В.И. Молодина при обобщении материалов эпо-хи энеолита и бронзы Горного Алтая и Южной Сибири в целом. Факт, с его точки зрения, генетической связи афанасьевских материалов с неолитическими слоями на Тоора-Даше позволил ему высказаться за автохтонное происхождение афанасьевской культуры в Центральной Азии (Молодин, 1992, с. 27; Деревянко и др., 1994, с. 7). В результате проникновения афанасьевского населения в Южную Сибирь произошло его смешение с населением местных культур и сложение в первой трети II тыс. до н.э. близких по облику культур - окуневской и каракольской (Молодин, 1992, с. 27; 1991, с. 13; 1993, с. 40).

Несколько позже, анализируя материалы раскопок афанасьевских курганов на плоскогорье Укок в Южном Алтае, к ним обратился Д.Г. Савинов. Он выделил конструктивные особенности бертекских курганов в виде наличия двойного кольца и заметил, что такие кольца «... характерны в первую очередь для курганов афанасьевской культуры Монголии, а также для некоторых курганов этого же времени в Туве» (Савинов, 1994, с. 131). В то же время Д.Г. Савинов отметил, что в разных районах Алтае-Саяно-Хангайского нагорья (в Горном Алтае, Туве, Минусинской котловине и Западной Монголии) памятники афанасьевской культуры имеют определенные особенности. Это позволило ему поставить вопрос о миграции афанасьевского населения в эти районы не только северным путем через Алтай в Минусинскую котловину, Туву и далее в Монголию, но и более южным вдоль северных предгорий горных систем Центральной Азии. По его мнению, это могло привести, при условии достаточно раннего проникновения афанасьевцев в Южную Сибирь и Монголию (на Алтай уже в середине IV тыс. до н.э.), к сложению на всей территории Алтае-Саяно-Хангайского нагорья единой культурной (археологической) общности, внутри которой уже тогда могли проявиться контуры

нескольких локальных вариантов. Вместе с тем афанасьевские курганы Бертека предварительно были датированы им III - началом II тыс. до н.э. (Савинов, 1994, с. 134-135).

Вскоре Л.И. Ревой были опубликованы материалы могильника Хайыракан I из Тувы. Он отнес его к алтайскому варианту афанасьевской культуры, отметив при этом близость погребального обряда хайыраканских курганов к обряду погребений Алтан-сандала и Шатар-чулуу (Рева, 1995, с. 21).

Таким образом можно констатировать большой интерес исследователей южносибирской археологии эпохи энеолита и ранней бронзы к материалам рассматриваемых западномонгольских могильников афанасьевского типа. Ни у кого не вызывает сомнения культурная принадлежность Алтан-сандала и Шатар-чулуу к памятникам афанасьевского типа. Д.Г. Савинов и В. А.Семенов поставили вопрос о существовании особого локального варианта афанасьевской культуры в Монголии или Центральной Азии, о чем писали также В.В. Волков и Э.А. Новгородова. В.И. Молодин высказал предположение о центральноазиатском происхождении афанасьевской культуры.

Несмотря на неоднократные обращения исследователей к материалам Алтан-сандала и Шатар-чулуу мы также хотели бы специально остановиться на них и высказать свое отношение к их историко-культурной оценке. В связи с этим кратко повторим их характеристику. Могильник Алтан-сандал находится в Ара-Хангайском аймаке Монголии на северной стороне Хангайского хребта в одноименной местности в верховьях р. Северный Тамир. Он состоит из нескольких десятков херексуров и обычных каменных курганов. Три раскопанных энеолитических кургана входили в группу из 6 сильно задернованных плоских насыпей, имели диаметр 4-4,3 м, высоту от 20 до 35 см. Насыпи каменно-земляные. Под ними располагались небольшие узкие могильные ямы с закругленными углами длиной 1,3-1,4 м и шириной 0,6-0,7 м. В одном случае яма была смещена к востоку, а в другом к юго-западу от центра. Глубина ям от уровня дневной поверхности составляла 80, 115-120 и 90 см[1]. Костяки лежали на спине с согнутыми в коленях ногами, два были ориентированы головами на восток, а один - на запад. Кости двух скелетов и дно одной из ям были густо покрыты охрой. На третьем костяке имелись следы охры. Инвентарь и какие-либо вещественные находки отсутствовали (Волков, 1980, с. 13-14; Новгородова, 1989, с. 82-83).

Могильник Шатар-чулуу находится в Баян-Хонгорском аймаке Монголии на южной стороне Хангайского хребта в долине с одноименным названием на левом берегу р. Туин-гол. В ней располагаются различные памятники, в том числе огромные херексуры и большая группа плиточных могил с оленными камнями. Три раскопанных энеолитических кургана находились на самом краю долины. Диаметр составлял 6,5 м, 7 и 10 м, высота - 35-40 см и 1 м. Под насыпями располагались двойные кольцевые кладки. Внутри находились ямы размерами 2,8 х 2; 2,5 х 0,9; 1,6 х 0,9 м и глубиной 0,7 - 1 м от уровня древней поверхности[2]. Костяки в двух могилах лежали на спине с согнутыми в коленях и обращенными вверх ногами, а в кургане № 3 - на правом боку в скорченном положении. Костяки в курганах № 1 и 3 были ориентированы на восток, в кургане № 2 - на запад. Все костяки и в двух случаях дно ямы были интенсивно окрашены охрой. В северной части кургана № 1 между кольцевыми кладками были найдены фрагменты керамики с резным орнаментом. Под камнями кольцевой кладки кургана № 2, так же в северной части, находился нож, изготовленный на отщепе яшмы красного цвета. В заполнении ямы кургана № 3 были найдены обломок клыка кабана и фрагменты толстостенного сосуда, орнаментированные елочным узором (Волков, 1980, с. 14-15; Новгородова, 1989, с. 83-84). Черепа из Шатар-чулуу относятся к европеоидному типу и обнаруживают близость к афанасьевским черепам Южной Сибири (Мамонова, 1979, с. 205; 1980, с. 73; Тумэн, 1985, с. 4; Алексеев и др., 1987, с. 226, 238).

Находки из курганов № 1-3 были осмотрены нами в хранилище археологических коллекций Института истории АН Монголии в Улан-Баторе - коллекции В-024 (ХТ-3), В-024 (ХТ-2), Х-059, М-007 (ХТ-26). Два фрагмента керамики размерами 5,5 х 5 см и 5,5 х

[1] Глубина могильных ям указывается с учетом вычета высоты курганов от указанных авторами публикаций общей глубины ям от поверхности кургана.

[2] Глубина 1 м для ямы кургана № 1 и 0.7 м для ямы кургана № 3 указаны с учетом вычета высоты кургана в 0.7 м от глубины ямы 1.7 м от вершины насыпи кургана № 1 и высоты кургана 0.35-0.40 м от глубины ямы 1.1 м от вершины кургана № 3.

5,5 см из кургана № 1 имели технический орнамент на внешней и внутренней сторонах в виде следов заглаживания поверхности крупными грубыми расчесами (рис. 1) наподобие следов от заглаживания зубчатой пластинкой, встречающихся на афанасьевской керамике Среднего Енисея и Горного Алтая (Грязнов, Вадецкая, 1968, с. 162; Цыб, 1984, с. 10). Фрагмент ножа из яшмы из кургана № 2 имеет длину 6 см и ширину 4 см. Лезвие его обработано мелкой ретушью (рис. 2). Из кургана № 3 происходят фрагмент клыка кабана и более 15 фрагментов керамики афанасьевского типа. Они имеют толщину 9-11 мм, цвет светло-коричневый снаружи и изнутри, в изломе внутри черный. Внутренняя и внешняя поверхности имеют следы заглаживания. Фрагменты украшены елочным орнаментом, нанесенным в двух плоскостях и в разной технике. Одна полоса елочного рисунка наносилась горизонтально в гребенчатой технике, а другая - вертикально по отношению к первой резными линиями. Но елочный рисунок в обоих вариантах однотипен (рис. 1).

Нам хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности, которые, как нам кажется, дополняют немногочисленные сведения по очень важному и слабо известному энеолитическому периоду древней истории западных районов Монголии. При безусловно общих чертах, характерных для Алтан-сандала и Шатар-чулуу и свидетельствующих об их принадлежности к памятникам одного круга, у них так же достаточно отчетливо прослеживаются особенности, которые заслуживают более пристального внимания и соответствующей оценки. Во-первых, обращает внимание присутствие в каждом из памятников, при совсем небольшом количестве раскопанных курганов, диаметрально противоположных ориентаций погребенных на запад (в сумме 2 раза) и на восток (в сумме 4 раза). Во-вторых, Шатар-чулуу отличается от Алтан-сандала как конструкцией курганов - наличием двойных кольцевых выкладок внутри насыпей, так и устройством могильных ям - бо́льшими размерами в длину и ширину, в Алтан-сандале ямы узкие. В-третьих, в Алтан-сандале погребения полностью безинвентарные, а в Шатар-чулуу находки присутствовали, хотя и не в самом погребении непосредственно. Наличие явных различий как между погребениями внутри памятников, так и между ними свидетельствует, как нам представляется, о смешанном характере памятников, о присутствии в афанасьевском в целом облике погребального обряда черт инокультурного происхождения. В связи с этим заслуживает внимания и некоторая переоценка антропологической характеристики черепов из Шатар-чулуу. В одной из своих последних работ И.И. Гохман, привлекая их для сравнения с черепом из безинвентарного захоронения в херексуре из Худжиртэ, дал им следующую оценку: «Уцелевшие в могилах два черепа · характеризуются *преобладанием* (курсив наш - А.Ц.) европеоидных особенностей» (Гохман, Влчек 1991, с. 53). Как видим, речь уже не идет о чисто европеоидном типе черепов погребенных в курганах Шатар-чулуу. Возможно, в них все же есть небольшая примесь монголоидности.

Прежде всего отметим, что в целом все исследователи, обращавшиеся к материалам курганов из Алтан-сандала и Шатар-чулуу, справедливо отмечали их бо́льшую близость к афанасьевским памятникам Алтая, чем к минусинским. Однако полных аналогий особенностям их погребального обряда среди афанасьевских памятников Алтая нет, аналогии прослеживаются лишь отдельным из них.

На Алтае раскопано, по данным Н.Ф. Степановой, 140-150 афанасьевских погребений (Степанова, 1994, с. 50; 1996, с. 54). В.В. Волков и Э.А. Новгородова описали насыпи раскопанных курганов как состоящие из мелкого камня, гравия и земли, т.е. как каменно-земляные (Волков, 1980; Новгородова, 1989, с. 82-84). На Алтае, как известно, в основном распространены ограды-кромлехи и ограды-стенки. Однако, хотя и не часто, но все же встречаются насыпи или, как писал С.В. Киселев, невысокие курганы из камней, перемешанных с землей. Они зафиксированы на могильниках Куюм, Курота, Арагол, Ян-Улаган, Бике I и отмечаются в работах общего характера (Киселев, 1949, с. 34-35; Хлобыстина, 1975, с. 17-19, 24; Степанова, 1991, с. 50; Абдулганеев, Ларин, 1992, с. 35; Владимиров, Степанова, 1994, с. 3; Кубарев и др., 2001, с. 33). Под насыпями двух курганов № 1 и 2 в Шатар-чулуу были выявлены двойные кольца (Волков, 1980, с. 14; Новгородова, 1989, с. 83). Такие двойные кольца не являются характерной особенностью алтайских афанасьевских памятников, но все же иногда там встречаются - могильники Курота, Бойтыгем 2, Бертек 33 (Кисе-

лев, 1949, с. 35; Абдулганеев, Ларин, 1992, с. 35; Абдулганеев, Ларин, 1994, с. 25-26; Савинов, 1994, с. 40-41, 4, 47, 131, рис. 27-28; Владимиров, Степанова, 1994, с. 3). В монгольских курганах могильные ямы имели овальные очертания и по пропорциям были сравнительно узкими (Волков, 1980; Новгородова, 1989, с. 82-84). На Алтае преобладают прямоугольные в плане ямы - 55 %, овальных ям гораздо меньше - 26 % (Цыб, 1984, с. 9). Часто они имеют достаточно большую ширину по отношению к длине (см. работы перечисленных выше авторов и др.). Отсутствие деревянных перекрытий над могилами в монгольских памятниках отмечать нет смысла, т.к. они могли не сохраниться.

В могилах всех западномонгольских курганов зафиксировано использование охры, причем в пяти из шести случаев очень обильное и интенсивное. Использование охры характерно для алтайских погребений, но из них в 47 % характеризуется как обильное, в 12 % - частичное и в 41 % погребений охра отсутствовала (Цыб, 1984, с. 9). В Алтан-сандале и Шатар-чулуу преобладала ориентация костяков головой на восток - в 4 случаях, на запад - 2 случая. На Алтае ситуация противоположная. В 55 % погребений умершие были ориентированы головой на западный сектор, в 17-19 % - на восточный сектор (Цыб, 1984, с. 9; Степанова, 2000, с. 104). Особое внимание обращает на себя практически абсолютная безинвентарность могил из Монголии. В них отсутствовали даже керамические сосуды и только в двух курганах Шатар-Чулуу: в № 1 - между камнями кольцевых выкладок и в № 3 - в заполнении могильной ямы недалеко от древней поверхности находились фрагменты керамики, которые все же не давали какого-либо четкого представления о форме сосудов и особенностях расположения орнамента на их поверхности. В Горном Алтае из 140-150 афанасьевских погребений только 20 не содержали инвентаря, т.е. являлись безынвентарными (Степанова, 1996, с. 54), что составляет 13,3-13,5 %. Таким образом безынвентарный обряд погребения в целом не характерен для афанасьевских памятников Алтая. В связи с отсутствием керамики в могилах Алтан-сандала и Шатар-чулуу интересны следующие сведения об особенностях погребального обряда афанасьевцев Алтая. Специальное исследование В.Н. Владимирова и Н.Ф. Степановой, посвященное выделению эталонных признаков афанасьевской культуры Алтая на материалах четко и достоверно описанных в источниках погребений, показало, что в целом для афанасьевцев было характерно сопровождение умерших глиняной посудой и наличие примерно в трети случаев другого сопроводительного инвентаря (Владимиров, Степанова, 1994, с. 5). Эти особенности абсолютно не вписываются в характеристику монгольских погребений.

Вместе с тем на Алтае имеется несколько памятников, которые обладают пусть не всей совокупностью особенностей, свойственных монгольским памятникам, но достаточно многими из них. Прежде всего это курганы № 11, 13 и 16 могильника Бойтыгем 2. Они имели, как и монгольские курганы Шатар-чулуу, двойные кольцевые ограды диаметром 7 - 4,5 м, 6 - 3 м и 7 - 2,5 м. В могилах подпрямоугольной формы длиной от 1,6 до 2 м, шириной от 1 до 1,7 м и глубиной от 0,65 до 1 м костяки лежали на спине с согнутыми в коленях ногами. В могилах инвентарь отсутствовал, за исключением бронзовой пластинки в кургане № 11. Но среди камней насыпи кургана № 16 были найдены отщеп и скребок, а кургана № 13 - кости животных. Однако охра почти не использовалась в погребальном обряде, только в могиле кургана № 11 в северо-восточном углу находилось скопление охры. В двух определимых случаях костяки были ориентированы головой в западный сектор (Абдулганеев, Ларин, 1994, с. 25-26). Значительная близость прослеживается между курганами Алтан-сандала и горноалтайскими афанасьевскими памятниками арагольского типа (по М.Д. Хлобыстиной) из могильников Арагол, курганы № 1, 2, 3, 4, 6; Ян-Улаган, курган № 1; Куюм, могилы № 1, 2. Эти захоронения характеризуются каменно-земляными насыпями, безынвентарными захоронениями (только в одном было найдено три фрагмента керамики), ориентацией на восточный сектор (в одном случае на юг), обильным использованием охры. Костяки лежали на спине, однако в большинстве случаев с вытянутыми ногами и только в одном - с согнутыми в коленях ногами (Хлобыстина, 1975, с. 17-18, 24, 26, 33). Такими же особенностями характеризуется курган № 35 могильника Бике I. Его каменно-земляная насыпь имела размеры 7x8,5 м, высоту около 50 см. В яме размерами 320x250 см на глубине 110 см нахо-

дилось парное захоронение женщины и ребенка 5-6 лет, лежащих на спине головой на восток, руки вдоль туловища, ноги согнуты в коленях. Зафиксированы пятна охры. Сопроводительный инвентарь отсутствует (Кубарев и др., 2001, с. 33-34, рис. 8).

Определенную информацию дает сопоставление особенностей монгольских курганов афанасьевского типа с особенностями ранних и поздних памятников афанасьевской культуры Горного Алтая. В целом факт выделения ранних и поздних памятников никем из исследователей не оспаривается. Важные шаги в этом направлении были сделаны М.Д. Хлобыстиной (1975) и С.В. Цыбом (1984, с. 11-13; 1980; 1988). Но, спустя некоторое время, само содержание комплекса признаков ранней и поздней группы памятников стало предметом дискуссии (Кубарев и др., 1990, с. 83-84, 86-87; Степанова, 1991).

Очень важную работу по выявлению эталонных памятников с оградами-стенками и оградами-кромлехами, используя источники с полноценными не вызывающими сомнения сведениями из представительной серии курганов того и другого типа, провели Н.Ф. Степанова и В.Н. Владимиров. Это позволило им выделить характерные особенности указанных выше двух основных групп афанасьевских памятников Алтая и высказаться по двум важным вопросам. Во-первых, они установили ряд признаков, характерных для обеих групп, и на их основании выделили общие черты, присущие афанасьевскому погребальному обряду в целом. Они выглядели следующим образом: скорченное на спине положение костяка, ориентация преимущественно в западный сектор, окраска погребенного охрой, остродонная и круглодонная керамика, а также наличие примерно в трети случаев другого сопроводительного инвентаря. Во-вторых, проделанная работа позволила им высказать ряд справедливых замечаний по проблеме относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая. Они усомнились в правомерности некоторых признаков ранней группы афанасьевских памятников.

Проанализировав полученные результаты, В.Н. Владимиров и Н.Ф. Степанова в итоге пришли к заключению, что на современном уровне знаний «пока невозможно предложить полную схему относительной хронологии афанасьевских памятников, но в то же время нельзя не отметить некоторых тенденций» (Владимиров, Степанова, 1994, с. 7). Из ранних признаков устойчивую позицию сохранила обильная или полная окраска охрой, которая в поздних уменьшается или исчезает. Количество достаточно надежных поздних признаков получилось несколько шире: положение погребенного на боку, плоскодонная керамика, снижение окраски охрой (Владимиров, Степанова, 1994, с. 6). В разработке относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая важное место занимало соотношение оград-стенок и оград-кромлехов. Более того, им придавалось значение хронологических индикаторов (см. Цыб, 1980; 1984). Изучив особенности этих типов памятников, В.Н. Владимиров и Н.Ф. Степанова пришли к выводу о том, что «вероятнее всего, обе традиции сооружения надмогильных конструкций являются отражением этнографических различий оставившего их населения и существовали длительное время, о чем свидетельствуют изменения в погребальном обряде и инвентаре» (1994, с. 6-7). В результате, несмотря на важность проведенной работы, эти исследователи оставили открытым вопрос об относительной хронологии афанасьевских памятников Алтая.

Таким образом, можно заключить, что определенное значение для решения этого важного вопроса сохраняют как разработки их предшественников, прежде всего М.Д. Хлобыстиной и С.В. Цыба, так и Н.Ф. Степановой и В.Н. Владимирова. Многие исследователи к числу ранних признаков относят (или в принципе не возражают против этого) захоронения на спине с вытянутыми или, что допустимо, согнутыми в коленях ногами, ориентацию на восточный сектор, обильное использование охры, отсутствие инвентаря или его малочисленность. К поздним признакам относятся захоронения на боку, снижение окраски охрой и ее исчезновение, наличие плоскодонной керамики, появление разнообразного инвентаря, в том числе металлического, деревянного (Хлобыстина, 1975; Цыб, 1984, 1980, 1988; Могильников, 1987; Суразаков, 1987; Кубарев и др., 1990, С. 86-87; Степанова, 1991; Савинов, 1994; Владимиров, Степанова, 1994; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1997 и др.). В абсолютной хронологии группа ранних афанасьевских памятников датируется IV - первой четвертью III тыс. до н.э., а группа поздних памятников - второй четвертью III - первой четвертью

II тыс. до н.э. (Цыб, 1984, с. 12-13; 1988; Хлобыстина, 1975, с. 22, 33; Кирюшин и др., 1981, с. 31; Кирюшин, 1991, с. 44; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1997, с. 61-62).

Если рассмотреть материалы курганов афанасьевского типа из Алтан-сандала и Шатар-чулуу под углом зрения их места в относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, то можно отметить следующее. По своим особенностям они занимают позицию ближе к ранней группе памятников. Об этом свидетельствуют обильное использование охры в погребальном обряде, отсутствие инвентаря в могилах и наличие редких находок между камнями насыпи и в заполнении ямы почти на уровне древнего горизонта, ориентация на восточный сектор. Эти же особенности характерны и для ранних погребений древнеямных племен. «На раннем этапе они совершены в скорченном положении на спине, ориентированы на восток, засыпаны охрой, часто безынвентарны» (Мерперт, 1982, с. 328). В то же время положение 5 костяков на спине скорченно, а одного скорченно на правом боку, ориентация в 2 случаях из 6 на западный сектор сближает их с поздней группой афанасьевского населения Алтая. Однако отметим, что положение на спине скорченно допускается и для ранних погребений, а западная ориентация трактуется как устойчивая черта афанасьевского погребального обряда. В целом же в погребальном обряде групп населения афанасьевского типа, оставивших могильники Алтан-сандал и Шатар-чулуу, присутствует больше ранних признаков, чем поздних. Они занимают положение как бы между ранними и поздними памятниками в относительной хронологии. Это позволяет в качестве предположения высказать мнение о том, что они должны датироваться в абсолютном отношении, видимо, концом IV - началом III тыс. до н.э. Возможно датировка началом III тыс. до н.э. более предпочтительна. В то же время можно отметить, что могильник Алтан-сандал по сравнению с Шатар-чулуу выглядит несколько более архаичным, в его погребениях вообще отсутствовал какой бы то ни было инвентарь. Поэтому он может быть несколько старше Шатар-чулуу.

Памятники энеолитического времени, в том числе афанасьевского типа, были обнаружены и в Туве. Это три кургана могильника Бай-Даг баары I на левом берегу р. Шурмак в 5 км ниже одноименной деревни у северного склона хребта Танну-Ола и один курган могильника Кызыл-Хая на плато по левому берегу р. Тыттыг-Хема в 6 км от пос. Самагалтай. Памятники открыты и исследованы Л.Р. Кызласовым (1979, с. 19-22). Первые три кургана представляли собой каменно-земляные насыпи диаметром от 6 до 12 м высотой 0,3-0,7 м. По краям курганы № 2 и 3 были обложены крупными камнями и обломками скалы. Раскопки выявили ямки, угольки, золу, прокалины, обломки керамики, кости животных. Захоронения отсутствовали. Энеолитический возраст (афанасьевское время) был определен по обломкам сосудов полуяйцевидной формы с невыраженным венчиком и выпуклым дном, сплошь покрытых оттисками овального зубчатого штампа, образующего елочный и зигзагообразный узор. Венчик одного из сосудов был орнаментирован поверху косыми насечками и ямочными вдавлениями под горловиной. По мнению Л.Р. Кызласова, особенности керамики и устройство курганов находили аналогии в памятниках афанасьевской культуры Минусинской котловины и Алтая. Курганы Бай-Даг баары I являлись жертвенно-поминальными и были связаны с заупокойным культом, совершавшимся по погибшим на стороне людям (Кызласов, 1979, с. 20-21).

Курган № 1 Кызыл-Хая представлял собой плоскую каменно-земляную насыпь неправильной округлой формы диаметром 6 х 5,8 м, высотой около 0,3 м. В яме 1,85 х 0,93 м, глубиной 0,7 м, перекрытой жердями, находилось захоронение мужчины резко выраженного европеоидного типа с удлиненной черепной коробкой. Скелет лежал на спине с согнутыми в коленях, направленными вверх ногами. Под головой берестяная подушка. В области таза лежала пронизка из медной проволоки в виде спирали в три оборота. Других находок не было. По особенностям погребального обряда и инвентарю Л.Р. Кызласов датировал курган афанасьевским временем. Вследствие малочисленности материалов он воздержался от заключения о вхождении территории Тувы в область расселения племен афанасьевской культуры (Кызласов, 1979, с. 22).

В 1978 и 1987-1988 гг. А.М. Мандельштам и Л.И. Рева раскопали небольшой могильник Хайыракан I у одноименной горы на террасе левого берега Енисея неподалеку от г. Новый Шагонар (Мандельштам и др.,

1979; Мандельштам, 1979, Архив, с. 1-3, 32; Рева, 1995). В его состав входило 5 курганов из камней диаметром до 8 м. В юго-западном секторе кургана № 5 кладка имела прямоугольную пристройку размерами 1,8 х 1,4 м. Под насыпями располагались кольцевидные или подовальные сооружения диаметром от 4 до 6 м. В центре находились могильные ямы подпрямоугольной, трапециевидной формы длиной от 1,8 до 2,5 м, шириной от 0,6 до 1,8 м и глубиной от 0,6 до 1,05 м. В кургане № 5 яма была незначительно смещена к северу. Могилы были ограблены в древности. В заполнении ям встречались остатки дерева, угольки, кости животных и человека. В заполнении могилы № 2 на глубине 0,3 - 0,5 м встречены остатки деревянных плах, лежащих поперек ямы, вероятно, составлявших перекрытие могилы.

Судя по сохранившимся останкам скелетов, умершие лежали на спине с подогнутыми в коленях ногами, ориентированные головой на З и ССЗ. В могиле кургана № 1 лежали частично сохранившиеся скелеты двух человек. На них и на дне могилы зафиксирована охра. Охрой было посыпано дно могилы кургана № 2. На дне ямы кургана № 5 встречались древесные угли, пятна органического тлена, в средней части ямы, предположительно в районе кистей - пятна охры. Непосредственно в могилах инвентарь отсутствовал, что объясняется, видимо, ограблением. Но между камнями кладок и в заполнениях могильных ям находки присутствовали.

Между камнями кургана № 1 находились фрагменты от двух сосудов с прочерченным орнаментом из опущенных вниз вписанных треугольников с заштрихованным внутренним пространством. Между камнями кладки № 2 найден фрагмент венчика сосуда диаметром около 20 см. Горизонтальный срез венчика и тулово украшены елочным орнаментом, под венчиком располагался ряд жемчужин, налепленных снаружи и отделенных друг от друга тремя насечками. В заполнении могильной ямы кургана № 4 найдены три ромбовидных каменных наконечника стрелы, секировидный вкладыш и фрагмент венчика сосуда со слабыми оттисками гребенчатого штампа. В выкиде грабительской ямы кургана № 5 найден фрагмент придонной части остродонного сосуда, вылепленного ленточным способом. У самого дна сосуд не орнаментирован, выше располагались горизонтальные ряды елочного орнамента, нанесенного наклонными оттисками палочки. Под одним из крупных камней было найдено еще несколько фрагментов керамики от венчика слабопрофилированного сосуда с жемчужным орнаментом и от вазочки на поддоне, орнаментированного оттисками отступающей палочки и сеткой из таких же оттисков (Мандельштам и др., 1979; Мандельштам, 1979, Архив, с. 1-3, рис. 2-9; Рева, 1995). По материалам кургана № 5 Л.И. Рева восстановил первоначальный вид конструкции. Ее кольцевидная ограда была сооружена из крупных камней, уложенных в 5-6 рядов на высоту 1-1,2 м на уровне древней поверхности (1995, с. 19).

А.М. Мандельштам отнесся к интерпретации раскопанных им курганов у горы Хайыракан достаточно осторожно и высказал предположение о возможной датировке их эпохой бронзы (Мандельштам и др., 1979, с. 247; Мандельштам, 1979, Архив, с. 32). В.А. Семенов синхронизировал находки из раскопок А.М. Мандельштама и Л.И. Ревы с материалами пятого афанасьевского слоя Тоора-Даш и датировал курганы Хайыракана афанасьевским временем. Он также отметил аналогии с материалами раскопок В.В. Волкова у г. Баян-Хонгор в Монголии и высказал предположение о существовании особого варианта афанасьевской культуры в Центральной Азии, отличного от Минусинского и Алтайского (Семенов, 1992, с. 77-78). Л.И. Рева отнес могильник к алтайскому варианту афанасьевской культуры, отметив при этом близость погребального обряда хайыраканских курганов к обряду погребений Алтан-сандала и Шатар-чулуу (Рева, 1995, с. 21). Памятник в совокупности с материалами стоянки Тоора-Даш, исследованного В.А. Семеновым, позволили ему высказать мнение о включении Тувы «в ареал обитания носителей афанасьевских традиций» (Рева, 1995, с. 22).

Итак, в горно-степных районах Тувы Л.Р. Кызласовым, А.М. Мандельштамом и Л.И. Ревой были исследованы три памятника, материалы которых в той или оной степени сопоставлялись с афанасьевскими памятниками Алтая, Минусинской котловины и Монголии. Сопоставление их с горно-алтайскими и монгольскими памятниками афанасьевской культуры свидетельствует о большей их близости к курганам Алтан-

сандала и Шатар-чулуу. Прямые аналогии прослеживаются между устройством насыпей Бай-Даг баары, Кызыл-Хая и курганов в Алтан-сандале. И в том и в другом случаях они представляли собой уплощенные сильно задернованные каменно-земляные насыпи. Совпадают размеры и глубина могильных ям Кызыл-Хая и Алтан-сандала. Некоторые различия: отсутствие охры, присутствие медной пронизки в Кызыл-Хая и, наоборот, наличие охры и отсутствие инвентаря в Алтан-сандале объяснимы хронологическими различиями. Значительная близость наблюдается между курганами Хайыракана I и Шатар-чулуу. В обоих памятниках прослеживаются уплощенные каменно-земляные насыпи, внутри которых располагались кольцевидные выкладки вокруг могильных ям. Только в Туве они были однорядными (Мандельштам, 1979, Архив, с. 1-*2*, рис. 3, 8), а в Монголии двойными (Волков, 1980, с. 14; Новгородова, 1989, с. 83, рис. на с. 82). Однако в Шатар-чулуу у кургана № 3 кольцевая кладка, как и в Хайыракане, была однорядной и имела примерно такой же диаметр - 4,5 м (Волков, 1980, с. 15; Новгородова, 1989, с. 84). На обоих могильниках у отдельных курганов - в Шатар-чулуу у кургана № 3, а в Хайыракане у кургана № 5 с восточной стороны имелись выступы длиной около полутора-двух метров. Находки в них отсутствовали (Волков, 1980, с. 15; Новгородова, 1989, с. 84; Рева, 1995, с. 21, рис. 1 -*1*[3]). Сближает могильники и отсутствие находок непосредственно в могилах, даже глиняных сосудов или фрагментов от них, и наличие их между камнями кладок. Имеются и определенные различия. Охра в погребальном обряде курганов Шатар-чулуу, да и в Алтан-сандале, использовалась по сравнению с тувинскими курганами гораздо обильнее. Но этой особенности вряд ли стоит придавать большое значение, т.к. это вполне объяснимо хронологическими различиями. В целом монгольские курганы афанасьевского типа по сравнению с тувинскими выглядят более архаично, но, как показывает сопоставление их основных особенностей, они относятся к памятникам одного круга. Между ними прослеживается гораздо больше общего, чем с алтайскими или минусинскими афанасьевскими памятниками.

Очень сложен вопрос о датировке тувинских памятников афанасьевского типа. В.А. Семенов сопоставляет находки из Хайыракана, керамику и каменные наконечники стрел с материалами из 5 афанасьевского слоя стоянки Тоора-Даш (1992, с. 78), который датирует концом III - началом II тыс. до н.э (1988, с. 20; 1992, с. 83). Вероятно, этим или чуть более ранним временем, но не ранее середины III тыс. до н.э., следует датировать курганы афанасьевского типа Тувы, т.е. поздним этапом развития афанасьевской культуры. В пользу этого говорит слабое использование или отсутствие охры в курганах Кызыл-Хая и Хайыракана, наличие медной пронизки, ориентация костяков во всех определимых случаях на западный сектор.

Подводя итоги приведенным сравнительным данным, еще раз отметим то, с чего мы начали. Обладая в целом явно афанасьевским комплексом черт погребального обряда, правда при наличии специфической особенности, выраженной в отсутствии какого-либо инвентаря в могиле, курганы из Алтан-сандала и Шатар-чулуу, тем не менее, не имеют ни одной полной аналогии среди афанасьевских памятников Алтая. В то же время они обнаруживают значительное, хотя и неполное, сходство, с памятниками афанасьевского типа из Тувы. Такое значительное своеобразие памятников афанасьевского типа Монголии может быть объяснимо, как нам представляется, только тем, что в Монголии и, вероятно, в примыкающей к ней с севера Туве в эпоху энеолита сложился локальный вариант культуры афанасьевского типа. Он характеризовался специфическими, присущими только ему особенностями. Хотя раскопанные памятники пока единичны и дали незначительное количество материалов, но, тем не менее, они очень выразительны и на них сразу же обратили внимание исследователи. Из них отметим следующие: уплощенные каменно-земляные курганы, наличие одно- и двухрядных кольцевых выкладок внутри насыпей, безынвентарный обряд захоронения в могиле, помещение инвентаря между камнями кладок курганов, фрагментирование глиняной посуды с последующим оставлением фрагментов не всего сосуда, а только отдельных его черепков не в самой могиле, а за ее пределами между камнями кладок.

[3] В тексте Л. И. Рева пишет о расположении выступа в юго-западном секторе (1995, с. 21), а на приведенном в статье рис. 1 –*1* выступ находится с восточной стороны.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ курганов Алтан-сандала, Шатар-чулуу, Байдаг-Баары, Кызыл-Хая и Хайыракана I с материалами афанасьевской культуры позволил четче выявить особенности памятников этой культуры в Монголии и Туве и, как нам кажется, более аргументированно обосновать предположение исследователей о существовании особого варианта афанасьевской культуры в Центральной Азии (В.В. Волков, Э.А. Новгородова, В.А. Семенов) и сложении на территории Алтае-Саяно-Хангайского нагорья единой культурной общности, внутри которой уже тогда могли проявиться контуры нескольких локальных вариантов (Д.Г. Савинов). Весьма примечательно еще одно обстоятельство. При очень небольшом количестве материалов (4 могильника, содержавших 12 курганов) памятники характеризуются определенным своеобразием внутри центральноазиатского варианта афанасьевской культурной общности. Мы уже писали выше, что Алтан-сандал в целом выглядит как бы более архаично по сравнению с Шатар-чулуу. В свою очередь Шатар-чулуу более архаичен чем Хайыракан. А Хайыракан, вследствие присутствия охры в части могил и отсутствия металлических вещей, выглядит архаичнее Кызыл-Хая, в котором не только отсутствовала охра, но и имелась медная пронизка. Таким образом все четыре памятника как бы показывают относительную хронологию внутри центральноазиатского варианта афанасьевской культурной общности на протяжении, если согласиться с предложенными их датами, конца IV - рубежа III-II тыс. до н.э. Конечно, окончательно настаивать на сделанных выводах пока еще рано, но в качестве рабочей гипотезы они, думаем, имеют право на существование до появления новых более надежных материалов.

Наличие особого локального варианта афанасьевской культуры в Монголии и прилегающей к ней с севера Тувинской котловине объясняет присутствие черт, характерных для памятников афанасьевского типа Монголии, в алтайских памятниках в качестве эпизодических или малораспространенных черт. Это редкость безынвентарного варианта погребального обряда (13,5 %), присутствие единичных каменно-земляных насыпей и двойных колец внутри насыпей курганов, редкие случаи помещения в могилы не целых сосудов, а отдельных черепков и некоторых других. Они могли появиться в результате связей алтайских афанасьевцев с монгольскими. Это также объясняет и своеобразие тувинских памятников афанасьевского типа. При этом Тува, видимо, представляла в эпоху энеолита достаточно сложную в этнокультурном отношении область на северной окраине Центральной Азии. Об этом во многом можно судить по очень сложной и, образно выражаясь, пестрой этнокультурной ситуации на ее территории в период ранней и развитой бронзы, о чем неоднократно писали многие исследователи.

---

1. *Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1992.* О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. - Горно-Алтайск. - С. 33-36.
2. *Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994.* Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. - Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета. - С. 24-36.
3. *Алексеев В.П., Гохман И.И., 1987.* Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век - эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. - Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С. 208-241.
4. *Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994.* Исследование афанасьевского погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. - Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета. - С. 3-8.
5. *Волков В.В., 1980.* Курганы афанасьевского типа в Монголии // Studia archeologica. - Улаанбаатар. - t.IX. fasc. 2. - Улаанбаатар. - С. 13-16 .
6. *Гохман И.И , Влчек Э.Э., 1991.* Древнее погребение из Худжиртэ (Центральная Монголия) // Сборник МАЭ. - Т. XLIV. - СПб.: Наука. С.-Петербург. отделение. - С. 48-54.
7. *Грязнов М. П., Вадецкая Э.Б.,* 1968. - Афанасьевская культура // История Сибири. Т. 1. - Л.: Наука. Ленинград. отделение. - С. 159 - 165.
8. *Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1994. Кирюшин Ю.Ф., Молодин В.И.* Миграционные процессы в Западной Сибири в каменном и бронзовом веках // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. - Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета. - С. 5-8.
9. *Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., 1981. Фирсов Л.В.* Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - С. 28-32.

10. *Кирюшин Ю.Ф., 1991.* Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докладов к Всесоюзной научной конференции. - Барнаул. - С. 43-47.
11. *Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1997.* Вопросы датировки и происхождения афанасьевской культуры Горного Алтая // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск: Изд-во Омского госуниверситета. - С. 61-64.
12. *Киселев С.В., 1949.* Древняя история Южной Сибири. - МИА. - № 9. - М-Л.: Изд-во АН СССР. - 364 с.
13. *Кызласов Л.Р., 1979.* Древняя Тува. - М.: Изд-во МГУ. - 208 с.
14. *Кубарев В.Д., Кубарев В.Д., 1990. Киреев С.М., Черемисин Д.В.* Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. - Новосибирск: Наука. - С. 43-95.
15. *Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., 2001. Слюсаренко И.Ю.* Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 6. - Горно-Алтайск: Изд-во Г-АГУ. - С. 32-54.
16. *Мамонова Н.Н., 1979.* Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. - Т. III. - Улаанбаатар. - С. 204-210.
17. *Мамонова Н.Н., 1980.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сборник МАЭ. - Т. 36. - Л.: Наука. Ленинград. отделение. - С. 60-74.
18. Мандельштам А.М.. Шаровская Т.А.. 1979. Бестужев Г.Н. Раскопки в зоне строительства г. Новый Шагонар // АО 1978 г. - М.: Наука. - С. 246-247.
19. *Мандельштам А.М., 1979.* Отчет о полевых исследованиях II отряда СТАЭ на строительных площадках г. Новый Шагонар в 1978 году. - Архив ИА РАН. Р-1. № 7262; 7262 а.
20. *Мерперт Н.Я., 1982.* Энеолит юга СССР и евразийские степи // Археология СССР. Энеолит СССР. - М.: Наука. - С. 321-331.
21. *Могильников В.А., 1987.* Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск. - С. 23-34.
22. *Молодин В.И., 1991.* Развитая бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тезисы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения К. В. Сальникова. - Уфа. - С. 9-13.
23. *Молодин В.И., 1992.* Бронзовый век Южной Сибири - современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. - Горно-Алтайск. - С. 25-33.
24. *Молодин В.И., 1993.* Современное состояние проблемы бронзового века Горного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири: Тез. докладов. - Томск. - С. 39-41.
25. *Новгородова Э.А., 1989.* Древняя Монголия. - М.: Наука. Гл. редакция Вост. лит-ры. - 383 с.
26. *Рева Л.И., 1995.* Хайыракан I - могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности. - Археологические изыскания. - Вып. 24. - СПб. - С. 17-22.
27. *Савинов Д.Г., 1994.* Могильник Бертек-33. Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины. - Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С. 39-49, 130-135.
28. *Семенов В.А., 1983.* Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее (К проблеме периодизации культур эпох неолита и бронзы Тувы) // Древние культуры евразийских степей. - Л.: Наука. Ленинград. отделение. - С. 20-25.
29. *Семенов В.А., 1987.* Древнеямная культура - афанасьевская культура и проблема прототохарской миграции на восток // Смены культур и миграции в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томского университета. - С. 17-19.
30. *Семенов В.А., 1988.* Периодизация культур неолита и бронзы Тувы (по материалам археологических памятников Саянского каньона Енисея): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л. - 23 с.
31. *Семенов В.А., 1992.* Неолит и бронзовый век Тувы. - СПб.: ЛНИАО. - 136 с.
32. *Семенов В.А., 1993.* Древнейшая миграция индоевропейцев на восток // Петербургский археологический вестник. - № 4. - СПб.: Изд-во ФАРН. - 25-30.
33. *Степанова Н.Ф., 1991.* К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докладов к Всесоюзной научной конференции. - С. 50-53.
34. *Степанова Н.Ф., 1991.* К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докладов к Всесоюзной научной конференции. - С. 50-53.
35. *Степанова Н.Ф., 1994.* Эпоха бронзы Горного Алтая (погребальный обряд и керамика) // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. - Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета. - С. 49-51.
36. *Степанова Н.Ф., 1996.* К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. - Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета. - С. 53-54.
37. *Суразаков А.С., 1987.* Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск. - С. 3-22.
38. *Тумэн Д., 1985.* Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф дис. ... канд. ист. наук. - М. - 20 с.
39. *Хлобыстина М.Д., 1975.* Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. - № 1. - С. 17-34.
40. *Цыб С.В., 1980.* Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. - Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета. - С. 38-51.
41. *Цыб С.В., 1984.* Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Кемерово. - 19 с.
42. *Цыб С.В., 1988.* Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез. докладов. - Барнаул: Изд-во ИИФиФ и АГУ. - С. 162-164.

ОБ ОДНОМ СЮЖЕТЕ ИЗ ПЕТРОГЛИФОВ АЛТАЯ

В.Д. Кубарев

Алтай - древняя колыбель многих народов Центральной Азии. Исследование сибирскими археологами целого ряда уникальных культурно-исторических комплексов этой горной страны получило всемирную известность. Древние племена и народы, пересекавшие беспредельные просторы Азии в течение многих тысячелетий, известный русский художник и путешественник Н.К. Рерих называл «великими странниками». Перед многочисленными мигрантами, стремившимися на восток или в обратном направлении, казалось, непреодолимой преградой вставали горы Алтая. Но опыт многих поколений горных кочевников позволял им легко найти наиболее короткие пути и перевалы в суровых алтайских нагорьях. Древние тропы и высокогорные перевалы фиксировались не только в памяти людей, но были отмечены древними монументальными стелами, обо, курганами и многочисленными наскальными изображениями, которые, возможно, одновременно служили и визуальными ориентирами на местности.

Российско-монголо-американская экспедиция, организованная в рамках международного проекта «АЛТАЙ», проводила исследования, в основном, на территории Монгольского Алтая. Главной целью полевых работ, которые проводились в течение девяти полевых сезонов (1993-2001 гг.), являлось изучение разнообразных археологических памятников Баян-Ольгийского и Увсу-Нурского аймаков Монголии. Но особое внимание было уделено исследованиям на огромном, по площади, петроглифическом комплексе, расположенном в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур (49° 19' 44" с.ш. - 88° 26' 20" в.д., высота над уровнем моря 2400-2900 м). Они берут свое начало в отрогах пограничного с Россией Сайлюгемского хребта и являются северо-западными истоками Кобдо - главной реки Монгольского Алтая.

Неизвестный ранее комплекс наскальных рисунков Монгольского Алтая по разнообразию сюжетов и художественной выразительности образцов древнего искусст-ва, несомненно, может быть поставлен в один ряд с другими изобразительными памятниками мирового значения.

Среди многочисленных композиций и сюжетов исключительный интерес представляют маски. Их изображения найдены в комплексе ЦС-БО в небольшом числе (около 20). Но они разнообразны по форме: округлые, овальные, квадратные, ромбические и треугольные. Различаются маски и по размерам - одни выполнены в натуральную величину, другие не превышают 10 см в высоту. По оформлению и технике нанесения монгольские маски можно условно разделить на два вида: реалистические и схематические. Первые, выбитые по контуру, детализированы чертами человеческого лица: глаза, брови, нос и рот (рис. 1, *1,2*,). Именно такие маски некоторые ученые называют личинами. Вторые - выполнены в «негативной» технике, сплошной силуэтной выбивкой, и имеют незавершенный вид (рис.1, *3-14*). Отдельные маски увенчаны бычьими или козлиными рогами. Другие в верхней части имеют короткие и прямые рожки, иногда, своей формой, также напоминающие звериные уши. Расположение масок в комплексе и нахождение их в определенных сюжетах выявили некоторые закономерности. Как правило, основная часть масок выбита на скалах, расположенных в непосредственной близости от русла реки, ближе к воде, и чаще всего рисунки масок включены в композиции с изображениями быков, коз и козлов. Также подмечено, что маски группируются от двух до десяти экземпляров в одной сцене. Только в одном случае две маски находились рядом с миниатюрной фигуркой женщины (см. рис. 1, *12*).

Антропоморфные маски-личины известны в наскальных рисунках всей Евразии, Америки, Африки, Австралии, но более рациональным и разумным представляется сравнение открытых нами рисунков с петроглифами, известными в пограничных к Монгольскому Алтаю областях Центральной Азии. Прежде всего, надо назвать Тыву и Хакасию, где в Саянском каньоне Енисея открыто и изучено около 300 разнообразных изображений масок (Дэвлет, 1998, с. 142-160, рис. 2-6). Несколько рогатых масок из изученного нами комплекса ЦС-БО.

без сомнения, могут быть отнесены к личинам-маскам мугур-саргольского типа (по классификации М.А. Дэвлет). Вполне вероятно, что они служили своеобразными вехами, маркирующими путь движения этого образа из Саяно-Алтая в области Внутренней Монголии и далее на юг Китая (не исключено и обратное направление), где найдены сотни подобных масок, ставших ведущим сюжетом среди других образов наскальных изображений (Gai Shanlin, 1986; он же, 1989; Дэвлет, 1997). Исследователи датируют их эпохой бронзы. Очевидное сходство монгольских масок с отдельными масками антропоморфных фигур из росписей Каракола в Российском Алтае (Кубарев, 1988) также позволяет датировать их в пределах конца III тыс. до н. э. - нач. II тыс. до н. э.

Особо следует остановиться на семантическом аспекте изображений антропоморфных масок из ЦС-БО, назначение которых необходимо рассматривать в контексте с рисунками животных, входящих с ними в одну композицию. Для объяснения их содержания следует привлечь аналогии, например, сцену из Калбак-Таша, где женщины в масках с лировидными бычьими рогами на голове, посохами или жезлами в одной руке держат на поводу четырех огромных быков (Kubarev, Jacobson, 1996, fig. *513*). В ней зафиксирована композиционная связь маскированных «шаманок» с изображениями жертвенных быков, что чрезвычайно важно для выяснения семантики небольшой композиции из пункта ЦС-IV. Он представляет собой крупное изображение маски или личины (с ушами?), которая примыкает к двум фигурам быков, находящимся на второй грани этого же камня. Их связь вполне ясна и подчеркнута специально выбитой линией, соединяющей два рисунка. Крайне лаконичный сюжет служил своеобразной пиктограммой, на наш взгляд, легко дешифруемой. Два рисунка быков служили благодарственным даром - наглядным свидетельством посвящения жертвенных животных женскому божеству или в другой версии «хозяйке» здешних гор и всего, подвластного ей, мира зверей. Подобное редкое сочетание рисунка маски окуневского типа и быков позволяет, наряду с другими фактическими данными, датировать началом II тыс. до н.э. многочисленные, стилистически однородные изображения быков Монгольского Алтая и сопредельных территорий Центральной Азии. Но, если одновременность нанесения рисунков упомянутых персонажей на плиты окуневских и каракольских погребальных сооружений до сих пор остается не доказанной и дискуссионной, то, в отличие от обозначенной проблемы, в петроглифах ЦС-БО рисунки масок или маскированных существ, расположенные рядом с изображениями быков, козлов и оленей, часто представляют собой единый композиционный замысел. Идентичное сочетание рассмотренных персонажей (выполненных в один «сеанс») наблюдается и в синхронных петроглифах Монголии, Тывы и Алтая (Новгородова, 1984, с.55, рис.18; Дэвлет, 1976, табл.14, табл.16, табл.18, табл.24, табл.26, табл.32, и т.д.; она же, 1980, табл.18, *108*, табл.53, *247*, и т.д.; она же, 1998, с.125, табл.38, *105*; Kubarev, Jacobson, 1996, fig. *273, 473, 513*).

Таким образом, значение рассмотренного сюжета состоит в том, что он, наконец, демонстрирует синхронность выполнения масок-личин, маскированных антропоморфных существ и разнообразных изображений животных, ранее относимых к разным хронологическим периодам и даже к разным культурам, а отсюда и к различной интерпретации образов.

1. *Дэвлет М.А., 1976.* Петроглиф Улуг-Хема. М.: Наука. - 120 с.
2. *Дэвлет М.А., 1980.* Петроглифы Мугур-Саргола. - М.: Наука. - 271 с.
3. *Дэвлет М.А., 1980 а.* Сибирские поясные ажурные пластины // САИ. - М.: Наука. - Вып. Д4 - 7. - 67 с.
4. *Дэвлет М.А., 199*. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. -СПб.: Петро-РИФ. - С. 128-133.
5. *Дэвлет М.А., 1998.* Петроглифы на дне саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли. - 288 с.
6. *Кубарев В.Д., 1988.* Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука. - 173 с.
7. *Новгородова Э.А., 1984.* Мир петроглифов Монголии. - М.: Наука. -168с.
8. *Gai Shanlin 1986.* Petroglyphs in the Winshan mountains:- Beijing: Wenwu. - 441s.
9. *Gai Shanlin, 1989.* Petroglyphs in the Wulanchabu grassland. -Beijing: Wenwu. - 335 s.
10. *Kubarev V.D., Jocobson E., 1996.* Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Repertoire des petroglyphes d'asie centrale. -T.V. 3.- Paris. - 256 s.

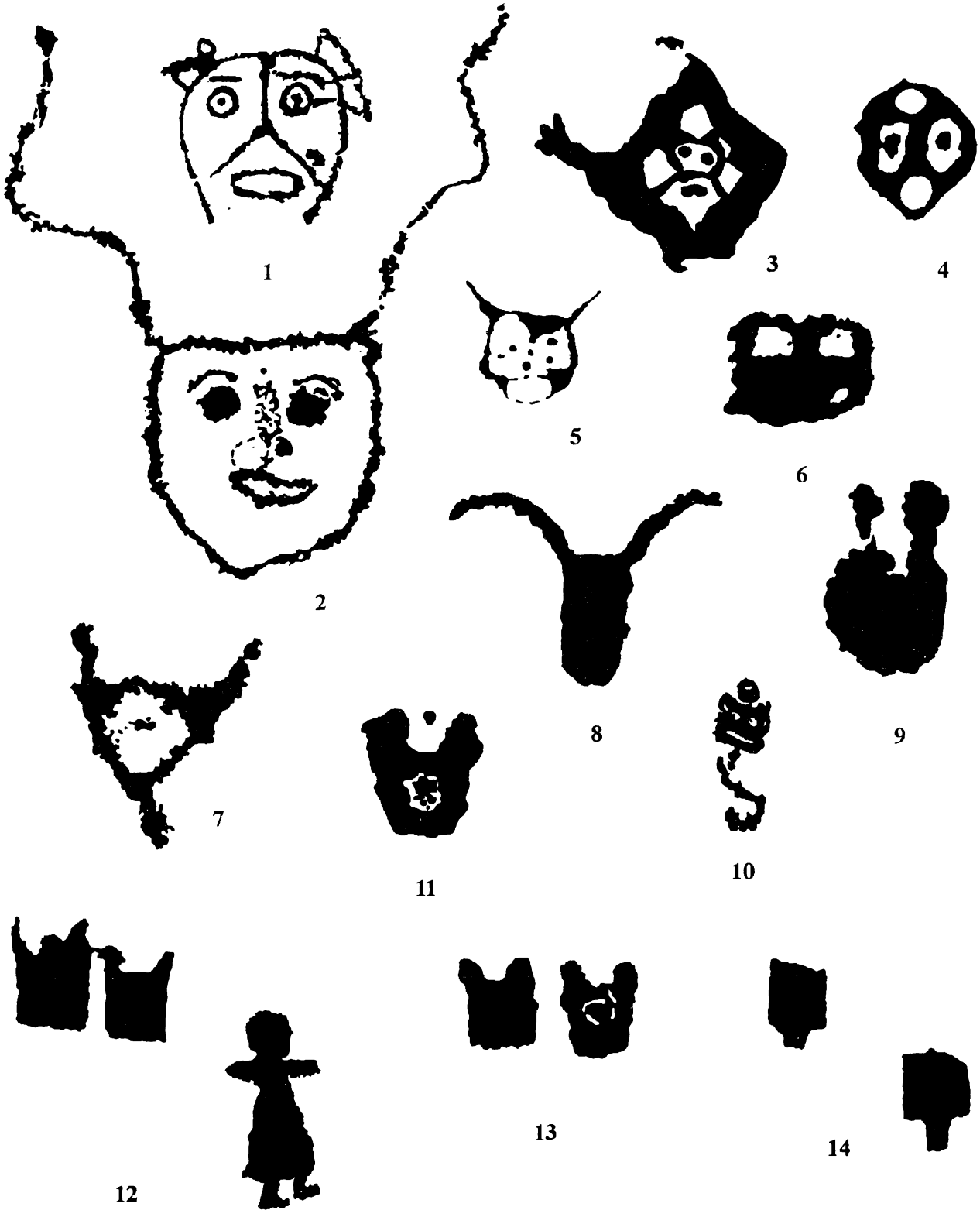


Рис. 1. Изображения масок в петроглифах Монгольского Алтая

ЛЕСНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЕТРОГЛИФАХ СЕЛЕНГИНСКОГО ТИПА И ВОПРОС О ГЕНЕЗИСЕ СЕЛЕНГИНСКИХ ПИСАНИЦ ЮЖНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ И СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

В.А. Цыбиктаров

Среди петроглифов Южного Забайкалья и Северной Монголии эпохи бронзы - раннего железа одну из наиболее многочисленных групп составляют петроглифы «селенгинского» типа. Они были выделены А.П. Окладниковым в особый тип памятников наскального искусства этих районов Центральной Азии, классифицированы и датированы в широких пределах бронзового и раннего железного веков от второй половины II тыс. до н.э. до последних веков I тыс. до н. э. А.П. Окладников для их обозначения и ввел данный термин. По его мнению петроглифы селенгинского типа были оставлены носителями культуры плиточных могил (Окладников, 1952, с. 62; Окладников, Запорожская, 1970, с. 89).

Впоследствии эти памятники наскального искусства Южного Забайкалья и Северной Монголии неоднократно рассматривались многими исследователями - Н.Н. Диковым, В.В. Волковым, Д. Навааном, Э.А. Новгородовой, Ю.С. Гришиным, А.В. Тиваненко, А.И. Мазиным, Д. Цэвэндоржем и др. (Диков, 1958; Волков, 1967; Наваан, 1975; Новгородова, 1981; 1984; 1989; Гришин, 1975, 1981, 1982; Тиваненко, 1981, 1989, 1990; Мазин, 1986, 1988, 1994; Цэвэндорж, 1999 и др.). При этом новые импульсы в изучение петроглифов селенгинского типа в конце 80-90 гг. внес А.И. Мазин. При обобщении результатов своих многолетних исследований петроглифов верховий Амура и Восточного Забайкалья он выделил две резко различающиеся по стилистическим особенностям и тематике группы - степные и таежные (Мазин, 1986, с. 105-115; 1988, с. 21-28; 1994, с. 81-88). Из его характеристики петроглифов степного стиля (Мазин, 1986, с. 112-115; 1988, с. 25-28; 1994, с. 85-88) видно, что в их состав вошли и писаницы «селенгинского» типа по А.П. Окладникову. По мнению А.И. Мазина петроглифы степного стиля появляются в VI - V тыс. до н.э. и существуют вплоть до рубежа эр, включая время существования культуры плиточных могил (1988, с. 26-27, 32; 1994, с. 86-88, 92). При этом, по мнению А.И. Мазина, «... происхождение памятников степного стиля остается пока загадочным» (1988, с. 28; 1994, с. 88).

Одним из слабо разработанных аспектов изучения петроглифов селенгинского типа является вопрос об их соотношении с петроглифами лесного типа Восточной Сибири и сопредельных районов Монголии. Он представляет интерес и с точки зрения выяснения генезиса селенгинских писаниц. Впервые этого аспекта коснулся А.П. Окладников, рассматривая выделенные им лесные («охотничьи») петроглифы Забайкалья. Он отметил, что в композициях лесных писаниц встречаются сюжеты, характерные для селенгинских петроглифов, - человечки, пятна, иногда - кресты, круги, изредка - «луннокрылые птицы в полете» (Окладников, Запорожская, 1970, с. 129-130). Но, вместе с тем, идейное содержание лесных и селенгинских писаниц по его мнению было совершенно разным, как и их стилистическое исполнение (Окладников, Запорожская, 1970, с. 130). Подчеркнув это, А.П. Окладников, тем не менее, высказал предположение о том, что неолитическое искусство охотников Забайкалья и соседней Северной Монголии могло быть основой искусства степных и лесостепных скотоводов, которым принадлежали петроглифы селенгинского типа. Наряду с этим он не исключал и возможности того, что люди культуры плиточных могил, уходя на охоту, совершали у них древние традиционные обряды охотников (Окладников, Запорожская, 1970, с. 132), т.е. могли быть их создателями. Такой интерпретации «лесных» писаниц Забайкалья вслед за А.П. Окладниковым придерживается и А.В. Тиваненко (1990, с. 76). А.И. Мазин по материалам Восточного Забайкалья отметил, что у петроглифов степного стиля имеются элементы, находящие аналогии в петроглифах таежного «охотничьего» стиля - бегущие антропоморфные фигурки со звериными головками (Мазин, 1986, с. 115; 1988, с. 27; 1994, с. 87).

Обращаясь специально к рассмотрению вопроса о наличии элементов лесного типа в петроглифах селенгинского типа, нам хотелось бы сначала обозначить некоторые моменты общего характера по распространению писаниц лесного и селенгинского типов, а также по культурно-исторической ситуации в крае в эпохи неолита, бронзы и раннего железа.

В целом ареал распространения петроглифов лесного типа много шире, чем петроглифов селенгинского типа или «степных» по А.И. Мазину. Он включает в себя таежные области Юго-Восточной Сибири. Это Верхняя Лена, Приангарье, Прибайкалье, таежные массивы Западного и Восточного Забайкалья, Верхнее Приамурье, а также таежные районы Северной Монголии (в частности Прихубсугулье). Население этих районов занималось охотой, рыболовством и собирательством, т.е. вело присваивающее хозяйство. В эпоху неолита и в бронзовом веке здесь были распространены следующие культуры: доронинская в Восточном Забайкалье, исаковская, китойская, серовская, глазковская, шиверская в Прибайкалье, Приангарье и в Верховьях Лены (Окладников, 1950, 1955; Кириллов, 1979; 1981; Горюнова, 1984; История Сибири, т. 1, 1968). Своеобразная культура была распространена в горно-таежных районах Хэнтэй-Чикойского нагорья на границе Бурятии, Читинской области и Монголии. Она не получила названия, но описана в работах Л. В. Семиной и ее коллег (Семина, 1985, 1986; Константинов, Семина, 1980; Семина, Пинскер, 1988; Сухопарова и др., 1990 и др.).

Петроглифы селенгинского типа по А.П. Окладникову или степного стиля по А.И. Мазину были распространены в степных и лесостепных районах Забайкалья и Северной Монголии. В степных районах Восточного Забайкалья в эпоху неолита существовала ононская культура (Кириллов, 1981, с. 22, 30). Формирование культуры населения с производящим типом хозяйства в развитом и позднем неолите предполагается и для степных - лесостепных районов Западного Забайкалья (Гришин, 1981, с. 192; Цыбиктаров, 1999, с. 69-73, 76). В эпоху бронзы и раннего железа здесь сложились новые культуры с производящим типом хозяйства. При этом И.И. Кириллов и О. И. Кириллов считают, что в период энеолита и ранней бронзы в Восточном Забайкалье продолжала существовать ононская культура предшествующего времени, а собственно для бронзового века выделяют две культуры - дворцовскую и культуру плиточных могил (Кириллов, 1979, с. 50-55; 1981, с. 33-35; Кириллов О.И., 1994, с. 10-15), в то время как другие исследователи, Ю.С. Гришин, А.Д. Цыбиктаров и Н.Л. Членова, - только культуру плиточных могил (Гришин, 1984; Цыбиктаров, 1989, с. 17-19; 1998, с. 128-136; Членова, 1992, с. 249-250) . По мнению и тех и других основой хозяйства степного населения эпохи бронзы и раннего железа являлось скотоводство. Но при этом, как правило, не отрицается возможность занятия земледелием. Таким образом, в эпохи неолита, бронзы и раннего железа на обширных пространствах Приангарья, Прибайкалья, Забайкалья и Верховьев Амура наблюдалось существование, с одной стороны, культур с присваивающим и производящим типами хозяйства, а с другой стороны - петроглифов лесного и селенгинского (степного) типов. Петроглифы лесного типа были оставлены охотниками, рыболовами и собирателями, а петроглифы селенгинского (степного) типа - скотоводами и, возможно, земледельцами.

Вместе с тем И.И. Кириллов, Ю.С. Гришин и А.Д. Цыбиктаров отмечали, что формирование культуры населения с производящим типом хозяйства в степных и лесостепных районах Забайкалья происходило на местной основе (Кириллов, 1979, с. 40-42, Кириллов, 1981, с. 24-26, 30; Гришин, 1981, с. 192; Цыбиктаров, 1999, с. 63-73, 76). В таком случае можно предположить, что и в духовной культуре населения с производящей экономикой существовали традиции предшествующего времени, когда его предшественники вели присваивающее хозяйство, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством. Это должно было отразиться, следовательно, и в петроглифах «степного» стиля. Иначе говоря, в петроглифах селенгинского типа должны быть сюжеты, характерные для «таежных» петроглифов. Исходя из этой посылки, одной из целей статьи является выделение таких связующих звеньев в петроглифах селенгинского типа, если таковые имеются.

Сюжеты петроглифов лесного типа выделены в работах А.П. Окладникова (Окладников, 1966, с. 129-131; Окладников, Запорожская, 1970, с. 129-131), А.И. Мазина (Окладников, Мазин, 1976, с. 85-93; Мазин, 1986, с. 105-115; Мазин, 1994, с. 81-88) и А.В. Тиваненко (Тиваненко, 1990, с. 76-78). Все они приведены в табл. 2. Это лоси, олени, человеческие фигуры, пятна, полосы, птицы, рыбы, змеи, лодки, медведи, личины, кресты, условные знаки, «животные в целом», лошади, хищники, кабаны. Сюжеты расположены в порядке убывания от наиболее распространенных к наименее. При этом их расположение в табл. 2 основывается на личных наблюдениях автора. Точных статистических данных такого рода по петроглифам «лесного» типа нет.

Если рассматривать петроглифы «лесного» типа указанного региона в целом относительно техники их нанесения, то следует отметить, что для них характерны два приема исполнения - выбивка и нанесение охрой. При этом для Прибайкалья, Приангарья и Верхней Лены в основном присуще нанесение петроглифов техникой выбивки, а красочные рисунки встречаются реже. В Западном и Восточном Забайкалье, в верховьях Олекмы и Амура писаницы выполнялись только в красочной технике. Однако везде изображения исполнялись очень реалистично, зачастую они показаны в динамике. Но это справедливо лишь для неолитических петроглифов. Петроглифы лесного типа переходных этапов от неолита к бронзе и эпохи бронзы обнаруживают тяготение к схематизму и условной трактовке сюжетов. Кроме того, отмечается уменьшение рисунков в размерах.

Обратимся теперь к петроглифам «селенгинского» типа. Они распространены на территории Западного и Восточного Забайкалья, Северной Монголии в степных и лесостепных районах. Сюжеты петроглифов «селенгинского» типа были выделены еще А.П. Окладниковым. Это пятна, человечки, птицы хищных пород, полосы, животные, кресты, «оградки», неясные фигуры, различные знаки и круги (Окладников, Запорожская, 1970, с. 64-78). Сюжеты расположены в порядке убывания от наиболее распространенных к реже встречаёмым. Частота их встречаемости по материалам 85 памятников отражена в таблице 1 (Цыбиктаров В.А., 2000, с. 164).

Таблица 1

Сведения о частоте встречаемости различных сюжетов в петроглифах селенгинского типа

Сюжеты	Количество учтённых ПСТ	Количество ПСТ с данным сюжетом	%
Пятна	85	74	87,1
Человечки	85	58	68,2
Птицы	85	54	63,5
Животные	85	41	48,2
Полосы	85	35	41,2
Оградки	85	32	37,6
Кресты	85	31	36,5
Неясные фигуры	85	27	31,8
Круги	85	24	28,2
Различные знаки	85	18	21,2

Петроглифы селенгинского типа исполнялись в красочной технике, т.е. наносились охрой разных оттенков красного цвета, реже желтоватой. Стиль их можно охарактеризовать как предельно упрощенный, схематичный.

Для выяснения сходных элементов в петроглифах селенгинского и лесного типов была составлена сравнительная таблица 2.

Анализ данных таблицы 2 позволяет выделить три группы сюжетов петроглифов селенгинского и «лесного» типов. Первая группа сюжетов включает изображения лосей, оленей, рыб, змей, лодок, кабана, медведя, лошади, личин и хищника. Они встречаются в петроглифах только «лесного» типа. Отсутствие этих сюжетов в петроглифах селенгинского типа подтверждает то, что они, вероятно, характерны только для лесных петроглифов. Во вторую группу сюжетов входят изображения пятен, человечков, птиц, полос, животных, условных знаков и крестов. Они встречаются как в петроглифах селенгинского типа, так и в петроглифах «лесного» типа, составляя общую для петроглифов обоих типов группу сюжетов. Третья группа сюжетов встречается только в петроглифах селенгинского типа. Ее составляют «оградки», неясные фигуры и круги.

Таблица 2

Сюжеты петроглифов «селенгинского» (степного) и лесного типов Прибайкалья, Забайкалья и верховьев Амура

ПЛТ	ПСТ	
Лоси Олени Рыбы Змеи Лодки Кабан Медведь Лошадь Личины Хищник		1
Кресты Условные знаки Животные Полосы Птицы Человечки Пятна	Кресты Условные знаки Животные Полосы Птицы Человечки Пятна	2
	Оградки Неясные фигуры Круги	3

В свете полученных данных можно предположить, что первая группа сюжетов принадлежала населению времени неолита-бронзы лесной и отчасти лесостепной зоны с присваивающим типом хозяйства. В них изображались животные, являвшиеся объектами охоты: лоси, олени, кабаны, медведи, лошади, хищники, или сюжеты, связанные с рыболовством: рыбы и лодки. Змеи и личины отражали, возможно, какие-то культы, религиозные представления. Что касается второй группы сюжетов, то они появились, вероятно, еще в мировоззрении охотников, рыболовов и собирателей, а затем продолжали сохраняться у степного населения в условиях производящего хозяйства. Об этом свидетельствует высокий процент их встречаемости в петроглифах селенгинского типа (см. табл. 1). Петроглифы степного типа с этими сюжетами, по-видимому, сосуществовали с частью петроглифов «лесного» типа с такими же сюжетами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что петроглифы селенгинского типа своим происхождением были связаны с петроглифами лесного типа. Их формирование произошло, скорее всего, в то время, когда пути культурно-исторического развития населения лесной зоны, с одной стороны, и населения степной зоны, с другой, пошли в разных направлениях. Иначе говоря, петроглифы селенгинского типа появились у степного населения Южного Забайкалья и Северной Монголии в период перехода к производящей экономике. Лесное же население продолжало вести присваивающее хозяйство. Согласно данным И.И. Кириллова, это произошло в развитом неолите (Кириллов, 1979, с. 40-42; 1981, с. 24-26, 30; Окладников, Кириллов, 1980, с. 150-153). Третья группа сюжетов характерна для петроглифов только селенгинского типа. Вероятно, они появились тогда, когда завершился переход к производящей экономике, а скотоводство и, возможно, земледелие, становятся доминирующими видами хозяйственных занятий степного и лесостепного населения. По предположению А.Д. Цыбиктарова это произошло в конце эпохи ранней - начале развитой бронзы, не позже середины II тыс. до н.э. (1999, с. 98-102). Таким образом, данные таблицы 2 позволяют высказать предположение о том, что формирование петроглифов селенгинского типа проис-

ходило в среде степного и лесостепного населения Южного Забайкалья и Северной Монголии по мере становления производящего хозяйства. Их создатели сохраняли традиции, унаследованные от своих предков и связанные с мировоззрением охотников, рыболовов и собирателей. По мере становления уклада производящего хозяйства в их верованиях появлялись новые представления и идеи, обусловленные новыми направлениями хозяйственной деятельности. В результате подтверждается предположение А.П. Окладникова о том, что наскальное искусство скотоводов бронзового и раннего железного веков Южного Забайкалья и Северной Монголии своими корнями уходит в искусство неолитической эпохи. Вероятно, петроглифы селенгинского типа в своем классическом завершенном облике в виде оградок с пятнами внутри, сопровождаемых человечками и «парящими в небе» птицами, оформились с завершением сложения экономики производящего типа с преобладанием в нем скотоводческой направленности. В такой композиции наиболее явственно ощущается обращение людей к высшим небесным силам с мольбами о благополучии и плодородии скота, о чем не раз писали исследователи (Окладников, Запорожская, 1970, с. 92; Тиваненко, 1989, с. 153-156; 1990, с. 68-73).

Попытаемся проверить сделанный вывод о генезисе петроглифов селенгинского типа из неолитических петроглифов населения Прибайкалья и Забайкалья на примере пока что одного сюжета - антропоморфных изображений. Для этого нами были составлены сравнительно-типологические ряды. В правой их части представлены соответствующие сюжеты из петроглифов селенгинского типа, левее их расположены сюжеты петроглифов лесной зоны Приангарья, Верховьев Амура и степных районов Восточного Забайкалья в порядке их убывания схожести с петроглифами селенгинского типа. Рассмотрим вначале антропоморфные фигуры Приангарья с Первого, Второго и Третьего Каменных островов, датируемых А.П. Окладниковым неолитическим временем (Окладников, 1966, с. 129-131). Для удобства рассмотрения мы разделили ангарские неолитические антропоморфные петроглифы на три группы. В первую (рис. I - *1,2*) входят человечки с Первого и Третьего Каменных островов (Окладников, 1966, табл. 29 - *2;* 103 - *1*), во вторую (рис. I - *3-7*) - со Второго и Третьего Каменных островов (Окладников, 1966, табл. 90 - *4;* 94; 85 - *5*; 109 - *5*; 87 - *1*;) и в третью (рис. I - *8-10*) - со Второго и Третьего Каменных островов (Окладников, 1966, табл. 90 - *2;* 112 - *1;* 83;).

Для изображения первой группы характерны следующие особенности. У них выписаны такие детали, как пальцы рук, ступни ног, глаза, уши и, вероятно, головной убор. Несмотря на известную условность трактовки изображения людей в них, тем не менее их можно назвать наиболее реалистичными в данном типологическом ряду. Антропоморфные фигуры второй группы выписаны не столь реалистично: исчезает подробная детализация рисунков - уже нет пальцев рук, ступней и т.д., они становятся более схематичными. Но, тем не менее, некоторые из них изображены, видимо, в головных уборах, чувствуется какая-то динамика, движение, появляются сомкнутые фигурки. В третью группу входят самые схематичные изображения. В них передан предельно упрощенный образ человека. Показаны лишь самые необходимые детали, обозначающие, что это человек: голова в виде выступа, расставленные развилкой в стороны руки и ноги. В то же время именно они наиболее близки по своим стилистическим особенностям изображениям человечков на петроглифах селенгинского типа, которым характерны практически такие же стилистические особенности. Таким образом прослеженная линия развития изображений людей по материалам Приангарья и петроглифов селенгинского типа показывает возможность генезиса данного сюжета петроглифов бронзового века из наскального искусства неолитического времени.

Антропоморфные фигуры неолитического времени таежного и степного стилей из верховьев Амура (Окладников, Мазин, 1976; Мазин, 1986, 1988, 1994), как и из Приангарья, делятся на три группы. В первую (рис. II - *1-4*) мы объединили человечков из Геткана (Окладников, Мазин, 1976, табл. 49 - *13*; 50 - *19*; 50 - *17*; 17 - *1* - *1*), во вторую (рис. II - *5-8*) - из Геткана (Окладников, Мазин, 1976, табл. 50 - *2*; 50 - *16*; 48 - *2*) и Урулюнгуя I (Мазин, 1986, табл. 59 - *20*) и в третью (рис. II - *9-12*) - из Урулюнгуя I (Мазин, 1986, табл. 57 - *II*), Цорона III (Мазин, 1986, табл. 36 - *I*), Нортуя I (Мазин, 1986, табл. 57 - *IV*) и Геткана (Окладников, Мазин, 1976, табл. 49 - *2*).

Для рисунков первой группы характерны следующие особенности. У антропоморфных фигур наиболее тщательно выписаны такие

детали, как пальцы рук, ноги, головы, уши, какие-то детали лица, а также показаны половые органы. По нашему мнению, рисунки первой группы, как и приангарские антропоморфные изображения, являются наиболее реалистичными, несмотря на известную степень условности. Изображения второй группы гораздо меньше детализированы, выглядят более упрощенными по сравнению с рисунками первой группы. Постепенно исчезает подробная трактовка головы - теперь она изображается в виде небольшого выступа. Пальцы рук также не изображаются. В то же время сохраняется прежняя манера изображения ног - в виде развилки, широко расставленные в стороны руки. В целом же рисунки второй группы являются менее реалистичными по сравнению с изображениями первой группы. Антропоморфные фигурки третьей группы выглядят предельно схематизированными по отношению к предыдущим двум. Древний художник стремился передать предельно упрощенный образ человека, изображения являются наиболее схематичыми. Они не столь грацильны, как человечки первых двух групп. В них очень схематично представлен образ человека: голова в виде выступа, расставленные развилкой в стороны руки и ноги. Показаны лишь самые необходимые детали, обозначающие, что это человек. Появляются сомкнутые фигурки. Изображения третьей группы обнаруживают наибольшую степень схожести по своим стилистическим особенностям с петроглифами селенгинского типа, которым присущи практически такие же стилистические особенности. Таким образом, как и в Приангарье, прослеженная линия развития антропоморфных изображений по материалам верховьев Амура показывает возможность генезиса данного сюжета петроглифов селенгинского типа бронзового века из наскального искусства неолитического времени.

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующие моменты. Обращает на себя внимание совпадение в типологических рядах тенденций в изображении образа человека в обеих рассмотренных областях, в Приангарье и Восточном Забайкалье (верховьях Амура). В начале типологического ряда как в Предбайкалье, так и в Забайкалье изображения являются наиболее реалистичными. Затем антропоморфные изображения выписываются менее детально и завершают ряд схематичные фигурки, представляющие собой предельно упрошенный образ человека. В неолитических петроглифах человеческие фигуры выписывались наиболее тщательно. Древний художник, несмотря на всю условность передачи образа человека, стремился показать его по возможности подробней: выписывались такие детали, как руки с пальцами, ступни ног, уши, глаза и т.п. Иногда человечки показывались в так называемой «скелетной» манере. Затем постепенно изображения упрощались - исчезали характерные черты - например пальцы, уши и т.д. В эпоху бронзы художник изображал на скалах уже схематичных, предельно упрощенных человечков. Таким образом можно заключить, что наиболее ранними являются реалистические изображения человечков. Затем прослеживается все более усиливающаяся тенденция к схематизму в наскальном искусстве. Наибольший схематизм мы можем наблюдать в петроглифах селенгинского типа эпохи бронзы. Из всего вышесказанного следует, что генеральная линия развития наскального искусства в обоих рассматриваемых регионах совпадает: движение шло от реализма к предельному упрощению, схематизму.

Итак, сравнительная характеристика сюжетов петроглифов лесного и степного стилей, данные об особенностях культурно-исторического развития населения лесных и степных районов Южного Забайкалья в эпохи неолита и бронзы, выявленные тенденции в развитии антропоморфных изображений - одного из наиболее распространенных сюжетов в петроглифах селенгинского типа, позволяют сделать вывод о том, что формирование петроглифов селенгинского типа эпохи бронзы было связано с некоторыми особенностями развития палеоэкономики и этнокультурной истории древнего населения Южного Забайкалья и прилегающих районов Северной Монголии эпохи неолита и бронзы. Истоки этого процесса уходят в период развитого неолита, когда в регионе зарождается производящее хозяйство, а завершение связано, вероятно, с утверждением скотоводства в качестве ведущей отрасли экономики древнего населения Южного Забайкалья и Северной Монголии в эпоху бронзы.

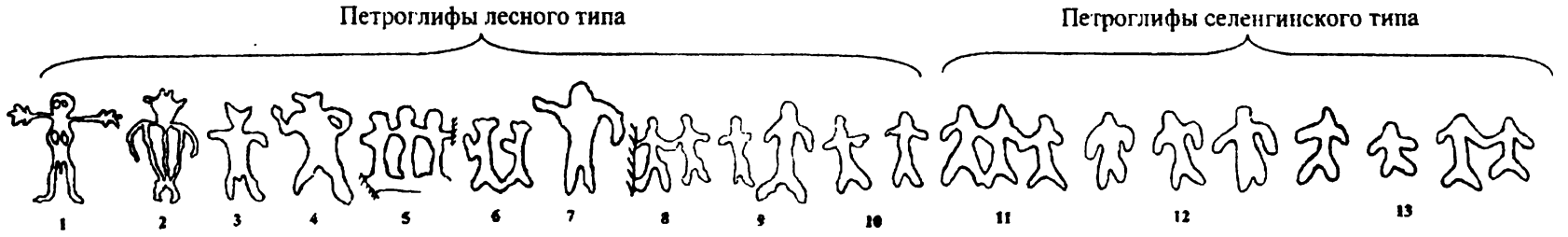


Рис. I

1 – Первый Каменный остров (табл. 29 – *2*); 2 – Третий Каменный остров (табл. 103 – *1*); 3 – Второй Каменный остров (табл. 90 – *4*); 4 – Второй Каменный остров (табл. 94); 5 – Второй Каменный остров (табл. 85 – *5*); 6 – Третий Каменный остров (109 – *5*); 7 – Второй Каменный остров (87 – *1*); 8 – Второй Каменный остров (табл. 90 – *2*); 9 – Третий Каменный остров (табл. 112 – *1*); 10 – Второй Каменный остров (табл. 83); 11 – Их-Тенгерин-Ам (табл. 66 – *2*); 12 – Хотогой-Хабсагай (табл. 10 – *7*); 13 – Новоселенгинск (табл. 70 – *6*).

1 – 10 – по А. П. Окладникову (1966), 11 – 12 – по А. П. Окладникову, В. Д. Запорожской (1970), 13 – по А. П. Окладникову, В. Д. Запорожской (1969). Масштаб разный.

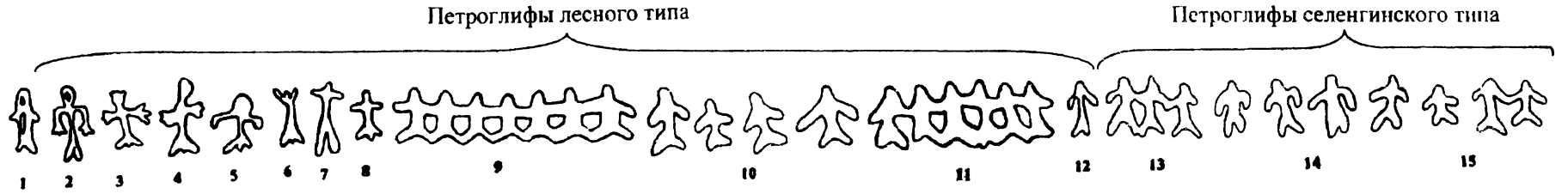


Рис. II

1 – Геткан (табл. 49 – *13*); 2 – Геткан (табл. 50 – *19*); 3 – Геткан (табл. 50 – *17*); 4 – Геткан (табл. 17 – *1* – *1*); 5 – Геткан (табл. 50 – *2*); 6 – Геткан (табл. 50 – *16*); 7 – Геткан (табл. 48 – *2*); 8 – Урулюнгуй I (табл. 59 – *20*); 9 – Урулюнгуй I (табл. 57 – *II*); 10 – Цорон III (табл. 36 – *1*); 11 – Нортуй I (табл. 57 – *IV*); 12 – Геткан (табл. 49 – *2*); 13 – Их-Тенгерин-Ам (табл. 66 – *2*); 14 – Хотогой-Хабсагай (табл. 10 – *7*); 15 – Новоселенгинск (табл. 70 – *6*).

1 – 7, 12 – по А. П. Окладникову, А. И. Мазину (1976); 8 – 11 – по А. И. Мазину (1986); 13 – 14 – по А. П. Окладникову, В. Д. Запорожской (1970), 15 – по А. П. Окладникову, В. Д. Запорожской (1969). Масштаб разный.

1. *Волков В.В.*, 1967. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. - Улан-Батор. – 148 с.
2. *Горюнова О. И.*, 1984. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск. - 17 с.
3. *Гребенщикова О.И., Семина Л.В., 1990.* Динамика развития керамического декора в неолите-палеометалле Юго-Западного Забайкалья // Палеоэтнология Сибири: Тез. докладов XXX РАЭСК. - Иркутск. - С. 187-188.
4. *Гришин Ю.С., 1975.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. - М.: Наука. - 136 с.
5. *Гришин Ю.С., 1981.* Памятники неолита. бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. - М.: Наука. - 204 с.
6. *Гришин Ю.С., 1982.* К вопросу о датировке забайкальско-монгольских писаниц // СА. - 1982. - № 1. - С. 224-227.
7. *Гришин Ю.С., 1984.* О дворцовской культуре (бронзового века) в Восточном Забайкалье // КСИА. - Вып. 177. - С. 37-40.
8. *Диков Н.Н., 1958.* Бронзовый век Забайкалья. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. - 108 с.
9. *История Сибири. 1968.* - История Сибири. Т.1. Древняя Сибирь. - Л.: Наука. Ленинград. отделение. - 454 с.
10. *Кириллов И.И., 1979.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье: Учеб. пособие. - Иркутск. - 96 с.
11. *Кириллов И.И., 1981.* Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. - Новосибирск. - 38 с.
12. *Кириллов О.И., 1994.* Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск. - 20 с.
13. *Константинов М.В., Семина Л.В., 1980.* Таежные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. - Кемерово. - С. 96-104.
14. *Мазин А.И., 1986.* Таежные писаницы Приамурья. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - 260 с.
15. *Мазин А.И., 1988.* Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья: Автореф. дис.... д-ра. ист. наук. - Новосибирск.
16. *Мазин А.И., 1994.* Древние святилища Приамурья. - Новосибирск: Наука. Сибир. издательская фирма. - 241 с.
17. *Наваан Д., 1975.* Дорнод Монголийн хурлийн уе. - Улаанбаатар.- 200 с.
18. *Новгородова Э.А., 1981.* Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. - М.: Наука. - С. 33-41.
19. *Новгородова Э.А., 1984.* Мир петроглифов Монголии. - М.: Наука. - 168 с.
20. *Новгородова Э.А.. 1989.* Древняя Монголия. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. - 383 с.
21. *Окладников А.П., 1950.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I и II. - МИА. -1950. - № 18. - М-Л.: Изд-во АН СССР. - 412 с.
22. *Окладников А.П., 1952.* О датировке забайкальских писаниц // Записки Бурят-Монгольского НИИК. - Вып. 14. - С. 57-62.
23. *Окладников А.П., 1955.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III Глазковская культура. - МИА. - № 43. - М-Л.: Изд-во АН СССР. - 374 с.
24. *Окладников А. П., 1966.* Петроглифы Ангары. - М.-Л.: Наука. Ленинград. отделение. - 321 с.
25. *Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1969.* Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. - Л.: Наука. Ленинград. отделение. - 220 с.
26. *Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1970.* Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. - Л.: Наука. Ленинград. отделение. - 264 с.
27. *Окладников А. П., Мазин А. И., 1976.* Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. - Новосибирск: Наука.. Сибир. отделение. - 187 с.
28. *Окладников А.П. Кириллов И.И., 1980.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - 176 с.
29. *Семина* Л.В., 1985. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - С. 104-122.
30. *Семина Л.В, 1986.* Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л. - 16 с.
31. *Семина Л.В., Пинскер М.П., 1988.* Памятники эпохи ранней бронзы Усть-Мензенского комплекса // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докладов. - Барнаул: Изд-во ИИФиФ и АГУ. - С. 67-68.
32. *Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., 1990. Семина Л.В.* Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: Тез. докладов XXX РАЭСК. - Иркутск. - С. 188-189.
33. *Тиваненко А.В., 1981.* О датировке «селенгинских» петроглифов Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - С. 50-56.
34. *Тиваненко А.В., 1989.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - 202 с.
35. *Тиваненко А.В., 1990.* Древнее наскальное искусство Бурятии. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - 208 с.
36. *Цыбиктаров А.Д., 1989.* Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М. - 24 с.
37. *Цыбиктаров А.Д., 1998.* Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. - 288 с.
38. *Цыбиктаров А.Д., 1999.* Бурятия в древности. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1999. - 264 с.
39. *Цыбиктаров В.А., 2000.* К классификации петроглифов «селенгинского» типа Западного Забайкалья в связи с вопросом об их относительной хронологии» // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. - Т.1. - Новосибирск. - С. 162-164.
40. *Цэвээндорж Д., 1999.* Монголын эртний урлагийн туух - Улаанбаатар. - 317 с.
41. *Членова Н.Л., 1992.* Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. - М.: Наука. - С. 247-354.

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СЕЛЕНГИНСКОМ СРЕДНЕГОРЬЕ

Н.И. Гранина, М.И. Дергачева, А.Д. Цыбиктаров, Н.В. Вашукевич, И.К. Феденева, Т.В. Никерова

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 02-01-00400а «Культурное и хронологическое соотношение херексуров, памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья эпохи бронзы и раннего железа (сер. II – первая половина I тыс. до н.э., с использованием материалов оленных камней)»

Палеогеография бронзового и раннего железного веков Южного Забайкалья, в отличие от предшествующих периодов каменного века, представляет собой сплошное «белое пятно» на палеогеографической карте региона. Если в отношении палеогеографических характеристик эпох палеолита, мезолита и неолита во второй половине, а особенно в 80-90 гг., XX в. были достигнуты значительные успехи, то этого нельзя сказать относительно эпохи бронзы и раннего железа. Существенные результаты по палеогеографии голоцена, в том числе и по суббореальному периоду, были получены благодаря исследованиям О.И. Горюновой, Г.А. Воробьевой и Н.А. Савельева по соседним районам таежного Прибайкалья (Воробьева, Горюнова, 1984, 1997; Горюнова, Воробьева, 1986; 1993; Воробьева, Горюнова, Савельев, 1992). По палеогеографии голоцена южных районов Забайкалья имеются лишь незначительные сведения. По неолиту и ранней бронзе степных районов Восточного Забайкалья и Чикойско-Мензенской провинции на севере Хэнтэй-Чикойского нагорья такие данные были получены И.И. Кирилловым и М.В. Константиновым в результате совместных работ с географами и почвоведами (Кириллов, 1979, 1981; Окладников, Кириллов, 1980; Базаров и др., 1982; Базарова, 1985). Некоторые сведения палеогеографического характера по эпохе поздней бронзы были получены при раскопках двух многослойных стоянок в Заиграевском и Бичурском районах Бурятии Л.В. Лбовой и Э.Р. Гречищевым (1995). И, наконец, в конце 90-х гг. начали изучаться погребенные почвы под кладками плиточных могил на юге Селенгинского среднегорья. Результаты их исследования были опубликованы М.И. Дергачевой, Н.И. Граниной, А.Д. Цыбиктаровым, И.К. Феденевой, Н.В. Вашукевич и А.В. Граниным (Дергачева и др., 1999; Гранина и др., 1999). Таким образом можно заключить, что по изучению палеогеографии бронзового и раннего железного веков Южного Забайкалья, к которому относится и Селенгинское среднегорье, в настоящее время сделаны лишь самые первые шаги, по сути дела идет процесс сбора материалов и информации по постановке проблемы.

Между тем Южное Забайкалье в целом и Селенгинское среднегорье в частности представляют собой очень интересный район как в природном, так и историко-культурном отношении. В физико-географическом отношении Южное Забайкалье представляет собой переходную зону от степей Центральной Азии к восточносибирской тайге. Район исследований относится к останцово-сопочному округу Кяхтинской равнинной почвенной провинции. Рельеф представлен шлейфами горных хребтов, конусов выноса и древними аллювиальными равнинами. Современный климат изучаемой территории резко континентальный, с холодной малоснежной зимой, коротким жарким летом и небольшим количеством выпадающих за год осадков. Растительность в настоящее время представлена злаково-полынными сухими степями с кустиками узколистной караганы. Почвы, формирующиеся при таком сочетании факторов, относятся к подтипу каштановых мучнисто-карбонатных глубокопромерзающих супесчаных (песчаных).

Вследствие природной специфики Южного Забайкалья здесь с глубокой древности жили по соседству представители разных этнокультурных областей - скотоводы-кочевники Центральной Азии и охотники - рыболовы тайги Восточной Сибири. Широкая открытость края по степным коридорам на юг в сторону Центральной Азии сделала его легкодоступным для миграции древних скотоводов из разных районов Центральной Азии - Монголии, Северного Китая и Саяно-Алтайского нагорья. По этой причине археологические памятники Южного Забайкалья содержат в себе материалы, имеющие ключе-

вое значение для понимания хода и характера этнокультурных процессов в разные исторические эпохи на обширных пространствах этой части азиатского материка. Для эпохи поздней бронзы и раннего железа (конец II - первая половина I тыс. до н.э.) такими памятниками являются плиточные могилы и херексуры.

Вместе с тем общеизвестен факт огромного влияния окружающей среды на формирование не только экономики и основных особенностей материальной и духовной культуры древних этнических общностей, но и на общий ход исторических процессов на отдельных этапах истории тех или иных регионов. В качестве примера можно сослаться на хорошо известные факты по древней истории Западной и Южной Сибири, Казахстана эпохи бронзы и раннего железа, опубликованные с 70-х гг. до настоящего времени. Определенное внимание на влияние изменений в природной среде на ход культурно-исторических процессов применительно к региону Южного Забайкалья и Монголии в эпоху поздней бронзы и раннего железа уделял и один из авторов настоящей статьи, усматривая в них одну из причин взаимных миграций групп населения культуры плиточных могил и культуры херексуров на территории друг друга (Цыбиктаров, 1998, 1999, 1999 а, 2000, 2001). С целью проработки вопросов палеогеографии эпохи поздней бронзы и раннего железа в конце 90-х гг. почвоведами и археологами из Новосибирска (М.И. Дергачева, И.К. Феденева), Улан-Удэ (А.Д. Цыбиктаров) и Иркутска (Н.И. Гранина, Н.В. Вашукевич) было начато изучение погребенных почв из-под кладок плиточных могил и херексуров в южных районах Бурятии в пределах Селенгинского среднегорья.

В 1998 г. были отобраны образцы почв, погребенных под кладками плиточных могил и херексуров в местонахождении Баин-Улан II и Старая Капчеранка (Кяхтинский район, Бурятия).

Для проведения сопоставлений педогенных признаков в погребенных и современных почвах, а также в целях разработки информационной основы для палеоэкологических реконструкций был детально изучен профиль древней почвы, погребенной под кладкой плиточной могилы № 2. Для этого профиля был сделан анализ группового и фракционного состава гумуса, а также получены основные количественные параметры химических и физико-химических признаков педогенеза (Дергачева и др., 1999)[1].

В настоящей работе дана более подробная характеристика почв, погребенных под камнями кладки плиточной могилы № 6, разрез 15-98 (Старая Капчеранка, конец II – начало I тыс. до н.э.). Вследствие ограниченности имеющихся на сегодняшний день материалов по палеогеографии суббореального периода голоцена Южного Забайкалья публикуемые материалы представляют несомненный интерес для специалистов.

Все представленные образцы почв отобраны по общепринятой методике из 3-10 сантиметровых толщ, представляющих собой верхнюю часть гумусовых горизонтов из разрезов: 3-98 (зачистка плиточной могилы № 2), 5-98 (плиточная могила № 4), 8-98 (гумусовые горизонты под камнями херексура), 15-98 (плиточная могила № 6, расположенная в пади Старая Капчеранка). Кроме того в районе расположения первых трех зачисток, в аналогичном по геоморфологическому положению был заложен разрез 21-98, вскрывающий профиль современной почвы, не относящийся к комплексу археологических памятников.

Разрезы 3, 5, 8, 21 (взятые в 1998 г.) анализировались в лаборатории генезиса и эволюции почв ИПА СО РАН (г. Новосибирск). Разрез 15, в котором представлены как современные так и погребенные почвы, анализировался в ИГУ (г. Иркутск). Кроме того, была выполнена камеральная обработка образцов почв, погребенных под кладкой плиточной могилы и херексура, взятых в 2001 г. на могильнике Жаргаланта в Селенгинском районе Республики Бурятия в полутора км к северо-востоку от с. Жаргаланта. Могильник Жаргаланта предварительно датируется раннескифским временем, VIII - VII вв. до н.э.

Гумусово-аккумулятивные горизонты современных почв (разрезы 3, 21, 15) имеют в целом близкие характеристики химических и физико-химических параметров. Некоторое различие в свойствах для разреза 15-98 (меньшее содержание общего углерода и меньший выход растворимых гумусовых ве-

[1] В статье 1999 г. допущена неточность – могильник Старая Капчеранка датируется не VI-V вв. до н.э. (см. Дергачева и др., 1999, С. 79), а концом II – началом I тыс. до н.э. Об этой неточности было сообщено редакции сборника автором раскопок могильника А.Д. Цыбиктаровым после знакомства с текстом рукописи статьи до сдачи рукописи сборника в печать.

ществ) связано, по-видимому, с несколько иным положением его в рельефе - выше по склону, большей каменистостью профиля, другим типом растительности (каменистая сухая степь). Все изученные образцы современных почв не содержат карбонатов кальция. Количество общего углерода в современных почвах варьирует существенно: от 2,5-3,0 % в разрезе 3 до 0,8-1,0 % - в разрезах 21 и 15. Гумус имеет фульватно-гуматный состав, отношение углерода гуминовых кислот к углероду фульвокислот (Сгк/Сфк) близко к 1,0 или несколько превышает ее (табл.1).

Таблица 1

Основные характеристики современных и погребенных гумусовых горизонтов

№ разреза	С общ., %	Са СО3 %	pH, водный	Σгк	Σфк	Сгк/Сфк	ρ750
Современные горизонты почв							
3-98	2,48	0,0	6,1	35,6	33,2	1,07	Не опр.
3-98	2,98	0,0	6,4	31,9	27,3	1,17	Не опр.
21-98	0,97	0,0	7,2	26,2	28,0	0,94	Не опр.
15-98	0,81	0,0	6,7	24,1	20,5	1,18	36,9
Погребенные горизонты почв							
3-98	0,77	0,0	8,3	40,4	31,6	1,28	Не опр.
3-98	0,74	0,0	8,4	33,4	35,5	0,94	Не опр.
5-98	0,57	0,0	8,0	35,6	34,9	1,02	Не опр.
5-98	0,59	0,0	8,1	31,2	28,7	1,09	Не опр.
5-98	0,49	0,0	8,1	35,8	35,4	1,01	Не опр.
8-98	0,48	0,0	8,2	34,0	24,7	1,38	Не опр.
8-98	0,45	0,0	8,3	38,0	26,9	1,42	Не опр.
15-98	0,70	0,0	7,2	27,0	28,3	0,95	36,9
15-98	0,63	0,0	7,3	30,0	24,0	1,29	.42,0
15-98	0,33	0,0	7,6	33,0	28,9	1,15	35,8
15-98	0,31	0,0	7,3	15,3	11,7	1,30	39,9
15-98	0,23	0,0	9,5	28,7	29,6	0,95	44,0

Сумма гуминовых кислот в составе гумуса изменяется от 26 до 36 % от общего углерода, доля фульвокислот колеблется примерно в тех же пределах (от 27 до 33 %). В составе гумусовых веществ преобладают фракции, связанные с кальцием, на их долю приходится до 60-80 % от суммы гидролизуемых форм. Количество подвижных фульвокислот, выделяемых при непосредственной обработке 0,1 н раствором кислоты, составляет всего 10 % от общего содержания этого компонента гумуса и 5 % от суммы гидролизуемых фракций. Величина pH водной вытяжки (реакция среды) для современных почв колеблется в слабокислой-нейтральной области - от 6,1 до 7,2.

Погребенные гумусовые горизонты характеризуются в целом несколько меньшим содержанием общего углерода (не более 0,8 % от массы мелкозема), что обусловлено процессами, протекающими после погребения почвы и изоляции ее от биологически активной среды. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в разрезе 15-98 количество гумуса несколько меньше, чем в остальных изученных зачистках.

Происходит также некоторое увеличение показателей кислотности почвенной массы: значения pH колеблются в нейтральной - щелочной области от 7,3 до 9,5.

При этом отношение углерода гуминовых кислот к углероду фульвокислот в древних гумусово-аккумулятивных горизонтах имеет близкие к таковым для. современных почв значения: Сгк/Сфк изменяется от 0,94 до 1,42. Количество гуминовых кислот составляет 31-40 % от общего углерода, фульвокислот - 25-35 %.

В разрезе 15-98 на глубине 35-40 см отмечается прослой с несколько заниженным выходом растворимых гумусовых веществ,

что может быть связано с колебаниями климатических условий в эпоху поздней бронзы.

В составе гумусовых веществ погребенной почвы преобладают формы, связанные с кальцием - среди гуминовых кислот их доля достигает 80-85 % от общего содержания компонента, среди фульвокислот - 50-80 %. На долю негидролизуемых форм гумусовых кислот приходится от 29 до 41 % общего количества гумуса.

Для проведения сопоставлений педогенных признаков в погребенных и современных почвах нами был изучен профиль древней почвы, погребенной под кладкой плиточной могилы № 6 (падь Старая Капчеранка). Был выполнен анализ группового и фракционного состава гумуса, получены основные количественные параметры химических и физико-химических признаков педогенеза (табл.2, 3).

Таблица 2

Некоторые характеристики вещественного состава почв, погребенных под кладками плиточной могилы № 6 (разрез 15-98)

Глубина, см	pH, водный	С общ., %	Гумус %	ρ750	Ca CO3 %	Обменные основания		
						Ca	Mg	Сумма
Современная почва. Гор. А								
2-11	6,8	0,70	1,21	36,9	0,0	1,6	1,6	3,2
11-20	7,2	0,48	0,83	33,2	0,0	3,2	следы	3,2
Погребенная почва Гор. А погр.								
20-30	7,1	0,81	1,40	32,4	0,0	2,4	следы	2,4
30-35	7,6	0,70	1,21	35,8	0,0	1,2	2,8	4,0
35-40	7,3	0,63	1,09	39,9	0,0	2,6	2,4	5,0
Погребенная почва Гор. В Sol погр.								
46-50	9,5	0,33	0,57	44,0	3,0	2,4	1,2	3,6
50-55	9,8	0,31	0,54	43,5	3,0	1,8	8,8	10,6
55-64	10,4	0,23	0,40	48,4	3,2	1,6	7,2	8,8
64-72	10,4	0,25	0,43	57,5	3,4	1,8	7,4	9,2
72-82	10,0	0,33	0,57	69,0	6,7	1,0	8,2	9,2
82-92	10,1	0,41	0,69	68,0	6,7	1,0	7,0	8,0
114-124	9,9	0,33	0,57	62,0	2,5	1,6	8,0	9,6

Таблица 3

Состав гумуса современных горизонтов почв и почв, погребенных под кладками плиточной могилы № 6 (разрез 15-98)

Глубина, см	С общ.,%	Гумус %	ГК-2	ГК-3	Σгк	ФК-1а	ФК-2	ФК-3	Σфк	Сгк/Сфк	НО, %
Современная почва. Гор.А											
2-11	0,70	1,21	7,1	4,0	11,1	1,4	8,6	3,1	13,1	0,9	75,8
11-20	0,48	0,83	8,8	2,9	11,7	1,5	8,5	7,5	17,5	0,7	70,8
Погребенная почва Гор. А погр.											
20-30	0,81	1,40	15,8	12,2	24,1	2,2	13,3	5,0	20,5	1,2	55,4
30-35	0,70	1,21	23,0	4,0	27,0	2,8	16,0	9,5	28,3	1,0	44,7
35-40	0,63	1,09	22,0	8,0	30,0	3,0	13,0	8,0	24,0	1,3	46,0
Погребенная почва Гор. В Sol погр.											
46-50	0,33	0,57	28,8	4,2	33,0	13,5	19,2	8,3	28,9	1,2	26,0
50-55	0,31	0,54	9,0	6,3	15,3	4,5	3,2	4,0	11,7	1,3	42,7
55-64	0,23	0,40	23,9	4,3	28,7	4,8	15,2	9,6	29,6	1,0	42,2
64-72	0,25	0,43	9,6	7,2	16,8	10,0	22,4	7,2	39,6	0,4	43,6
72-82	0,33	0,57	6,8	3,0	9,8	8,2	23,0	7,2	38,4	0,3	51,8
82-92	0,41	0,69	3,3	1,8	5,1	12,3	5,9	3,7	21,9	0,6	73,0
114-124	0,33	0,57	0,0	0,0	0,0	12,5	10,6	11,3	34,4	0,0	65,6

Гранулометрический анализ образцов почв указывает на явное отличие гумусово-аккумулятивного горизонта современных почв от нижележащего по меньшему содержанию фракции пыли и ила. В целом как современный, так и погребенный гумусовые горизонты супесчанные по составу, в то время как горизонт В погребенный - легкосуглинистый (табл. 4).

Таблица 4

Гранулометрический состав современных горизонтов почв и почв, погребенных под кладками плиточной могилы № 6 (разрез 15-98)

Глубина, см	Потеря при обработке	Содержание фракций в %, размер частиц						Физический песок	Физическая глина
		1-0.25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	< 0,001		
		песок		пыль			ил		
		круп ный	мел-кий	круп-ная	сред-няя	мел-кая			
Современная почва. Гор. А									
2-11	6,0	6,4	61,7	20,5	3,2	2,3	5,9	88,6	11,4
11-20	5,4	7,7	59,7	18,1	3,5	1,2	9,8	85,5	14,5
Погребенная почва Гор. А погр.									
20-30	6,7	5,0	60,1	21,7	3,6	4,0	5,6	86,8	13,2
30-35	4,6	6,9	60,0	18,4	6,2	0,1	8,4	85,3	14,7
35-40	3,3	7,1	66,5	11,7	6,1	1,7	6,9	85,3	14,7
Погребенная почва Гор. В Sol погр.									
46-50	4,7	7,8	61,1	18,5	2,8	1,6	8,2	87,4	12,6
50-55	14,2	6,9	31,7	37,7	8,0	7,0	8,7	76,3	23,7
55-64	6,9	11,0	47,6	19,8	8,1	5,4	8,1	78,4	21,6
64-72	14.6	9,2	53,9	15,6	7,2	4,4	9,7	78,7	21,3
72-82	23,2	6,8	57,3	15,0	7,4	2,5	11,0	79,1	20,9
82-92	28,2	5,7	46,3	21,3	8,8	3,1	14,8	73,3	26,7
114-124	4,5	6,0	58,7	11,1	3,4	7,2	13,6	75,8	24,2

Анализ спектральной отражательной способности почв, погребенных под кладками плиточных могил поздней бронзы, позволил более объективно расчленить толщу почв на генетические горизонты и уточнить границы погребенных гумусовых горизонтов. Спектры отражения погребенных гумусовых горизонтов располагаются, как и в современных почвах, полого с небольшим подъемом в синей области спектра (400 нм) и с наибольшим - в красной (750 нм), тогда как спектры отражения других горизонтов профиля - имеют разный наклон по отношению к оси X и разную интенсивность отражения во всем диапазоне волн.

Сопоставление изменений свойств почв по профилю разреза 15 и спектрофотометрических коэффициентов показало, что наблюдается четкое их сопряжение: для коэффициента ρ750 обратное с общим углеродом (гумусом) и соотношением гуминовых- и фульвокислот, прямая с $CaCO_3$ и другими светлоокрашенными соединениями.

Таким образом исследования древней почвы, погребенной под кладкой плиточной могилы эпохи поздней бронзы в Кяхтинском районе Бурятии с использованием химических и физико-химических параметров, выявили следующие особенности отложений.

Все основные характеристики (Собщ., pH водн., CO_2 карбонатов, выход гуминовых кислот) изменяются в пределах погребенного почвенного профиля достаточно постепенно. Причем варьирование основных свойств четко проявляется в сопряженном изменении спектрофотометрического коэффициента ρ750 - прямого с содержанием карбонатов, обратного к общему углероду и соотношению Сгк/Сфк.

Погребенные горизонты были выделены морфологически, по содержанию органиче-

ского углерода. коэффициенту спектрального отражения.

Содержание общего углерода в погребенном гумусовом горизонте несколько выше, чем в современном (не более 0.7 % от массы мелкозема) и уменьшается с глубиной до 0,4 %.

Вниз по профилю возрастают показатели почвенной кислотности от нейтральной до щелочной (pH 7-10) за счет засоления, появляются карбонаты и резко увеличивается выход обменного Mg.

По гранулометрическому составу погребенный горизонт супесчаный, подстилающий его горизонт- легкосуглинистый.

В составе гумусовых веществ погребенной почвы преобладают формы, связанные с кальцием (80-85 % от общего содержания гуминовых кислот и 50-80 % от общего содержания фульвокислот). На долю негидролизуемых форм гумуса приходится от 29 до 41 % общего его количества. В целом же, отношение Сгк/Сфк в древнем гумусовом горизонте близко к таковому в современном.

Погребенные гумусовые горизонты характеризуются в целом несколько меньшим содержанием общего органического углерода (не более 0,8 % от массы мелкозема), что обусловлено процессами, протекающими после погребения почвы и изоляции ее от биологически активной среды.

Анализ всех представленных данных позволяет предполагать, что природные условия бронзы были близки в целом к современным, хотя и более благоприятны для гумусонакопления и почвообразования по сочетанию тепло- и влагообеспеченности.

1. *Базаров Д.-Д.Б., Константинов М.В., 1982. Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В.* Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - 163 с.
2. *Базарова Л.Д., 1985.* Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в Юго-Западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Новосибирск. - 16 с.
3. *Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 1984.* Корреляция голоценовых отложений на многослойных памятниках Приольхонья // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докладов краевой конф. - Красноярск. - С. 150-153.
4. *Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 1992. Савельев Н.А.* Хронология и палеогеография голоцена юга Средней Сибири // Геохронология четвертичного периода. - М.: Наука. - С. 174-181.
5. *Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 1997.* Ранний-средний голоцен Приольхонья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. - Новосибирск. - С. 179-183.
6. *Горюнова О.И., Воробьева Г.А., 1986.* Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - С. 4-54.
7. *Горюнова О.И., Воробьева Г.А., 1993.* Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. - Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета. - С. 94-117.
8. *Гранина Н.И., Гранин А.В., 1999. Цыбиктаров А.Д.* Спектральная отражательная способность почв, погребенных под кладкой плиточных могил в Забайкалье // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тезисы международного симпозиума. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. - С. 427-428.
9. *Дергачева М.И., Феденева И.К., 1999. Вашукевич Н.В., Гранина Н.И.* Природные условия в эпоху поздней бронзы по педологическим данным // Палеоэкология человека Байкальской Азии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. - С. 77-81.
10. *Кириллов И.И., 1979.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье: Учеб. пособие. - Иркутск. - 96 с.
11. *Кириллов И.И., 1981.* Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. - Новосибирск. - 38 с.
12. *Лбова Л.В., Гречищев Э.Р., 1995.* К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. - С. 7-17.
13. *Окладников А.П. Кириллов И.И., 1980.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. - Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - 176 с.
14. *Цыбиктаров А.Д., 1998.* Место культуры плиточных могил в древней истории Забайкалья // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. Т. 1. - Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. - С. 600-608.
15. *Цыбиктаров А.Д., 1999.* Этнокультурные процессы в Южной Бурятии и Северной Монголии в эпоху поздней бронзы // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тезисы международного симпозиума. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1999. - С. 507-509.
16. *Цыбиктаров А.Д., 1999 а.* Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1999. - С. 65-76.
17. *Цыбиктаров А.Д., 2000.* Оленные камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы международной научной конференции. Т. 1. Археология. Этнология. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. - С. 98-102.
18. *Цыбиктаров А.Д., 2001.* Этнокультурная ситуация в Южной Бурятии и прилегающих районах Монголии в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Бурятия. Проблемы региональной истории и исторического образования. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. - С. 38-54.

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРЕКСУРОВ В МОНГОЛИИ

Д. Эрдэнэбаатар

Одним из наиболее распространенных памятников бронзового и раннего железного веков Монголии являются херексуры. Территория их распространения кроме Монголии включает горные районы Алтая в составе России и Китая, а также Синьцзян и Западное Забайкалье. В пределах Монголии эти памятники имеют разные названия. Западные монголы называют их хялгасан-уур, киргизхуур, что на русском языке произносится «херексур». Монголы центральных районов именуют их хиригсуур (Сэр-Оджав, 1970, С. 20). В археологической литературе под названием «хиригсуур» понимают древние погребальные или жертвенные сооружения, состоящие из каменной насыпи, заключенной в ограду квадратной или круглой формы.

Изучение херексуров началось в 70-80 гг. XIX в. в результате работ Г.Н. Потанина и В.В. Радлова. В ходе своих научных экспедиций по Монголии они впервые описали их, ввели в научный оборот и довели сведения о них до археологов (Потанин, 1881, С. 47-65; Радлов, 1896). Изучением херексуров в дореволюционное время занимался Ю.Д. Талько-Грынцевич, а в советское время - Г.И. Боровко, Г.Ф. Дебец, А.П. Окладников, В.В. Волков (Боровко, 1927; Окладников, 1951; Волков, 1967). В последние десятилетия XX в. раскопки херексуров в Бурятии осуществляли М.В. Константинов, А.Д. Цыбиктаров и С.В. Данилов (Цыбиктаров, 1985, 1988; Данилов, Коновалов, 1988). В эти же годы монгольские археологи осуществили ряд специальных исследований в области изучения херексуров. С начала 1990-х гг. силами монгольско-французской экспедиции начались раскопки различных по размерам херексуров в местности вдоль р. Эгийн-гол на территории Хутаг-Ундэр сомона Булганского аймака, а также в бассейне рек Орхона и Туул. При этом выявилась идентичность монгольских памятников с памятниками Западного Забайкалья как погребальных сооружений. Кроме того памятники из Эгийн-гола и из Забайкалья оказались довольно близкими и по хронологии.

В целом за последние десять лет нами осуществлено сравнительное изучение более двадцати херексуров. По размерам они были как большими, так и малыми. Из них следует выделить раскопки одного херексура с круглой оградой в долине реки Эгийн-гол южнее местности Бурхан толгой в 1992 г.; двух херексуров в Холтост нуга в 1994 г., при этом один из них был с круглой оградой, а другой - с оградой квадратной формы. В 1997 г. в местности Битуугийн цагаан были раскопаны херексур с квадратной оградой и тринадцатью круглыми жертвенными сооружениями и еще две насыпи курганного типа без ограды. В следующем 1998 г. в местности Эмгэнт хошуу были обнаружены и осуществлены раскопки еще двух объектов, один из которых был херексуром с квадратной оградой, другой - насыпью курганного типа. Что касается херексура, раскопанного в Бурхан толгой, то следует отметить, что он находился на возвышенности старого русла северного берега реки и имел круглую ограду диаметром 28-30 метров. В центре ограды находилась круглая каменная насыпь диаметром 9 метров, а в 4-х метрах от нее располагалась еще одна неопределенная каменная насыпь размером 4 х 5 метров.

Четвертая могила в Холтост нуга до раскопок выглядела как сильно разрушенная плиточная могила. За исключением южной все остальные стенки ограждения были обозначены. При раскопках на глубине 140 см в южной части могилы под тремя камнями были найдены две берцовые кости и фрагменты черепа животного. Несмотря на достаточно сильное ограбление, все же можно предположить, что умершего положили головой на север.

Каменная насыпь могилы № 8 в Холтост нуга имела округлую форму размером примерно 4,5 х 5 м. Северная часть кладки была перекрыта скатившимися с северо-восточного склона горы камнями. Внутри была расчищена круглая каменная камера размером 180 х 170 см, установленная на древнем горизонте. В середине нее находилась детская могила, содержавшая захоронение ребенка головой на запад. Какие-либо находки в могиле отсутствовали. Чертой погребального обряда этой могилы, сближающей ее с херексурами Холтост нуга, была ориентация умершего головой на запад.

Радиокарбоновые датировки по человеческим и животным костям из Холтост нуга дали следующие результаты. Херексур № 4 имел возраст 1675-1404±60 лет до н.э., а

херексур № 6 - 1259-912±55 лет до н. э. (Батсайхан, Эрдэнэбаатар, Цэрэндагва, Эрдэнэбат 1994, С. 6-41).

Херексур на возвышенности Элст хотол (Песчаный холм) имел круглую ограду диаметром 13-14 м, в центре которой находится каменная насыпь диаметром 8 метров. К западу и северо-западу от нее, на расстоянии 6-7 м друг от друга располагались 4 каменные насыпи диаметром 1,5 м. В целом в различных местах долины реки Эгийн-гол находится более 60 насыпей, которые можно разделить на 3 основные группы по форме ограды: первая - херексуры с круглой оградой, вторая - херексуры с квадратной оградой и третья - круглые насыпи без ограды. Из них следует выделить херексуры, расположенные на горе Баянгол, на р. Богс, Хайлант и Битуугийн цагаан. Они входили в комплексы с плиточными могилами или же находились по соседству с ними. Несмотря на то, что плиточные могилы и херексуры выше названных мест были нанесены на карты как памятники одного комплекса, все же после раскопок херексуров трудно сказать что-либо определенное об их взаимосвязи. Но все же, опираясь на мнение других исследователей, в первую очередь российских ученых (Цыбиктаров, 1999, 1999а, 2000, 2001), можно предположить, что они содержат информацию о миграциях и взаимовлияниях племен периода бронзового и раннего железного веков. В настоящее время исследователями было отмечено, что в Центральной и Западной Монголии выявлены херексуры более чем 30 разных форм. В ходе наших полевых работ в Центральной Монголии были обнаружены херексуры двух совершенно новых, ранее не отмеченных форм. Так, херексур на возвышенности Агуйт-хотол, находящийся в сомоне Хутаг-Ондор Булганского аймака, имел плотную засыпку от ограды до возвышенной насыпи реки. Херексуры местности Битуугийн цагаан соединены каменной насыпью ромбовидной формы по направлению с севера на юг. Херексуры, представляющие собой погребальные и жертвенные сооружения, трудно различить по внешнему виду. Данный вопрос может быть решен только при изучении внутренних ритуальных элементов и структуры всего сооружения или же в лабораторных условиях при детальном анализе.

Раскопанные на территории Монголии херексуры не содержали материалов, достаточных для определения их датировки. Однако, опираясь на сравнительный анализ результатов исследования херексуров в Западной Монголии и результатов раскопок российских ученых на Алтае и в Туве, их датировку можно определить концом II - началом I тыс. до н.э. Относительно датировки херексуров, расположенных на юге Бурятии, в центральных и северных районах Монголии, среди ученых существуют различные мнения. Так, если Г.И. Боровко и А.П. Окладников определяли их время VI-VIII веками нашей эры (Боровко, 1927, с. 74-76; Окладников, 1951, с. 326-327; 1975, с. 17), то другая группа других учёных - А.Д. Цыбиктаров, Ю.С. Худяков, а также В.Д. Кубарев, предпринявший исследование херексуров на Российском Алтае, датировку культуры херексуров определяют концом II - началом I тыс. до н.э. (Цыбиктаров, 1985; 1988; 1998, с. 139-141; Худяков, 1986, 1987; Кубарев, 1979). Следовательно, итоги работы вышеназванных исследователей сходятся с результатами монгольских ученых по изучению херексуров центральной и западной частей Монголии. По имеющимся результатам исследований в настоящее время монгольские археологи располагают информацией о раскопках более 40 херексуров в 22 пунктах Монголии и на юге Бурятии и еще в 7 местах о раскопках поминальных сооружений. Около 50 раскопанных херексуров расклассифицированы на 6 типов. В насыпях 20 херексуров были найдены человеческие останки, 9 из которых были положены на спине в вытянутом виде, лишь останки одного находились на боку с подогнутыми ногами. Из них в семи погребениях умершие были положены головой на запад. При этом все они были уложены на древней почве и над ними были сооружены каменные насыпи. В насыпях 4 херексуров были обнаружены фрагменты керамики различных исторических эпох, а кости животных были найдены только в 7 херексурах. В 32 херексурах не найдено какого-либо инвентаря и костей как человеческих, так и животных. Из 50 херексуров лишь в 8 имелся инвентарь, который датировался от периода ранней бронзы до XIX в. нашей эры (Цыбиктаров, 1998, с. 137-139).

В конце 80 - начале 90 гг. раскопки херексуров на территории Монголии осуществили монгольские, советские и российские археологи. Участниками СМИКЭ были раскопаны два херексура в Тосонцэнгэл сомоне Завханского аймака. Они имели квадратные ограды и содержали внутри насыпи погребе-

ния людей. Кроме того недалеко от сомонного центра Тосонцэнгэл вблизи горы Хайрхан были раскопаны три каменные насыпи без ограды, одна из которых была сильно ограблена. Остатки обнаруженных в них погребений позволили ученым предположить, что покойного укладывали головойна северо-восток. Однако участники этой экспедиции П.Б. Коновалов, Д. Наваан, В.В. Волков, Г. Санжмятав не высказали своего мнения относительно датировки раскопанных ими херексуров (Коновалов, Наваан, Волков, Санжмятав, 1995, с. 47-48). Несколько позже археолог из Горно-Алтайского университета В.Н. Елин и преподаватель филиала Монгольского государственного университета в Кобдо Р. Эрдэнэцогт осуществили раскопки херексура и насыпи курганного типа в районе оз. Хар-Ус в Кобдосском аймаке. Но как и участники работ в Тосонцэнгэле они не датировали материалы своих раскопок (Елин, Эрдэнэцогт, Батмунх, Баяраа, 1994, с. 22-24).

Что касается итогов монгольско-французской экспедиции, то они уже были охарактеризованы выше. Но хотелось бы еще раз отметить, что они позволяют по-новому рассмотреть вопрос о хронологии херексуров. В заключение хотелось бы довести до сведения коллег, что абсолютные даты костей из поминальных сооружений, раскопанных в местности Хануй бригады Ундэр-Улаан сомона Архангайского аймака, имеют возраст 1500-906 гг. до нашей эры.

1. *Батсайхан З., Эрдэнэбаатар Д., 1994. Цэрэндагва Я., Эрдэнэбат* У. Монгол-Францын хамтарсан экспедицийн тайлан. - ШУА. ТХ. ГБСХ. Улаанбаатар.
2. *Боровко Г.И., 1927.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. II. - Л.: Изд-во АН СССР. - С. 43-88.
3. *Волков В.В., 1967.* Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. - Улан-Батор. - 148 с.
4. *Данилов С.В., Коновалов П.Б., 1988.* Новые материалы о курганах - керексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. - Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР. - С. 71-79.
5. *Елин В.Н., Эрдэнэцогт Р., 1994. Батмунх Г., Баяраа Д.* Раскопки на могильнике Овоот в Монголии // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. - Горно-Алтайск. - С. 22-24.
6. *Коновалов П.Б., Наваан Д., 1995. Волков В.В.. Санжмятав Г.* Керексуры в Тосонцэнгэле (р. Идер, Монголия) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. - С. 47-58.
7. *Кубарев В.Д., 1979.* Древние изваяния Алтая (оленные камни). - Новосибирск: Наука, Сибир. Отделение. - 120 с.
8. *Окладников А.П., 1976.* Археологические исследования в Бурят-Монголии // История и культура Бурятии. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. - С. 315-329.
9. *Окладников А.П., 1975.* Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. - Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С. 6-20.
10. *Потанин Г.Н., 1881.* Очерки Северо-Западной Монголии. - СПб.
11. *Радлов В.В., 1896.* Атлас древностей Монголии (Труды Орхонской экспедиции). Вып. II. - СПб.
12. *Сэр-Оджав Н., 1970.* Эртний Турэгууд - SA, Tom. 5. Fasc. 2. - Улаанбаатар.
13. *Худяков Ю.С., 1986.* Херексуры и оленные камни // Скифская эпоха Алтая: Тез. докладов. - Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та. - С. 40-43.
14. *Худяков Ю.С., 1987.* Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. - Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С. 136-162.
15. *Цыбиктаров А.Д., 1985.* Исследования на юге Бурятии // АО 1983 г. - М.: Наука. - С. 248-249.
16. *Цыбиктаров А.Д., 1988.* О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докладов. - Барнаул: Изд-во ИИФиФ и АГУ. - С. 130-132.
17. *Цыбиктаров А.Д., 1998.* Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. - 288 с.
18. *Цыбиктаров А.Д., 1999.* Этнокультурные процессы в Южной Бурятии и Северной Монголии в эпоху поздней бронзы // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тезисы международного симпозиума. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. - С. 507-509.
19. *Цыбиктаров А.Д., 1999а.* Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. - С. 65-76.
20. *Цыбиктаров А.Д., 2000.* Оленные камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы международной научной конференции. Т. I. Археология. Этнология. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. - С. 98-102.
21. *Цыбиктаров А.Д., 2001.* Этнокультурная ситуация в Южной Бурятии и прилегающих районах Монголии в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Бурятия. Проблемы региональной истории и исторического образования. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. - С. 38-54.

СТЕПНЫЕ БРОНЗЫ ИЗ ПРОВИНЦИИ ГАНЬСУ И СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА КИТАЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЛИНИИ СИНХРОНИЗАЦИИ

А.В. Бехтер
С.В. Хаврин

Около тридцати лет назад Е.Е. Кузьмина пришла к заключению: «... обращаясь к сопоставлению евразийских степных и лесостепных бронз с аньянскими, безусловно, необходимо отказаться от их синхронизации без предварительного проведения тщательного типологического анализа каждой отдельной категории инвентаря, выявления эволюции каждого типа и построения типологических рядов с учетом прогресса технологии производства. Только после этого можно будет перейти к сравнению типологических рядов сибирских бронз с соответствующими аньянскими, выявить датирующие типы и установить их генезис. Проведению такой работы в настоящее время препятствует отсутствие полных публикаций преданьянских комплексов» (Кузьмина, 1973, с. 37-38).

Китайская линия синхронизации в связи с меньшей степенью опосредованности имеет большее значение для датировки археологических памятников Сибири по сравнению с европейской. В настоящее время, когда сделано многое для решения тех проблем, о которых писала Е.Е. Кузьмина, стало ясно, что прямое обращение к хорошо датированным китайским комплексам мало что дает для датирования степных культур эпохи бронзы. «В плане синхронизации степных евразийских и восточно-азиатских древностей перспективнее обращение к тем археологическим культурам, которые располагались на периферии иньской ойкумены. Бронзы, специфически характерные для этих культур, встречаются в Аньяне гораздо чаще, чем далекий сибирский и центрально-азиатский импорт. Инвентарь «периферийных» культур, датированных таким образом по восточно-азиатской хронологической шкале, включает аналоги типично сибирским и центрально-азиатским вещам. Иногда в комплексах периферийных культур появляются и иньские бронзовые изделия (в основном сосуды)» (Варенов, 1989, с. 45). Северная - северо-западная периферия Китая являлась своеобразным ситом, на котором оседали собственно китайские и степные бронзы, оказываясь в единых комплексах, сквозь него в эпоху бронзы прорывалось немногое. Поэтому большинство работ, по синхронизации сибирских и китайских комплексов эпохи бронзы - раннего железа, которые появились в последние годы, затрагивают проблемы взаимоотношений шан-чжоуской цивилизации с северной периферией Китая, либо степных культур с культурами северного и северо-западного Китая (Варенов 1985, 1994, 1997, 1999 и т.д.; Заднепровский 1992, 1993; Ковалев 1986; Кузьмина, 1994, с. 241-243; Линь Юнь 1990; Молодин; Алкин, 1997; Хаврин, 1992 и др.).

Один из основных путей культурных трансляций, связывающих Китай с евразийскими степями - Синьцзян-Уйгурский и Ганьсуйский коридоры. Еще совсем недавно, в 1970-е годы, археологические памятники эпохи бронзы Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая практически не были известны. Высказывались только предположения о наличии контактов этого района с носителями степных культур и о влиянии «степной цивилизации» на иньский Китай через Синьцзян-Уйгурский коридор. В последние годы ситуация кардинально изменилась, в этом регионе проводятся раскопки, результаты их публикуются и, что немаловажно, публикации стали более доступными.

На материалах эпохи бронзы провинции Ганьсу выделено несколько археологических культур (Цицзя, Хошаогоу, Сыба, Сыва, Цяюэ, Синьдянь и другие), но их периодизация долгое время была совершенно не разработана. И здесь произошел качественный сдвиг - появились публикации, посвященные отдельным культурам, а также значительное количество радиоуглеродных дат. Даже если негативно относиться к возможностям радиоуглеродного анализа, то нельзя не признать, что серии результатов дают представление, по крайней мере, об относительной периодизации культур, особенно важной в случае отсутствия прямой стратиграфии.

Несмотря на обилие исследованных в этом регионе памятников, оказалось, что для эпохи бронзы собственно китайских датирующих предметов здесь найдено не так уж много, несколько большим количеством представлены

степные бронзы. Китайские исследователи не слишком хорошо знакомы с современной российской археологической литературой, если и имеются ссылки, то, в основном, на литературу 50-60-х годов, поэтому порой возникают досадные ошибки в датировке. В настоящее время для некоторых степных бронз хронологические рамки значительно сужены, что позволяет уточнить не только датировку памятника, но и границы проникновения на юго-восток степных культур.

Один из наиболее обсуждаемых в отечественной археологической литературе памятников СУАР - могильник Кээрмуци (Чемурчек), расположенный в китайской части Алтая. Раскопки проводились в начале 1960-х гг. В вопросах датировки его имеется значительный разброс мнений, усугубляемый путаницей, возникшей при публикации (Ковалев, 2000, с. 175). Как бы то ни было, наиболее важные находки - комплекс из семи принадлежностей литейщика (в том числе, 2 створки литейной формы для кельта-лопатки) - сделаны вне могилы. Проанализировав находки, аналогичные кельту-лопатке из китайских памятников, А.В. Варенов выявил, что основным датирующим признаком является круглая форма втулки, сближающая ее с лопатками из могилы Фу Хао, а наличие петельки относит находку к доаньянскому периоду (Варенов, 1998; Он же, 2000, с. 18, 20). Не менее важна другая деталь, на которую обратил внимание А.В. Варенов - петелька на негативе литейной формы лопатки образована не кольцевым сверлением, а рядом радиальных пропилов (Культура..., 1985, рис. 70, 71). Подобный способ оформления петельки известен среди кельтов и копий сейминского и самусьско-кижировского типов, большинство из них представлено среди материалов могильника Ростовка и случайных находок в Прииртышье и на Алтае (типы К-20, КД-10, КД-18, КД-24, К-50 по Черных, Кузьминых, 1989, Бобров, 2000, рис. 2). Такой технологический прием вряд ли использовался на протяжении длительного периода. Учитывая, все имеющиеся данные, можно отнести литейную форму из Кээрмуци к позднесейминскому - самусьскому времени.

Еще одна интересная находка сейминско-турбинского времени - нож-скобель, у которого рукоять параллельна лезвию, то есть лезвие боковым краем вставлено в костяную рукоять (рис 5). Нож обнаружен на памятнике Вэйцзятай, уезд Линься провинции Ганьсу (Тян Южан, 1983, с. 76; Debaine-Francfort 1995, fig. 49.*8)*. Исследователи датируют культуру Цицзя, к которой относится данный памятник, по-разному, Тян Южан - XIV в., К. Дебен-Франкфор 2000-1600 гг. Рукоять из органического материала (кости, рога или дерева) не часто сохраняется, и большинство овальных лезвий ножей, по-видимому, имели подобную рукоять. Но и те немногочисленные ножи-скобели, которые сохранили остатки рукояти, аналогичной рассматриваемой, достаточно хорошо определяют круг памятников: Сейма (разряд НК-24 по: Черных, Кузьминых, 1989, с. 105-106, рис. 61.70), могильник окуневской культуры Черновая VIII, курган 8, могила 5 и могила 21 (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXII. 1).

Недавно в статье, посвященной бронзам культуры Сыба (провинция Ганьсу), опубликованы кельт «с пещеркой» и серьга с раструбом федоровского типа (рис. 1,3. Ли Шуйчен, Шуй Тао, 2000, рис. 1.9-70, рис.2.13). Авторы исследуют состав древних бронз, поэтому в статье отсутствуют более точные данные о месте их находки. Если с атрибуцией серьги с раструбом особых проблем не возникает, то на кельте необходимо остановиться подробнее.

Здесь следует пояснить, что понятие «сейминско-турбинский» мы используем лишь в хронологическом аспекте, принимая во внимание разновременность сейминских памятников (Бочкарев 1986; Бехтер 1999).

В отечественной литературе подобные кельты традиционно связываются с карасукской культурой, поскольку кельт-тесло «с пещеркой» был найден С.В. Киселевым в карасукском могильнике Чарков улус на реке Бее. Однако такие кельты были неоднократно найдены на позднеалакульских памятниках (поселение Ук-3, Тюменская обл.), либо федоровских (клад у пос. Палацы, Восточный Казахстан; пос. Коркино 1, Челябинская обл.), либо памятниках других культур, несущих следы андроновского (федоровского) присутствия (пос. Чесноковая пашня. Челябинская обл.; могильник Сопка 2, Барабинская лесостепь). Наиболее важен факт нахождения литейной формы для кельта с пещеркой на медеплавильном комплексе 1 поселения Атасу I в Центральном Казахстане. Он найден в комплексе с керамикой алакульско-атасуского и федоровско-нуринского типа и формой для отливки втульчатого двухлопастного наконечника стрелы, датируемого авторами раскопок концом XV-

началом XIV вв. до н.э. (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 9).

Конструкция кургана 10 карасукского могильника Чарков улус на реке Бее более близка андроновским погребальным сооружениям (круглая каменная ограда диаметром 30 м и захоронение в цисте, имеющей размеры 3 х 3 м), чем карасукским. Подробное рассмотрение этих находок, а также восточноевропейских кельтов сходных типов позволило определить время бытования кельтов с «пещеркой» (XV)XIV-XII вв., а ареал их распространения можно связать с движением андроновских племен на позднеалакульско-федоровском этапе (Хаврин, 1999, с. 33).

Среди случайных находок СУАР также имеется кельт с «пещеркой», обнаруженный в районе Тачэн (Чугучак) на северо-западе, недалеко от границы с Казахстаном (рис. 2, Mei Jianjun, Shell, 1999, fig. 4.7). Кельт имеет геометрический орнамент, аналогичный имеющемуся на кельтах из Башкирии (Нарыс-Тау и Сулакский прииск (Сальников, 1965, с. 160, рис. 1.6, 2.1).

В 1976 г. в уезде Гунлю СУАР (на р. Текес, в районе впадения в р. Гуннайсы) найден клад бронзовых орудий. В его состав входят: 3 вислообушных топора, 3 секача сосново-мазинского типа, 3 долота, 2 шила, 1 молот и поврежденное лавролистное обоюдоострое орудие (рис. 17-20). Клад, более известный в отечественной литературе под топонимом Агершень или Агершенг (но правильнее: Агаэршэн), датируется авторами публикации по расположенной рядом могиле эпохой чуньцю - чжаньго (Культура..., 1985; Ван Бо, Чэн Чженьго, 1989).

Данный клад является самым восточным в цепочке семиреченских кладов эпохи финальной бронзы (Садовое, Сокулук I, Туюк, Шамши, Турксиб, Каменка, Новоалексеевка, Иссык-Куль, Преображенское, Каракол I). По составу он наиболее близок кладам Шамши, Турксиб, Новоалексеевка - по наличию вислообушных топоров типа В2-В3 (по: Аванесова, 1991), втульчатых долот с валиком и косарей сосново-мазинского типа Г1 (по: Аванесова, 1991). Кроме того, в него входит специфическая семиреченская форма - кельтообразный молоток, аналогичные имеются только в кладах Шамши и Садовое.

Если клад Гунлю относится к постандроновскому (саргаринскому времени), то находки в районе Тачэн (Чугучак), севернее Тянь-Шаня датируются более широко. Мэй Цзяньцзюнь и Колин Шелл в своей статье приводят как случайные находки, так и материалы могильников. Так, в могильнике Сацзи в уезде Толи обнаружен сосуд, орнаментированный треугольниками и зигзагами, выполненными гребенчатым штампом (рис. 6, Mei Jianjun, Shell, 1999, fig. 3.1). Судя по форме и пропорциям сосуда, он принадлежит к федоровской керамике, но не к семиреченскому ее варианту, как полагают авторы статьи. Сосуды, орнаментированные сходным образом, были обнаружены в могильнике у медицинской школы в Тачэне (Mei Jianjun, Shell, 1999, p. 573), но, к сожалению, отсутствие иллюстраций не позволяет с уверенностью их атрибутировать.

Случайные бронзовые находки из Тачэна (Mei Jianjun, Shell, 1999, fig. 4) представлены преимущественно типами, относящимися к финальной бронзе (топоры с гребнем, секачи, «пальштаб», кельт-лопатка), за исключением кельта «с пещеркой», о котором говорилось выше (рис. 2, 11-13, 15, 16).

При раскопках поселения Синтала на северном берегу озера Бостан в уезде Хэшо (Хошуд) провинции Синьцзян обнаружена керамика с геометрическим орнаментом, в основном, расписная, но некоторые сосуды украшены вертикальной и горизонтальной «елочкой», выполненной гребенчатым и гусеничным штампом (Раскопки.... 1988, рис. 11). Среди инвентаря памятника наиболее интересен бронзовый округлый в сечении поясковый двуушковый кельт (рис. 14, Культура...., 1985 рис. 43). Анализ имеющихся находок кельтов данного типа свидетельствует об их принадлежности к памятникам лугавского круга и датировке постсамусьско-кижировским временем XI (X) - IX (VIII) вв. до н.э. Кельт найден на поверхности многослойного поселения, поэтому его датировка может расходиться с единственной полученной радиоуглеродной датой памятника - 3500 лет. Мэй Цзяньцзюнь и Колин Шелл не без основания подчеркивают особенную важность данного памятника, поскольку он свидетельствует о взаимодействии двух культурных традиций (Mei Jianjun, Shell, 1999, p. 577). Для нас же важно, что в последние годы значительно увеличилась серия найденных на территории Китая поясковых двуушковых кельтов. Кроме кельта из Синталы, подобная находка сделана в районе Нилки на р. Каш (притоке р. Или) и в районе Хами (рис. 10, Mei Jianjun, Shell, 1999, fig. 6.2, 7.7, 9.5). Ка-

менная литейная форма для отливки двуушкового пояскового кельта, орнаментированного обедненным геометрическим орнаментом в виде заштрихованного треугольника найдена в Лицзяинцзы во Внутренней Монголии (Каменные..., с. 1043, рис. *2.3)*.

В районе города Хами имеется, кроме вышеупомянутого кельта, представительная серия случайных находок бронз андроновского - скифского времени. Это, в частности, кельт-лопатка, «пальштаб» и два вислообушных топора (рис. 4, 7-9, Mei Jianjun, Shell, 1999, fig. *9.1-4)*. Многочисленные аналогии первым двум имеются на территории Восточного Казахстана и Семиречья, в том числе и в семиреченских кладах (см. выше). Они относятся к постандроновскому (саргаринскому) времени. То же относится и к вислообушному топору «с гребнем». Второй вислообушный топор имеет шестигранное сечение, слабо выраженные валики по краям втулки, верхний край втулки горизонтальный. Этот топор относится к типу Б (по: Аванесова, 1991, с. 13-14).

Таким образом, бронзовые изделия степных типов из Северо-Западного Китая расположились на хронологической схеме следующим образом (в правой графе даны ориентировочные привязки к китайской шкале):

<table>
<tr><td colspan="2">Турбино</td><td colspan="2"></td><td colspan="2"></td><td rowspan="2">Ся</td></tr>
<tr><td colspan="2">Сейма</td><td colspan="2">Петровка</td><td colspan="2"></td></tr>
<tr><td rowspan="4"></td><td>Ростовка</td><td colspan="2">Алакуль</td><td colspan="2">Вэйцзятай</td><td rowspan="3">Шан</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Самусь Кижирово</td><td rowspan="2">Федорово</td><td></td><td colspan="2" rowspan="2">Сыба, кельты из Тачэн, Сацзи и Кээрмуци</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Карасук</td><td rowspan="3">Шан-Инь</td></tr>
<tr><td>Саргары Бегазы</td><td rowspan="3"></td><td colspan="2">Клад Агаэршэн, находки из Хами и Тачэн</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td>Лугавка</td><td colspan="2">Кельт из Синтала</td><td>Зап. Чжоу</td></tr>
</table>

Список сокращений

ВАШ - Высшая антропологическая школа (г. Кишинев)
КНР - Китайская Народная Республика
Л. - Ленинград
М. - Москва
МИА - Материалы и исследования по археологии
Н.- Новосибирск
СПб. - Санкт-Петербург
СССР - Союз Советских Социалистических Республик

1. *Аванесова Н.А., 1991.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). - Ташкент. - 200 с.
2. Бехтер А. В., 1999. Сейминское и андроновское клинковое оружие: к проблеме взаимодействия традиций // Stratum plus. ВАШ археологический журнал, № 2. - Санкт-Петербург - Кишинев - Одесса. - С. 298-306.
3. *Бобров В.В., 2000.* Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. - Новосибирск. - С. 76-79.
4. *Бочкарев В.С., 1986.* К вопросу о хронологическом соотношении Турбинского и Сейминского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. - Днепропетровск.
5. *Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., 1980. Максименков Г.А.* Памятники окуневской культуры. - Л. - 148 с.
6. *Ван Бо, Чэн Чженьго, 1989.* Партия бронз, раскопанная в уезде Гуплю в Синьцзяне // Каогу, № 8. - С. 95-96 (на кит. яз.).
7. *Варенов А.В., 1985.* Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. - Новосибирск. - С. 163-172.

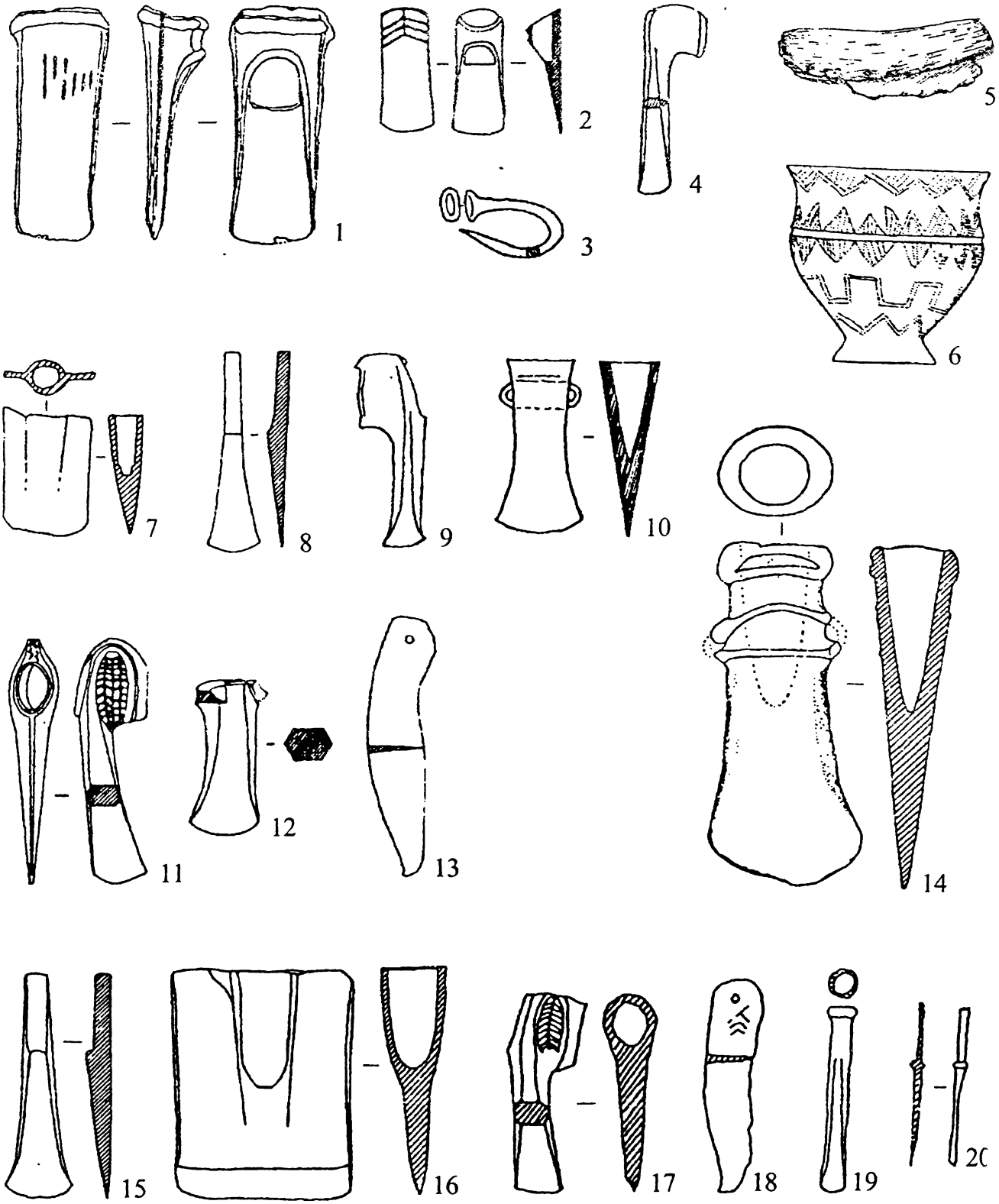


Рис. 1. 1,3- кельт и серьга из провинции Ганьсу (по Ли Шуйчен, Шуи Тао); 2, 11-13, 15, 16 -бронзы из Тачэна (по Mei Jianjun, Colin Shell); 4, 7-10 - бронзы их Хами (Mei Jianjun, Colin Shell); 5 - скобель из Вэйцзятай (по Debaine-Francfort); 6 - сосуд из Сацзи (по Mei Jianjun, Colin Shell); 14 - кельт из Синтала; 17-20- клад Агаэршен (Гунлю).

8. *Варенов А.В., 1989.* Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. - Н. - 91 с.
9. *Варенов А.В., 1994.* Бронзовые шлемы на границе чжоуского Китая и их «кубанские» аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-восточного Китая // История и культура Востока Азии. - Новосибирск. - С. 86-94.
10. *Варенов А.В., 199*. «Карасукские» ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том 3. - Новосибирск. - С. 170-175.
11. *Варенов А.В., 1998.* Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири - Новосибирск. - С. 60-72.
12. *Варенов А.В., 1999.* Скифские материалы из Китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул. - С. 26-30.
13. *Варенов А.В., 1999а.* Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кээрмуци в Северном Синьцзяне // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. - Новосибирск. - С. 11-28.
14. *Варенов А.В., 2000.* Кельты-лопатки Сибири, Китая и Восточного Туркестана и возможные истоки сейминской металлургии // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск. - С. 18-21.
15. *Заднепровский Ю.А., 1992.* Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. № 3. -М. -С. 115-127.
16. *Заднепровский Ю.А., 1993.* Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. ч. II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. - СПб.
17. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). - Алма-Ата. - 247 с.
18. *Каменные* литейные формы, найденные в Лицзяинцзы, аймак Мэнаовэнь, Чжаоуда, Внутренняя Монголия // Каогу. 1983, № 11. - С. 1041-1043 (на кит. яз.).
19. *Ковалев А.А., 1986.* «Карасукские» кинжалы, оленные камни и древние кочевники китайских летописей // Четвертая Всесоюзная школа молодых востоковедов, том 1. -М. -С. 46-47.
20. *Ковалев А.А., 2000.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. -М. -С. 138-180.
21. *Кожин П.М., 1993.* Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск. - С. 16-41.
22. *Кузьмина Е.Е. 19*3.* Об аньянской линии синхронизации сибирских бронз // Из истории Сибири. Вып. 7. -Томск. -С. 31-39.
23. *Кузьмина Е.Е. 1994.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М. - 464 с.
24. *Культура* древнего населения Синьцзяна. - Пекин, 1985 (на кит. яз.).
25. *Линь Юнь 1990.* Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. История и культура востока Азии.-Новосибирск. -С. 29-45.
26. *Ли Шуйчен, Шуи Тао, 2000.* Исследование бронз культуры Сыва // Вэньу. № 3. -С. 36-44 (на кит. яз.).
27. *Молодин В.И., Алкин С.В., 199*.* Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. - Новосибирск. -С. 35-38.
28. *Раскопки* памятника Синтала в Хэшо, провинция Синьцзян // Каогу. 1988. № 5.- С. 399-407, 476 (на кит. яз.).
29. *Сальников К.В., 1965.* Кельты Зауралья и Южного Урала // МИА. № 130. - М. - С. 160-164.
30. *Тян Южан, 1983.* Нож с медным лезвием и костяной рукоятью культуры Цицзя, обнаруженный в Линьсия провинции Ганьсу // Вэньу № 1. - С. 76 (на кит. яз.).
31. *Хаврин С.В., 1992.* Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию М.П. Грязнова. - СПб. - С. 45-46.
32. *Хаврин С.В., 1999.* Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа, выпуск LVIII. - СПб. - С. 32-35.
33. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В, 1989.* Древняя металлургия Северной Азии (сейминско-турбинский феномен). - М. - 320 с.
34. *Debaine-Francfort C., 1995.* Du Neolithique a L' Age du Bronze en Chine du Nord-Ouest: la Culture de Qijia et ses Connexions. - Paris. - 435 p.
35. *Mei Jianjun, Colin Shell, 1999.* The existence of Andronovo cultural influence in Xin-jiang during the 2nd millennium BC // Antiquity. - Volume 73, number 281. - September 1999.-P. 570-578.

КУРГАН VI-V ВВ. ДО Н.Э. ОКОЛО ПОСЕЛКА АРЖАН В ТУВЕ

Л.С. Марсадолов

В окрестностях кургана Аржан, древнего центра «долины царей», находится более десяти разновременных могильников, состоящих из «цепочек» больших, средних и малых курганов. М.П.Грязновым было дано краткое описание памятника Аржан II (пункт № 4, по Грязнову, 1980, с. 3, зафиксировано 6 курганов), но не приведён план могильника.

Археологические работы на этом памятнике были проведены Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государст-

венного Эрмитажа в 1989 г. (Марсадолов, 1991).

Памятник расположен в 1 км к западу от пос. Аржан, вдоль земляной дороги, ведущей в пос. Чкаловка. Со всех сторон могильник окружён распахиваемыми полями. В могильнике насчитывается 7 курганов с земляными насыпями, с небольшим числом видимых камней (рис. 1-*1*). Курганы №№ 1-6 расположены «цепочкой», вытянутой с ЮЗ на СВ, под углом, близким к 45°. От кургана № 6 до центра «царского» кургана Аржан около 900 м. Курганы №№ 1 и 3 имеют с северной и южной сторон «полудуги» из колец и выкладок, сложенных из камней; при этом с северной стороны «полудуга» расположена ближе к насыпи кургана, чем с юга. У курганов №№ 2 и 4 каменных колец и выкладок немного, их почти нет у курганов №№ 5-7.

Самым большим объектом на могильнике является курган № 3 (диаметр - до 56 м, высота до 4,5 м), вокруг него отмечено наибольшее число выкладок и колец из камней (рис. 1). Курганы № 1, 2 и 4 близки по размерам друг к другу (диаметр до 45 м; высота до 3 м). Курганы № 5 и 6 близко расположены один от другого и отстоят несколько обособленно от предшествующих курганов. Они значительно меньше по размерам (диаметр 25-30 м, высота до 1,5 м). Все курганы имеют в центре небольшие западины-воронки. Только у кургана № 1 на поверхности насыпи и в центре отмечено несколько неглубоких ямок-закопушек. Самая глубокая западина была у кургана № 4 (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные данные о курганах на могильнике Аржан II

№ кургана	размер кургана, м			западина, м		расстояние от кургана №7, м
	диаметр		высота	диаметр	глубина	
	СЮ	ЗВ				
1	42	45	3,0	13	0,4	210
2	38	41	2,5	8	0,2	208
3	52	56	4,5	9	0,2	280
4	40	42	1,8	12	1,3	387
5	23	25	0,8	8	0,2	485
6	30	30	1,5	8	0,2	510
7	17	18	0,4	4	0,1	-

По предварительным наблюдениям за планиграфией этого памятника выявлены следующие закономерности. На одинаковом расстоянии около 300 м от центра самого большого кургана № 3 находятся: на ЮЗ большой курган № 1, а на противоположной стороне, на СВ - средний курган № 6 (рис. 1-*2*). Следует отметить, что «царский» курган Аржан расположен на расстоянии около 1200 м к СВ от кургана № 3 (соответственно 300 м х 4 = 1200 м).

От центра кургана № 3 на расстоянии около 140 м противолежат большие курганы № 2 на ЮЗ и № 4 на СВ. На таком же расстоянии в 140 м от центра кургана № 4 расположен к ССВ средний курган № 5. На удвоенном расстоянии в 280 м от центра большого кургана № 3 к западу находится самый маленький курган № 7.

Ранее на могильнике Аржан II курганы не раскапывались. В связи с тем, что распахиваемое поле наиболее близко подступает к самому небольшому по размерам кургану № 7, в 1989 г. было принято решение произвести аварийные раскопки на этом объекте.

Курган № 7. Расположен одиночно, в 210 м к ССЗ от кургана № 1. До раскопок насыпь кургана была задернована, лишь несколько некрупных камней выступали на поверхности. Диаметр кургана по линиям С-Ю - 17 м, З-В - 18 м, высота 0,4 м; в центре кургана небольшая западина диаметром до 4 м, глубиной - 0,1-0,2 м (рис. 2).

При раскопках по линии З-В была оставлена бровка шириною 0,4 м, проходящая через центр кургана. Насыпь снималась по секторам, расположенным южнее и север-

нее бровки. В стенке бровки почти в центре кургана обозначилось уходящее вниз пятно могильной ямы и находящиеся справа и слева от нее «валики» выброса грунта, образовавшиеся при сооружении погребальной ямы. С западной стороны от ямы находился «валик» из светлого суглинка (размеры: длина - до 2,8 м, толщина - до 0,3 м), а с восточной стороны - два «валика» (размеры : длина -1,9 и 2,4 м, толщина - до 0,3 м) и лежащая в основании дальнего «валика» тонкая линзовидная зольная прослойка (размерами: длина -0,8 м, толщина - до 0,1 м). «Валики» выбросов из ямы и зольная прослойка находились на уровне древней дневной поверхности (рис. 2).

После снятия насыпи кургана и бровки вся раскопанная площадь была зачищена. На уровне древней дневной поверхности выявлено темное пятно могильной ямы. Заполнение ямы состояло из перемешанного суглинка с небольшим числом камней.

На глубине 2,3 м (от уровня древней дневной поверхности) были расчищены плахи перекрытия погребальной камеры, лежащие длинными сторонами в направлении СЗ-ЮВ. Средняя длина сохранившихся плах и брёвен перекрытия - до 2,7 м (рис. 3-*1*). Края плах лежали с небольшим наклоном к центру погребальной камеры; очевидно, они были продавлены вышележащим грунтом после засыпки ямы.

Центральная часть деревянного перекрытия была разрушена при ограблении кургана (рис. 3-*1*). Грабители проникли в погребальную камеру через ход, прорытый не в центре древней ямы, а немного смещённый к западу. Именно в заполнении этого хода были найдены куски дерева, а на уровне перекрытия погребальной камеры - роговой наконечник стрелы (рис. 6-*3*). Дойдя до уровня перекрытия сруба около западной его стенки, грабители расширили свой ход и по стенке проникли в центральную часть перекрытия сруба, а затем в погребальную камеру (рис. 2 и 3).

После зачистки и фиксации перекрытия сруба, верхние брёвна были сняты, зачищены деревянные стены сруба и его внутренняя часть. Стены сруба сложены из четырёх венцов брёвен; рубка углов - с остатком. Конструкция вырубки угловых пазов и соединения бревен между собой была достаточно сложной, особенно в средней части сруба (рис. 4).

Внутренние размеры камеры сруба: 1,8 × 1,4 м, высота - 0,4-0,5 м; ориентирован длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ. В отдельных местах на дне ямы прослеживались прослойки древесного тлена, вероятно, от досок пола сруба. На дне могильной ямы, на глубине 2,7-2,8 м (от уровня древней дневной поверхности) расчищено сильно разрушенное захоронение 2-3 человек (рис. 3-*2*).

Около северного угла сруба находились позвонки, ребра, лопатка и тазовые кости человека. Рядом с ними обнаружены: серьга в виде несомкнутого колечка из золотой фольги, обвёрнутой трубочкой на металлическую основу (рис. 5-*1*); фрагменты каменного оселка (рис. 5-*9*); тонкая роговая игла, слегка изогнутая, в сечении круглая (рис. 5-*6*) и каменная чашечка, полусферической формы, с углублённой центральной частью (рис. 5-*8*).

В центральной части сруба найдены фрагменты черепа и нижняя челюсть человека, а также сильно окисленные фрагменты небольших неопределимых железных изделий. Вдоль западной стенки сруба расчищены кости грудины, ребра, крестец, локтевые и тазовые кости человека.

В юго-западном углу сруба среди длинных костей рук и ног человека находились: каменный оселок (рис. 5-*10*); бронзовая бляшка-ворворка в виде конуса с отверстием в центре (рис. 5-*2*), два роговых трехгранных наконечника стрел (рис. 6-*1,4*) и один с расщеплённым черешковым насадом (рис. 6-*2*), фрагмент верхней части деревянной рукояти чекана, с остатками окислов бронзы (рис. 6-*7*).

В юго-восточном углу сруба покоились фрагменты черепа и челюсти человека, а также большие и малые кости ног, рук и таза человека. Здесь же обнаружены: бронзовая пронизка полусферической формы с остатками кожаного ремешка в центре (рис. 5-*3*), два роговых трёхгранных черешковых наконечника стрел (рис. 6-*5,6*). Около середины восточной стенки сруба найдены подвески-амулеты из зубов животных с отверстием для подвешивания: две из клыков марала (рис. 5-*4, 5*) и одна из клыка кабарги (рис. 5-*7*).

После фиксации кости погребенных и бревна сруба были сняты, чтобы определить первоначальные размеры могильной ямы. Яма ориентирована длинной осью по линии

СЗ - ЮВ. Размеры могильной ямы: в верхней части по линии СЗ - ЮВ - 3,2 м, по линии СВ - ЮЗ - 3,5 м; стенки ямы сужаются к придонной части; на дне ямы: по СЗ - ЮВ - 2,25 м, по линии СВ -ЮЗ - 1,9 м; глубина ямы от уровня древней дневной поверхности - 2,8-2,9 м. Углы ямы закруглены и слегка углублены в боковые стенки. В целом могильная яма слегка «сдвинута» к западу от геометрического центра кургана.

На дне ямы сделан контрольный прокоп на глубину 0,4 м, но ничего не было обнаружено. После завершения работ площадь раскопа с помощью бульдозера вновь была засыпана вынутым грунтом и реконструирована насыпь кургана.

Особый интерес представляют редко встречающиеся в курганах Тувы круглая каменная чашечка и роговой трехгранный наконечник стрелы с зажимным насадом (рис. 5-*8* и 6-*2*). Каменная, вероятно ритуальная, чашечка сделана из местных пород красноватого песчаника, встречающегося в окрестностях поселка Аржан. Наконечник стрелы с расщеплённым насадом свидетельствует, что в Туве такой способ крепления стрел стал применяться гораздо раньше гунно-сармат-ского времени.

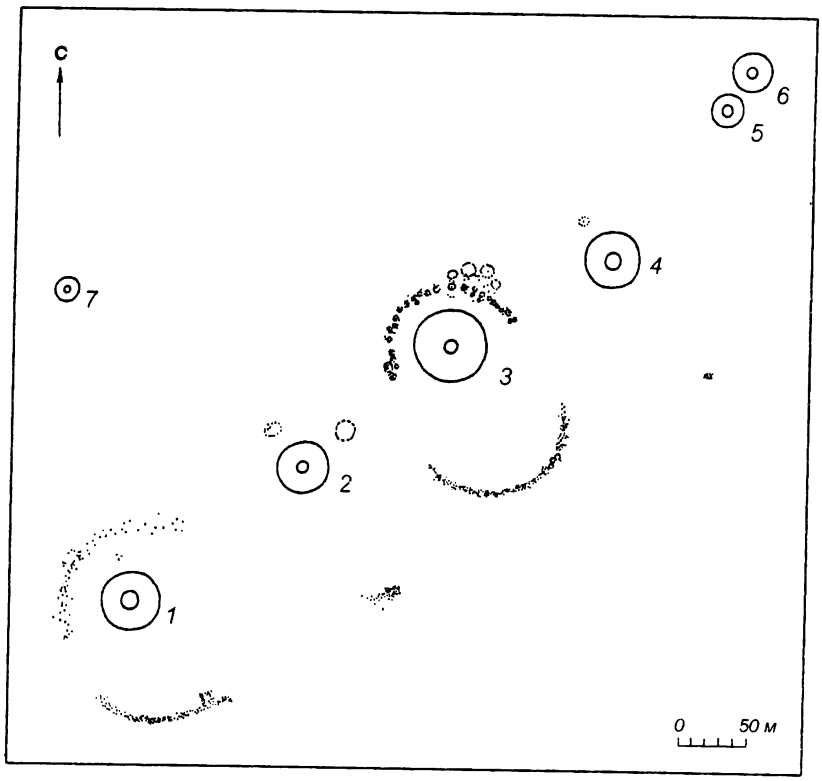
Вероятно, в кургане № 7 были погребены родственники знати захороненных в соседних больших курганах, о чем свидетельствуют размеры насыпи сооружения и набор сопровождающего инвентаря.

Ряд признаков из этого кургана (например, отсутствие глиняных сосудов, каменные оселки, бронзовые пронизки и др.) тяготеет к VII-VI вв. до н.э., тогда как другие признаки (роговые трехгранные стрелы, железные предметы и пр.), а главное - погребальный обряд (коллективное захоронение в деревянном срубе на дне глубокой ямы) свидетельствуют о более позднем, чем VII в. до н.э. времени сооружения кургана. В целом курган № 7 предварительно может быть датирован VI -V вв. до н.э.

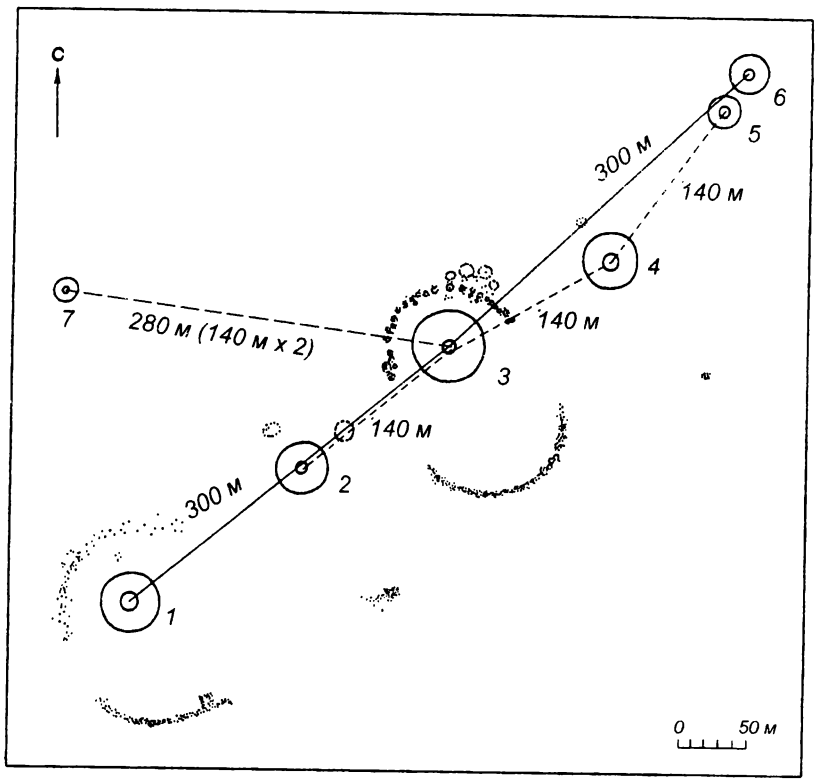
К VI -V вв. до н.э. в Туве относятся и другие археологические объекты, близкие по типу и вещам: курган № 52 на р. Уюк близ устья речки Тарлык, недалеко от поселка Аржан (раскопки А.В. Адрианова в 1916 г. - см. Кызласов, 1979); курганы №№ 93, 94, 126, 128 на р. Туран (раскопки С.А.Теплоухова в 1929 г. - см. Полторацкая, 1966); ряд курганов в могильниках Куйлуг-Хем (№№ 9, 27) и Саглы-Бажи II (Грач, 1980), в могильнике Аймырлыг (раскопки А.М. Мандельштама) и др.

Исследования на памятнике Аржан II показали, что в культуре древних кочевников Тувы в VI -V вв. до н.э., при сравнении с объектами VIII -VII вв. до н.э., наблюдаются довольно резкие изменения в погребальном обряде и в вещевом сопровождающем инвентаре, что, возможно, свидетельствует о притоке нового населения в этот регион (Марсадолов, 2000, с. 36-40).

1. *Грач А.Д., 1980.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. - 256 с.
2. *Грязнов М.П., 1980.* Аржан - царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, Ленинградское отделение. - 63 с.
3. *Кызласов Л.Р., 1979.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Издательство Московского университета. - 207 с.
4. *Марсадолов Л.С., 1991.* Курган VI в. до н.э. у поселка Аржан в Туве // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к Всесоюз. науч. конф. (3-5 апреля 1991 года). Барнаул. - С. 107-108.
5. *Марсадолов Л.С., 2000.* Археологические памятники IX-III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) // Автореф. дисс. ... доктора культурологии. Спб.: Государственный Эрмитаж. - 56 с.
6. *Полторацкая В.Н., 1966.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С.А.Теплоухова) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 8. Л.-М.: Издательство Советский художник. - С. 78-102.



1



2

Рис. 1. Аржан II: 1 - план могильника; 2 - предполагаемая разметка между курганами.

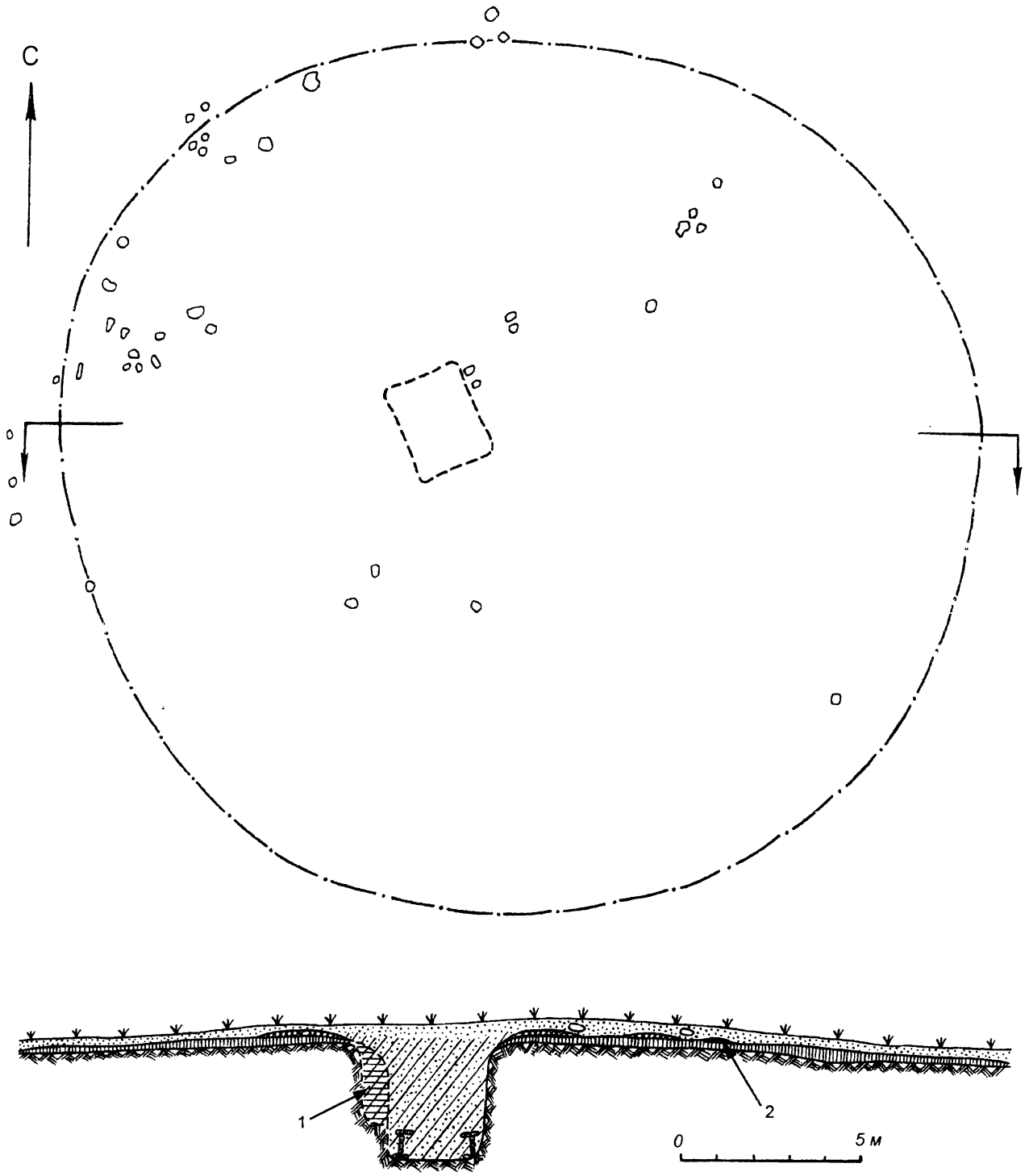


Рис. 2. Аржан II, курган № 7. План и разрез кургана: 1 - грабительский ход; 2 - прослойка золы.

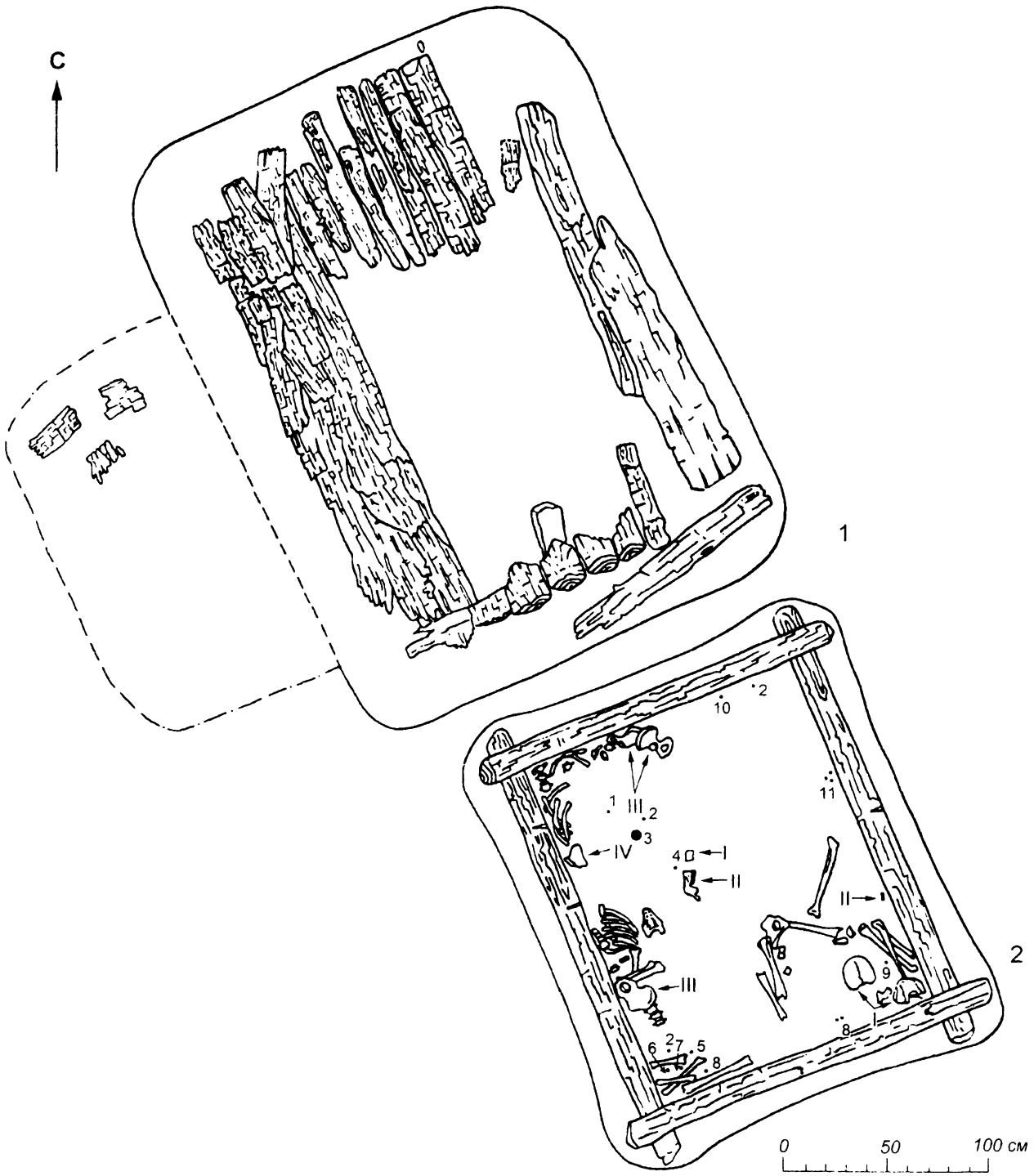


Рис. 3. Аржан II, курган № 7: 1- план могильного сооружения до снятия брёвен перекрытия сруба (глубина 2,3 м). 2 - план погребения на дне могильной ямы (глубина 2,8 м): I - фрагменты черепа человека; II - фрагменты нижней челюсти человека; III - фрагменты тазовых костей человека; IV - лопатка человека.
Предметы: 1 - золотая серьга; 2 - каменные оселки; 3 - каменная чашечка; 4 - фрагменты железных изделий; 5 - фрагмент деревянной рукояти чекана; 6 - бронзовая бляшка; 7 - роговой наконечник стрелы с расщеплённым насадом; 8 - роговые наконечники стрел; 9 - бронзовая пронизка; 10 - роговая игла; 11 - подвески из зубов животных.

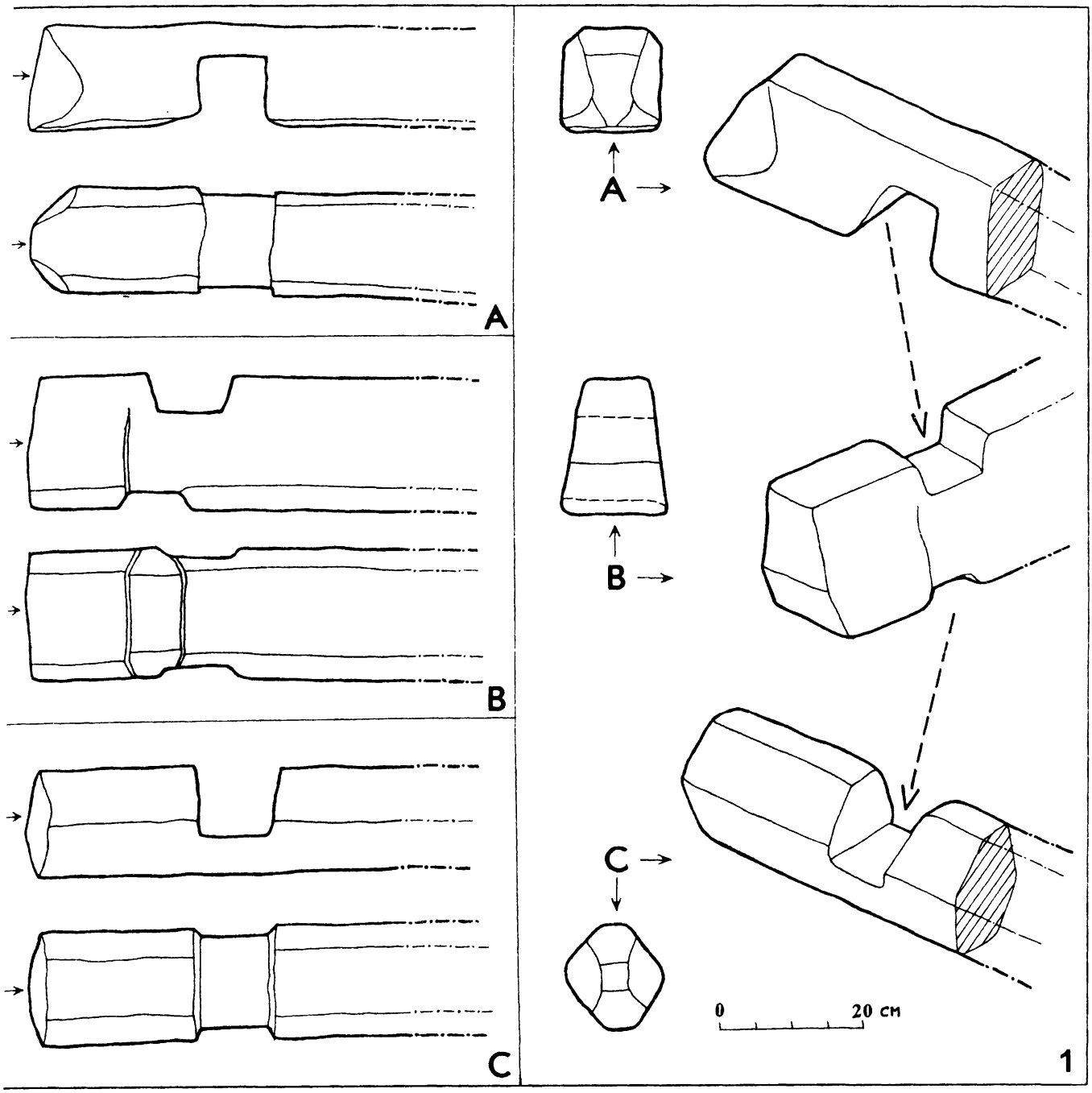


Рис. 4. Аржан II, курган № 7. Деревянный сруб: А-С - оформление угловых пазов брёвен; 1 - реконструкция соединения брёвен.

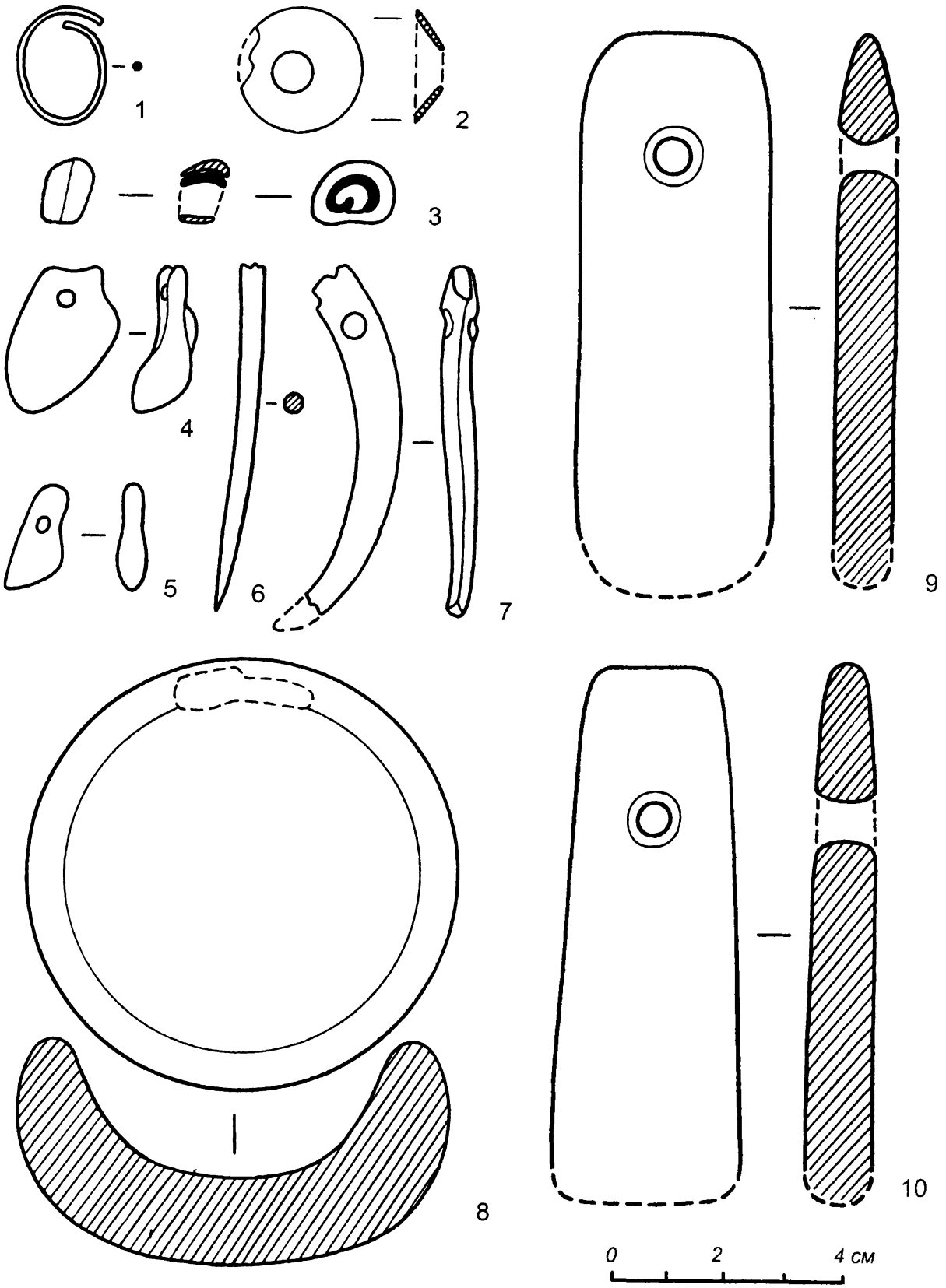


Рис. 5. Аржан II. Предметы, найденные в кургане № 7: 1 - золотая серьга; 2 - бронзовая бляшка-ворворка; 3 - бронзовая пронизка с остатками кожаного ремня; 4, 5, 7 - подвески из зубов животных; 6 - роговая игла; 8 - каменная чашечка; 9-10 - каменные оселки.

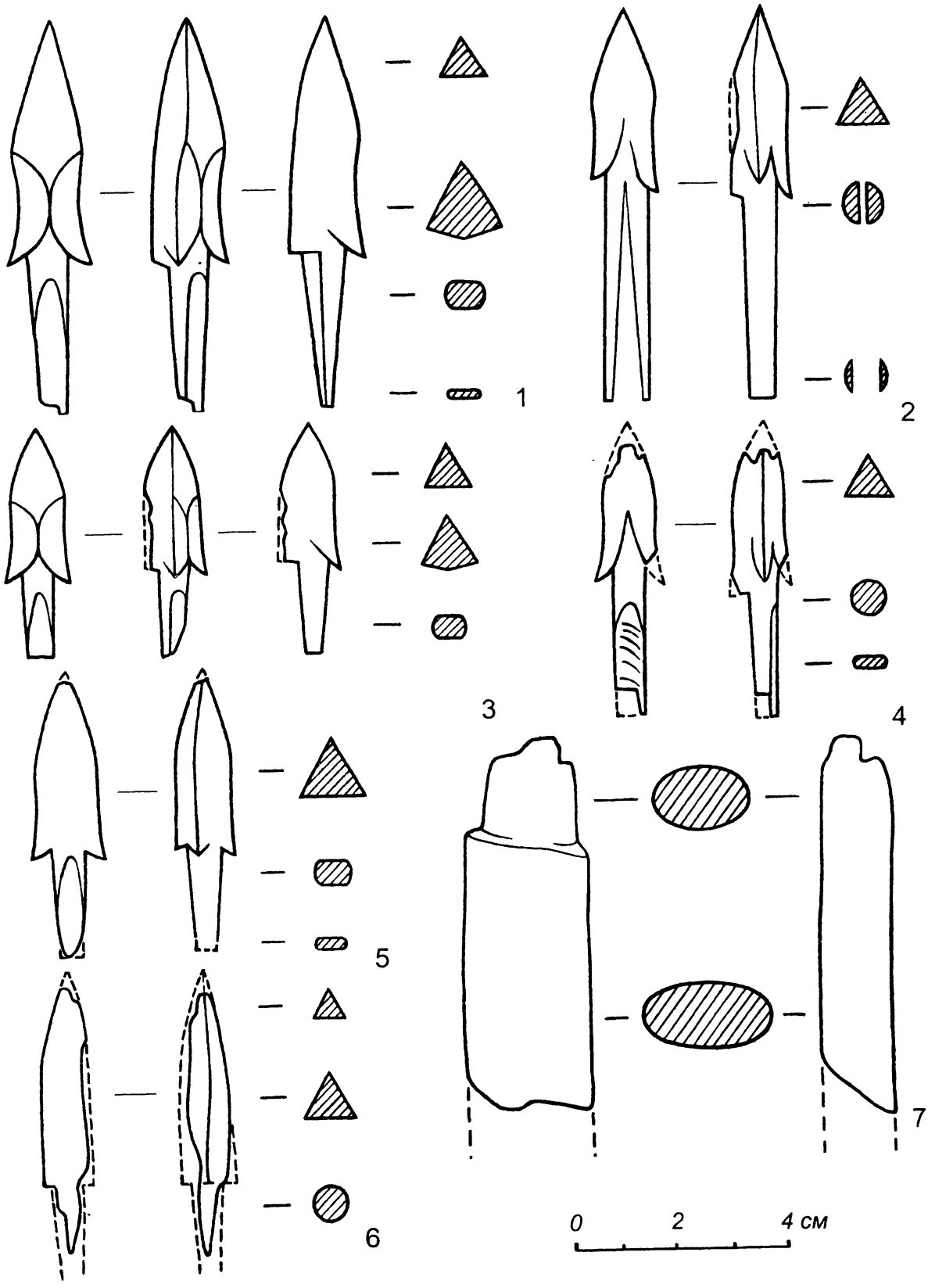


Рис. 6. Аржан II. Предметы вооружения, найденные в кургане № 7: 1-6 - роговые трехгранные черешковые наконечники стрел (2 - с расщепленным насадом); 7 - фрагмент верхней части деревянной рукояти чекана.

АПОТРОПЕИЧЕСКИЙ КРУГ (ВЕЩИ-АПОТРОПЕИ И ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ САЯНО-АЛТАЙСКИХ СКИФОВ)

Вл.А. Семенов

«Она стала на самой черте; но видно было,
что не имела сил переступить ее, и вся посинела,
как человек уже несколько дней умерший».
Н.В. Гоголь «Вий»

Погребальная практика и сопутствующий ей ритуал могут быть нацелены на разнообразные и сложные системы сохранения существующего миропорядка или модели мира, лежащей в основе космогенетических представлений традиционных обществ. В этом смысле охранительные функции возлагаются на все обряды и инвентарь, связанный с производительной деятельностью, в частности с продолжением жизни, умножением потомства, урожая, скота, диких животных или растений. Очевидная дисгармония, возникающая в отношении смерти, ее хаотическое, непредсказуемое вторжение, неясность посмертного существования заставляет прибегнуть к наиболее разработанным, изощренным ритуальным действиям, направленным на благополучное перемещение души (или душ) умершего в места ее будущего обитания, с одной стороны, и ограждение от его злонамеренного влияния на живущих здесь, в этом мире, с другой. Из всего контекста погребального обряда явствует, что одних словесных, магических формул и незакрепленных эксплицитно ритуальных действий не достаточно для разрешения этого дихотомического состояния. Поэтому в погребальном обряде известное значение придается вещам, или погребальному инвентарю, охранительные функции которого и предполагается рассмотреть более подробно.

Допустимо предположение, что первоначально вся обрядовая деятельность, связанная с погребальной практикой, носила магический характер и была ориентирована на ликвидацию вредоносного влияния мертвых. Фрагменты этих магических действий сохранились вплоть до новейшего времени и были наиболее полно обобщены Д.К. Зелениным.[1] Таким образом, осиновый кол, используемый в случаях, когда покойник доставляет беспокойство своими посещениями, или вода, выливаемая в могилу опойцы, чтобы предотвратить засуху, имеют такое же апотропеическое значение, как и магический круг, обведенный вокруг небезызвестного Хомы Брута. Защитная функция этого последнего действия - именно очерчивания круга или создания какой-то защитной линии вокруг места захоронения, является важнейшей частью погребального обряда, наиболее отчетливо представленной в курганных культурах Евразии.

Памятники саяно-алтайских скифов свидетельствуют об обязательном очерчивании (ограничении) места погребения в тех случаях, когда над могилой сооружался курган. В то же время часть безкурганных захоронений никак не ограничивается с внешней стороны, и здесь мы можем усматривать какие-то иные стадии погребального обряда. Оставив пока эти исключения, обратимся к классическим примерам, представленным на Горном Алтае и, главным образом, в Туве.

Каменные курганы, расположенные в этих горных странах, являются сложными сооружениями, обязательно обведенными круглой или, реже, прямоугольной оградой. Эта ограда бывает возведена либо из горизонтально уложенных плит, либо врытых на ребро. Возникнув еще в эпоху бронзы, традиция существует на Саяно-Алтае вплоть до раннего средневековья. В тех случаях, когда курганы насыпаются из земли, они окружены ровиком с одним или двумя проходами. Проходы и воротца встречаются и в каменных оградах или кромлехах. Вероятно, сооружение ограды было первой стадией создания всего погребального памятника, так как иногда она перекрыта валиком выброса из могильной ямы.

Сам погребальный обряд, как он может быть наблюдаем по археологическим остаткам, представляет собой комплекс довольно сложных и разнообразных действий, включающих «обработку» трупа, может быть, и с целью обезвреживания покойника. Так предполагается, что сильно скорченные костяки демонстрируют практику связывания усопшего или помещение его в специальный мешок. Часто скелеты сложены из уже разрозненных костей. В ряде случаев отдельные

кости отсутствуют или перемещены не на свое место. Фиксируется и намеренное расчленение покойника с парциальными захоронениями. [2] В Пазырыкских курганах Алтая мы сталкиваемся с настоящей мумификацией и заменой частей тела усопшего (приставление искусственной бороды или волос). В погребальной обрядности тесинцев в Минусинской котловине происходит полная замена всех мягких тканей умершего искусственными материалами, конструирование расчлененного костяка, покрытие черепа глиняной или гипсовой маской, роспись лица. Другими словами, создается так называемый ритуальный двойник - полная замена и обезвреживание покойника. [3] Сам умерший является уже как бы «артефактом», из мира природы его переводят в мир культуры. Характерно, что обычаи, связанные с длительными погребальными обрядами, в средневековой Англии нашли отражение в создании восковых фигур, заменяющих уже погребенную ранее особу королевской крови (Генрих IV, королева Мария и другие члены королевской фамилии).

После сложных процедур, связанных с подготовкой умершего к захоронению, часть которых может быть изучена и на археологическом материале, особое значение приобретает погребальный, обладающий высоким семиотическим статусом и наделенный охранительными функциями. Эти функции также призваны обеспечить наиболее благоприятные условия для усопшего, при переходе в инфернальные области, с одной стороны, и защитить гармонизированный мир живых от вторжения хаоса, с другой.

Вероятно, следует иметь в виду, что покойник, переходя в иные состояния, приобретает вместе со статусом предка какие-то общие генетативные функции, и поэтому рассматривается как часть социума. Сам по себе социум наделен определенными структурами космогонического порядка, и определенный его индивид метафизически связан со всеми элементами этих структур, что особо подчеркивается выделяемыми деталями погребального обряда.

Отмеченная в погребальном облачении космическая символика самой человеческой природы сопоставима с делением на три зоны, наблюдаемым и на оленных камнях.[4] Верхняя зона камня отделяется от средней выбитым ожерельем или гривной, тогда как средняя от нижней - поясом. Зачастую только эти атрибуты и представлены на большинстве оленных камней, чем и подчеркивается их значимость в культуре саяно-алтайских скифов в целом. Гривна, являясь инсигнией власти, встречается далеко не во всех погребениях. Она определяет высокий статус погребенного, и тогда все его облачение соответствует мыслимо заданной космогонической модели.

Так реконструкция костюма субъекта в одном из срубов могильника Суглуг-Хем 1 (Центральная Тува) свидетельствует, что головной убор украшался нашивками в виде вырезанных из фольги орлов (в количестве 23) или крылатых коней [5] что символизирует верхний мир. Разделительной линией здесь является одетая на шею гривна. На полях рубахи или кафтана были нашиты 16 лежащих пантер. Пояс декорирован обернутыми золотом раковинами каури и золотыми накладками в виде головы пантеры. К поясу же крепилось оружие - акинак и чекан. Обувь украшалась геометрическими нашивками из фольги.[6] Апотропеическими функциями здесь может обладать весь погребальный инвентарь и сама структура или «композиция» погребения, включающая кроме «главного», мужского, персонажа женщину, обращенную лицом к мужчине, и ребенка, находящегося между ними. Такие тройные погребения как бы нарочито выделяются среди коллективных захоронений в срубах и призваны, должно быть, обеспечить реинкарнацию всех умерших. Это представление несколько позднее нашло отражение в пермской пластике, где сцены соединения мужского и женского персонажей и ребенка между ними встречаются нередко. [7] Поскольку некоторые сюжеты пермского звериного стиля имеют отчетливое центрально-азиатское происхождение, то можно предположить и проникновение на Урал не только художественных образов, но и каких-то универсальных мифологических и религиозных концепций.

Погребальный инвентарь в срубах можно разделить по трем категориям:

1 - это предметы, общие для всех половозрастных категорий - керамика и деревянные сосуды, украшения (бусы или раковины каури), поясные пряжки и т.п.

2 - оружие - акинаки, чеканы, лук, стрелы - относятся только к мужским захоронениям;

3 - вещи из женских погребений - зеркало, гребень, игла/шило или нож.

К особой четвертой группе погребального инвентаря может быть отнесен конский уздечный набор и другие предметы конского снаряжения.

Итак, первая категория - различные сосуды и украшения. Сосуды или деревянная посуда в погребальном обряде приобретают полифункциональные качества. Сам по себе глиняный сосуд в силу своего происхождения обладает многими признаками человека, что нашло отражение в гончарной терминологии. В этом же ключе горшок рассматривается и как символ женского начала (женской утробы, матки).[8] В этом смысле он становится тождественен могиле, которая сама является прообразом земной (женской по своей сущности) утробы, из которой все появилось и все исчезает вновь с тем, чтобы снова переродиться в том или ином качестве. Это представление нашло отражение в тибетском языке, где словом «рум» обозначается и могила и утроба.[9]

Украшения, как правило бусы, представляют собой единичное, дискретное и в то же время соединенное одной нитью. Они являют образ целого. Окружая шею, они могут служить оберегом, как и любая защитная линия, стена, пояс. Кроме того, сами камни, из которых бусы изготовляют, также несут в себе смыслы, нам не известные, и, возможно, они подбирались по определенным принципам. Впрочем, это остается за пределами археологического знания.

Вторая категория относится к мужскому сопроводительному инвентарю, включающему главным образом оружие, не считая предметов, общих для всех погребенных. Здесь наиболее важным является акинак или кинжал. Имея фаллическую символику, акинак приобретает автономную силу. Являясь оружием разрушения/уничтожения, акинак по аналогии - пролитие крови/зачатие и смерть/перерождение выполняет определенные защитные и важные генетативные функции, что также подчеркивается и специфической формой ножен. В паре с акинаком несомненно находится оселок. Он также связан с фаллической символикой, в то же время занимая важное место в обряде жертвоприношения, космогенеза и обрядах переходного цикла.[10]

Хорошо известна семантическая нагрузка, сопутствующая набору традиционного женского инвентаря - зеркало, гребень, нож или шило. Часто к этому добавляется еще и игла. Подобное погребение было исследовано нами на могильнике Сарыг-Булун в Туве. В этом наборе все колющие предметы амбиваленты, то есть взаимозаменяемы. Они тесно связаны с погребальной обрядностью как древних, так и современных ирано-язычных народов. Использование игл и зеркал как оберегов при обмывании покойного зафиксировано у таджиков.[11] Игла и нить могут нести апотропеические функции и в других случаях, в частности при зашивании глаз покойного (курган Шибе), чем подчеркивается параллель - смерть-слепота.[12] Тогда как отверзание глаз некоторых богов смерти, а значит и умерших, вредоносно и гибельно.[13]

Другим важным предметом в женском погребальном обряде является гребень. Роль гребня в самых различных магических обрядах хорошо известна. В частности, расчесывание волос гребнем со специальным умыслом может вызвать дождь. Связь волос и гребня с водной стихией, общее индоевропейское происхождение слов «гребень», «гребля/грести», «погребение» и других. Все эти, восходящие к архетипу, понятия, безусловно, нашли отражение в погребальном и других обрядах переходного цикла.[14] Исследования в области семасиологии демонстрируют связи английского «comb» - «гребень» с индоевропейскими понятиями «огонь», «гора», «вода», русским «кобель», «кобыла». Кобель (пес) и кобыла (конь) являются стражами царства мертвых и переносчиками душ умерших.[15] Сакральное значение гребня и волос подтверждается и обычаями сохранения последних и помещения их в гроб усопшего у русских, коми, а также и у алтайских скифов.[16] У последних сохранялись также и обрезанные ногти. Символика как волос, так и ногтей чрезвычайно широка и в целом выходит за рамки настоящей работы.

Четвертая категория погребального инвентаря - это конское снаряжение. Погребения с конем, конским черепом или просто с конской уздой часто встречаются на Саяно-Алтайском нагорье. Значение коня как психопомпного животного - переносчика душ умерших в инфернальные области не вызывает сомнения, и по этому вопросу существует обширная и разнообразная литература. В тесной связи с погребением находились и конские ристания, а также погребения собак и коней.[17] Богатство и «экзотичность» конского снаряжения в ледяных Алтайских курганах свидетельствует о перекодировке погребаль-

ного комплекса. Конь выступает здесь совершенно в ином виде, напоминая мифического тарандра, образ которого мы видим и среди татуировок у погребенного Второго Пазырыкского кургана и на зеркале из погребения в Мажалык-Ховузу в Туве. Особенностью, сближающей обоих тарандров, является клювовидная грифонья морда, длинные перекрывающие спину дугообразные орнаментированные рога, перевернутый круп, хвост, загнутый вверх, сходные элементы декора на лопатке, острое стоящее ухо. Эти изображения вписываются почти в правильный круг. Близкая композиция известна и среди предметов Сибирской коллекции Петра I, где на золотой бляхе от конской узды изображен лось с мордой грифона, терзаемый барсом. Вся композиция также вписана в круг.[18]

Подобные фантастические животные есть и на восточной окраине скифо-сибирского ареала в Ордосе. Здесь на двух поясных пряжках изображен в одном случае стоящий, а в другом - лежащий с подогнутыми ногами тарандр. Они имеют целый ряд черт, сближающих их с тарандрами Саяно-Алтайского нагорья - морда грифона, острое ухо, оленьи рога, орнаментированное туловище, лошадиные копыта и т.д.[19] Показательно, что и погребенные лошади сближались подобным образом. На их морды надевались маски с оленьими и козлиными рогами, туловище покрывалось различными чепраками и седлами с богатым зооморфным декором, хвосты заплетались и завязывались узлом.

Гарнитуры уздечного набора снабжались зооморфными псалиями. И в Пазырыке I и в Бертекской котловине деревянные бляхи от перекрестных ремней и конских нагрудников могут быть интерпретированы как переосмысленный на местной основе образ египетского бога Бэса, несущего апотропеические функции во всей срединной Азии.[20] В последнее время была высказана иная точка зрения на эти изображения, где они интерпретируются как «групповой портрет» племенной структуры ранних кочевников Алтая». Заметим, что авторы этой точки зрения - Л.Л. Баркова и И.И. Гохман обращаются только к семи бляхам, найденным в Первом Пазырыкском кургане, и не учитывают вновь обнаруженные из раскопок Н.В. Полосьмак.[21] Между тем антропоморфность этих изделий весьма условна. Напротив, представлены атрибуты именно бога Бэса - посаженные на макушке львиные уши и наличие бороды при отсутствии усов. Образ Бэса встречается не только на Алтае. Известно его изображение на модели колесницы из Аму-Дарьинского клада, что свидетельствует о довольно широком распространении этого образа в восточно-сакском регионе.

Ясно, что далеко не везде мы можем проследить все функции амулетов и охранительных обрядов, применяемых в погребальной практике. Сам по себе обряд (перенасыщенный избыточной информацией), имея сложную структуру, часто выступает в упрощенном, редуцированном виде. Это отражается и на первоначальной подготовке умершего к погребению, и на составе погребального инвентаря, и на последней стадии, завершающей все погребально-поминальные действия - сооружение кургана и окружающих его ритуальных построек. Эта последняя стадия смыкается с первым актом погребальной мистерии - сооружением каменного кольца вокруг могильной ямы. Она может в зависимости от разных причин растянуться на многие годы, и часть погребений так и остается никогда не покрытой курганами. О их наличии свидетельствуют только слабо вогнутые линзы на поверхности земли. Вероятно, в этих случаях апотропеический круг замыкают поминальные тризны, проводимые по истечении определенного числа дней или лет.

---

1. *Зеленин Д.К., 1916.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг.
2. *Кузьмин Н.Ю., Варламов О.В., 1988.* Особенности погребального обряда Минусинской котловины на рубеже н.э. // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск. - С.146-155.
3. *Семенов Вл.А., 1994.* «Ритуальный двойник» в похоронном обряде саяно-алтайских скифов // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар. - С.135-142.
4. *Килуновская М.Е., Семенов Вл.А.*, 1993. Оленный камень – изобразительная и мифологическая структура. // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово. - С.88-103.
5. *Семенов Вл.А., 2001.* Крылатые кони в искусстве и мифологии ранних кочевников Центральной Азии // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства: Материалы научной конференции. Ашхабад. - С. 179-180.
6. *Семенов Вл.А., 1993.* Реконструкция скифского погребального костюма // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск. -Ч.II. - С.70-74.
7. *Оборин В.А., Чагин Г.Н., 1988.* Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь. 1988. Рис.123, 126.

8. *Керлот Х.Э., 1994.* Словарь символов. - С.488.
9. *Огнева Е.Д., 1991.* Тибетская мифология // Мифы народов мира. Т. II. М. - С.506.
10. *Семенов В.А., 1986.* Этнографическая параллель одному ритуальному символу коми (зырян) // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. - С.93-98.
11. *Курочкин Г.Н., 1994.* Набор «зеркало+нож+шило» в погребальном ритуале южно-сибирских скифов // Вещь в контексте культуры: Материалы научной конференции. СПб. - С.69-71.
12. *Семенов Вл.А.* «Ритуальный двойник» в похоронном обряде.....
13. *Васильков Я.В., 1991.* К вопросу о связи гоголевского Вия с праиндоиранским божеством смерти. //Семиотика культуры: III. Всесоюзная летняя школа – семинар. Сыктывкар. - С.35-36.
14. *Фасмер М., 1966.* Этимологический словарь русского языка. -М.
15. *Маковский М.М., 1996.* Язык – миф – культура. -М. - С.94-95.
16. *Руденко С.И., 1953.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. -М.-Л. - С.361.
17. *Топоров В.Н., 1990.* Конные состязания на похоронах. // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. -М. - С.12-47.
18. *Руденко С.И., 1962.* Сибирская коллекция Петра I. -М-Л. Табл.4-4.
19. *Семенов Вл.А.* Фантастические звери саяно-алтайских скифов // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Сыктывкар. -Ч. III. -С.17-18.
20. *Семенов Вл.А., 1994.* Вещи-апотропеи в погребальной обрядности саяно-алтайских скифов // Вещь в контексте культуры. - СПб. - С.67-68.
21. *Баркова Л.Л., Гохман И.И., 1994.* Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. - СПб. - С.24-35.
22. *Полосьмак Н.В., 1994.* «Стерегущие золото грифы». Новосибирск. - С.125.

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАССЕЙНА РЕКИ ВИТИМ (ДАТИРОВКА И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ)

В.М. Ветров
Е.М. Инешин

Бассейн р. Витим расположен в пределах Витимского плоскогорья, Станового, Северо-Байкальского, Патомского нагорий и таким образом полностью входит в зону горно-таежного ландшафта.

Археологически территория исследована неравномерно. К настоящему времени на рассматриваемой территории известно более 200 археологических местонахождений, подавляющее большинство которых представлено разновременными многослойными или однослойными стояночными комплексами, самые древние из которых относятся к верхнему палеолиту. Несколько корродированных артефактов, найденных в контексте голоценовых слоев ряда стоянок, являются свидетельством освоения края еще в раннепалеолитический период (Аксенов и др., 2000).

Как ни парадоксально, слабо изученным остается время существования наиболее поздних памятников, соотносимых с эпохой палеометалла и средневековья. Такая ситуация связана прежде всего с их стратиграфической дислокацией в верхнем деятельном горизонте, что способствовало смешению расположенных близко к дневной поверхности разновременных материалов корневой системой деревьев и кустарников, а также почти полной деструкцией костных остатков.

В этой связи большое значение придается поиску древних захоронений (как закрытых комплексов) и атрибуции их материалов. На сегодня в бассейне Витима обнаружено и раскопано 12 разновременных грунтовых погребений с остатками человеческих костяков, 8 из которых сконцентрированы на правом приустьевом мысе р. Муя (местонахождение Старый Витим II) (Ветров, 1982), составляют могильник и, судя по абсолютным датам, относятся к ранненеолитическому времени.

Четыре остальных являются одиночными погребениями, связанными со стояночными комплексами древнего человека эпохи раннего металла (Усть-Окторокон I, Усть-Каренга XII, Нижняя Джилинда (Сивакон I, II) (Ветров, Задонин, Инешин, 1993). Кроме того, в устье р. Каренга обнаружено несколько разновременных комплексов (ямы с различными конструкциями из каменных плит, с инвентарем и без него, ямы с охрой и инвентарем без кладок) (Ветров, Смотрова, 1980), имеющих явно ритуальное назначение. Обычно подобные комплексы относятся к разряду ложных захоронений - кенотафов. При этом следует подчеркнуть, что

отложения витимских берегов, за редким исключением, отнюдь не способствуют сохранности кости, что значительно обедняет информативную базу как стояночных, так и погребальных комплексов. В ряде случаев фиксировалось лишь совершенно разложившееся костное вещество, не подлежащее никакой идентификации с орудийным набором или фаунистическими остатками. Более - менее удовлетворительная сохранность кости прослеживается в поздних комплексах, в частности в погребениях раннежелезного века, публикации и интерпретации материалов которых, главным образом, и посвящена предлагаемая статья.

Всего к раннежелезному веку отнесено 3 близких по абсолютным датам погребения, расположенных в разных районах Витимского бассейна: в устье рч. Окторокон (левый приток Витима), в устье р. Каренга (правый приток Витима) - Витимское плоскогорье и в среднем течении р. Мама (левый приток Витима) - Байкало-Патомское нагорье (Рис. 1).

Первое из них обнаружено в 450 м выше по течению Витима от устья р. Окторокон на месте многослойной (5 культурных горизонтов) стоянки Усть-Окторокон I. Археологический материал связан с рыхлыми отложениями 12-15 м цокольной террасы, круто обрывающейся в сторону Витима.

Первоначально в центральной части разведочного раскопа площадью 7,6 кв. м близ бровки террасы было зафиксировано скопление глыб и кусков скальной породы, оказавшееся кладкой погребения. Поверхность кладки в основном нивелировалась с современной дневной поверхностью, часть выступала над ней на 5-7 см. Верхний слой кладки состоял из двух групп камней, ограничивающих яму с северо-восточной и юго-западной сторон, т.е. с ее торцовых стенок (рис. 2-*2*). Более мощное северо-восточное скопление (рис. 2-*3*) продолжалось на глубину до 0,40 м и заканчивалось на расстоянии около 0,35 м от погребенного. Крайняя и самая большая плита прислонялась к стенке широкой плоскостью согласно ее уклону. Могильная яма 1,60 х 1,00 м под дневной поверхностью постепенно сужалась и по дну на глубине 0,80 м имела размеры 1,50 х 0,74 м. При этом ССЗ часть стенки оказалась наиболее крутой, там же был зафиксирован подбой. Ориентировка длинной оси ямы по сторонам света (СВ-ЮЗ) совпадала с ориентировкой надмогильной кладки.

Костяк погребенного плохой сохранности покоился на правом боку «лицом» к ССЗ, головой на СВ, вниз по течению реки, спиной к реке. Ноги согнуты в коленях под острым углом. Верхняя часть скелета (кроме краниального) почти не сохранилась. По разложившемуся костному веществу удалось восстановить лишь контуры нескольких ребер, плечевой и локтевой костей левой руки. От нижней части костяка остались только берцовые и бедренные кости ног без эпифизов (рис. 2-*4*). Сопровождающий инвентарь отсутствовал.

По предварительному определению Н.Н. Мамоновой, костяк мог принадлежать женщине - монголоиду 35-45 лет. Полученная по кости дата - 1980±40 л.н. (ГИН - 7065).

Стратиграфически могильная яма погребения прослеживалась из первого культурного горизонта (бурая гумусированная супесь, слегка задернованная в кровле) мощностью до 0,08 м (рис. 2-*1*). Горизонт содержал фрагменты гладкостенной и вафельной керамики, призматические пластины и отщепы.

Второе погребение раннежелезного века обнаружено в 50 км ниже по Витиму от усть-окторокoнского, на правом берегу р. Каренга, близ ее устья. В одном из раскопов местонахождения Усть-Каренга - XII возле бровки 23-х метровой цокольной террасы были зафиксированы выступающие над дневной поверхностью каменные плиты разрушенного склоновыми процессами сооружения (рис. 3-*2*). Как выяснилось позже, разброс плит по склону террасы составил расстояние до 1,30 м от ближайшей границы могильной ямы. В то же время, особенности расположения оставшихся на месте в состоянии «плашмя» плит по восточной границе погребения, позволяют предположить их первоначальную постановку «стоя» и составление с нижним ярусом конструкции одного целого в виде каменного ящика. Нижний ярус плит облицовывал стенки могильной ямы (рис. 3-*3*; 4-*1*). Глубина последней 0,50-0,35 м. Возвышаясь на 0,15-0,20 м над уровнем дна ямы и, одновременно, сужая ее границы, плиты, составляющие стенки ящика, по всему периметру как бы нависали над костяком за исключением его средней части. Этот факт свидетельствует о том, что ящик сооружался уже после помещения покойного в яму с последующей частичной засыпкой и, о чем свидетельствует относительно мощный прослой прокаленной почвы с углем между нижними торцами плит и костяком, определенных действий с огнем.

Сам костяк лежал на спине с «завалом» на правый бок под углом к реке Каренге (или вверх по течению Витима) с согнутыми в коле-

нях ногами. Головой ориентирован на СВ «лицом» к СЗ. Кости плохой сохранности: верхняя часть туловища, кроме плечевых, фрагментов лопаток и шейных позвонков, отсутствовали, от нижней части сохранились фрагменты таза и кости ног, за исключением костей стопы левой ноги (рис. 3-*4*; 4-*2*).

В 0,06 м к СЗ от дистального конца плечевой кости правой руки обнаружен металлический наконечник стрелы или дротика подтреугольной формы с выпуклыми сторонами и прямым основанием; в сечении линзовидный. Кроме этого, возле плечевых костей фиксировались участки с разложившимся костным веществом, контуры которых, полученные в процессе расчистки, следует считать условными и слабо приближенными к оригиналам.

По предварительному определению Н.Н. Мамоновой, костяк принадлежал мужчине 30-35 лет.

По данному погребальному комплексу получены три радиоуглеродные даты: 1890±40 л.н. (ЛЕ - 2653) по углю из верхней части засыпки могильной ямы, 3340±40 л.н. (ЛЕ - 2652) по углю из ее нижней части и 2130±40 л.н. (ГИН - 5825) по костям погребенного. Не вдаваясь в объяснение такого разброса дат, авторы отдают предпочтение дате, полученной непосредственно по костяку. Стратиграфически заплечики могильной ямы уходят в задернованную в кровле гумусированную супесь, представляющую собой I культуросодержащий горизонт (рис. 3-*1*).

На площади раскопа в непосредственной близости от погребения в пределах горизонта найдены артефакты из камня (нуклеусы, нуклевиднообколотые гальки, наконечники стрел, скребки, обломки топоров, грузила, пластины, отщепы и т.д.) и керамики. Стенки сосудов покрыты вафельными отпечатками. Обращают на себя внимание кусочки шлака и графита, а также бронзовая овальной формы бляшка с двумя полюсными круглыми отверстиями.

Два подчетырехугольных в плане сооружения из плит, оконтуривающих стенки ям, были обнаружены соответственно в 200 м выше и в 250 м ниже по течению р. Каренга от уже описанного погребения. Как и на Усть-Каренге - XII эти сооружения дислоцировались возле бровки 23-х метровой террасы на месте стояночных комплексов. Никаких антропологических или артефактуальных материалов в них не обнаружено, но, судя по форме каменных ящиков, их размещению в глубине ям, все три сооружения (включая яму с костяком) аналогичны и могут относиться к одному периоду.

Третье погребение обнаружено в среднем течении р. Мама, крупнейшего притока р. Витим, на устьевом участке р. Нирякан. Погребение дислоцировалось на 6-метровой террасе р. Мама. Могильная яма находилась на мысовидном выступе, образованном на фронтальном фасе террасы. В настоящее время данный участок террасы представляет собой сухую ровную площадку, поросшую сосняком. Костяк, принадлежавший женщине в возрасте 25-30 лет (определение В.И. Базалийского и Д.В. Пежемского), находился в грунтовой яме неправильной овальной формы. Яма вытянута с С на Ю соответственно направлению течения р. Мама. Погребенная была ориентирована головой вверх по течению реки. Признаков надмогильного сооружения не отмечено. Глубина ямы 0,75 м от дневной поверхности с неровными стенками, расширяющимися к днищу и небольшим подбоем для головы погребенной. На боковых стенках в придонной части сохранились следы прокала мощностью до 3-4 см. В засыпке ямы отмечен древесный уголь, составляющий целые прослойки на различной глубине (рис. 4-*1*). Костяк удовлетворительной сохранности зафиксирован в положении на спине с согнутыми в коленях ногами (5-*2*). Вследствие постпогребальных деформаций суставные сочленения колен были разорваны и ноги сместились влево так, как если бы погребенная лежала на боку. Череп также смещен влево и завален на бок. Правая сторона черепа подверглась частичному разрушению, затронувшему височную кость и фрагмент скулы. Размеры погребальной ямы 0,95 х 0,60 м. При погребении для головы была сделана небольшая ниша, расположенная несколько выше уровня пола ямы. Правая рука была согнута в локте, кисть находилась на левом предплечье; левая располагалась вдоль тела, кисть покоилась в области таза. Интересной деталью скелета при его удовлетворительной сохранности являлось отсутствие костей левой ноги ниже колена. Сопровождающего инвентаря в погребении не обнаружено, хотя по сохранившимся остаткам тлена какие-то изделия, возможно из дерева или кожи, находились в области таза и грудной клетки. На костях ног и таза также фиксировались остатки органического плотного вещества черного цвета мощностью до 2-4 см с читавшимися внутри отдельными волокнами и шерстинками. Можно предположить, что они являлись остатками одежды погребенной. По кос-

тям была получена дата 1880±40 л.н. (ГИН-8004).

По мнению антрополога Д.В. Пежемского, осматривавшего череп из погребения, он принадлежит монголоиду. Более точное описание и определение на сегодняшний день отсутствует.

Таким образом, в настоящее время в бассейне р. Витим для анализа мы имеем три погребальных комплекса и две камеры-ящика (кенотафа) конца I тыс. до н.э.- начала I тыс. н.э. По общепринятой для Восточной Сибири периодизации - это ранний железный век. Захоронения объединяет положение костяков с согнутыми ногами, монголоидные черты погребенных; кроме того, окторокoнское и каренгское каменные сооружения близки между собой по конструкции внутримогильных камер-вместилищ.

За неимением достаточного материала для полной характеристики погребального обряда в Привитимье периода железного века на местной основе авторы вынуждены обратиться к поиску аналогий за пределы исследуемого района для выявления каких-либо общих закономерностей в погребальном обряде этого периода на соседних территориях. При этом сравнение может осуществляться по двум наиболее ярким элементам: трупоположению на боку или спине с согнутыми в коленях ногами и внутримогильным конструкциям.

Ранний железный век на юге Байкальской Сибири и Монголии обычно соотносится с финалом развития культуры плиточных могил и первым государственным объединением на большей части этой территории - Хуннской державой. Поскольку она, как и последующие, по мнению большинства исследователей, являлась объединением полиэтническим, то наряду с общими чертами материальной и духовной культуры, в частности погребального обряда, должны прослеживаться и локальные особенности.

Таковыми, в целом отличными от хуннских, являются погребения, в которых обнаружены костяки с согнутыми в коленях ногами, фиксируемые на правом-левом боку или спине с различной ориентировкой и формой надмогильных сооружений. Главная и объединительная особенность этих захоронений - поджатые ноги погребенных.

Подобные погребения встречены как на Байкале, так и к востоку и западу от него. Самыми древними из них считаются расположенные в бассейне р. Селенги, уходящие в глубь времен вплоть до начала второй половины I тыс. до н.э. (Коновалов и др., 1983), что подтверждается радиоуглеродными датами. Например, возраст верхнего костяка из могилы 4 Ацая II составил 2500±30 л.н. (ГИН-4415) (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Являясь впускными по отношению к плиточным могилам и выделяемые в верхний ярус, захоронения с подогнутыми ногами, по мнению А.Д. Цыбиктарова (1998), представляют промежуточное звено между плиточниками и хуннами, а оставившее их население вытесняется последними из Селенгинской долины на рубеже III - II вв. до н.э. Вынужденные эмигранты расселяются в северо-западном, восточном и северо-восточном направлениях; одним из отголосков этой миграции могут являться погребения в долине Витима на Усть-Окторокoне - I и Усть-Каренге - XII (Харинский, 2001).

Продолжая обзор забайкальских погребений, содержащих костяки с согнутыми в коленям ногами и датируемых концом I тыс. до н.э. - началом I тыс. н.э., следует назвать такие пункты, как Чиндант IV и Ононск I на Ононе (Асеев, 1973; Асеев и др., 1984), Кия-13 около г. Шилки (Ковычев, Ковычев, 1996), Жигуржинка на Ингоде (Кириллов и др., 2000), а также Харга I в Еравнинской котловине (Ивашина, Климашевский, 1973; Цыбиктаров, 1998), возможно, Бодон I (Дашибалов, 1995; Харинский, 2001)[1] и Шумум Шэнэгэльжин (Хамзина, 1983) в бассейне Баргузина.

На Байкале костяки с согнутыми ногами интересующего нас периода обнаружены на его северном побережье и в Приольхонье. На Ольхоне по материалам могильника Елга VII выделено три группы погребений, первая из которых с отмеченной традицией отнесена к раннежелезному веку, что подтверждается абсолютными датами 1890±50 л.н. (ГИН -7643), 1960±60 л.н. (ГИН-7644), 2590 ±90 л.н. (ГИН-6840) и 2050±160 л.н. (ГИН-7645) (Горюнова, Пудовкина, 1995). «Елгинской» группе захоронений близок ряд погребений из находящихся неподалеку Куркутских комплексов I и II (Асеев, 1980).

На Северном Байкале исследовано три погребения с аналогичным положением костяков на местонахождениях Байкальское XXII и XXXVI. По костному материалу одного из погребенных получена радиоуглеродная дата

[1] Погребально-поминальный комплекс Бодон I, в целом, датируется Б.Б. Дашибаловым VIII-X вв.н.э.; А.В. Харинским погребение № 24 датируется концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э., погребение № 28 он относит ко второй четверти I тыс. н.э.

2130±50 л.н. (СО АН -4100) (Харинский, 2001). Такое же положение одного из погребенных отмечено на могильнике Цаган-Хушун II с абсолютной датой 2055±55 л.н. (Филиппов, Харинский, 2001).

А.В. Харинский (2001) предлагает все ранние захоронения с подогнутыми ногами на территории северобайкальского побережья, Баргузинской долины, низовьев Селенги, Приольхонья, а также острова Осинского на Ангаре объединить в единую «елгинскую» погребальную традицию и определить время существования последней на основе радиоуглеродных дат II в. до н.э.-IV в. н.э.

Эта традиция получила свое развитие во второй половине I тыс. н.э. в памятниках черенхынского типа (по Харинскому, 2001) или в течение куркутского и бодонского этапов курумчинской культуры (по Дашибалову, 1995), в дарасунской культуре (Кириллов и др., 2000), т.е. на довольно большой территории востока Байкальской Сибири.

Второй элемент обряда, на который в данном случае следует обратить внимание - это захоронения в каменных ящиках. Подобные конструкции в хуннское время встречаются довольно редко. Однако наличие таковых среди хуннских погребений Иволгинского могильника позволило считать их одной из разновидностей (Давыдова, 1985), или же, по материалам могильников Зараа Толгой в Монголии, Дэрестуйский Култук и Озерное I в Бурятии, особой типологической группой наиболее ранних памятников хунну (Коновалов, Цыбиктаров, 1988). На облицовке стенок могильных ям необработанным камнем ряда хуннских погребений на территории Монголии заострял внимание Ц. Доржсурэн (1962). К этому нужно добавить варианты, когда деревянные внутримогильные конструкции были обставлены по бокам каменными плитами (Коновалов, 1976; Ковычев, Ковычев, 1996).

Ближайшими по времени аналогами хуннским являются каменные ящики в некоторых плиточных могилах (Волков, 1967). Здесь также уместно заметить, что в ряде плиточных могил отмечены и костяки в положении на боку с подогнутыми ногами (Диков, 1958, Дашибалов, 1995). В последующее за хуннским время внутримогильные сооружения в виде каменных ящиков известны из могильников Черенхын I и в пределах Куркутского комплекса II, причем с преобладанием в них костяков на правом боку с подогнутыми ногами (Дашибалов, 1995). Аналогичная ситуация была прослежена под кладкой №1 второй группы погребений VI-VII вв. могильника Елга (Горюнова, Пудовкина, 1995).

Можно было бы продолжить перечень погребений и целых могильников, где находились костяки с подогнутыми ногами, а также в каменных ящиках, хотя и в разных положениях. Но проблематичность датировки некоторых из них или большой разброс временных рамок выделяемых культур не позволяют на данном этапе изучения соотнести их с определенным хронологическим срезом. Так например, датировка с привлечением сравнительно-типологического метода куркутского этапа курумчинской культуры VI-VII вв. значительно расходится с абсолютными датами по двум погребениям могильника Черенхын I -1560±30 л.н. (ГИН 5423) и 1670±110 л.н. (ГИН - 5486), что соответствует календарному возрасту 390 г. н.э. и 280 г. н.э. (Дашибалов, 1995).

Что касается географии отмеченных двух элементов погребального обряда хуннского времени, то территория их распространения довольно обширна и на западе достигает Алтая и Восточного Казахстана (Васютин, Ложкин, 1989; Худяков, Мороз, 1989).

Если обратиться к северу от Витимского бассейна к территории Саха-Якутии, то там известно пока лишь одно погребение раннего железного века с абсолютной датой 1740±50 л.н. (ЛЕ 849). Связано оно со стоянкой Тумулур на Алдане. К сожалению, нижние конечности погребенного не сохранились. Удалось проследить только положение на спине со скрещенными на груди руками (Константинов, 1978; Мочанов и др., 1983). Наряду с этим в связи с затронутой темой уместно отметить захоронения предшествующего ымыяхтахского периода (4100±100 - 3300±100 л.н.) в каменных ящиках на могильнике Диринг-Юрях (Федосеева, 1999) и положение костяков с согнутыми в коленях ногами Очор-Муранского могильника на Лене (Федосеева, 1969). Примерно к этому же времени относится погребение в каменном ящике могильника Ленковка на Ангаре (Окладников, 1974).

Подводя итог вышеизложенному можно констатировать, что витимские погребения конца I тыс. до н.э. - первых веков I тыс. н.э. по ряду основных обрядовых элементов тяготеют, прежде всего, к южной части Забайкалья: к его лесостепным и степным районам. Тайга не являлась препятствием для степняков при их

проникновении на север, что подтверждается археологически и документально (Ветров, 1999).

В этой связи большой интерес представляют находки вещей чисто степной культуры в V- IV слоях стоянки Улахан Сегеленнях на р. Токко в Якутии. Изучающие стоянку археологи соотносят их с хуннским и тюркским временем (Алексеев, 1994), тюркским временем (Степанов, 1999) или же с хуннским (с хуннами) (Кириллин, 1996). Если верны радиоуглеродные даты 1900±90 л.н. (ГИН - 8384) по слою V и 1510±140 л.н. (ГИН 8382) по слою IV б, то последнее мнение становится более предпочтительным.

Характерные для степных районов предметы I тыс. н.э. встречаются и на поздних стояночных комплексах в бассейне р. Витим. Публикация их становится актуальной и является делом недалекого будущего.

Список сокращений

АО - археологические открытия
БИОН - Бурятский институт общественных наук
БРКМ - Бурятский республиканский краеведческий музей
ВАЭ - Витимская археологическая экспедиция
ИАиЭ - Институт археологии и этнографии
ИГПУ - Иркутский государственный педагогический университет
ИГУ - Иркутский государственный университет
ИМБТ БНЦ - Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра
ИОКМ - Иркутский областной краеведческий музей
ПАЭ ИЯЛИ - Приленская археологическая экспедиция Института языка, литературы и искусства.

1. *Ветров В.М., Задонин О.В., 1993. Инешин Е.М.* Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон) - I в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. - Новосибирск. - С. 98-112.
2. *Ветров В.М., Смотрова В.И., 1980.* Ритуальный комплекс в устье р. Каренги // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. - Иркутск. - С. 28-30.
3. *Волков В.В., 1967.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. - Улан-Батор. - 148 с.
4. *Горюнова О.М., Пудовкина Е.А., 1995.* Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск. - С. 154-174.
5. *Давыдова А.В., 1985.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) - памятник хунну в Забайкалье. - Л. -109 с.
6. *Дашибалов Б.Б., 1995.* Археологические *Аксенов М.П., Ветров В.М., 2000. Инешин Е.М., Тетенькин А.В.* История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск. - Вып.2. ч.I.-С.4-35.
7. *Алексеев А.Н., 1994.* Происхождение якутского народа (по новым археологическим материалам) // Учен. зап. Якут. ун-та. Сер. Гуманит. науки. - Якутск. -С.131-154.
8. *Асеев И.В., 1973.* Памятники железного века в бассейне реки Онон // Изв. СО АН СССР. №11. Сер. обществ. Наук. - №3.-С.105-109.
9. *Асеев И.В., 1980.* Прибайкалье в средние века. - Новосибирск. -150 с.
10. *Асеев И.В., Кириллов И.И., 1984. Ковычев Е.В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений).- Новосибирск. - 201с.
11. *Васютин А.С., Ложкин К.В., 1989.* Вопросы этносоциальной атрибуции погребений в каменных ящиках (по материалам Восточного Казахстана и Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). - Кемерово. -Ч. I.- С.121-123.
12. *Ветров В.М., 1982.* Археологические исследования в Муйской котловине 1976-1978 гг. // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. - Иркутск. -С.86-100.
13. *Ветров В.М., 1999.* Некоторые аспекты этноархеологических исследований на Верхнем Витиме // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Москва - Омск. - С.136-138.
14. памятники курыкан и хори. - Улан-Удэ. - 191с.
15. *Диков Н.Н., 1958.* Бронзовый век Забайкалья. - Улан-Удэ. - 108 с.
16. *Доржсурэн Ц., 1962.* Раскопки могил хунну в горах Ноин-ула на реке Хуни-гол (1954-1957 гг.) // Монгольский археологический сборник. - М. - С . 36-44.
17. *Ивашина Л.Г., Климашевский Э.Л., 1973.* Работы в Бурятии // АО 1972 г. - М. - с. 214-216.
18. *Кириллин А.С., 1996.* Степь и тайга в I тысячелетии новой эры (в свете новых археологических открытий на юге Якутии) // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. - Улан-Удэ. - С.53-55.
19. *Кириллов И.И., Ковычев Е.В., 2000. Кириллов О.Н.* Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. - Новосибирск. - 176 с.
20. *Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е., 1996.* Могильник хуннского времени Кия - 13 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. - Иркутск. - Ч. 2. - С.100-103.

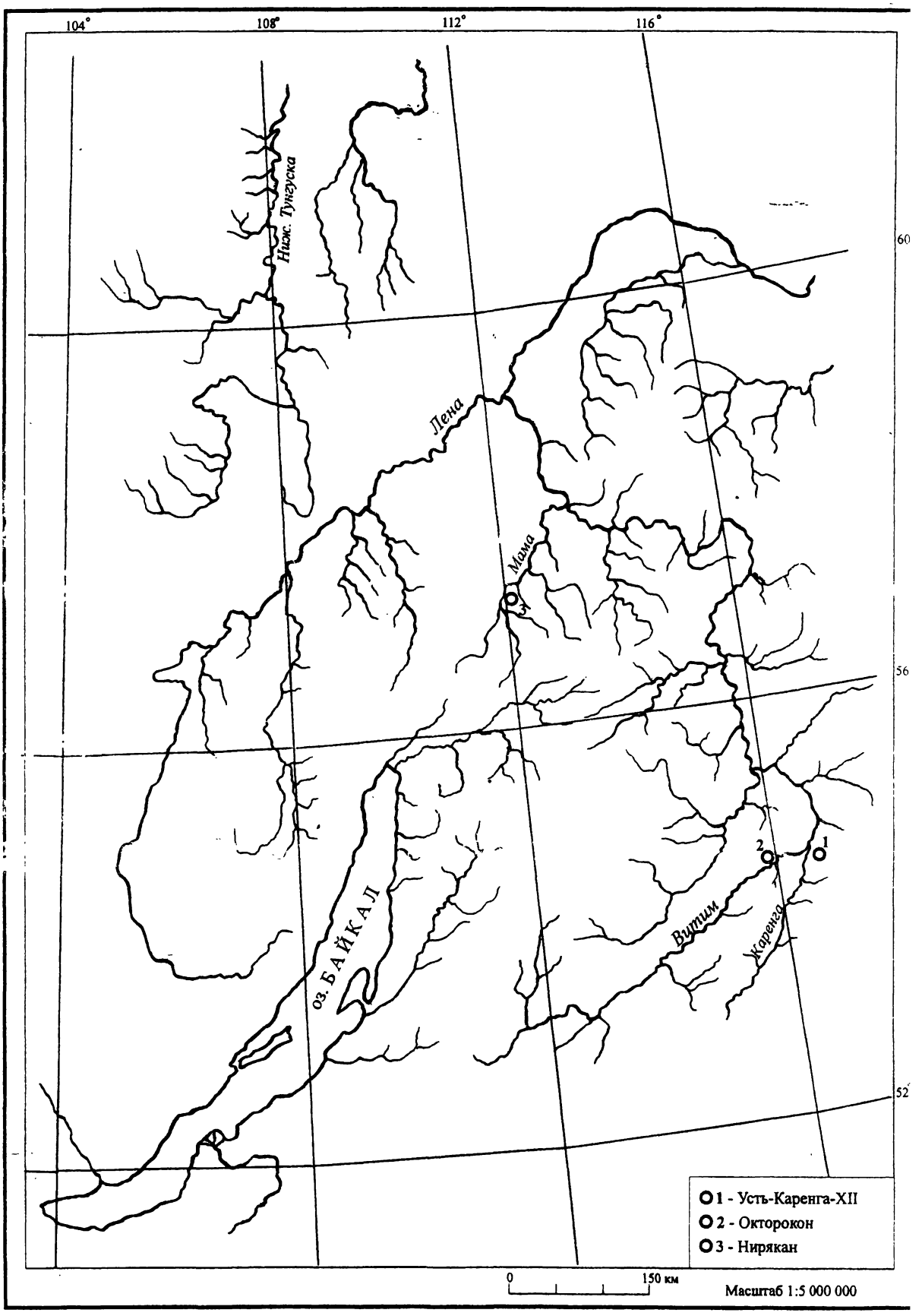


Рис. 1. Карта района исследований

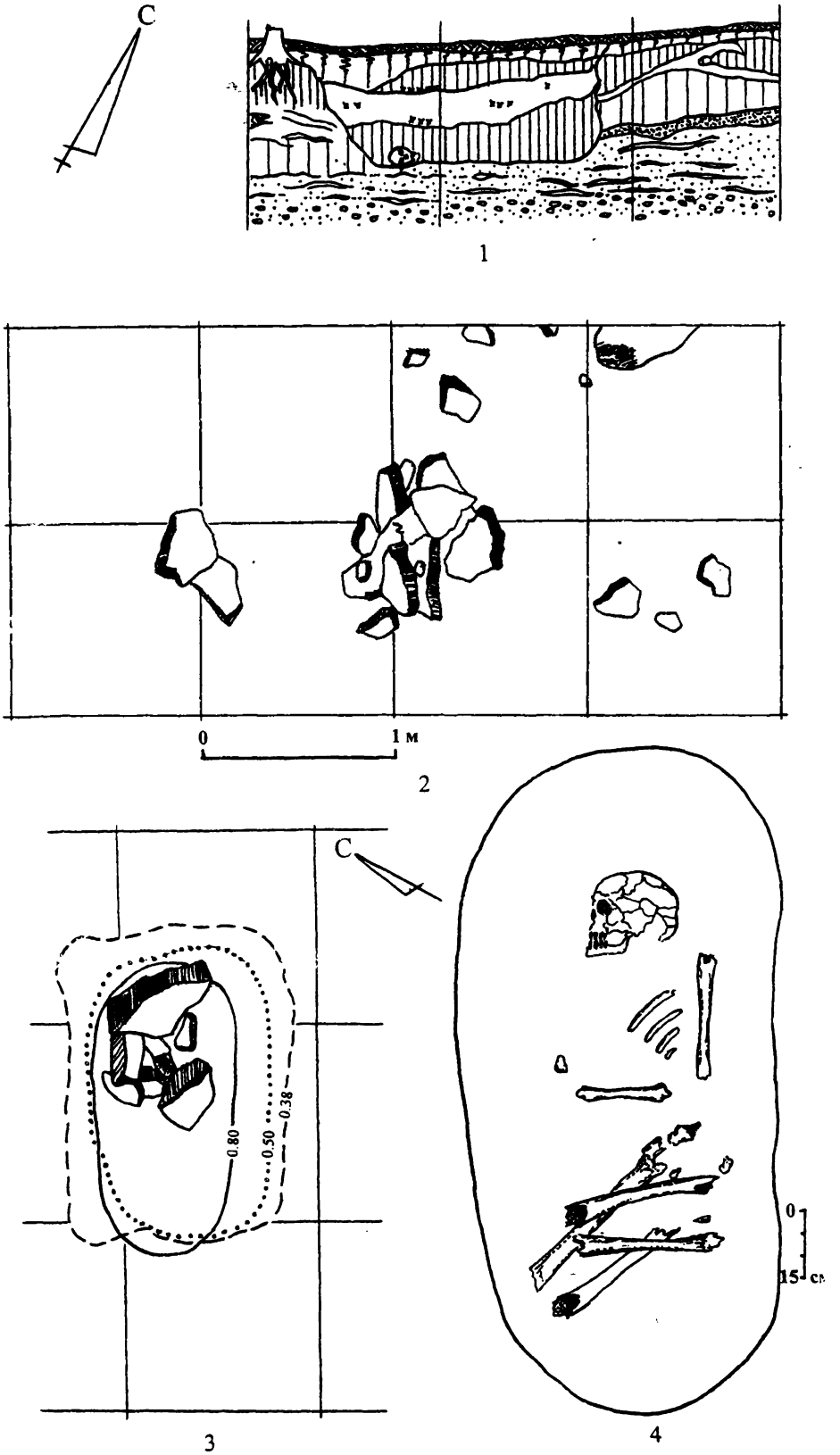


Рис. 2. Усть - Окторокон I. 1. Погребение. Стратиграфический разрез. 2. Кладка погребения. Верхний ярус. 3. Кладка погребения. Нижний ярус.4. Погребение. Костяк.

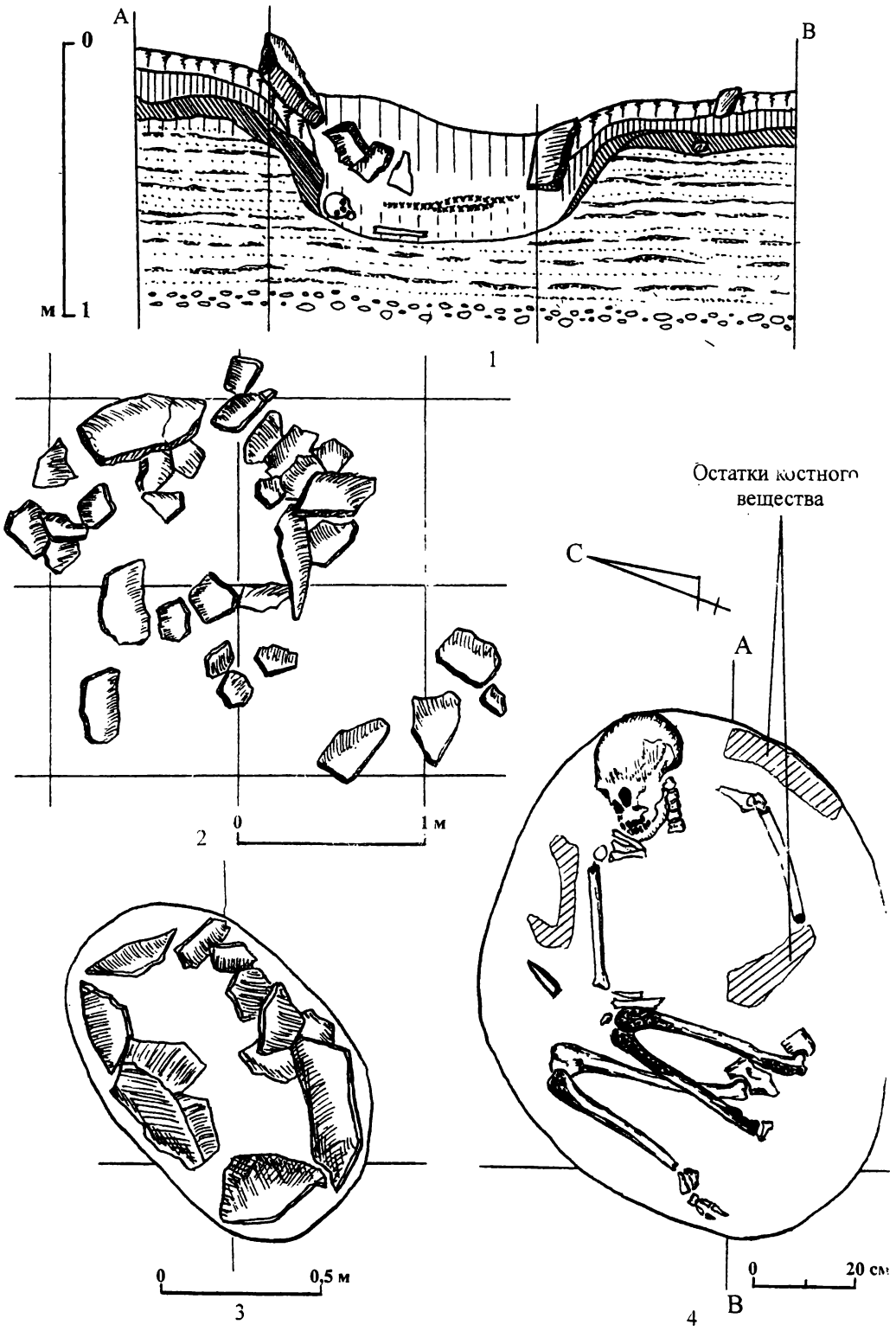
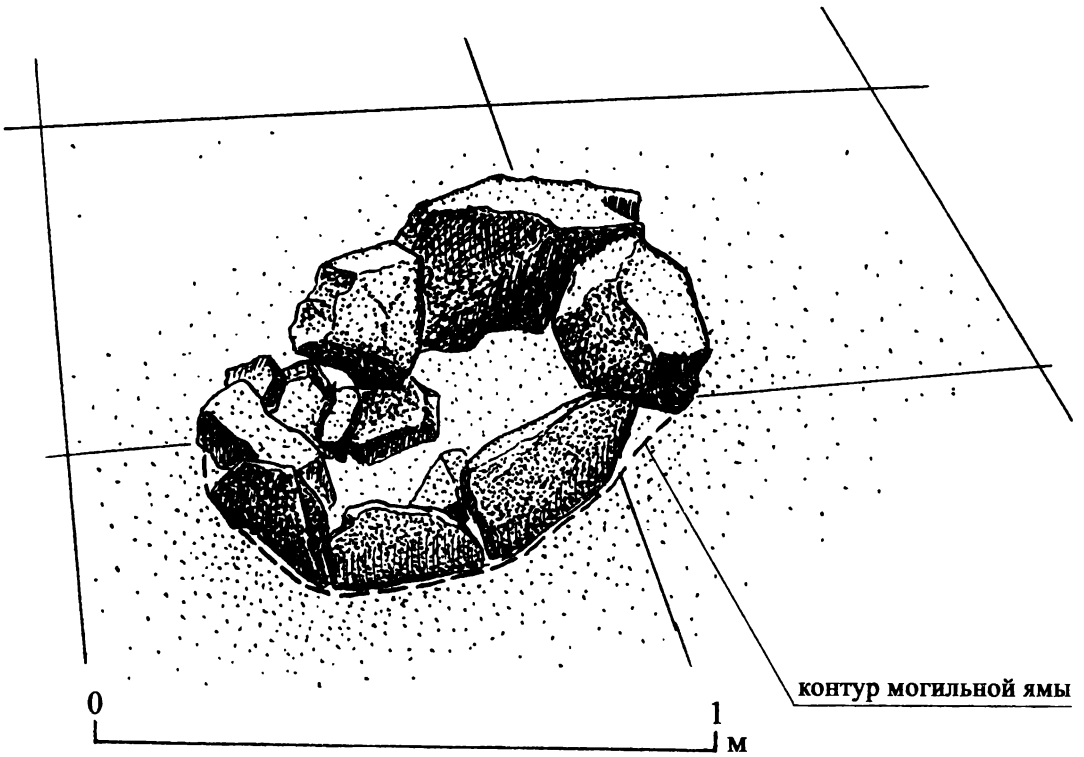
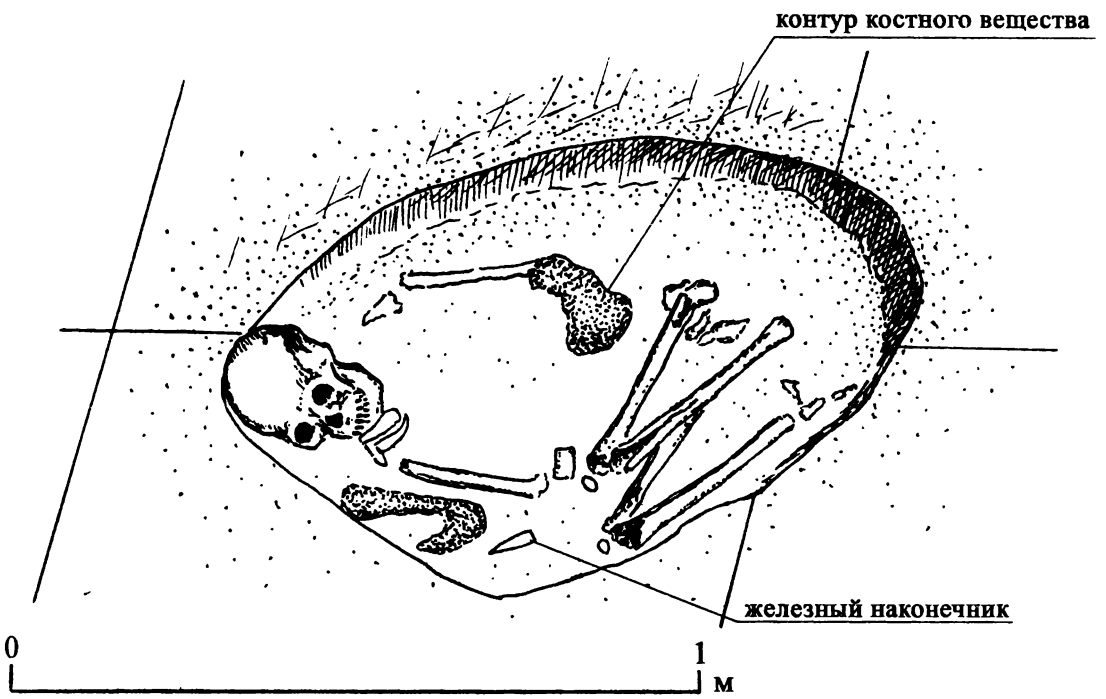


Рис. 3. Усть-Каренга XII. 1. Погребение. Стратиграфический разрез. 2. Кладка погребения. Верхний ярус. 3. Кладка погребения. Нижний ярус. 4. Погребение. Костяк.



1



2

Рис. 4. Усть-Каренга XII. 1. Кладка погребения. Нижний ярус. Вид с севера. 2. Погребение. Костяк. Вид с северо-запада.

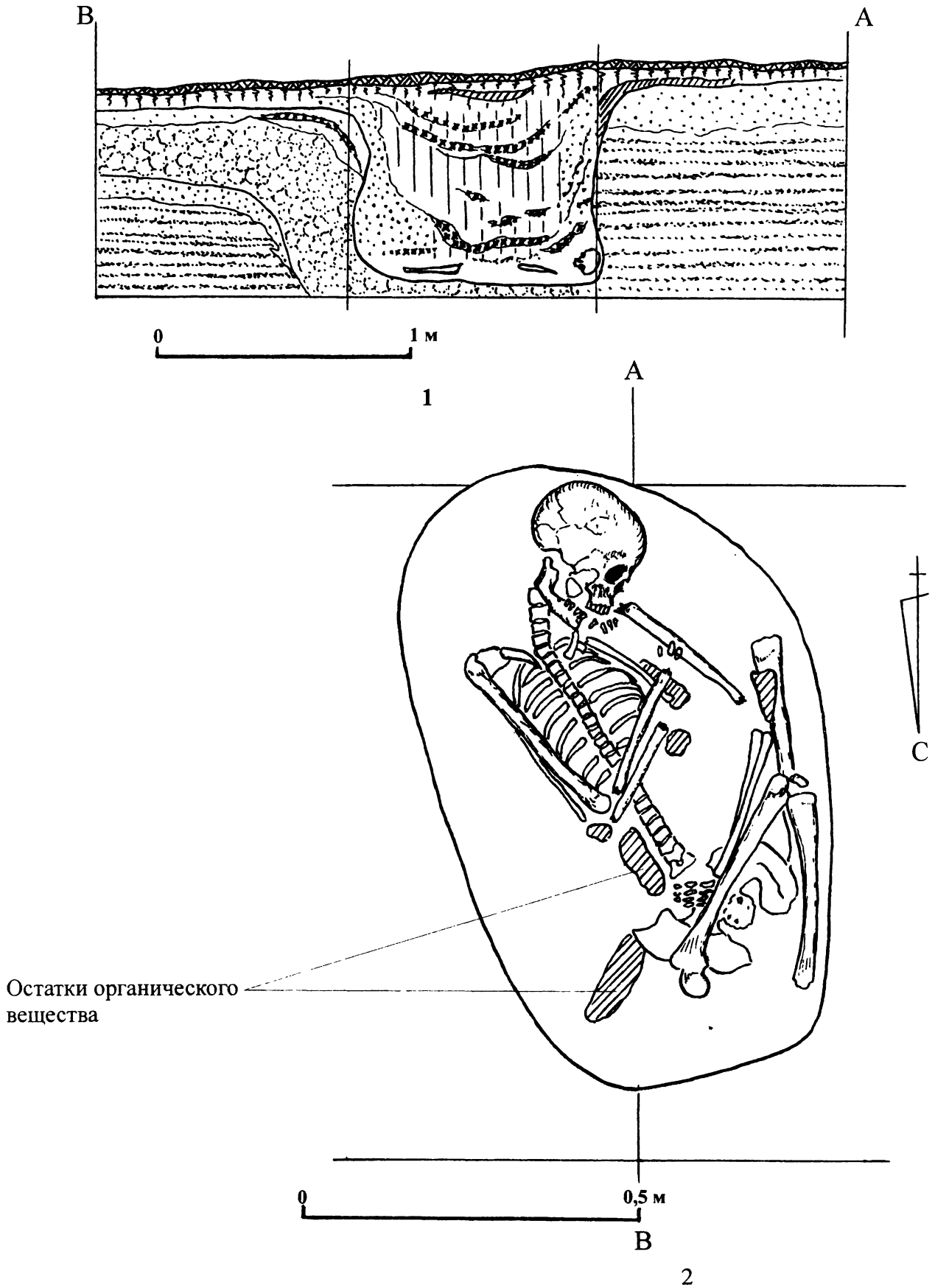


Рис. 5. Нярякан. 1. Погребение. Стратиграфический разрез. 2. Погребение. Костяк.

21. *Коновалов П.Б., 1976.* Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). - Улан-Удэ.- 219 с.
22. *Коновалов П.Б., Свинин В.В., 1983. Зайцев М.А.* Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. - Новосибирск. - С.85-100.
23. *Коновалов П.Б., Цыбиктаров А.Д., 1988.* Некоторые материалы из новых хуннских памятников Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. - Улан-Удэ. - С.95-107.
24. *Константинов И.В., 1978.* Ранний железный век Якутии. - Новосибирск. - 128 с.
25. *Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д., 1989.* Опыт датирования по C^{14} погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. - №1. - С.19-32.
26. *Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., 1983. Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М.* Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы.- Новосибирск.- 392 с.
27. *Окладников А.П., 1974.* Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). - Новосибирск. - 319 с.
28. *Степанов А.Д., 1999.* К находкам остатков сложносоставного лука на стоянке Улахан Сегеленнях на р. Токко // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. - Новосибирск. - С. 133-138.
29. *Федосеева С.А., 1969.* Первый ымыяхтахский поздненеолитический могильник на Средней Лене // Археологические открытия 1968 г. - М. - С.223-224.
30. *Федосеева С.А., 1999.* Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества. - Якутск. - 131с.
31. *Филиппов Н., Харинский А.В., 2001.* «Елгинские» захоронения Приольхонья // На стыке поколений. - Иркутск. - С.71-73.
32. *Хамзина Е.А., 1983.* Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья. - Новосибирск. - С.75-85.
33. *Харинский А.В., 2001.* Предбайкалье в кон.I тыс. до н.э.- сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. - Иркутск. - 199 с.
34. *Худяков Ю.С., Мороз М.В., 1989.* Могильник Усть-Эдиган - новый памятник хунно-сарматского времени в горном Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) - Кемерово. - Ч. II. - С. 76, 77.
35. *Цыбиктаров А.Д., 1998* Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. - Улан-Удэ. - 288с.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХУННУ

А.А. Ковалев

В последние годы заметно активизировался поиск археологических памятников хунну (*сюнну*) до начала экспансии Маодуня (см. обзор в Коновалов, 1996). Это связано прежде всего с публикацией новых памятников кочевых племен эпохи Чжаньго (V-III вв. до н.э.), обнаруженных на современной китайской территории. Тянь Гуаньцзинь (1997, с. 299-304), Линь Юнь (Lin Yun, 1992, Линь Юнь, 1993), У Энь (1990), С.В. Комиссаров (1988, с. 100-102), Н.В. Полосьмак (1990), Ю.А. Заднепровский (1991), С.-К. Псаррас (Psarras, 1994, 1995, 1996) указывают на сходство различных черт материальной культуры степных племен гунно-сарматского времени и предшествующего периода, однако таковое сходство само по себе не может быть принято в качестве свидетельства происхождения исторических хунну (сюнну) как особого этнического образования из определенного района степи (Lin Yun, 1992, p. 7; Линь Юнь, 1993, с. 140). Выявление этноопределяющих признаков хунну затруднено в связи с тем, что культура хунну ханьского времени имела многокомпонентный характер; под их властью объединились многие племена, жившие к югу и к северу от пустыни Гоби. Кроме того, возвышению хунну способствовали инновации в комплексе вооружения «северных племен» на рубеже III-II вв. до н.э., связанные с широким освоением железа. Поэтому искать «прототипы» многих компонентов материальной культуры государства хунну скорее всего просто бессмысленно.

Попытки выявить специфические стороны культуры собственно хунну на позднем материале и обнаружить их в раннем контексте предпринял в последнее время С.С. Миняев (Миняев, 1987; Миняев, 1998, с. 79-83; Minyaev, 1985, 1992; Minyaev, 1996, p. 11). Ключевым для него является погребальный обряд «рядовых» могил II-I вв. до н.э. (определенной конструкции деревянный гроб в каменном ящике, вытянутое на спине положение костяка), аналогию которому он усматривает в памятниках т.н. «культуры верхнего слоя Сяцзядянь» раннескифской эпохи. Однако временной разрыв по меньшей мере в 3-4 века между «верхнесяцзядяньскими» и забайкальскими хуннускими памятниками (о датировке памятников т.н. «куль-

туры верхнего слоя Сяцзядянь» см. напр. Цзинь Фэнъи, 1987, Ковалев, 1998, Wagner, Parzinger, 1999), отсутствие в маньчжурских каменных ящиках сколь-нибудь похожих на хуннуские сосудов не дает возможности пока определить верхнее течение Ляохахэ как прародину хунну. Кроме этого, вызывает сомнение и само определение понятия «каменный ящик», ставшее центральным пунктом в рассуждениях С.С. Миняева. Как и китайские археологи, использующие термин «шигуань му», то есть «могила с каменной конструкцией», он рассматривает как единое целое и «настоящие» каменные ящики, сложенные из вертикальных плит или горизонтальной каменной кладкой, и могилы с беспорядочной каменно-земляной забутовкой между деревянной рамой (срубом) и стенками ямы. В памятниках Северо-Восточного Китая «настоящие» каменные ящики не имеют внутреннего деревянного гроба (см. напр. Деревянко, 1976, с. 212-232), но в Дырестуйском могильнике сюнну, на материалах которого С.С. Миняев основывает свои предположения (Миняев, 1998) таких ящиков, составленных из вертикальных плит, только два(!) - могилы 53 и 61; еще три таких ящика имеют внутри деревянную конструкцию (№ 43, 45, 58). Общим для конструкции некоторых могил «верхнего слоя Сяцзядянь» и Дырестуйского могильника можно считать только беспорядочную наброску камней за стенками гроба. Однако сравнивать забутовку с забутовкой по меньшей мере рискованно. Сложно назвать культуру степей Евразии, в погребениях которой не использовался бы этот технический прием. В Северо-Восточном Китае могилы с каменной забутовкой между стенками ямы и стенками деревянной конструкции встречены в большинстве в уезде Нинчэн АР Внутренняя Монголия. Однако эти могилы, на материал которых также ссылается С.С. Миняев, в большинстве своем не имеют прямого отношения к «культуре верхнего слоя Сяцзядянь». В 1992 г., охарактеризовав их типологические особенности, я предложил их предварительно именовать «памятниками типа Наньшаньгэнь» (Kovalev, 1992, S. 63-72). Новые материалы не только подтвердили их типологическую обособленность, но и дали возможность датировать их временем не позже первой четверти VII века до н.э.; в то же время появились новые аргументы в пользу отнесения этих памятников к наследию племени «шаньжун» («бэйжун»), хорошо известного китайским хронистам в этот период (Ковалев, 1998; Чжун Сук Бэ, 2000, с. 130-133). Кроме этого, приводимые С.С.Миняевым аналогии (Миняев, 1998, с. 82) территориально не совпадают с регионом прародины хунну, очерченным самим исследователем по материалам письменных источников. К востоку от хунну, согласно приводимым им самим сообщениям «Ши цзи», должны были располагаться до конца III в до н.э. дунху, и если «исконные кочевья» хунну - с чем согласен С.С. Миняев - находились севернее Юньчжуна и Дай, то именно для дунху остается место там, где были исследованы могильники, на которые автор ссылается в подтверждение своей гипотезы.

Представляется, что выделить какие-либо «этноопределяющие» черты материальной культуры «хунну» только на основе поздних (эпохи хуннского государства) материалов принципиально невозможно. Даже если допустить, что нам удалось выявить погребения собственно хунну рубежа нашей эры, отличающиеся чем-то от погребений подвластных им племен, мы не сможем без дополнительных доказательств экстраполировать эти особенности на ранние материалы, поскольку материальная и духовная культура хунну как господствующего этноса могла принципиально отличаться от их культуры до этого периода. Инновации прослеживаются именно - и в первую очередь - в погребальном обряде, почему-то во всех случаях считающемся наиболее консервативным элементом культуры. Так, обычай захоронения погребенного по принципу «гроб в срубе» - не что иное как «калька» китайского погребального обряда эпохи Чжаньго (наличие «внешнего» и «внутреннего» гроба), тем более что по китайским обычаям земляная яма должна была иметь пологий пандус, который мы видим и в курганах хуннуской знати. Естественно, что хунну копировали обычаи высшего слоя китайского общества, с тем чтобы подчеркнуть свою равнозначность элите ханьской империи.

На мой взгляд, необходимо сначала как можно более точно определить территории, где присутствие хунну засвидетельствовано историческими источниками в «дохуннскую» эпоху (до рубежа III-II вв. до н.э.), затем выяснить, не появляются ли в памятниках этого времени на этих землях те новые элементы материальной культуры, которые затем, в ханьскую эпоху, станут ведущими для культур кочевников, объединенных общим названием «хунну» («сюнну»). Тем самым мы, с одной стороны, подтвердим надежность ис-

пользуемых исторических источников, а с другой - выявим специфические признаки материальной культуры собственно хунну до воцарения Маодуня. Выяснив таким образом местоположение хунну накануне их возвышения, мы сможем затем ретроспективно, с учетом новых материалов, продвигаться далее в поисках хуннуской «прародины».

Нельзя согласиться с утверждением С.С. Миняева о том, что возможности исторических источников в деле поиска прародины хунну исчерпаны (Миняев, 1987, с. 142). Дело в другом - до сих пор однозначно не установлены все упоминания о хунну, относящиеся к доханьскому периоду. Так как в эпоху Хань зародилось представление о том, что все варварские племена северо-запада были предками хунну, в исторических сочинениях с этого времени слово «сюнну» стало употребляться для обозначения кочевников вообще. Поскольку большинство исторических сведений о хунну известно нам именно в интерпретации ханьских источников, необходимо строго отчленить все вероятные случаи такого словоупотребления и работать далее только с доказуемыми упоминаниями хунну как особого варварского племени эпох Чжаньго (475-221 гг. до н.э.) и Цинь (221-207 гг. до н.э.). Это могут быть, во-первых, сообщения ранних (доханьских) источников (в том числе дословно включенные в состав более позднего текста), а во-вторых, отрывки, в которых «сюнну» как особое племя упоминаются в противопоставлении другим варварским народам доханьского времени. Наиболее полная сводка сообщений об истории хунну в доциньскую эпоху приведена в статье Сюн Цуньжуя (Сюн Цуньжуй, 1981). Достоверность ряда исторических источников о ранней истории хунну анализируется в работах Л.А. Боровковой и С.С. Миняева, вышедших на рубеже 90-х годов (Боровкова, 1990, Миняев, 1990, 1991). К сожалению, российскими исследователями были привлечены не все письменные упоминания о хунну и их взаимоотношениях с китайскими княжествами, относящиеся к доханьскому времени; в статье Сюн Цуньжуя недостаточное внимание уделяется внутренней и внешней критике приводимых источников; за аксиому принимаются некоторые на наш взгляд спорные локализации географических пунктов. В связи с этим представляется необходимым привести как можно более полную критическую сводку сведений о доханьской истории хунну.

Первое определенное упоминание «*сюнну*» как отдельного племени воспроизведено в сочинении «Шо юань» (глава 1 «Цзюнь дао»): «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэя, сказал: «Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь [моих] крепостей, *сюнну* мчатся во весь опор на *лоуфаней*...» (Шо юань, с. 33, Сюн Цуньжуй, 1983, с. 112). Приведенный отрывок взят из диалога Чжао-вана и Го Вэя, в котором Го Вэй предлагает вану созвать ко двору мудрецов со всех концов Поднебесной. Этот диалог традиционно относят к самому началу пребывания Го Вэя при яньском дворе, то есть мы можем принять его датировку как 311-310 гг. до н.э. Захват восьми крепостей, о котором идет речь, таким образом мог иметь место в 314-312 гг. до н.э., когда циские войска, воспользовавшись смутой в Янь, вторглись в это княжество, убив его правителя Цзы Чжи. (ШЦ, 2, с. 732-733, 5, с. 1556-1557, 7, с. 2268, Сыма Цянь, V, с. 87-89, VII, с. 113-114). Сборник «Шо юань» («Сад высказываний») был составлен известным ученым, компилятором и писателем ханьского времени Лю Сяном (ок. 79-8 гг. до н.э.), заслугой которого является также составление книги «Чжаньго цэ» («Планы сражающихся царств»). Как пишет Лю Сян, имея доступ к дворцовым книгохранилищам, он использовал тексты хранящихся там «в беспорядке» ранних сочинений, которые стремился упорядочить и передать без повторов и ошибок. Ученый уделял огромное внимание аутентичности воспроизведения текстов более ранних источников, входящих в его книги. В частности, он описывает методы «двойного сличения» древних текстов, в котором принимают участие два человека, взаимно проверяющих текст оригинала и копии. (Васильев, 1968, с. 7-9, 45). К.В.Васильев разбирает методы работы Лю Сяна применительно к составлению им книги о военно-политической истории «Чжаньго цэ». Однако те же выводы правомерны и для сборника текстов философско-политической проблематики «Шо юань», составленного таким же образом из фрагментов более ранних сочинений, а потому весьма вероятно, что «Шо юань» точно передает текст записей эпохи Чжаньго, включая этноним *сюнну*, который в данном случае не является интерполяцией ханьского времени.

Сюнну здесь показаны как особое племя, противопоставленное племени *лоуфань*. Правитель Янь обеспокоен нападениями *сюнну* на *лоуфаней*. Это может быть связано с тем, что по крайней мере часть *лоуфаней* была союзниками или вассалами Янь.

О нападениях враждебных Янь варваров на лоуфаней повествуется в «Чжаньго цэ» (глава 12 «Ци 5», параграф «Су Цинь шо Ци Минь-ван»). Мудрец Су Цинь (или его брат Су Дай - см. ниже), обращаясь к цискому Минь-вану, говорит:

«Некогда (иероглифами «сичжэ» степень древности указанных событий не может быть определена, корректнее было бы перевести их словами «прежде», «в прошлом» (см. ГДХЮЦД, с. 1665) - А.К.) [царства] Янь и Ци сражались в лабиринте [гор] Хуань. Янь потерпело поражение и потеряло стотысячную армию. Люди [народа] *ху* (в оригинале - «*ху жэнь*», что может обозначать и «варваров» вообще, и представителей одного из племен *ху* - *линьху* или *дунху*; в переводах В.С.Таскина обычно «хусцы» - А.К.) напали на несколько владений *лоуфаней*, [подвластных] Янь (в оригинале - «Янь *лоуфань* шу *сянь*», то есть «[входящие в] Янь несколько уездов *лоуфаней*»; это весьма существенно, так как использование слова «сянь» (уезд) - административной единицы в срединных государствах - однозначно говорит о включении неких территорий, заселенных лоуфанями, непосредственно в состав яньских земель под управлением назначенных ваном чиновников (Creel, 1970, Васильев Л.С., 1983, с. 271-276) - А.К.), захватили их быков и лошадей» (ЧГЦ, с. 434, цит. по: К. Васильев, 1968, с.211. см. Мэн Вэньтун, 1958, с.101).

В этой речи «Су Циня» (который, впрочем, может быть и его младшим братом Су-Даем, см. ЧГЦ, с. 427, прим. 1, с. 445-446, прим. 38) упоминаются также военные столкновения царств Ци, Чу, Цинь, Хань, Вэй, зафиксированных в «Ши цзи» по хроникам отдельных государств и относящихся к 303-298 гг. до н.э. (ЧГЦ, с. 431, ШЦ, 2, с. 735-737). Таким образом, только период с 298 по 285 гг. до н.э. может быть принят как время произнесения приведенной речи независимо от того, кому из братьев Су она принадлежала.

Казалось бы, два приведенных отрывка о нападениях враждебных варваров на яньских союзников-лоуфаней могут отражать одно и то же историческое событие, то есть «Су-цзы» (в 298-285 гг. до н.э.) мог напомнить Минь-вану ситуацию 314-311 гг. до н.э., сложившуюся как раз во время оккупации яньской территории цискими войсками. Об этом говорит и комментарий к «Чжаньго цэ» из издания Бао Бяо «Бао бэнь», который относит описываемую Су Цинем войну Ци и Янь ко времени «[Цзы-]чжи и Гуай[-вана]» в Янь (ЧГЦ, с. 435, прим. 16). Тогда этнонимы «сюнну» и «ху» обозначают один и тот же народ. Однако во время похода Минь-вана на царство Янь никаких крупных сражений вообще не было. Народ, ненавидевший узурпатора Цзы-чжи «до мозга костей», встречал циские войска хлебом-солью, цисцы беспрепятственно дошли до яньской столицы, ворота которой им открыли сами жители (см. напр. яркое описание этих событий в средневековом романе «Дун Чжоу лего чжи»: Фэн Мэнлун, 1997, с. 1002-1103). С другой стороны, горы Хуань, судя по всему, находятся в глубине территории Ци. Комментарий из издания «Бао бэнь» говорит, что эти горы располагаются на границе царств Ци и Лу (ЧГЦ, с. 435, прим. 14), то есть за сотни километров от яньских границ. Горы с таким названием Шан Уинь в своем словаре упоминает только на территории уезда Туншань провинции Цзянсу (ЧГГЦДМДЦД, с. 715). Так что скорее всего речь в приведенном отрывке идет о нападении Янь на Ци, что ни в коем случае не могло иметь место во время яньской смуты, связанной с неудачным правлением Гуай-вана.

Таким образом, в «Чжаньго цэ» и «Шо юань» упоминаются два различных, происходивших в разное время нападения на яньских лоуфаней: одно - со стороны неких «ху», а другое - со стороны «сюнну». Считать эти тексты восходящими к одному первоисточнику невозможно. Тем самым отпадает один из основных аргументов в пользу того, что слово «сюнну» в «Шо юань» могло появиться в результате изменения текста первоисточника, где упоминались «ху», «сохранившиеся» в тексте «Чжаньго цэ».

Лоуфани неоднократно упоминаются в исторических источниках - сначала «на север» от Цзинь, а затем и от Чжао (то есть на севере нынешней провинции Шаньси) (ШЦ, 9, с. 2883, ШЦ, 9, с. 2885), в конце IV в. до н.э. их помещают «на запад от Чжао» (ШЦ, 6, с. 1805, 1809, ЧГЦ, 657), в 297 году до н.э. чжаоский Чжуфу (Улин-ван) встречается с их ваном на запад от Чжао, на «Сихэ», то есть «Западной Реке» (восточный отрезок излучины Хуанхэ) (ШЦ, 6, с. 1813), в конце III - конце II в. до н.э. их местопребывание - в «Хэнань» (Ордосе) (ШЦ, 8, с. 2719; 9, с. 2890, 2906, 2923). Скорее всего, источники отражают реальное перемещение лоуфаней в Ордос на рубеже IV-III вв. до н.э. вследствие

разгрома этого племени чжаоским Улинваном (Мэн Вэньтун, 1958, с. 95, сводку сообщений о расселении лоуфаней см.: Ковалев, 1999, с. 77). Таким образом, наиболее вероятное размещение лоуфаньских кочевий, подвластных Янь, на которые могли нападать как «ху», так и сюнну до конца IV века до н.э. - земли к западу от тогдашней границы Янь, в районе сегодняшнего Датуна.

Лоуфани, «подведомственные» либо дружественные Янь, не могут считаться домыслом автора-составителя «Шо юань» и «Чжаньго цэ» Лю Сяна либо кого-либо другого из позднейших авторов. При раскопках кладбища нижней столицы царства Янь была исследована относящаяся к позднему периоду Чжаньго могила М20 с богатым инвентарем, включавшим, с одной стороны, яньские сосуды, вооружение, колесничное снаряжение, а с другой стороны, набор великолепно исполненных китайскими (видимо, яньскими) мастерами, предметов вооружения и золотых украшений, выполненных в «алтайском» зверином стиле (Янь ся ду, 1998, с. 678-715). Эти предметы ювелирного искусства аналогичны находкам из погребения Сигоупань М2 того же времени, исследованного в Ордосе (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 351-371). В том числе здесь было обнаружено 7 серебряных бляшек для украшения конской узды, подобных найденным в М20, на оборотной стороне которых, как и на предметах из яньской столицы, китайским мастером указан точный вес драгоценного металла. В моей статье 1999 г. подробно рассматривается феномен проникновения на территорию варварских племен Ордоса т.н. «алтайского» или «пазырыкского» звериного стиля (Ковалев, 1999). Поскольку его проявления были обнаружены только в «элитных» погребальных комплексах высшего слоя кочевого общества Ордоса конца IV-III вв. до н.э., и эти специфически «пазырыкские» образы доживают в пластике Северного Китая до II в. до н.э., мною был сделан вывод о том, что «алтайские» идеологические представления с конца IV по конец II в. до н.э. стали ведущими именно для элиты ордосского кочевого общества, каковым в это время по данным исторических источников могли быть только лоуфани либо союз племен, возглавлявшийся неким «ваном» лоуфаней и байян, продержавшиеся в Ордосе до походов Вэй Цина в 128 г. до н. э.

Таким образом, могила М20 в яньской столице показывает высокое положение в яньском обществе именно представителя племени лоуфаней, который, несомненно, в ней был захоронен. Эта находка должна существенно укрепить наше доверие к разбираемым историческим источникам, поскольку до нее трудно было даже предполагать достоверность сообщения о «уездах лоуфаней в Янь», то есть о прямом включении варварского кочевого населения в административную структуру этого государства. Видимо, поэтому и К.В. Васильев в своем переводе, как мы показали выше, опустил слово «сянь» («уезд»), включив вместо него слово «владение».

В текст главы 81 «Ши цзи» «Лян По, Линь Сянжу лечжуань» включено описание разгрома племен северных кочевников (включая «сюнну»), учиненного Ли Му, военачальником царства Чжао, на севере чжаоских земель: «Ли Му, служивший в северных пограничных областях царства Чжао..., постоянно пребывал в Дай или Яньмэне (в переводе В.С.Таскина - «в созданном на землях владения Дай округе Яньмэнь» (Таскин, 1968, с. 63); этот перевод следует ошибочному комментарию танского Чжана Шоуцзе (737 г. н.э.) (ШЦ, 8, с. 1449), исходившего из того, что Яньмэнь располагался на землях т.н. «владения» Дай; однако ко времени Ли Му в Чжао уже были образованы как округ Яньмэнь, так и самостоятельный округ Дай (ШЦ, 9, с. 1885; Ян Куань, 1957, с. 535) - А.К.), готовый отразить нападение сюнну.... Вдоль границы были поставлены башни с сигнальными огнями... Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел... Узнав об этом, сюннуский шанъюй вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му... развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннуских конников. Он уничтожил [племена] даньлань, разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шанъюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао (в переводе В.С. Таскина - «к пограничной стене» (Таскин, 1968, с. 64), однако в тесте оригинала однозначно говорится о пограничных укрепленных городах («бянь чэн» - см. ГДХЮЦД, с. 85), а не о стене («чанчэн») или укреплениях («сай») - А.К.)» (ШЦ, 8, с. 2449-2450; цит. по: Сыма Цянь, VII, с. 258-260). Эти события не могут быть датированы вре-

менем позже 244 года, когда Ли Му направили в поход против царства Янь (ШЦ, 8, с. 2450; см. Сыма Цянь, VII, с.260). Сюн Цуньжуй относит этот разгром кочевников к 265-245 гг. до н. э. (Сюн Цуньжуй, 1983, с. 111). Об этой же победе Ли Му говорит в главе 102 «Ши цзи» Фэн Тан: «Ли Му... на севере прогнал шанъюя, нанес поражение дунху, уничтожил даньлинь...» (ШЦ, 9, с. 2758, см. также Таскин, 1973, с. 145). Слова «уничтожил даньлинь» из главы 102 «Ши цзи» могли появиться, самое вероятное, в результате ошибки при переписке фразы, воспроизведенной в вышеприведенной редакции в главе 81 «... уничтожил даньлань, разгромил дунху, принудил сдаться линьху» или осмысленного сокращения названий этих племен. Так что племени даньлинь, скорее всего, не существовало вовсе. Комментатор Жу Чунь (189-265 гг.) идентифицировал это несуществующее племя даньлинь с одним из племен, участвовавших в походе - с линьху (ШЦ, 9, с. 2885).

Отрывки однозначно повествуют о сюнну как особом племени, поскольку в тексте упоминается предводитель сюнну с титулом *шаньюя*, описание действий которого встроено в общий ряд с сообщениями о судьбе иных варварских народов. Л.А. Боровкова предлагает считать эпизод главы 81, описывающий борьбу Ли Му с сюнну, позднейшей вставкой на том основании, что упомянутые масштабы победы совершенно нереальны, тем более что в других местах «Ши цзи» об этом умалчивает (Боровкова, 1990, с. 4-5). Однако, во-первых, преувеличение военной мощи своих армий и армий противника - общее место многих классических сочинений Китая; во-вторых, как мы видели, об этой победе говорится еще и в главе 102, в-третьих, локализация сюнну совпадает с данными приведенного отрывка из «Шо юань». Поэтому вероятное преувеличение масштабов победы не должно быть поводом для отвержения этого текста.

Местность, где Ли Му одержал победу над силами шанъюя, определяется достаточно точно. Это - территория царства Чжао в округах Дай и Яньмэнь (см. ЧГЛШДТЦ, 1, л. 37-38). Северная граница Чжао в это время проходила по линии длинных стен чжаоского Улин-вана, которые прослежены у южного подножия гор Иньшань от Баотоу и далее на восток до уезда Чжоцзы (Внутренняя Монголия) (Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981, с. 21-24, рис. 1; Ли Синшэн, Хао Липин, 1994), что соответствует сведениям «Ши цзи» («Он (Улин-ван) построил длинную стену, которая протянулась от Дай вдоль подножия гор Иньшань до Гаоцюэ и служила укрепленной границей» (ШЦ, 9, с. 2885, цит. по: Таскин, 1968, с. 37)). Судя по тому, что Ли Му вынужден был поставить вдоль своего участка границы «башни с сигнальными огнями», его войска размещались на том отрезке границы Чжао, который стенами защищен не был, то есть восточнее современного Чжоцзы. В пользу такой локализации говорит и то, что армия Ли Му не заходила в округ Юньчжун, располагавшийся к западу от Яньмэня и защищенный длинной стеной. С востока же земли Чжао здесь ограничивались территорией царства Янь. Ко времени Ли Му яньские земли были расширены на севере за счет захвата земель, принадлежавших племени дунху, и обнесены длинной стеной (ШЦ, 9, с. 2886, см. Таскин, 1968, с. 37). Исходя из этого сообщения «Ши цзи», длинная стена, построенная по северной границе Янь, должна была оканчиваться с запада в округе Шангу. Археологически яньские стены прослежены на запад до Чжанбэя (Чжэн Шаоцзун, 1981, с. 36, рис. 1). Таким образом, наиболее вероятная дислокация соединений Ли Му - между современными Чжанбэем и Чжоцзы (по прямой с запада на восток около 180 км). Согласно «Ко ди чжи», *даньлинь* в эпоху Чуньцю обитали в танском округе Шочжоу, управление которого находилось в Маи (ШЦ, 9, с. 2885, прим. 11, КДЧ, с. 81-82), то есть на севере Шаньси и прилегающих землях АР Внутренняя Монголия (см. Малявкин, 1981, с. 107), что полностью соответствует нашим выводам.

В период объединительных войн будущего императора Ши-хуанди из Цинь в Янь бежал изменивший своему государю полководец в чине *цзянцзюня* Фань Уци. Прибытие Фань Уци в Янь создало большую проблему для яньского правящего дома, поскольку это могло послужить предлогом для нападения циньских воиск, только что завоевавших соседнее царство Чжао. «Чжаньго цэ» передает высказанные в связи с этим слова наставника Цзюй У, обращенные к наследнику яньского престола (*тайцзы*) Даню (глава 31 «Янь 3», параграф «Цинь бин Чжао бэй сян ин Янь»): «Для *тайцзы* желательно срочно направить *цзянцзуня* Фаня к *сюнну*, чтобы избавиться от него. Прошу на западе объединиться с тремя Цзинь, на юге связаться с Ци и Чу, на севере договориться с *шанъюем*, после чего будет допустимо это организовать» (ЧГЦ, с. 1129). Бегство Фань Уци от правителя Цинь относится к 228 году до н.э. (Сюн Цуньжуй, 1983,

с. 111). Об аутентичности текста «Чжаньго цэ» мы уже говорили выше. Кроме этого, в речи Цзюй У упоминается *шаньюй* - титул предводителя хунну. Таким образом, этот отрывок также можно использовать в целях локализации сюнну.

Как уже говорилось, земли Янь в это время простирались к западу до района Чжанбэя. На востоке же северная яньская граница доходила до Ляоси. (Ян Куань, 1957, с. 536-537, ЧГЛШДТЦ, 1, л. 39-40). Однако на север от Янь к тому времени оставались еще «отброшенные на север» племена дунху. Это следует из нижеприводимого отрывка, а также из сообщения главы 43 «Чжао ши цзя» за 273 год до н.э. о землях в Дай, «подвергавшихся нападениям дунху». Восточный отрезок северной границы в Ляодуне и Ляоси отделял яньские земли от древнекорейских племен емек (Бутин, 1982, с. 42-73). Таким образом, ставка шаньюя хунну могла находиться только на западном отрезке северных яньских рубежей.

Последний отрывок относится уже к описанию свершений шанъюя Маодуня (конец III века до н.э.):

«Правитель дунху, еще более возгордясь, начал захватывать земли на западе. Между [дунху] и сюнну пролегала брошенная земля, на которой на расстоянии более 500 ли никто не жил; и те и другие жили по ее краям, образуя оуто.» (ШЦ, 9, с. 2889; цит. по: Таскин, 1968, с. 38, 39). Из этого текста следует, что сюнну жили на запад от дунху, причем на расстоянии более 200 км. В то же время дунху, отброшенные в первой половине IV века яньскими войсками к северу «на 1000 ли» (ШЦ, 9, с. 2886, см. Таскин, 1968, с. 37), обитали теперь на север от вышеуказанной яньской длинной стены. Таким образом, земли сюнну могли находится по отношению к северной границе Янь только на северо-западе.

Таким образом, все четыре вышеприведенных отрывка относят действия хунну в конце IV-III вв. до н. э. к одной и той же местности - территории Внутренней Монголии к северу от границ современной провинции Шаньси, к северо-западу от границ провинции Хэбэй. Эта локализация совпадает с позднейшим местоположением ставки шаньюя «напротив [округов] Дай и Юньчжун» (см. Таскин, 1968, с. 40), которая, как справедливо замечает С.С. Миняев, могла оставаться на традиционном месте (Миняев, 1990, с. 152, 1998, с. 80).

Имеется еще один комплекс менее достоверных, но весьма вероятных упоминаний хунну в письменных источниках доханьской эпохи.

При создании глав 5 и 6 «Ши цзи» «Цинь бэнь цзи» («Основные записи (о деяниях дома) Цинь» и «Ши-хуан бэнь цзи» («Основные записи [о деяниях Цинь] Ши-хуана») Сыма Цянь, несомненно, широко использовал циньскую летопись - «Записи дома Цинь», сохранившуюся к его времени. («Тогда я последовал за «Записями дома Цинь», продолжив [описание событий] после хроники «Чуньцю» (ШЦ, 2, с. 687; цит по: Сыма Цянь, III, с. 233). На это указывает и М.В. Крюков во вводной статье к русскому переводу «Основных записей» (Сяма Цянь, I, с. 92). Таким образом, в труде Сыма Цяня, именно в этих главах, весьма вероятно точное воспроизведение текста оригинала «Записей дома Цинь», в том числе используемых там этнонимов. В этой связи следует обратить внимание еще на несколько эпизодов.

В 318 г. до н. э. «войска княжеств Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци, ведя за собой отряды сюнну, совместно напали на Цинь» (ШЦ, 1, с. 207; цит по: Сыма Цянь, II, с. 42-43). Г. Халоун не сомневался в том, что слово «сюнну» в тексте Сыма Цяня восходит к эпохе Чжаньго и считал эту фразу первым дошедшим до нас упоминанием сюнну в исторических источниках (Haloun, 1922, S. 433, 1926, S. 130). Мэн Вэньтун замечает, что в «Чжаньго цэ» при описании планов нападения пяти княжеств на Цинь в 318 году в том же контексте действуют ицюйские жуны, из чего он делает вывод о генетической связи этих племен (Мэн Вэньтун, 1958, с. 106-107). Правда, с таким же успехом можно предположить, что ицюйские жуны были союзниками пяти царств, а сюнну, например, чем-то вроде наемников, которых «вели за собой». Поскольку сюнну при описании этого похода более не упоминаются, Л.А. Боровкова считает их упоминание в этом отрывке позднейшей вставкой (Боровкова, 1990, с. 3-4).

Далее в главе «Цинь бэнь цзи» сообщается о походе против «сюнну» в 214 г. до н. э.:

«Тогда (215 г.) Ши-хуан послал военачальника Мэн Тяня на север с трехсотысячной армией для нападения на ху. В результате [войска] захватили земли Хэнани (к югу от северного отрезка излучины Хуанхэ - А.К.). На тридцать третьем году (214 г.)... на северо-западе [Ши-хуан] вытеснил и прогнал [пле-

мена] сюнну. От Юйчжуна вдоль реки на восток вплоть до гор Иньшань [он] учредил тридцать (сорок?) четыре уезда, построил стену вдоль Хуанхэ в качестве заслона (в оригинале «чэн (обносить стеной) хэ (река) шан (верх, верхнее течение) вэй (в качестве) сай (укрепление, застава)» - А.К.).

Снова послал Мэн Тяня перейти [с войсками] Хуанхэ; [Мэн Тянь] занял Гаоцюэ, [Тао] [Янь]шань и Бэйцзя, где соорудил заставы и вышки, чтобы отгонять жунов.» (ШЦ, 1, с. 253; цит. по: Сыма Цянь, II, 75).

Итак, перевод Р.В. Вяткина не может быть принят без существенных корректировок. Аналогичное словосочетание «хэ вэй сай» использовано в той же главе 6 за 26 годом Цинь Шихуана (219 г. до н.э.), где Сыма Цянь описывает границу империи Цинь на более раннем этапе, до захвата земель кочевников. Здесь это выражение переведено Р.В. Вяткиным, на мой взгляд, более корректно: «[земли Цинь] ... на севере тянулись вдоль Хуанхэ, служившей им заслоном» (ШЦ, 1, с. 239, см. Сыма Цянь, II, с. 65). Столь близкая аналогия в рассказе об одном и том же регионе подтверждает вывод о том, что автор «Ши цзи», обратившись к вопросу о расширении северных границ, имел в виду дальнейшее укрепление упоминавшегося им естественного рубежа по Хуанхэ. В связи с замечаниями по тексту нами предлагается следующая редакция: «... обнесли стеной [Хуан]хэ в верхнем течении, бывшую [естественным] пограничным заслоном». Исходя из того, что под именем Иньшань в ханьское и доханьское время подразумевались не только горы, носящие это имя сегодня, но и горный массив, простиравшийся к востоку от них (см. ШЦ, 1, с. 239, 9, с. 2885, ХШ, 11, с. 3803, согласно комментарию «Хуй чжэн» горами Иньшань назывался горный район на северо-восток от излучины Хуанхэ, современные горы Шибадантушань в аймаке Улато АР Внутренняя Монголия: ЛГГЦЧЦХБ, с. 14, прим. 59), можно считать, что линия пограничных крепостей-уездов могла доходить к востоку до циньского округа Шангу.

Те же события описаны Сыма Цянем в «Хронологических таблицах» (глава 15), главах 88 «Мэн Тянь лечжуань» и 110 «Сюнну лечжуань», а также упоминаются в трактате Цзя И, включенном в текст главы 6.

В «Хронологических таблицах» («Ши цзи», глава 15) вышеуказанные события излагаются под 33 годом правления Ши-хуана (214 г.).

«... На северо-западе, на захваченных у жунов землях (в оригинале «си бэй (на северо-западе) цюй (в данном контексте корректнее перевести «разгромили и овладели землями» - см. ЧГХЮЦД, с. 1290) жун» - А.К.), создал 44 (34) уезда. Построил великую (? - А.К.) стену (в оригинале «чан чэн», что корректнее переводить как «длинная стена», как обозначаются любые длинные стены, строившиеся китайскими княжествами в эпоху Чжаньго; словом «великая» в русскоязычной литературе обычно обозначают «объединенную» стену эпохи централизованных империй - А.К.) вдоль Хуанхэ (в оригинале «хэ шан (в верховьях реки)» - А.К.). Мэн Тянь возглавил трехсоттысячное войско.» (ШЦ, 2, с. 757-758, цит. по: Сыма Цянь, III, с. 318).

В переводе Л.А. Боровковой это место выглядит так: «На северо-западе овладели [землями] жунов и образовали [на них] 34 уезда. Мэн Тянь командовал трехсоттысячным войском» (Боровкова, 1990, с. 6).

Оснований излагать текст в форме причастного оборота «на захваченных у жунов землях», что делает Р.В. Вяткин, в оригинале нет. В этой части перевод Л.А. Боровковой ближе к оригиналу как синтаксически, так и грамматически, не говоря уже о стилистике источника (краткие сообщения в табличном варианте). Кроме этого, перевод иероглифа «цю» в смысле «разгромить [жунов] и завоевать их земли» соответствует повествованию о тех же событиях в главе 6, где Р.В. Вяткин переводит: «вытеснил и прогнал [племена] сюнну» (см. выше) (ШЦ, 1, с. 253; цит. по: Сыма Цянь, II, с. 75). Оба перевода без указаний на сомнительность такой трактовки помещают новые уезды на «захваченные у жунов земли», хотя перевести текст в целом можно и как два совершенно не связанных между собой предложения: «На северо-западе разгромили жунов и захватили их земли. Создали 44 (34) уезда». В этой редакции перевод корреспондируется с текстом главы 6 (см. выше) (ШЦ, 1, с. 253). Словом «хэшан» обозначается верхнее течение реки. Поэтому последнюю фразу следует переводить как «построили длинные стены в верхнем течении реки [Хуанхэ]». Такой перевод соответствует вышеприведенной фразе из главы 6 «обнесли стеной Хуанхэ в верхнем течении» ((ШЦ, 1, с. 253; цит. по: Сыма Цянь, II, с. 75).

О тех же событиях повествуется и в главе 110 «Ши цзи»:

«В дальнейшем, после того, как Цинь уничтожило шесть царств, [император] Ши-хуан приказал Мэн Тяню во главе войска численностью в 100000 человек напасть на севере на ху. [Мэн Тянь] (?- А.К.) отвоевал обратно все земли к югу от реки (Хуанхэ) (в оригинале - «си шоу хэ нань ди («полностью отобрал земли Хэнань») - А.К.), создал вдоль Хуанхэ укрепления (в оригинале «инь хэ вэй сай (в результате река стала рубежом) - А.К.», построил 44 уездных города у реки и заселил их преступниками, приговоренными к ссылке на границу.» (ШЦ, 9, с. 2886, цит. по: Таскин, 1968, с. 37).

В переводе Л.А. Боровковой начало этого отрывка выглядит так:

«Позже [царство] Цинь уничтожило шесть царств и Ши-хуанди послал Мэн Тяня вести трехсоттысячное войско на север ударить по хусцам. [Мэн Тянь] полностью овладел землями к югу от [Хуан]хэ, и Хуанхэ стала рубежом. Построили 44 уездных города вдоль [Хуан]хэ и переселили ссыльных и жунов, чтобы заполнить их» (Боровкова, 1990, с. 6).

Перевод Л.А. Боровковой выполнен более корректно. Фраза о постройке 44 городов вдоль Хуанхэ в оригинале безлична и приписывать эти и последующие по тексту достижения Мэн Тяню, как это сделал Р.В. Вяткин, нет оснований. Таким же образом, безличными оборотами, переводит этот отрывок и Де Грот (De Groot, 1921, S.39). В главе 88, специально посвященной жизнеописанию Мэн Тяня, к его личным достижениям отнесены разгром варваров «на севере» и захват «Хэнань», строительство длинных стен (неизвестно где!), приведение в порядок существовавших укреплений вдоль всей границы, переправа через Хуанхэ к горам Иньшань. Разгром варваров «на северо-западе» и основание 44 (34) уездных городов-крепостей по Хуанхэ, в том числе в районе Юйчжуна, здесь не упоминаются. (ШЦ, 8, с. 2565-2566; De Groot, 1921, S. 44). О словосочетании «хэ вэй сай» говорилось выше. Перевод Л.А. Боровковой в этой части соответствует тексту глав 6 и 15 (ШЦ, 1, с. 253). Иероглиф «си» («полностью») - в оригинале предшествует иероглифу «шоу» («отбирать»), а не словам «хэнань ди», и таким образом является дополнительной характеристикой действия, а не размеров местности, отобранной Мэн Тянем. Говорить о захвате всех земель Ордоса на этом основании нельзя. Перевод Л.А. Боровковой в этой части выполнен более корректно. Слово «Хэнань» может, конечно, обозначать все земли к югу от реки, то есть весь Ордос, однако так могла обозначаться и совершенно определенная местность, которая могла занимать меньшую площадь, по аналогии с Хэси («к западу от реки», округ в Вэй), Хэнань (ханьский округ на территории современной провинции Хэнань), Хэшан («верхнее течение реки», ханьский округ в современной провинции Шэньси), Хэдун («к востоку от реки», ханьский округ в современной провинции Шаньси) и т.п.

Приведенные отрывки наглядно показывают, что кампания «на северо-западе» против «сюнну», о которой говорится в главе 6 и упоминается в «Хронологических таблицах» за 33 год правления Цинь Ши-хуана, не связана в тексте «Ши цзи» с деятельностью Мэн Тяня, с походом на кочевников в северном направлении, с учреждением уездов по Хуанхэ и далее на восток, а также с постройкой новой длинной стены в верхнем течении Хуанхэ. Более того, кроме этого похода все перечисленные события происходили на север от столицы империи.

Мэн Тянь был направлен с войсками «на север» согласно всем источникам. Захватил он земли «Хэнань», то есть часть(?) Ордоса, что прямо на север от циньских земель.

Под топонимом «хэ шан», обозначающим место, где Мэн Тянем были построены укрепления, можно понимать в этом контексте только верхнее течение Хуанхэ на восточном участке ее излучины, где река несет свои воды с севера на юг. В конце 205 года до н.э., как сообщает глава 8 «Ши цзи» «Гао-цзу бэнь цзи», были «приведены в порядок укрепления в верхнем течении реки [Хуанхэ]» (ШЦ, 2, с. 369). Перевод Р.В. Вяткина («Были приведены в порядок и достроены укрепления [вдоль границ] области Хэшан») (Сыма Цянь, II, с. 176) здесь не может быть использован, поскольку искажает смысл источника. Во-первых, иероглифы «шаньчжи» означают не «достроил», а «привел в порядок», «отремонтировал» (ГДХЮЦД, с. 1366). Во-вторых, ни о какой «области» в оригинале не говорится. Включение слова «область» увязывает эти укрепления с округом Хэшан, учрежденным Гао-цзу в центральной части ханьских земель (ШЦ, 2, с. 369). Поскольку и в этом сообщении использовано выражение «хэ шан сай», которое мы видим и в рассматривавшихся

отрывках из глав 6 и 15, можно считать, что здесь говорится о той же линии укреплений, которая была построена Мэн Тянем в северной части восточного отрезка излучины Хуанхэ. Комментарий сунского Пэй Иня «Цзи цзе» к этому отрывку приводит цитату из жизнеописания западноханьского Чао Цо, включенного в «Хань шу» (ШЦ, 2, с. 370). В тексте «Хань шу» (глава 49) слова Чао Цо, обращенные к императору, звучат так: «...в циньское время на севере напали на хумо, построили укрепления в верхнем течении реки [Хуанхэ] («чжу сай хэ шан» - А.К.), на юге напали на янских юэ, устроили там пограничные гарнизоны» (ХШ, 8, с. 2283). Таким образом, Чао Цо под словами «сай хэ шан» также имел в виду укрепленную линию в верхнем течении Хуанхэ именно на север от коренных земель Цинь, в противопоставлении пограничным гарнизонам на юге. Упоминание «хэшан сай» за 205 годом до н. э. в главе 7 «Ши цзи» означает, что земли «к югу от реки», которые защищала эта оборонительная линия, к тому времени еще оставались под властью Срединного государства, что полностью корреспондируется с сообщением Сыма Цяня о том, что на момент вторжения Маодуня в Ордос (которое можно датировать в пределах 204-203 гг. до н. э., см. Боровкова, 1990, с. 7-11) там находились как племена лоуфань и байян, так и территории, контролируемые империей Хань (ШЦ, 9, с. 1890). Китайскими археологами исследована длинная стена, которая находится именно в этих местах - от современного Юйлиня в провинции Шэньси до Токото на севере, однако они считают это сооружение более ранним, относящимся ко времени циньского Чжао-сян-вана, поскольку укрепления Мэн Тяня, по их мнению, должны были располагаться к западу от излучины Хуанхэ, и Цинь Ши-хуан якобы захватил весь Ордос (Ши Няньхай, 1981, 1981а). Это не соответствует действительности. Кроме косвенного указания на то, что на территории Ордоса к концу III в. до н.э. находились не только ханьские владения, но и племена лоуфаней и байян, Сыма Цянь прямо пишет, что «старая укрепленная линия к югу от реки» (то есть длинные стены циньского Чжао-сян-вана, в противопоставлении «новой» линии - стенам Мэн Тяня) в районе южнее реки («Хэ-нань») проходила от Чжаона до Фуши (ШЦ, 9, с. 2890), то есть от сегодняшней Гуюани до современного Суйдэ, где археологически исследован другой, южный отрезок стены (Ши Няньхай, 1981, с. 60-64). Поэтому более северные земли собственно Ордоса при Чжао-сян-ване циньцы не контролировали, и стена на север к Токото могла быть построена только Мэн Тянем. Более того, в 127 году до н.э., по сообщению «Сюнну лечжуань», в результате похода Вэй Цина хань «восстановила укрепленную линию, воздвигнутую Мэн Тянем при бывшей династии Цинь» (ШЦ, 9, с. 2906, цит. по Таскин, 1968, с. 52). Эта линия могла находиться только в Ордосе, а не к западу от него, поскольку согласно общепринятой точке зрения в западноханьское время Китай всем Ордосом не владел, и с запада кочевники свободно проходили через Хуанхэ на то плато (см. ЧГЛШДТЦ, 2, л. 17-18).

Последний и неотразимый аргумент в пользу того, что укрепления, воздвигнутые Мэн Тянем, проходили в восточной части Ордоса - личные наблюдения Сыма Цяня во время одного из его путешествий. В 110 г. до н.э. он возвращался в ханьскую столицу с «северной границы» (как буквально сообщается в тексте «Ши цзи») и по пути видел остатки этих стен. «Я выезжал на северную границу, возвращался в столицу по прямому тракту и видел пограничные башни длинных стен, построенных Мэн Тянем по приказу Цинь» (ШЦ, 8, с.2570). И далее: «Срывали горы, засыпали ложбины - прокладывали прямой тракт. Как дешево ценили труд простого народа!» (ШЦ, 8, 2570, цит. по: Крюков, 1972, с. 23). Под «прямым трактом» здесь однозначно подразумевается дорога, построенная Мэн Тянем по приказу Ши-хуана из столицы по прямой через территорию Ордоса до Цзююани на берегу излучины Хуанхэ (отрывок взят из жизнеописания Мэн Тяня и характеризует его достижения; фраза «срывали горы, засыпали ложбины» применяется в тексте «Ши цзи» и «Шо юань» (глава 20) именно к строительству прямой дороги Мэн Тянем (ШЦ, 1, с. 256, 8, с. 2566, 9, с. 2886; см.: Сыма Цянь, II, 78, Таскин, 1968, с. 37, Шо юань, с. 649) (о проблеме «прямого тракта» и локализации Цзююани см. ниже). Таким образом, Сыма Цянь, проезжая по «прямому тракту» по территории Ордоса, видел невооруженным глазом укрепления Мэн Тяня. Это было бы совершенно невозможно, если бы эти укрепления находились с запада от излучины, самое малое в двухстах километрах от «прямого тракта», даже если Цзююань, как считает ряд исследователей, находилась около Баотоу. Свидетельство самого Сыма Цяня не оставляет

места вольным интерпретациям его слов и доказывает, что длинные стены, идущие от сегодняшнего Юйлиня к Токото, были построены именно Мэн Тянем и отгораживали, тем самым, небольшой участок на востоке Ордоса в верхнем течении восточного отрезка излучины Хуанхэ («хэ шан»).

Что же касается организации новых уездов вдоль Хуанхэ, то и они, если строго следовать тексту «Ши цзи», были созданы не «вокруг» излучины реки с запада, а на север и северо-восток от Ордоса. Локализация этих уездов зависит от того, куда можно поместить упоминаемый в тексте главы 6 Юйчжун. Китайские историки и археологи исходят из сведений «Шуй цзин чжу», комментария «Инь и» и комментария «Цзи цзе» сунского Пэй Иня, идентифицировавших этот Юйчжун с одноименным уездом, образованным позже на землях близ Ланьчжоу, в ханьском округе Цзиньчэн (ШЦЧ, глава 2 «Хэ шуй 2», с. 31, ШЦ, 1, с. 253, прим. 7, ХШ, 6, с.1610-1611). Таким образом выходит, что цепь пограничных уездов Ши-хуана тянувшаяся «вдоль Хуанхэ», охватывала всю излучину реки - до гор Иньшань. Из этого следует, что первым императором Цинь был захвачен весь Ордос. Соответственно, построенные Мэн Тянем длинные стены должны были охватывать излучину Хуанхэ с запада. Такое видение исторических событий отражено в ряде атлатей и исторических карт. (Чжунго лиши дитуцэ, 2, л. 5-6; Ши Няньхай, 1978, с.63-65, 1981, с.65-66; Оу Янь, 1987, с. 16-17). В то же время «стены Мэн Тяня» с запада от излучины Хуанхэ не видели ни средневековые географы, ни современные археологи. От Ланьчжоу до гор Иньшань уезды не могли располагаться «вдоль реки на восток», поскольку на этом участке Хуанхэ несет свои воды на север. Само толкование отрывка из главы 6 «Ши цзи» в смысле «на восток вплоть до Иньшань», исходя из того, что имя Иньшань носили - по словам самого Сыма Цяня - горы, располагающиеся северо-восточнее излучины Хуанхэ, допускает размещение цепи уездных городов на восток вплоть до округа Шангу. Таким образом, локализация Юйчжуна в Ганьсу создает ряд существенных трудностей и заставляет «домысливать» текст источника. Однако историческая география Китая говорит и о другом Юйчжуне, в районе северо-восточного поворота излучины Хуанхэ (ЧГГЦДМДЦД, с. 1027). Согласно «Ко ди чжи» (КДЧ, с. 65), этот Юйчжун располагался на месте танского уезда Юйлинь округа Шэнчжоу. Танский уезд Юйлинь располагался по северной части западного отрезка излучины Хуанхэ на территории современного АР Внутренняя Монголия (Малявкин, 1981, с. 125, прим. 117). В отличие от «западного» Юйчжуна, эта местность упоминается даже в доханьских источниках. В «Чжаньго цэ» (глава 19 «Чжао 2». Параграф «Ван по Юаньян» говорится о Юйчжуне при рассказе о военных достижениях правителя царства Чжао Улин-вана: «Вслед за тем ван ввел [в армии] одеяния ху, повел конные [отряды] против ху. Он вышел из «Ворот Забвения», преодолел преграды «Девяти пределов», пересек труднодоступные места «Пяти троп», достиг центра [расселения] ху (в оригинальном тексте - «Юйчжун», однако переводчик последовал комментариям из издания «Бао бэнь», которые предлагают читать «Хучжун» (ЧГЦ, с. 675, прим. 4)), открыл земли протяженностью в тысячу ли» (ЧГЦ, с. 675, цит. по: К.Васильев, 1968, с. 191). Те же события описываются в «Ши цзи» (глава 43 «Чжао ши цзя»). «На двадцатом году [правления, 306 г.] [Улин-]ван отнял земли [царства] Чжуншань вплоть до Нинцзя, на западе отнял земли ху вплоть до Юйчжуна. Ван линьху преподнес лошадей. По возвращении [Улин-вана]... Первый советник царства Дай - Чжао Гу, управляя племенами хусцев, собрал их войска». (ШЦ, 6, с. 1811) Согласно комментариям «Чжэн и», под Юйчжуном здесь имеется в виду северный берег Хуанхэ в области Шэнчжоу (ШЦ, 6, с. 1811, прим. 2). Приводим здесь собственный перевод этого отрывка, поскольку переводы Э. Шаванна, Р.В.Вяткина и Де Грота не могут быть использованы по различным причинам. (De Groot, 1921, S. 35, Chavannes, V, p. 84, Сыма Цянь, VI, с.66)

Наиболее вероятно, что в рассматриваемом отрывке имеется в виду захватнический поход Улин-вана в 306 г. до н.э. против царства Чжуншань, а затем против «ху», в результате которого земли последних «вплоть до Юйчжуна» были присоединены к Чжао. Это соответствует рассказу «Сюнну лечжуань» о выдающихся победах Улин-вана «на севере» над варварами линьху и лоуфань и организации им трех новых округов (видимо, на завоеванных территориях) (ШЦ, 9, с. 2885, см. Таскин, 1968, с. 37). Судя по результатам исследований чжаоских длинных стен (Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981, с. 21-24), в результате этой операции территория царства увеличилась по меньшей мере вдвое и новые территории охватывали как раз северный берег Бэйхэ - северного отрезка излу-

чины Хуанхэ - в районе, где комментатор разместил упомянутый Юйчжун.

Согласно «Чжао ши цзя», Су Ли направил в 283 г. до н.э. письмо чжаоскому вану от имени жителей царства Ци, обеспокоенных враждебным союзом Чжао и Цинь. В этом письме в том числе говорилось о возможных угрозах царству Чжао со стороны Цинь и его союзника - царства Янь: «Если Янь поглотит северные земли Ци, то Вы сократите на триста ли расстояние между Шацю и Цзюйлу, а у ханьского Шандана останется всего сотня [защитных] ли от Ханьданя. Правители Янь и Цинь, замыслив приобрести Ваши, ван, реки и горы и сократив себе путь до Вас на триста ли, быстро пройдут его. [Земли] циньской [области] Шанцзюнь близки к [чжаоской (? - смотри ниже, А.К.)] заставе Тингуань. До [района] Юйчжун тысяча пятьсот ли. Если циньцы из этих трех областей (в тексте «цзюнь», что обычно переводится «округ» - А.К.) нападут на Ваш Шандан, то земли к западу от Янчана и к югу от Гоучжу уже не будут Вам принадлежать, ван» (ШЦ, 6, с. 1817-1818, цит. по Сыма Цянь, VI, с. 71).

«Три области (округа)», о которых говорится в тексте - Цзюйлу и Ханьдань, располагавшиеся к востоку от Чжао, а также округ Шанцзюнь, образованный царством Цинь на землях сегодняшней Шэньси, к юго-западу от Чжао. Перевод Р.В. Вяткина отходит от пунктуации, принятой в современных изданиях «Ши цзи», где фразы о расположении заставы Тингуань и Юйчжуна разделены запятой, а не точкой, то есть вторая фраза может восприниматься как пояснение первой. То же рассуждение от имени Су Циня приводится в тексте «Чжаньго цэ» (Глава «Чжао 1», параграф «Чжао шоу тянься, це и фа Ци»). «Сейчас Янь поглотило ханьскую Хэнань, достигло Шацю, и до границы [в] Цзюйлу [осталось] 300 ли, [Цинь? - вряд ли имеется в виду царство Янь, поскольку его войска не могли дойти в это время до заставы Ханьгуань, где бы она ни размещалась согласно принятым версиям - А.К.] достигло [заставы] Ханьгуань, до Юйчжуна 1500 ли. Если Цинь поглотит ханьский и вэйский Шандан, тогда в округа и уделы, [находящиеся на] территории союзных [Чжао] государств, не будет больше входить 700 ли плодородных и возделанных земель. Если эти три войска Цинь натянут арбалеты, находясь на вершине Янцзюня (в издании «Бао бэнь» - «Яньчана», см. ЧГЦ, с. 610, прим. 11 - А.К.), то это будет на землях, от которых до Ханьданя 20 ли. В дальнейшем (или «вот-вот») эти три циньских войска нападут на Ваш, ван, Шандан, также угрожая ему с севера, тогда [земли] на запад от Гоучжу уже не будут принадлежать Вам, ван.» (ЧГЦ, с. 608).

Сходства и отличия приведенных текстов «Ши цзи» и «Чжаньго цэ», на наш взгляд, позволяют уточнить местоположение Юйчжуна, упоминаемого в обоих источниках. И в «Ши цзи», и в «Чжаньго цэ» упоминание Юйчжуна происходит в конструкции, симметричной упоминанию ханьских и чжаоских территорий, на которые должны напасть войска Цинь: в первом случае - ханьского Шандана, во втором случае - чжаоского Цзюйлу. Из этого уже можно сделать вывод о том, что указанный Юйчжун должен был располагаться на границе Чжао. Использование в этом контексте информации о другом Юйчжуне - том, который расположен недалеко от сегодняшнего Ланьчжоу в сотнях километрах от чжаоских земель и не входил в это время в состав земель Цинь - по меньшей мере бессмысленно. Застава Тингуань, от которой до Юйчжуна должно быть 1500 ли, во втором случае названа заставой Ханьгуань с указанием того же расстояния до Юйчжуна. Если считать заставу Тингуань чжаоским пограничным пунктом, то нужно предположить, что она носила одновременно название «Ханьгуань», либо ошибку переписчика. В то же время застава Ханьгуань известна как пограничный пункт царства Чу на реке Янцзы, укрепленный для защиты от царства Шу, покоренного в конце IV века до н.э. царством Цинь (см. ЦГК, с. 268). Как предполагает «Да ши цзи», «Ханьгуань» было обычным названием для застав в эпоху Чжаньго, и у Чжао должна была быть сухопутная застава с таким именем, а у Чу - речная (по ЧГЦ, с. 610, прим. 8). Поэтому, наверное, авторы «Исторического атласа Китая» поместили заставу Тингуань на территорию Ордоса (где, кстати, никакого чжаоского присутствия никогда не было) (ЧГЛШДТЦ, 1, с. 37-38). Однако из контекста второго отрывка следует, что Ханьгуань - пункт, до которого добрались войска царства Цинь или его союзников, откуда до Юйчжуна 1500 ли. Такой заставой, близ которой в это время однозначно находились крупные соединения циньских войск, являлась как раз чуская застава Ханьгуань, от которой до «северного» Юйчжуна, находящегося на границе царства Чжао, было в точности 1500 ли, то есть около 600 км (см. ЧГЛШДТЦ, 1, л. 45-46) . Поэтому приведенные отрывки из «Ши цзи» и «Чжаньго цэ» могут быть поняты буквально, без дополнительных

построений о неизвестной чжаоской заставе. В них говорится, что царство Цинь и его союзник - царство Янь - могут быстро перебросить свои войска на границы Чжао. Даже от самой южной точки, в которой находится соединение циньских войск - от царства Шу, где они стоят на чуской границе близ заставы Ханьгуань, до северных границ Цинь недалеко, и циньские войска могут быстро пройти расстояние в 1500 ли и оказаться в Юйчжуне - северо-восточном углу излучины Хуанхэ, на западной границе Чжао, что позволит напасть на это царство с северо-запада.

Таким образом, и в этих отрывках с гораздо большей вероятностью имеется в виду «северный», «ордосский» Юйчжун, нежели отстоящий от района стратегического планирования на сотни километров «южный» Юйчжун, находившийся на тот период за пределами китайских государств и о циньском присутствии в котором в то время нет никаких сведений.

Еще одно сообщение о Юйчжуне в эпоху Чжаньго приведено в главе 51 «Хань шу» «Жизнеописание Гу [Шаня], Цзоу [Яна], Мэй [Чэна], Лу [Вэньшу]».

«Мэй Чэн, отвечая У-вану, сказал: «В прежние времена [княжество] Цинь на западе отражало угрозу «ху-жун» (варваров - А.К.), на севере держало наготове заставы Юйчжуна, на юге достигло укрепленной линии цянов и цзэ, на западе противостояло нашествиям «шести государств» (ХШ, 8, с. 2362). В этом отрывке однозначно имеется в виду «северный», «ордосский» Юйчжун.

В 210 г. до н.э., как сообщает глава 6 «Ши цзи», «[Ши-хуан] переселил тридцать тысяч дворов в Юйчжун в районе Бэйхэ (в оригинале «Бэйхэ Юйчжун»), пожаловав [главам семей] один ранг знатности» (ШЦ, 1, с. 259, цит. по Сыма Цянь, II, с. 82). Р.В. Вяткин в своем переводе исходил из комментария «Чжэн и», разъясняющего, что в тексте имеется в виду Юйчжун, располагавшийся в уезде Юйлинь округа Шэнчжоу, то есть в северо-восточном углу излучины Хуанхэ, на Бэйхэ (ШЦ, 1, с. 260, прим. 6).

В главе 7 «Ши цзи» «Сян Юй бэнь цзи» приводится текст письма полководца Чэнь Юя, направленного в 208 г. до н.э. циньскому главнокомандующему Чжан Ханю, где упоминает о печальной судьбе Мэн Тяня: «Мэн Тянь, будучи циньским военачальником, на севере изгнал жунов, устроил [там] земли на протяжении нескольких тысяч ли в [области] Юйчжун, но в конце концов был обезглавлен в Янчжоу» (ШЦ, 1, с. 308, цит. по Сыма Цянь, II, с. 128). Комментарии к этому эпизоду расходятся. «Со инь» приводит мнение Фу Цяня, помещающего Юйчжун в уезд Цзиньчэн, то есть в Ганьсу, а также противоположное суждение Су Линя, считающего Юйчжун областью в пределах округа Шанцзюнь, где находилась ставка Мэн Тяня, то есть в северо-восточном углу Хэтао (ШЦ, 1, с. 309, прим. 6). Контекст данного отрывка вкупе с вышеприведенными сведениями о деятельности Мэн Тяня на северном направлении и о его многолетней деятельности именно в округе Шанцзюнь на Сихэ (ШЦ, 8, 2566) заставляет принять мнение Су Линя.

Итак, все поддающиеся локализации упоминания Юйчжуна применительно к событиям доханьского времени относятся к «северному» Юйчжуну. Исходя из этого, Юйчжун, от которого «на восток вдоль Хуанхэ» располагались циньские новообразованные уезды, также необходимо размещать на севере, то есть в восточной части северного участка излучины Хуанхэ. Такая локализация этого Юйчжуна позволяет снять все указанные выше неясности, появляющиеся при попытке протянуть полосу пограничных уездов от Ланьчжоу до Хух-Хото.

Таким образом, цепь учрежденных Цинь Ши-хуаном на 33 году правления уездов шла по северному берегу северного отрезка излучины Хуанхэ начиная от современного города Баотоу на восток вплоть до границы современной провинции Хэбэй, и говорить о циньской пограничной полосе с запада от Ордоса нет оснований.

Вышеприведенные сведения, а также иные сообщения «Ши цзи» о завоеваниях императора Цинь в 214-212 гг. до н. э. (ШЦ, 2, с.757-758; 8, 2565, 2566; 9, 2887, 2890, 2906, 2923), показывают что мы имеем дело определенно с двумя различными военными кампаниями.

Одна из них проводилась на северном направлении под руководством Мэн Тяня. Противниками циньцев здесь были некие варвары под обобщающими названиями «жунди» или «ху». В результате империя приобрела земли на северо-востоке Ордоса, укрепила район Юйчжуна (от Баотоу на восток), а также земли севернее Хух-Хото. Вокруг захваченных земель в Ордосе (от современного уезда Шэньму до современного города Токото) была построена стена, ограждавшая от нападений варваров стратегически важный путь из Цинь в Янь, обладание которым обеспечивало единство империи Цинь Ши-хуана. В результате анализа письменных источников и сведений о размещении длинных стен эпох Чжаньго выяснилось (в дополнение к «северной» локализации Юйчжу-

на и «хэ шан сай», то есть укреплений в верхнем течении восточного отрезка излучины Хуанхэ), что и «прямой путь», построенный затем на захваченных землях Мэн Тянем из Ганьцюань в Цзююань, проходил восточнее ордосской линии укреплений, которую мы связываем с деятельностью Мэн Тяня, а не был направлен не к современному Баотоу (как утверждают китайские исследователи, уверенные в захвате Цинь Ши-хуаном всего Ордоса, см.: Ши Няньхай, 1975). Этот путь напрямую соединял территории бывших царств Цинь и Янь через Цзююань, которая находилась не с севера от излучины Хуанхэ, а в северном течении восточного ее отрезка (согласно «Ко ди чжи», административный центр циньского округа Цзююань находился в уезде Лянгу танского округа Шэнчжоу, то есть на землях современного уезда Шэньму провинции Шэньси (КДЧ, с. 65, ЧГГЦДМДЦД, с. 857)), и потому имел большое значение для сохранения единства империи (см. ШЦ, 1, с. 264, 6, с. 1811, 1812-1813, с. 7, с. 2298, ЧГЦ, с. 1052)

Вторая кампания разворачивалась на северо-западном направлении - возможно, против «сюнну». Длинная стена, построенная здесь в начале III в. до н.э. циньским Чжао-сян-ваном, то есть граница циньских земель ко времени начала завоевательных походов Ши-хуана, проходила значительно южнее Хуанхэ, от современного Линьтао через Гуюань на Хуаньсянь (Ши Няньхай, 1981, с. 60-62; Чэнь Шоучжун, 1984, с. 88-96; Пэн Сичжу, 1990). Северо-запад с точки зрения циньских хронистов располагался как раз между этой стеной и Хуанхэ, на землях сегодняшнего Нинся-Хуэйского АР КНР. Если наше предположение верно, должны существовать еще какие-либо подтверждения оккупации этих земель войсками империи Цинь.

Согласно ходу событий, воспроизводимому в главе 110 «Ши цзи», после смерти Ши-хуана и начала смуты в империи «сюнну почувствовали свободу, постепенно переправились на южный берег Хуанхэ и стали граничить со Срединным государством по старой укрепленной линии (в оригинале «гу сай»)» (ШЦ, 9, с. 2887-2888, цит. по: Таскин, 1968, с. 38). Под «старой укрепленной линией» подразумеваются, как уже указывалось, стены циньского Чжао-сян-вана (об этом - ЛДГЦЧЦХБ, с. 20-21, прим. 10), построенные от Линьтао до Суйдэ и по (как показано выше - ошибочному) мнению многих исследователей далее на север до Токото (см. Ши Няньхай, 1981; Чэнь Шоучжун, 1984; Пэн Сичжу, 1990). Однако через несколько лет Маодунь «на юге присоединил земли, принадлежавшие правителям (или «правителю» - А.К.) [племен] лоуфань и байян; ...полностью вернул сюннуские земли, отобранные Мэн Тянем по приказу [императора] Цинь и установил с Хань границу по прежней укрепленной линии к югу от Хуанхэ (в оригинале «гу хэ нань сай» - А.К.), до Чжаона и Фуши» (ШЦ, 9, с. 2890, цит по: Таскин, 1968, с. 39). Можно ли считать сообщения о совершенном дважды присоединении земель до «старой укрепленной линии» ошибочными, поскольку на первый взгляд в них просматривается необъяснимый повтор, разрушающий логику изложения событий? На наш взгляд, в этих эпизодах «Ши цзи» автор не допустил ошибки Длинная стена Чжао-сян-вана («гу сай»), как уже говорилось, начиналась на западе близ современного города Линьтао в провинции Ганьсу или еще далее на юго-запад - в уезде Миньсянь провинции Ганьсу (см. Ши Няньхай, 1981, с. 60-61, рис. 7). Однако во втором отрывке говорится о захвате Маодунем земель «до Чжаона и Фуши», то есть прилегающих к восточному участку стен - от современной Гуюани в Нинся до Суйдэ в Шэньси (см. ЧГЛШДТЦ, 2, л. 5-6). Этот участок стен точно назван «хэ нань сай», поскольку он располагается, в отличие от западного отрезка, прямо на юг от излучины Хуанхэ. Таким образом, можно реконструировать следующую непротиворечивую картину событий. Кочевники (возможно, собственно «сюнну») переходят Хуанхэ на юг в районе от Ланьчжоу до Чжунвэя, вновь занимают здесь покинутые китайским населением собственные земли и вплотную приближаются к стенам Чжао-сян-вана на участке от Линьтао до Гуюани. Восточнее, в Ордосе, на этот момент размещаются кочевья лоуфаней и байян, а земли в верхнем течении восточного отрезка излучины Хуанхэ, захваченные Мэн Тянем, продолжают оставаться под властью китайских правителей. На следующем этапе Маодунь покоряет лоуфаней и байян, захватывает ранее завоеванные китайцами земли на востоке Ордоса и только тогда тем самым утверждается на землях напротив продолжения стен Чжао-сян-вана на отрезке «Чжаона-Фуши», то есть от Гуюани до Суйдэ.

Таким образом, указанные отрывки указывают на существование отдельного земельного анклава, завоеванного Цинь Ши-хуаном на северо-западном направлении (в ходе вы-

шеуказанной «северо-западной кампании»), до Хуанхэ на отрезке приблизительно от Ланьчжоу до Чжунвэя. Эти земли территориально были отрезаны от северных приобретений Цинь Ши-хуана ордосскими кочевьями лоуфаней и байян.

На этой же территории, по нашему предположению завоеванной Цинь в ходе северо-западной кампании 214 г., позже, в западноханьское время, располагался район, имевший наазвание «Синьциньчжун», то есть «Вновь приобретенные земли Цинь». Его стали заселять при императоре У-ди, после походов Вэй Цина, отвоевавшего у сюнну земли Хэнань (Ордоса) и Шофана (на северо-запад от излучины Хуанхэ). «Сюнну лечжуань» (запись за 121 г. до н.э): «После того, как [династия] Хань приобрела князя Хунье, набеги хуцев на округа Лунси, Бэйди и Хэси еще более сократились: в связи с этим из земель к востоку от заставы был переселен бедный люд для заселения района Синьциньчжун, находившегося на отобранных у сюнну землях к югу от реки, наполовину уменьшилась численность гарнизонов к западу от округа Бэйди» (ШЦ, 9, с. 2909; цит. по: Таскин, 1968, с. 54) В комментарии «Со инь» к этому отрывку говорится, что Синьциньчжун располагался «от Чанъани (сегодняшняя Сиань - А.К.) к северу, от Шофана к югу» и приводится фраза из «Хань шу» (глава 24б «Ши хо чжи») о том, что народ переселялся «на запад, вплоть до находящегося южнее Шофана Синьциньчжуна», согласно комментарию «Чжэн и» Синьциньчжун располагался в округе Бэйди, севернее столицы Чанъань, южнее Шофана. Тот же комментарий, однако, без объяснений локализует Синьциньчжун на землях, завоеванных Мэн Тянем, что, как мы видели, не соответствует действительности (ШЦ, 9, с. 2910, прим. 2). В главе 30 «Ши цзи» «Пин чжунь шу» это же переселение упоминается за 120 годом до н.э.: «Стали переселять бедный народ на земли к западу от застав и заполнять (народом) Синьциньчжун, что к югу от Шофана. Более 700 тысяч душ в одежде и пище полагались теперь на казну...» (ШЦ, 4, с. 1425, цит по: Сыма Цянь, IV, с. 207). Заселяемый в 121-120 году Синьциньчжун находился в пределах излучины Хуанхэ, поскольку только в 119 году ханьское население перешло через западный отрезок излучины реки. Так говорит «Сюнну лечжуань»: «После этого (то есть военной кампании 119 года до н.э. - А.К.) сюнну бежали далеко и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя. Ханьцы, перейдя Хуанхэ повсюду, от Шофан и далее на запад до Линцзюй, построили оросительные каналы, поставили чиновников, ведавших вопросами земледелия, [поселили] солдат в количестве пятидесяти-шестидесяти тысяч человек, и, понемногу захватывая земли, стали граничить с сюнну по их [бывшей] северной границе». (ШЦ, 9, с. 2911; цит. по: Таскин, 1968, с. 55). Согласно приведенным комментариям, Синьциньчжун находился в округе Бэйди. Однако об этом же прямо сказано в главе 30 «Ши цзи» за 113 (? - см. ниже) годом до н.э. В этом году из округа Лунси император «направился на север через горный проход Сяогуань... Император поохотился в Синьциньчжуне и, перед тем как вернуться (в столицу), стал проверять войска на границе. При этом [обнаружилось, что] в районе Синьциньчжуна на протяжении тысячи ли нет постов и дозоров. Тогда [император] казнил правителя [северной] (вставка переводчика не обоснована -А.К.) области Бэйди и нижестоящих чиновников, [ответственных за это], и повелел предоставить народу [переселиться] в уезды вдоль границы, чтобы заниматься там скотоводством. Власти заимообразно давали [таким переселенцам] кобылиц, которых через три года те обязаны были возвращать, а в качестве платы отдавать одного из десяти [молодых жеребят]. Используя освобождение от обвинений в накоплении [излишних] богатств, заполняли [населением] район Синьциньчжуна». (ШЦ, 4, с. 1438, цит по: Сыма Цянь, IV, с. 218). Как мы видим, последний отрывок локализует Синьциньчжун севернее прохода Сяогуань на границе округа Лунси (на юго-востоке уезда Гуюань в Нинся (см. Сыма Цянь, IV, с.334)), на территории, однозначно подведомственной управлению округа Бэйди и не имеющей отношения к иным ханьским округам: Шофан, Уюань, Юньчжун, Шанцзюнь, - в пределах которых локализуются завоевания Мэн Тяня. Синьциньчжун при этом граничил с сюнну на протяжении 400 километров, причем граница проходила по степи. Западноханьский округ Бэйди на севере («севернее прохода Сяогуань») охватывал пустынные земли, ныне - север Нинся-Хуэйского АР КНР. Судя по тому, что император выехал в округ Бэйди из округа Лунси через проход Сяогуань, указанные события происходили до образования нового округа Аньдин, в который вошли земли округов Лунси и Бэйди как раз в этом рай-

оне. Согласно «Ди ли чжи» («Хань шу», глава 28б), образование округа Аньдин приходится на 114 год до н.э. (третий год эры правления юань-дин) (ХШ, 6, с. 1615), однако Сыма Цянь не учитывает этого изменения административного устройства, что может указывать на ошибку в хронологии событий. Как мы отмечали выше, земли Синьциньчжуна должны были располагаться восточнее Хуанхэ. Поэтому Синьциньчжун (если он рассматривается в границах округа Бэйди до образования округа Аньдин) должен находиться в пределах территории, с запада ограниченной Хуанхэ на отрезке от Ланьчжоу до Инчуани, а с севера и востока - современной границей Нинся (см. ЧГЛШДТЦ, 2, л. 5-6, 17-18, ХШ, 6, 1616).

Итак, можно обоснованно предполагать, что во время похода 314 года «на северо-запад» против сюнну армией Цинь были завоеваны земли к юго-востоку от Хуанхэ на отрезке от Ланьчжоу до Чжунвэя или Иньчуани, ставшие позже известными под названиием «Синьциньчжун».

«Сюнну лечжуань» говорит, что некогда шанъюй сюнну, отец Маодуня Тоумань ушел на север после столкновения с Цинь (ШЦ, 9, с. 1887). Переводы этого отрывка сильно отличаются по смыслу. В переводе В.С.Таскина «Тоумань, оказавшись не в силах покорить [царство] Цинь, переселился на север» (Таскин, 1968, с. 37). Вставка «царство» однозначно относит описываемые события к эпохе Чжаньго, то есть до принятия Ши-хуаном титула императора. С другой стороны, переводчик представляет Тоуманя агрессором, который якобы пытался покорить Цинь (необходимо отметить, что столь далеко идущие планы шанъюя не находят подтверждения в других источниках и представляются совершенно невероятными). Такой перевод не дает возможности связать бегство Тоуманя с кампанией 214 года против «сюнну» на северо-западе, где именно «сюнну» стали объектом нападения китайских войск, а не наоборот. Однако оригинальный текст не содержит слова «царство», а иероглиф «шэн» не может быть переведен словом «покорить». В гораздо более достоверном и, собственно, буквальном переводе Де Грота фраза выглядит так: «Touman war Qin nicht uberlegen und zog nach Norden.» (De Groot, 1921, S.48) (Тоумань не превозмог Цинь и ушел на север - А.К.). Так что, в свете вышеизложенного, подлинные слова Сыма Цяня могут означать, что Тоумань ушел на север именно с земель «Синьциньчжуна», в результате их захвата императором Цинь в 214 году до н. э. Это косвенно подтверждается еще и тем, что, согласно традиции, именно на север от Синьциньчжуна какое-то время находилась ставка Тоуманя. Место, куда удалился Тоумань, не желая покориться Цинь, как предполагает Де Грот (De Groot, 1921, S. 48-49), было известно в ханьском Китае. Одна из крепостей в округе Уюань, в районе Бэйцзя севернее Бэйхэ, на западе освоенных ханьцами земель севернее Хуанхэ, которую «Ко ди чжи» относит к оборонительной линии гуанлу (102 г. до н. э.) (Ко ди чжи, с. 66), носила название «крепость Тоуманя» («Тоуманьчэн») (ХШ, 6, с. 1620).

На основании вышеупомянутых сообщений «Ши цзи» Л.А. Боровкова также приходит к выводу о том, что императором Цинь были организованы две различные кампании: одна на «севере», другая - на «северо-западе», и только в ходе северо-западного похода циньские войска столкнулись с сюнну (Боровкова, 1990, с. 7). Однако она локализует местопребывание сюнну северо-восточнее, чем мы, в северо-восточной части Ордоса, не учитывая данных о локализации Синьциньчжуна, длинных стен эпохи Чжаньго, а также исходя из того, что Мэн Тянь якобы командовал тем и другим походом, что на самом деле, как мы показали, не следует из содержания источников.

Если обобщить вышеприведенные сведения о столкновениях китайских государств с хунну на западе и севере, легко представить, что подконтрольные последним земли в III веке до н.э. могли охватывать подковообразно излучину Хуанхэ, начиная от современного Ланьчжоу вдоль стены Чжао-сянвана (тогдашней границы царства Цинь), затем на север по левому берегу Хуанхэ, огибая Ордос, заселенный племенами лоуфань и байян, и выходили на границы Янь и Чжао в районе северной окраины Дай (рис. 1). В центральной части этой дуги находились северные отроги горного массива Иньшань, где, по косвенным сведениям, находилась ставка Тоуманя и пребывал до захвата престола Маодунь. «Именно среди этих гор шанъюй Маодунь нашел себе прибежище, здесь он изготовлял луки и стрелы, отсюда совершал набеги, это был его заповедник для разведения диких птиц и зверей» (ХШ, 11, с. 3803, цит. по: Таскин, 1973, с. 40).

Так что исторически сюнну (хунну) заселяли пустынные степи, в пределах которых и впоследствии находилась ставка шанъюя, что и предопределило общеизвестную специфику их кочевого образа жизни; на западе сюнну граничили с юэчжами, жившими в районе Ганьсуйского коридора (ШЦ, 9, 2888, прим. 1, КДЧ, с. 219), а на востоке - с дунху (см. выше). Изменение «геополитической ситуации» началось только во времена Маодуня.

Именно на тех землях, где, по данным письменных источников, должны были присутствовать хунну в доханьскую эпоху, известны комплексы эпохи Чжаньго, содержащие предметы, которые относятся к типам, характеризующим культуру хунну более позднего времени.

В современном уезде Лянчэн (Внутренняя Монголия), где, по нашему предположению, полководец Ли Му сражался с силами кочевников под руководством шаньюя хунну, были исследованы три могильника северных варваров, все в современном уезде Лянчэн (Внутренняя Монголия): Маоцингоу, Иннюгоу и Госяньяоцзы (Вэй Цзянь, 1984, 1989; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 227-341; Graberkatalog Maoqinggou, 1992) (рис. 1-*1*-*3*).

Единство погребального обряда рассматриваемых погребений (прямоугольные земляные ямы, положение погребенного на спине вытянуто головой на восток, ниши для керамики в головах погребенных) и наличие в них специфического инвентаря (бомбовидные плоскодонные сосуды с невысоким воронковидным горлом без выделенного венчика без ручек и с двумя ручками на плечиках, бронзовые бляхи в виде идущего волкообразного хищника, бронзовые бляхи в виде орлиных головок) позволяет говорить об их типологическом и хронологическом единстве.

Обнаруженные здесь кинжалы с бивалютными навершиями, проушные чеканы, пряжки для ременного набора с изображением центральносимметрично расположенных головок грифонов либо завитков заставляют отнести все эти комплексы к позднескифскому времени, к V(VI)-III векам до н.э. Нет необходимости приводить аналогии предметам каждой из этих категорий, поскольку это сделал в своей статье проф. Г. Коссак, детально проанализировавший материал из могильника Маоцингоу, относящийся к более широкому кругу скифо-сакских культур (Kossack, 1992, S. 97-106, см. также Семенов, 1997, с. 19, рис. 26).

Китайский клевец «гэ» из типичной по погребальному обряду М58, где, по описанию, обнаружен также сосуд с воронковидным горлом, бомбовидным туловом и текстильными отпечатками (тип AII по Тянь Гуанцзиню и Го Сусинь) (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 253), можно датировать по аналогиям самым концом эпохи Чуньцю (Хаяси Минао, 1972, рис. 60, Rhi, 1992, S. 34), схожие экземпляры датируются и эпохой Чжаньго, о чем пишет Г.Коссак, опираясь на типологический ряд «гэ» по Ли Цзи, а также на выводы М. фон Деваль (Kossack, 1992, S. 101). Таким образом, наиболее вероятной датой этого комплекса является V в. до н.э.

В типичной по обряду могиле Маоцингоу М27 совместно с зооморфной бляхой из железа обнаружено китайское бронзовое копье, относящееся к III веку до н.э. (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 301, Rhi, 1992, S. 35, Хаяси Минао, 1972, рис. 151-155, прил.2, рис. 152, 154) С.-К. Псаррас, правда, приводит аналогии этому предмету и из комплексов эпохи Западная Хань (Psarras, 1994, p. 9-10).

Таким образом, рассматриваемые погребения относятся ко времени до возвышения Маодуня, и имеет смысл рассмотреть наличие в их инвентаре следов влияния сюнну, чье военное присутствие в этом регионе в IV-III вв. до н.э., как было показано выше, зафиксировано письменными источниками. Полагаю, можно отнести погребения с восточной ориентировкой в могильниках Иннюгоу, Госяньяоцзы и Маоцингоу к памятникам племени линьху, упоминающимся источниками на север и запад от царства Чжао и на север от царства Янь (ШЦ, 6, 1806, 7, с. 2243, 8, с. 2249-2450, 9, с. 2883, 2885, ЧГЦ, с. 1039). Как уже говорилось, комментатор Жу Чунь (189-265 гг.) идентифицировал линьху и «даньлинь» - по нашему мнению, обобщенное название племен (включая линьху), с которыми сражался Ли Му в первой половине III века до н.э. (ШЦ, 9, с. 2885). Согласно «Ко ди чжи», *даньлинь* в эпоху Чуньцю обитали в танском округе Шочжоу, управление которого находилось в Маи (ШЦ, 9, с. 2885, прим. 11, КДЧ, с. 81-82), то есть на севере Шаньси и прилагающих землях АР Внутренняя Монголия (см. Малявкин, 1981, с. 107).

В типичных по обряду погребениях могильника Госяньяоцзы обнаружены костяные трехгранные стрелы с расщепленным насадом (Госяньяоцзы, М6, М14) и костяные концевые накладки на лук (Госяньяоцзы, М2, М6, М21)

(Вэй Цзянь, 1989, с. 71, 72, 79, 80, рис. 14 -*1,13*), табл. 11(3-5, 9), (рис. 2 -*1-6, 7-9, 11-24*).

На типичных для указанных погребений сосудах с воронковидным горлом, найденных в типичных погребениях с ориентировкой в восточный сектор, в ряде случаев появляется орнамент в виде бегущей волны, ограниченной сверху и снизу одной-двумя горизонтальными линиями. Такие сосуды обнаружены в могиле Госяньяоцзы М28 (Вэй Цзянь, 1989, с. 65, рис. 10-*6*, табл. 15(4), на рисунке сосуд изображен неверно, якобы с рассеченным валиком на тулове, в то время как по фотографии видно, что никакого валика на тулове нет, а вместо этого по средней части тулова нанесен орнамент из двух двойных вдавленных горизонтальных линий, между которыми проходит такая же волнистая линия), Маоцингоу М5, М33, М37, М62, М63 (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 253-257, рис. 27-*1,7,9*, 28-*3*, 29-*2*, табл. 96(1), 97(1), 98(1)) (рис. 2-*10, 3, 4*).

Три костяные концевые накладки на лук найдены также в погребении М1 могильника Бэйсиньбао (уезд Хуайлай, провинция Хэбэй), на северо-западной окраине царства Янь (Лю Лайчэн, 1966, с. 238, рис. 9-*10*) (рис. 1-*4*). (Лю Лайчэн, 1966, с. 231-238, рис. 2-*9*) (рис. 4-*7-22*). Клевец *гэ* из М1 может быть датирован концом IV - первой половиной III вв. до н.э. (Хаяси Минао, 1972, рис. 98, прил. 2, рис. 113, 133, 135, 136, 155, 167). Найденные в могиле бронзовый кинжал китайского производства и бронзовые ножи с кольцевым навершием относятся к эпохе Чжаньго (Хаяси Минао, 1972, рис. 290, 345), а бронзовый кинжал с биволютным навершием типичен для памятников V-IV вв. Южной Сибири. Автор статьи датирует могилу по бронзовым сосудам, *дин*, *ху*, *фоу*, *цзянь*, относящимся, по его мнению, к рубежу Чуньцю-Чжаньго (Лю Лайчэн, 1966, с. 242), однако форма клевца *гэ* указывает скорее на поздний период Чжаньго.

Костяные концевые накладки на лук обнаружены и в ряде датированных комплексов эпохи Чжаньго в районе ханьского Синьциньчжуна, «на северо-запад» от бывшего царства Цинь, в нынешней волости Пэнбу уезда Гуюань в Нинся (рис. 1-*5-7*): могила из Дабэйшань (Чжун Кань, Хань Кундун, 1983, с. 203, рис. 2, табл. 11(2)), (рис. 5-*1-11*), могила Юцзячжуан SM2 (парная концевая накладка длиной 14, шириной 1,6 см) (Чжун Кань и др., 1995, с. 80, 89, 93, 98, 100, рис. 12-*13*, 14-*15*, 18-*2,8*, табл. 17(5), 18(2)) (рис. 5-*12-15*), могила Самэнцунь М2 (волость Пэнбу, Нинся) (Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990, с. 403, 417, рис. 6-*7*, 8-*6,7*, 9-*1-4*, 10-*3,7*, 14(8)) (рис. 5-*16-27*).

Бронзовые копья с ромбическим пером и костяные псалии с отверстиями в разных плоскостях, обнаруженные в этих комплексах, являются характерным инвентарем локализующихся в районе «Нин-Гань» (юг Нинся - восток Ганьсу) погребений в подпрямоугольных в плане земляных ямах, часто сопровождающихся захоронениями лошадей с элементами боевых колесниц. Еще в 1992 г. я отнес копья с ромбическим пером к этноопределяющим признакам материальной культуры ицюйских жунов (Ковалев, 1992, с.98-100), о покорении которых в конце IV в. до н.э. царством Цинь сообщают письменные источники (см. ШЦ, 1, с. 206, 9, с. 2885). «Хань шу» (глава 28б) указывает Ицюйдао как округ области Бэйди. (ХШ, 6, с. 1616). Согласно «Ко ди чжи», Нинчжоу, Юаньчжоу и Цин - танские округа, которые размещены на землях, бывших в эпоху Восточного Чжоу территорией государства ицюйских жунов (КДЧ, с. 61, см.: Мэн Вэньтун, 1958, с.106). Таким образом, территория, занимаемая ицюйскими жунами, охватывала во всяком случае район современной Гуюани и уезды Цинъян и Нинсянь в Ганьсу (Малявкин, 1981, с. 232, 235). Поскольку после покорения ицюйских жунов на рубеже IV-III вв. до н. э. по границе новоприобретенных земель государство Цинь (при Чжао-сян-ване) построило длинную стену (о ней см. выше), ицюйские жуны должны были в IV веке до н.э. как минимум владеть землями к югу от этой стены в Нинся и в районе Цинъян в Ганьсу. Это как раз район наибольшей концентрации находок бронзовых копий с ромбическим пером.

В ряде комплексов, содержащих копья с ромбическим пером, были найдены датирующие предметы, происходящие с Центральной равнины. Клевцы «гэ» из могил Янлан IM4, Гуантай и Люпинцунь датируются средним периодом эпохи Чжаньго - IV веком до н.э. (Ню Чэн и др., 1993, с. 22, 28, 30, 35, 37, 47, 53, рис. 11, 16-*1,13*, 17-*17*, 20-*6,8*, 28-*6*, табл. 6(4); Ло Фэн, Ян Шичжун, 1993, с. 17-18, рис. 1; Янь Шичжун, 1992; Хаяси Минао, 1972, прил.2, рис.91). Клевец «гэ» из Шилацунь может быть датирован поздним периодом Чуньцю - первой половиной V в. до н.э. (Ло Фэн, 1983, Хаяси Минао, 1972, прил. 2, рис. 31). Клевцы «гэ» из Юаньцзя и Самэнцунь М3 могут датироваться началом эпохи Чжаньго - второй половиной V века до н. э.

(Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь, 1988, с. 413-414, рис. 2-*6,11,12,13,14,15;* 4-*1,2,3;* 7-*2;* 18-*3*, табл. 4(8,9); Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990, с.403, 417, рис. 1-*1*, 2-*1*, 3-*7*, 5-*1*, 7-*7*, 11-*11*, 13-*10*, 14-*2,6*, табл. 4(8); Хаяси Минао, 1972, прил. 2, рис. 27, 29, 31). Биметаллический кинжал из могилы в Гуантай (Ло Фэн, Ян Шичжун, 1993, с. 17-18, рис. 1) датируется среднимпоздним периодами эпохи Чжаньго (см. Kan Yong, 1985, p. 60, 62, Orioli, 1994, p. 92, 94, Цай Цин, Сюй Сюэшу, 1994, с. 21, 31, 32, рис. 5, 55 -*8, 9*). Бронзовый нож из комплекса Мачжайцунь датируется самое позднее рубежом Западного и Восточного Чжоу (Чэнь Чжэньчжун, 1985, с. 76, рис. 7, Хаяси Минао, 1972, с. 190, рис. 276).

Эти находки вкупе с типичными для скифской эпохи предметами вооружения и украшениями, обнаруженными в комплексах с вышеуказанными копьями и псалиями, относят бытование как всех этих комплексов, так и указанных погребений с костяными накладками на лук, к VIII-IV вв. до н.э., то есть к дохуннскому времени, что совпадает с периодом активной деятельности здесь ицюйских жунов.

Парная костяная концевая накладка на лук длиной не менее 10,3 см (на рисунке обломана) обнаружена в типичной для памятников Нинся севернее стены Чжао-сян-вана катакомбе Юцзячжуан М17. ((Чжун Кань и др., 1991, с. 56-58, рис. 2-*4*, Чжун Кань и др., 1995, с. 83, 86, 87, 91, 92, 96, 101, рис. 7, 10-*1*, 11-*7,17,19*, 13-*6*, 14-*2,5*, 17-*1,3*, 19-*5*) (рис. 6-*1-7*). Клевец «гэ» из этого комплекса датируется в пределах второй половины VI-V вв. до н. э. (Хаяси Минао, 1972, с. 57-62).

Сложный лук длиной почти полтора метра с небольшими парными роговыми накладками на концах был обнаружен в могиле 406 могильника царства Чу под Чанша (Хунань), датирующейся эпохой Чжаньго (Чанша фацзюэ баогао, 1957, с. 59-60, табл. 27) (рис. 6-*8*).

Костяные накладки - концевые и срединные - являются характернейшим элементом лука «гуннского» типа, появившегося в вооружении племен степей Евразии в последние века н.э., распространение которого обычно связывают с экспансией хунну (Хазанов, 1971, с. 30-34, Савинов, 1981, с. 147-148, Худяков, Цэвэндорж, 1990, с. 126, 129-131, Чжоу Цзе, 1965). Костяные стрелы с расщепленным насадом расматриваются как типичные для хунну (Коновалов, 1976, с. 177). Керамика хунну, в том числе с характерным орнаментом из волнистой врезной линии, опоясывающей верхнюю часть сосуда, заключенной в поясок между двумя прочерченными параллельными линиями, традиционно считается их «этническим признаком» (Могильников, 1992, с. 263). С.С.Миняев обратил внимание на появление в маоцингоуских комплексах керамики с таким орнаментом, однако интерпретировал этот факт как свидетельство поздней датировки этих погребений. Как он пишет, «в пользу поздней даты свидетельствует и появление сюннуских культурных традиций в поздней группе памятников Ордоса (что проявляется, в первую очередь, в орнаментации и способах обработки керамики)». По его мнению, могильник Маоцингоу оставлен лоуфанями, которые в конце III в. до н.э. попали под власть хунну и были «зафиксированы здесь (? - А.К.) и столетие спустя». «Такое предположение хорошо объясняет проявление в памятниках Ордоса (? - А.К.) сюннуских традиций и наличие сюннуских изделий при сохранении в погребальном обряде обычаев скифской эпохи», - заключает исследователь (Миняев, 1991а, с. 124). Однако Маоцингоу, Госяньяоцзы и Иньнюгоу находятся в уезде Лянчэн, близ озера Дайхай, а совсем не в Ордосе, и таким образом сведения о лоуфанях, зафиксированных в конце II в. до н.э. китайскими источниками именно на плато Ордос, не могут использоваться как аргумент для поздней датировки комплексов из этих могильников. Во-вторых, нам неизвестно время формирования «хуннуской» традиции изготовления и орнаментации керамики, мы только пытаемся найти ее истоки, и на этом пути логически недопустимо делать выводы о датировках, исходя из даты тех находок «хуннуской» керамики, которые относятся ко времени после образования империи Маодуня. В датировке комплексов Маоцингоу необходимо опираться на независимо полученные даты вещей: как по переднеазиатской линии хронологии (вещи «скифо-сибирских» типов), так и по «восточной» линии (предметы с Центральной равнины), что нами и было показано выше.

Казалось бы, влиянием хунну можно объяснить появление в могильниках Маоцингоу и Иньнюгоу могил с северной ориентировкой (Маоцингоу М1, 15, 19, 20, 21, 24, 25, 28, 40, 50, 53, 81, Иньнюгоу М2, 8, 10, 12, 13, 15), некоторые из которых содержали погребение в двойной деревянной камере (Мао-

цингоу М25, Иньнюгоу М8, М15), однако в этих погребениях не обнаружено предметов, которые могли бы быть однозначно отнесены к доциньскому времени, а инвентарь могил и особенности погребального обряда отличны от вышеописанных погребений с восточной ориентировкой, поэтому нельзя сказать, являются ли эти могилы свидетельствами присутствия здесь хунну до нашествия Маодуня (Graberkatalog, 1992, Вэй Цзянь, 1984, с. 32, Варенов, 1995, 1995 а).

Костяные концевые накладки на лук и, например, северная ориентировка не были в эпоху Чжаньго характерны исключительно для сюнну. Об этом свидетельствуют материалы могильника Пинъян в провинции Хэйлунцзян, где на 118 могил были обнаружены 52 таких накладки, подавляющее большинство погребенных ориентировано на север, но все остальные ведущие черты позднейшего погребального обряда и материальной культуры сюнну отсутствуют (Ян Чжицзюнь и др., 1990). В аналогичном погребении (М211) обнаружена костяная накладка и в могильнике Чжаньдоу (уезд Тайлай, Хэйлунцзян) (Ли Чэньци, Чжэн Сыдэ, 1989).

Поэтому предположение о том, что концевые накладки, обнаруженные в Нинся, свидетельствуют о присутствии здесь именно сюнну, а не какого-нибудь другого северного племени, остается только предположением, пусть даже и подкрепленным сведениями письменных источников.

В то же время стрелы с расщепленным насадом неизвестны в памятниках доциньского времени на территории современного Северного Китая. В Пинъяне, например, такие стрелы встречены только в одном погребении - Чжуанчан М121, в то время как в остальных могилах найдены черешковые костяные стрелы (Ян Чжицзюнь и др., 1990, с. 96-101, 150, рис. 62 -*11*).

Сочетание костяных накладок, костяных стрел с расщепленным насадом и горизонтальных волнистых линий в орнаменте сосудов, зафиксированное в могильнике Госяньяоцзы, на мой взгляд, с высочайшей вероятностью свидетельствует о присутствии здесь хунну до походов Маодуня и подтверждает сообщение Сыма Цяня о союзе сюнну и линьху при нападениях на округ Дай в середине III в. до н. э.

---

1. *Боровкова Л.А., 1990.* Где и когда сюнну вышли на историческую арену (по материалам «Ши цзи») // Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае»:Тезисы докладов. - Ч. 2. - М. - С. 3-12.
2. *Бутин Ю.М., 1982.* Древний Чосон (историко-археолдогический очерк). - Новосибирск. - 329 с.
3. *Варенов А.В., 1995.* Древнее население Алтая и происхождение сюнну // Аборигены Сибири. Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Труды международной научной конференции. Новосибирск (Академгородок). 26-30 июня 1995 г. Том II. Археология. Этнография. - Новосибирск. - С. 12-15.
4. *Варенов А.В., 1995.* Скифские памятники Ордоса и происхождение сюнну // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. - Барнаул. - С. 123-125.
5. *Васильев К.В., 1968.* Планы сражающихся царств. Исследование и перевод. - М. -255 с.
6. *Васильев Л.С., 1983.* Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администраации). - М. - 326 с.
7. *Деревянко А.П., 1976.* Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). - Новосибирск. - 384 с.
8. Заднепровский Ю.А., 1991. Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н.э. - II в. н.э. в Северной Корее // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, философии, филологии. - № 1. - с. 53-61.
9. *Ковалев А.А., 1992.* Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. - СПб. - С. 97-100;
10. *Ковалев А.А., 1998.* Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Д.Грача. - СПб. - С. 122-131.
11. *Ковалев А.А.*, 1999. О связях населения Алтая и Ордоса в V-III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул. - С. 75-82.
12. *Комиссаров С.В., 1988.* Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. - Новосибирск. - 120 с. (История и культура Востока Азии).
13. *Коновалов П.Б., 1976.* Хунну в Забайкалье: Погребальные памятники. - Улан-Удэ.
14. *Коновалов П.Б., 1996.* О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Тезисы докладов Международной конференции. Ч.I. - Улан-Удэ. - С. 58-63.
15. *Малявкин А.Г., 1981.* Историческая география Центральной Азии. - Новосибирск. - 336 с.
16. *Миняев С.С., 1987.* Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии Степной Евразии: Тезисы докладов. - Кемерово. - С. 142-145.

17. *Миняев С.С., 1990.* «Сюнну-лечжуань» и проблема ранней истории сюнну // Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов.- Ч. 2. - М. - С. 149-153.
18. *Миняев С.С., 1991.* О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. - Барнаул.- С. 108-120.
19. *Миняев С.С., 1991.* К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизаци археологических памятников Южной Сибири: Тезисы докладов к всесоюзной научной конференции (3-5 апреля 1991 года). Барнаул. - С. 122-124.
20. *Миняев С.С., 1998.* Дырестуйский могильник. - СПб. - 118 с., 120 л. илл. (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).
21. *Могильников В.А., 1992.* Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.- С. 254-273.
22. *Полосьмак Н.В., 1990.* Некоторые аналоги погребениям в могильнике Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. - Новосибирск. - С. 101-107 (История и культура Востока Азии).
23. *Савинов Д.Г., 1981.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск. - С. 140-156.
24. *Семенов Вл. А.,* 1997. Монгун-Тайга. - СПб. - 89 с.
25. *Сыма Цянь, 1972.* Исторические записки (Ши цзи). Том I. Перевод с китайского и комментарий Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. Вступительная статья М.В.Крюкова. - М.- 439 с.:
26. *Сыма Цянь, 1975.* Исторические записки (Ши цзи). Том II. Перевод с китайского и комментарий Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. - М. - 579 с.
27. *Сыма Цянь, 1984.* Исторические записки (Ши цзи). Том III. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р.В.Вяткина. - М.- 943 с., табл.
28. *Сыма Цянь, 1986.* Исторические записки (Ши цзи). Том IV. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р.В.Вяткина. - М. - 453 с.
29. *Сыма Цянь, 1987.* Исторические записки (Ши цзи). Том V. Перевод с китайского и комментарий Р.В.Вяткина. Вступительная статья Р.В.Вяткина. - М.- 364 с.
30. *Сыма Цянь, 1992.* Исторические записки (Ши цзи). Том VI. Перевод с китайского и комментарий Р.В.Вяткина. - М.- 483 с.
31. *Сыма Цянь, 1996* Исторические записки (Ши цзи). Том VII. Перевод с китайского Р.В.Вяткина. Комментарий Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина. - М.- 462 с.
32. *Таскин В.С., 1968.* атериалы по истории сюнну (по историческим источникам). Выпуск первый. Предисловие, перевод и комментарии В.С.Таскина. - М. - 176 с.
33. *Таскин В.С., 1973.* Материалы по истории сюнну (по историческим источникам). Выпуск второй. Предисловие, перевод и примечания В.С.Таскина. - М. - 171 с.
34. У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. -Новосибирск. -. 88-101 (История и культура Востока Азии).
35. *Хазанов А.М., 1971.* Очерки военного дела сарматов. - М. - 171 с.
36. *Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1990.* Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. - Новосибирск. - С 126-131.
37. *Чжун Сук БэЮ, 2000.* О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. - М. - С. 110-137.
38. *Chavannes Ed. 1969.* Les memoires historiques de Se-ma Ts'ien. - Vol. I-V. - P. - 1898-1905. - Vol. VI. - P.
39. *Creel H.G., 1970.* The Beginnings of Bureaucracy in China: The Origin of the Hsien // Creel H.G. What is Taoism and Other Studies in Chinese Cultural History. Chicago - London.
40. *Haloun G. 1922.* Zu J.J.M. de Groot. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit // Orientalistische Literaturzeitung. - V. 25. - № 11. - S. 433-438:
41. *Haloun G., 1926.* Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen uberhaupt. Erster Teil. - Leipzig.
42. *De Groot J.J.M., 1921.* Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Erster Teil. - Berlin-Leipzig. - 304 S.
43. Graberkatalog Maoqinggou // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veroffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O.Hollmann und G.W.Kossack u. Mitarb. Mainz am Rhein. 1992. S. 110-119 // (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie: Bd. 50).
44. *Kan Yong. 1985.* The Bronze Culture of West Yunan // Bulletin of the Ancient Orient Museum. - Vol. VII. - P. 47-92.
45. *Kossack G., 1992.* Dolche und Gurtelzubehor aus Maoqinggou im Vergleich zu anderen Fundferbanden // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veroffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O.Hollmann und G.W.Kossack u. Mitarb., Mainz am Rhein. -S. 97-109 // (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie: Bd. 50).
46. Kovalev A., 1992. «Karasuk-Dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-region (Innere Mongolei) / Nach der Veroffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O.Hollmann und G.W.Kossack u. Mitarb. - Mainz am Rein. - S. 46-87 // (Materialen zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie. Bd. 50).
47. *Lin Yun, 1992.* The Archaeological Study of Xiongnu (Hun) Origin in China // The International Academic Conference of Archaeological Cultures of the Northern Chinese Ancient Nations. - Huhehaote.

3. *Minyaev S., 1985.* On the Origin of the Hsiong-nu // UNESCO International Association for the Study of the Cultutres of Central Asia. Information Bulletin. - № 9. - Moscow. - P. 69-78.
). *Minyaev S., 1992.* On the Origin of Xiung-Nu // The International Academic Conference of Archaeological Cultures of the Northern Chinese Ancient Nations. - Huhehaote.
). *Minyaev S., 1996.* Archeologie des Xiongnu en Rusie: Nouvelles decouvertes et quelques problemes // Ars Asiatiquies. - T. 51.- p. 5-12;
1. *Orioli M., 1994.* Pastoralism and Nomadism in South-West China: a Brief Survey of the Archaeological Evidence // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9-12 November 1992. - Napoli. - P. 87-108.
2. *Psarras S.-K.* Exploring the North: Non-Chinese Cultures of the Late Warring States and Han // Monumenta Serica - 42 (1994). - P. 1-125.
3. *Psarras S.-K.* Xiongnu Culture: Identification and Dating // Central Asiatic Journal. - 39 (1995). № 1. - P. 102-135.
4. *Psarras S.-K.* Pieces of Xiongnu Art // Central Asiatic Journal. - 40 (1996), № 2. - P. 234-259.
5. *Rhi C.-S., 1992.* Die Maoqinggou Kultur und ihre Zeitsellung // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veroffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O.Hollmann und G.W.Kossack u. Mitarb. - Mainz am Rhein. - S. 28-45 // (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie; Bd. 50).
). *Wagner M., - 1999.* Parzinger H. Bemerkungen zur inneren Gliederung der spatbronzezeitlichen Kultur Oberes Xiajiadian und deren Bedeutung für die sudsibirische Kulturentwicklung // Eurasia Antiqua. Bd. 4 (1998). - S. 37-72.

На китайском и японском языках

Вэй Цзянь. 1984. Лянчэн Иньнюгоу муцзан цинли цзянбао (Упорядоченное краткое сообщение о могильных сооружениях в Иннюгоу в уезде Лянчэн) // Нэймэнгу вэньу каогу. - т. 3.- С. 26-32, 25.
Вэй Цзянь, 1989. Лянчэн Госяньяоцзы муди (Могильник Госяньяоцзы в уезде Лянчэн) // Каогу сюэбао. - № 1. - С. 57-81.
Гудай хань ю цыдянь (Словарь старокитайского языка) / Чэнь Фухуа - гл. ред. - Пекин, Шан Уинь шугуань, 1998. - 2087 с.
Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981. Иньшань нань лу дэ Чжао чанчэн (Длинная стена царства Чжао на южных склонах гор Иньшань) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). - Пекин. - С. 21-24.
Ко ди чжи (Всеобъемлющее описание земель). - Т. 1-2. - Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ. - 1991. - 242 с. (Сер. Цуншу цзичэн. выпуск первый).
Ли Синшэн, Хао Липин, 1994. Умэн Чжоцзы сянь Чжаньго Чжао чанчэн дяоча (Обследование длинных стен царства Чжао эпохи Чжаньго в уезде Чжоцзы аймака Уланьчабу)// Нэймэнгу вэньу каогу. №2, -С. 21-24.
Ли Чэньци, Чжэн Сыдэ, 1989. Хэйлунцзян Тайлай сянь Чжаньдоу муди фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение об исследовании могильника Чжаньдоу в уезде Тайлай, Хэйлунцзян) // Каогу. - № 12. - С. 1098-1102.
Линь Юнь, 1993. Гуанью Чжунго дэ дуй сюнну цзу юань дэ каогусюэ яньцзю (Касательно китайских археологических исследований происхождения племени сюнну) // Нэймэнгу вэньу каогу. - № 1-2. - С.127-141.
Ло Фэн, 1983 Нинся Гуюань Шилацунь фацзюэ и цзо Чжаньго му (Могила эпохи Чжаньго в Шилацунь, уезда Гуюань, Нинся) // Каогусюэ шикань. - т. 3. - С. 130-142.
). *Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990.* Нинся Гуюань цзиньнянь фацзюэ дэ бэйфан си цинтунци (Ряд бронзовых изделий северного типа, обнаруженных в последние годы в округе Гуюань, Нинся) // Каогу. - №5. - С. 403-418.
. *Ло Фэн, Ян Шичжун.*, 1993. 1988 нянь Гуюань чуту дэ бэйфан си цинтун ци (Бронзовые изделия северного стиля, раскопанные в Гуюани в 1988 году) // Каогу ю вэньу. - № 4. - С. 17-21.
:. *Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь, 1988.* Ганьсу Цинъян Чуньцю, Чжаньго муцзай дэ цинли (Упорядоченное описание могильных сооружений эпох Чуньцю и Чжаньго округа Цинъян, Ганьсу) // Каогу. - №5. - С. 413-424.
. *Лю Лайчэн, 1966.* Хэбэй Хуайлай Бэйсиньбао Чжаньго му (Могилы эпохи Чжаньго в Бэйсиньбао, уезда Хуайлай, Хэбэй) // Каогу. - № 5. - С. 231-247.
Мэн Вэньтун, 1958. Чжоу Цинь шаошу миньцзу яньцзю (Исследование национальных меньшинств эпох Чжоу и Цинь). - Шанхай. - 109 с.
:. *Мяо Вэнъюань, 1997.* Чжаньго ши си нянь цзи чжэн (Собранные свидетельства об истории Сражающихся царств, изложенные по годам). Чэнду. - 277 с.
). *Ню Чэн, Ли Цзиньчжэн, 1993. Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун.* Нинся Гуюань Янлан цинтун вэньхуа (Культура бронзового века [могильника] Янлан в уезде Гуюань, Нинся) // Каогу сюэбао. - №1. - С. 13-56.
'. *Оу Янь, 1987.* Во го цзао ци дэ чанчэн (Длинные стены в ранний период истории нашей родины) // Бэйфан вэньу. - №2. - С. 11-18.
:. *Пэн Сичжу, 1990.* Чжаньго Цинь чанчэн каоча ю яньцзю (Детальное описание и исследование длинных стен царства Цинь эпохи Чжаньго). - Сиань. - 298 с.
). *Сюн Цуньжуй, 1981.* Сянь Цинь сюнну цзи ци ю гуань дэ цзигэ вэньти (Сюнну в доциньское время, а также некоторые имеющие касательство к этому вопросы) // Шэхуй кесюэ цзяньфан. - №1. - С. 110-113.
). *Тянь Гуаньцзинь, 1997.* Чжунго бэйфан си цинтун ци вэньхуа хэ лэйсин дэ чубу яньцзю (Предварительное исследование культур бронзового века северных районов Китая и сходных типов предметов) // Каогусюэ вэньхуа лунь цзи (Сборник статей об археологических культурах). - № 4. - Пекин. - С. 266-307.
. *Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986.* Ордосы ши цинтунци (Бронзы ордосского стиля). - Пекин. - 402 с., 120 л. ил.
:. *У Энь, 1990.* Лунь сюнну каогу яньцзю чжун дэ цзигэ вэньти (Касательно некоторых вопросов в области археологических исследований сюнну) // Каогу сюэбао. - № 4. - С. 409-437.
:. *У Энь, Чжун Кань, 1988. Ли Цзиньцзэн.* Нинся Тунсинь Даодуньцзы сюнну муди (Могильник сюнну в Даодуньцзы уезда Тунсинь. Нинся) // Каогу сюэбао. - № 3. - С. 333-356.

24. *Фэн Мэнлун, 1997.* Дун Чжоу лего чжи (Описание событий в государствах эпохи Восточного Чжоу). - Сиань. - 1197 с.
25. Хань шу (Книга династии Хань) / Бань Гу - автор. Янь Шигу - комм. - Т. 1-12. - Издание десятое. - Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1997. - 4273 с.
26. *Хаяси Минао, 1972.* Тюгоку Инь-Сю цзидай-но буки (Оружие Китая эпох Инь-Чжоу). - Киото.
27. *Цай Цин, Сюй Сюэщу, 1994.* Сычуань Маосянь Муту и хао шигуань му цзи пэй цзанкэн цинли цзянбао (Краткое упорядоченное сообщение о каменной гробнице №1 и связанных с ней погребальных ямах в Муту уезда Маосянь провинции Сычуань // Вэньу. - №3. - С.1-40.
28. ЦГК - Ци го као дин бу (Исследование семи государств, исправленное и дополненное). - Дун Шо (эпоха Мин) - автор. Мяо Вэньюань - исправления и дополнения. - Шанхай, 1987. - Издание второе. - 774 с.
29. *Цзан Лихэ, 1933.* Чжунго гу цзинь ди мин да цидянь (Большой словарь древних и современных географических названий Китая). - Шанхай, Шанъу иньшугуань. - 1410 с., 365 табл.
30. *Цзинь Фэньи, 1987.* Сяцзядянь шан цэн вэньхуа цзи ци цзуши вэньти (Культура верхнего слоя Сяцзядянь и проблема ее этнической атрибуции) // Каогу сюэбао. - №12. - С. 177-208.
31. *Цзянь Боцзань, Чэнь Шй, 1958. Сунь Юэ, Чу Минцзань, Ван Гунлян, У Хэн.* Лидай гэцзу чжуаньцзи хуйбянь (Собрание записей о различных народах, сменявших друг друга). - Т. 1. - Шанхай: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ. - 786 с.
32. Чанчэн вэньхуа цзыляо цзилюэ (Сокращенное собрание письменных сообщений о длинных стенах) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). - Пекин, 1981. - С. 119-140.
33. Чанша фацзюэ Баогао (Сообщения об исследованиях в Чанша). - Пекин, 1957. - 174 с., илл. - (Чжунго тянье каогу баогао цзи. Каогусюэ чжуаньканъ. Динчжун цзян эр хао. (Сборник отчетов о полевых исследованиях в Китае. Серия археологическая. Четвертый раздел, выпуск 2.).
34. Чжаньго цэ (Планы сражающихся царств). / Лю Сян - автор. - Т. 1-3 - Издание четвертое. - Шанхай. Шанхай гу цзи чубаньшэ. - 1995. - 1390 с.
35. *Чжоу Цзе, 1965* Гуанью у го бэй ди ци чуту ваньчжуан гу, цзяо ци дэ минчэн хэ юнту (К вопросу о наименовании и предназначении изогнутых костяных и роговых предметов, раскопанных в северо-восточных районах нашей страны) // Каогу. - №8. - С . 416-419.
36. *Чжун Кань, Хань Кундун, 1983.* Нинся наньцзюнь Чуньцю Чжаньго шици дэ цинтун вэньхуа (Культура бронзовых изделий эпох Чуньцю и Чжаньго в южной части Нинся) // Чжунго каогусюэ хуй дисы цынянь хуйлунь вэньцзи (Сборник материалов четвертого ежегодного конгресса Археологического общества Китая). - Пекин. - С. 203-213.
37. *Чжун Кань, Чэнь Сяохуа, 1991. Янь Шичжун.* Нинся Гуюань Юцзячжуан муди фацзюэ цзянбао (Краткое сообщение об исследовании могильника Юцзячжуан в уезде Гуюань, Нинся) // Хуася каогу. - № 3. - С. 55-63.
38. *Чжун Кань, Чэнь Сяохуа, 1995. Янь Шичжун.* Нинся Пэнбу Юцзячжуан муди (Могильник Юцзячжуан в волости Пэнбу, Нинся) // Каогу сюэбао. - № 1. - С. 79-107.
39. Чжунго лиши дитуцзи (Исторический атлас Китая). - В 6 томах. - Шанхай. 1982.
40. *Чжэн Шаоцзун, 1981.* Хэбэй шэн Чжаньго, Цинь, Хань шици гу чанчэн хэ чэнчжан ичжи (Руины длинных стен и укрепленных линий эпох Чжаньго, Цинь, Хань в провинции Хэбэй // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). - Пекин. - С. 34-51.
41. *Чжэн Шаоцзун, 1992.* Люэ тань Чжаньго шици Чжуншань го дэ цзян чэн вэньти (Обзорное изложение вопросов, касающихся пограничных укреплений царства Чжуншань в период Чжаньго) // Ляохай вэньу сюэкань. - №2.(Вып. 14) - С. 128-138.
42. *Чэнь Чжэньчжун, 1985.* У го гудай дэ цинтун сяодао (Кривые бронзовые ножи нашей страны в древности) // Каогу ю вэньу. - № 4. - С. 72-80, 83.
43. *Чэнь Шоучжун, 1984.* Ганьсу цзин нэй Цинь чанчэн ицзи дяоча цзи каочжэн (Отчет об остатках длинных стен царства Цинь в пределах Ганьсу и критическое исследование) // Сибэй шиди. -№2. -С. 88-96.
44. *Чэнь Пин, 1996.* Люэлунь «шаньжун вэньхуа» дэ цзушу цзи сянгуань вэньти (Немного об этнической атрибуции «шаньжунской культуры» и связанных с этим проблемах) // Хуася каогу. - № 3. - С. 63-76.
45. *Ши Няньхай, 1975.* Цинь Ши-хуан чжидао ицзи дэ таньсуо (Разведка остатков «прямого пути» Цинь Ши-хуана) // Вэньу. - №10. - С. 44-54, 67.
46. *Ши Няньхай, 1978.* Хуанхэ чжун ю Чжаньго цзи Цинь ши чжэ чанчэн ицзи дэ таньсо (Исследования остатков длинных стен в среднем течении Хуанхэ, относящихся к эпохам Чжаньго и Цинь). - Шэньси ши да сюэбао.- №2. - С. 50-66.
47. *Ши Няньхай, 1981.* Хуанхэ чжун ю Чжаньго цзи Цинь ши чжэ чанчэн ицзи дэ таньсо (Исследования остатков длинных стен в среднем течении Хуанхэ, относящихся к эпохам Чжаньго и Цинь) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). - Пекин. - С. 52-67.
48. Ши Няньхай. Ээрдосы гаоюань дун цзюнь Чжаньго шици Цинь чанчэн ицзи таньсуо цзи (Записи о разведке остатков длинных стен царства Цинь периода Чжаньго в восточной части плато Ордос) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). - Пекин, 1981а. - С. 68-75, 117.
49. Ши цзи (Записи историка) / Сыма Цянь - авт. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ - комм. - Т. 1-10 - Изд. четырнадцатое. - Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ. - 1996. - 3322 с., 56 с. прил.
50. Шо юань (Сад высказываний) / Лю Сян - авт. Пекин. 1976? (Чжунго цзысюэ минчжу цзи чэн, 26).
51. Шуй цзин чжу (Речной канон с комментариями) / Ли Даоюань - автор. - Издание третье. - Чанша: Юэ Лу шуинь чубаньшэ. - 1996. - 597 с.
52. *Ян Куань, 1957.* Чжаньго ши (История периода Чжаньго). - Шанхай.
53. *Ян Чжицзюнь, Хао Сыдэ, 1990. Ли Чэци.* Пинъян муди (Могильник Пинъян). - Пекин. - 257 с., ил.
54. *Ян Шичжун, 1992.* Нинся Гуюань Люпинцунь фацзюэ и цзо Дун Чжоу му (Могила эпохи Восточного Чжоу обнаружена в Люпинцунь уезда Гуюань, Нинся) // Каогу. - №5. - С. 469-470.
55. Янь ся ду (Нижняя столица Янь). - Т. 1-2. - Пекин, 1998.

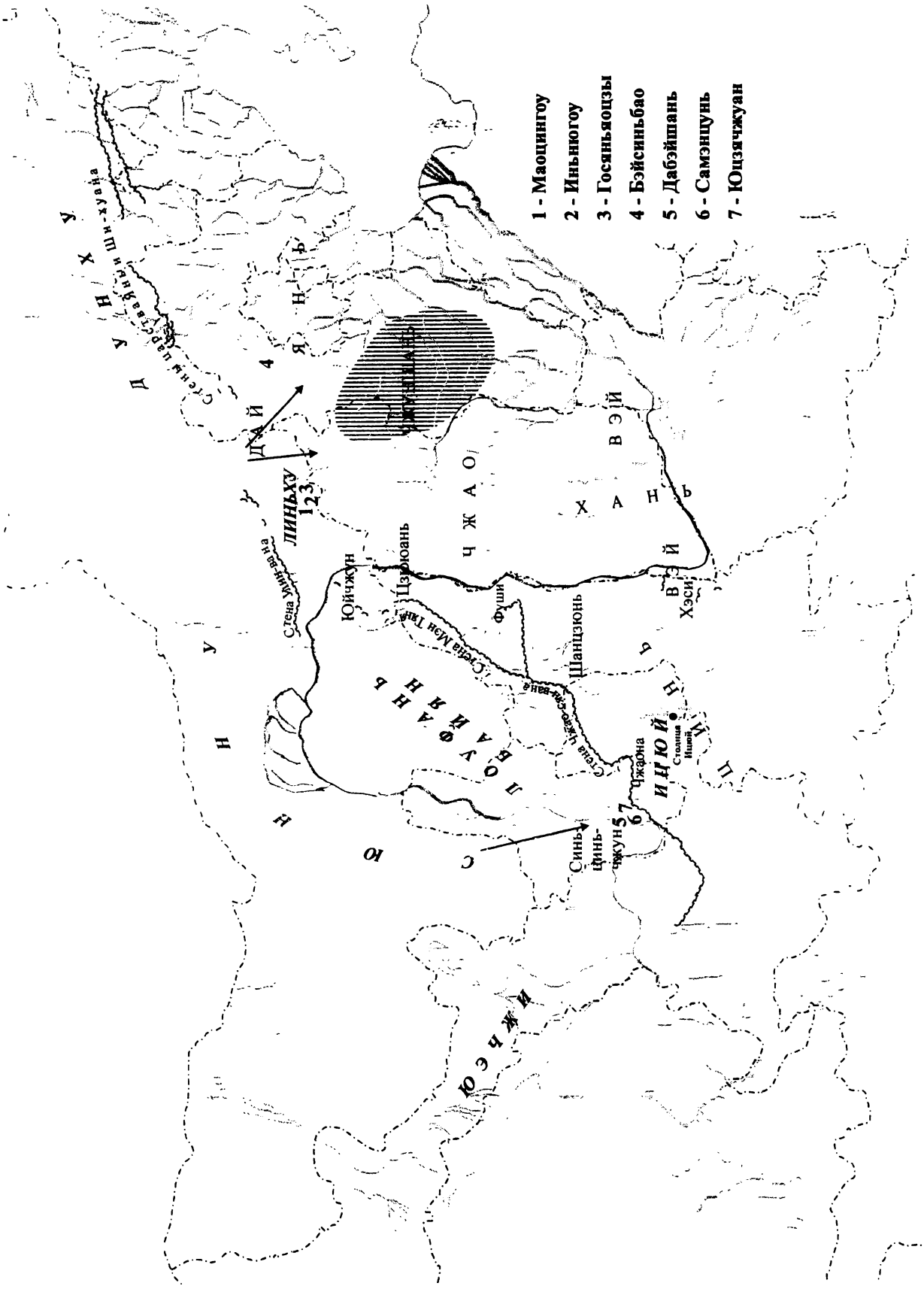


Рис. 1. Китайские государства и племена кочевников в IV-III вв. до н.э.. Расположение дунху, лоуфань, байян - на конец III в. до н.э. Расположение линьху, Ицюй - на конец IV в. до н.э.. Расположение сюнну - на конец IV-III вв. до н.э.

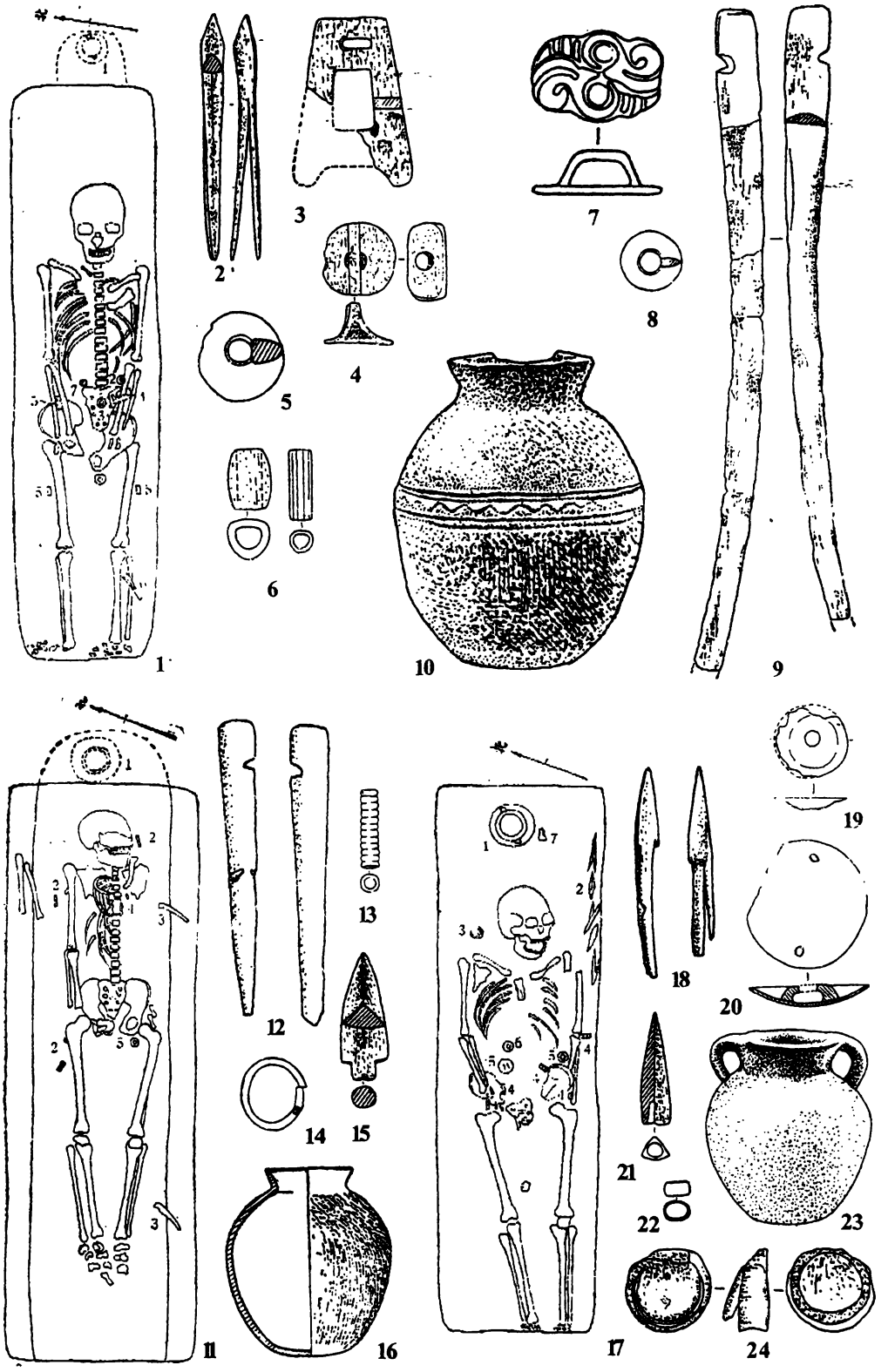


Рис. 2. Комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну. 1-9, 11-25 - могильник Госяньяоцзы (уезд Лянчэн, АР Внутренняя Монголия): 1-6 - М14, 7-9 - М2, 10 - М28, 11-16 - М21, 17-24 - М6 (по Вэй Цзянь, 1989). 2-4, 6, 9, 12, 15, 18, 21 - кость, 5, 8 - камень, 7, 13, 14, 19, 20, 22, 24 - бронза; 10, 17, 24 - керамика.

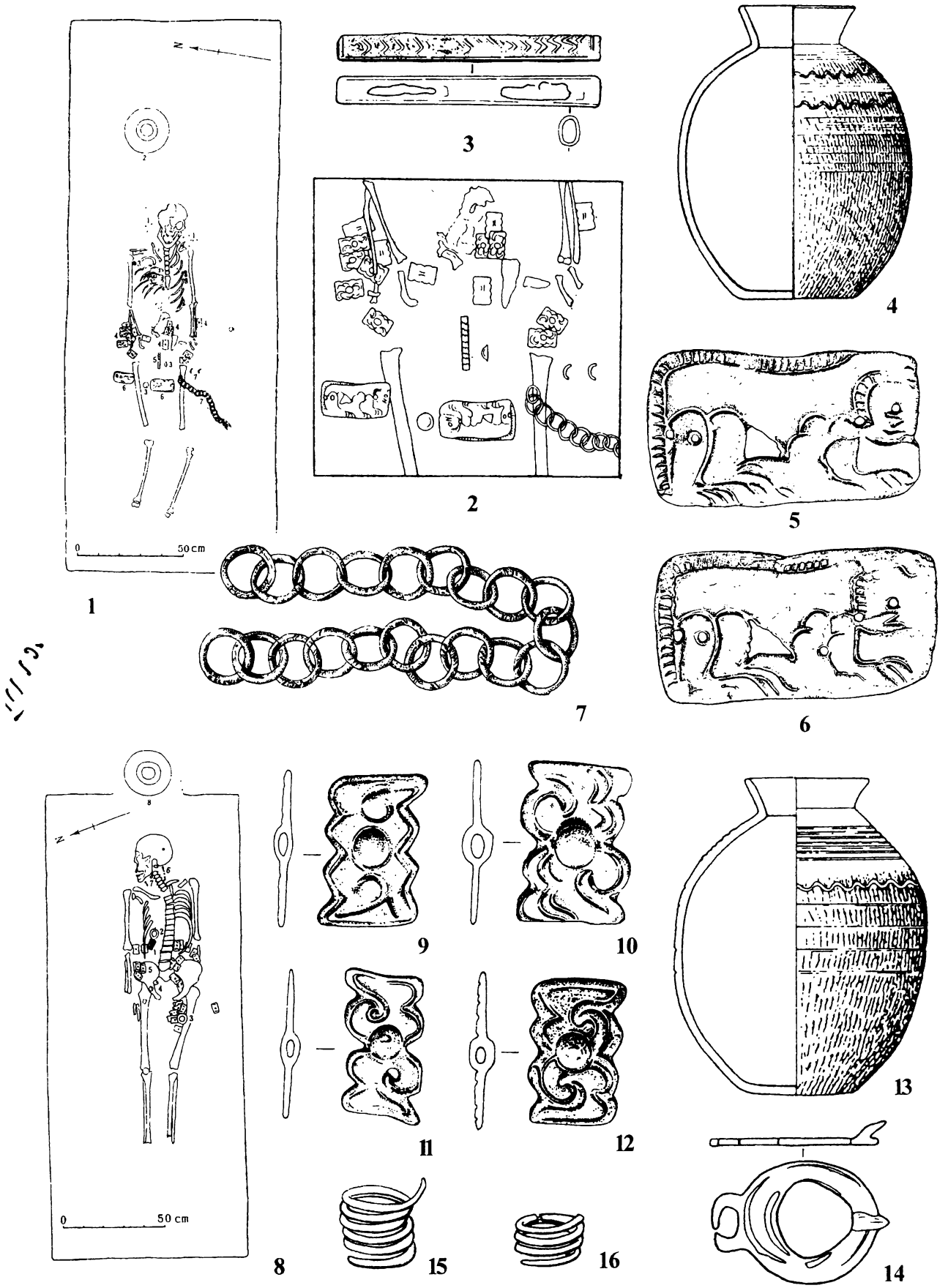


Рис. 3. Комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну. Могильник Маоцингоу (уезд Лянчэн, АР Внутренняя Монголия): 1-7 - М5, 8-14 - М63 (по Graberkatalog, 1992). 3, 5-7, 9-12, 14-16 - бронза; 4, 13 - керамика.

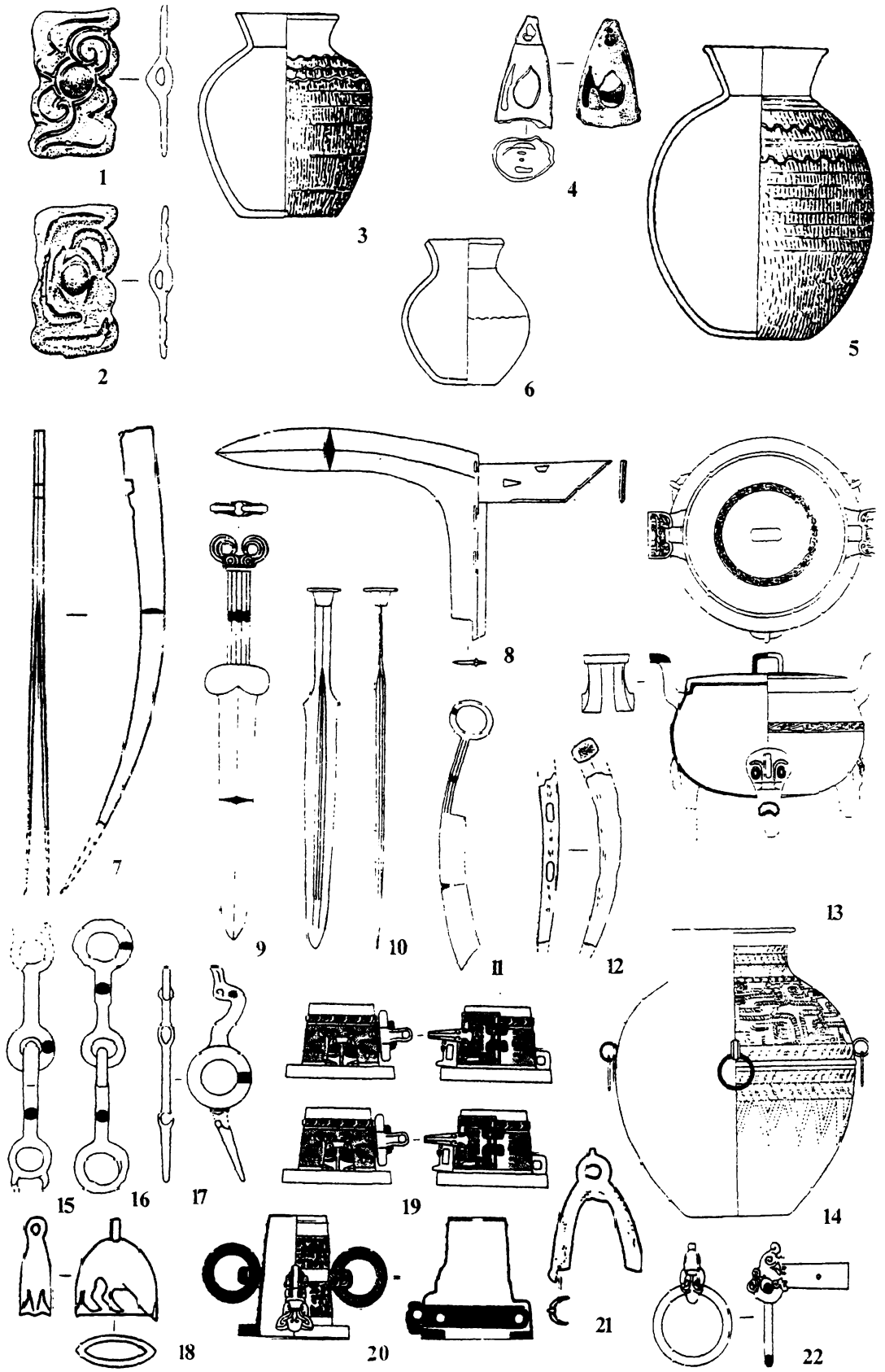


Рис. 4. Комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну. 1-6 - могильник Маоцингоу (уезд Лянчэн, АР Внутренняя Монголия) (1-3 - М37; 4-5 - М62; 6 - М33)(по Graberkatalog, 1992); 7-22 - могила Бэйсиньбао М 1 (уезд Хуайлай, Хэбэй) (по Лю Лайчэн, 1966). 1, 2, 4, 8-11, 13-22 - бронза; 3, 5, 6 - керамика; 7, 12 - кость.

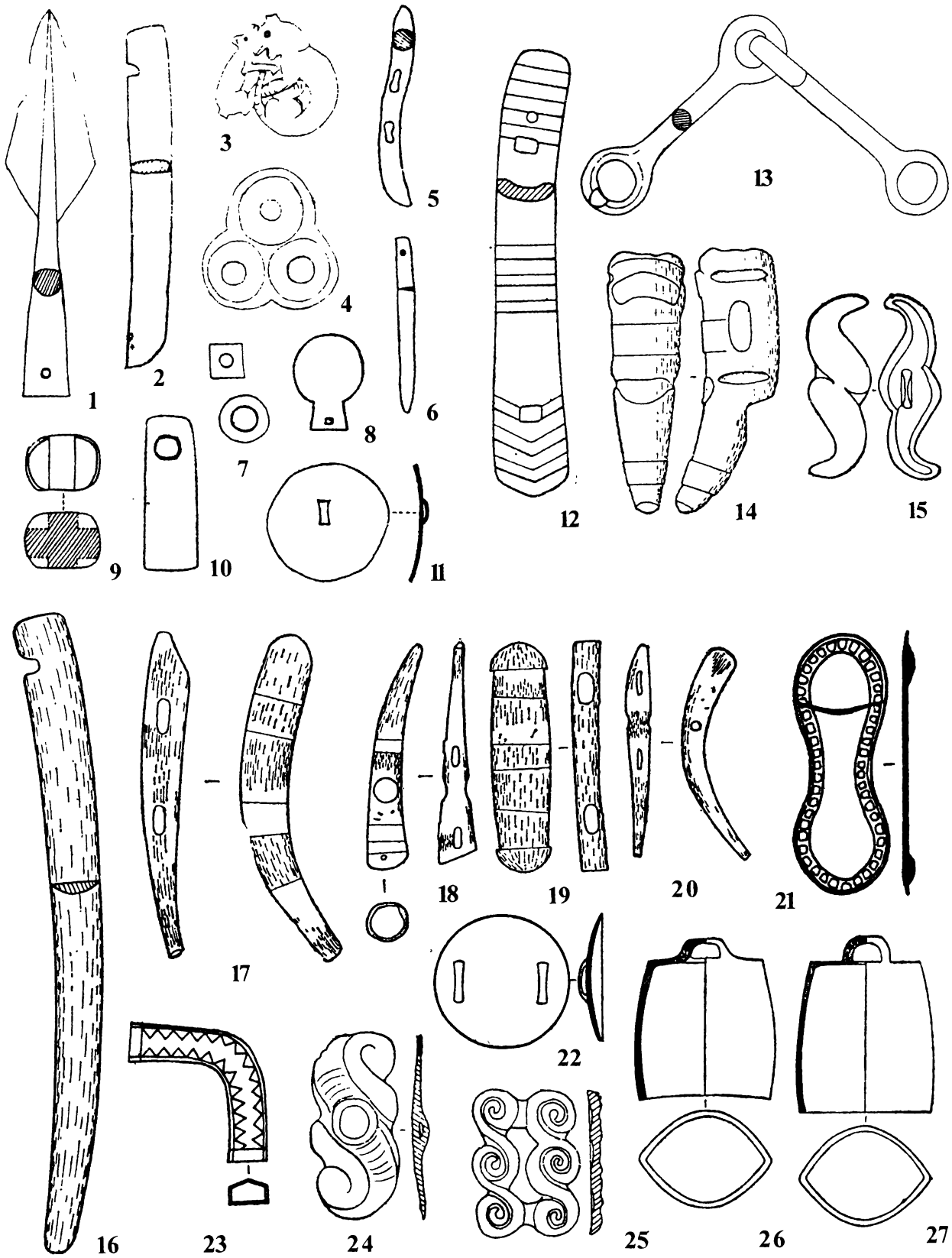


Рис. 5. Комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну (уезд Гуюань, Нинся). 1-11 - Дабэйшань (по Чжун Кань, Хань Кундун, 1983); 12-15 - Юцзячжуан SM2 (по Чжун Кань и др., 1995); 16-27 - Самэнцунь М2 (по Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990). 1, 3, 8, 6, 11, 13, 15, 21-27 - бронза; 2, 5, 7, 9, 12, 14, 16-20 - кость; 10 - камень.

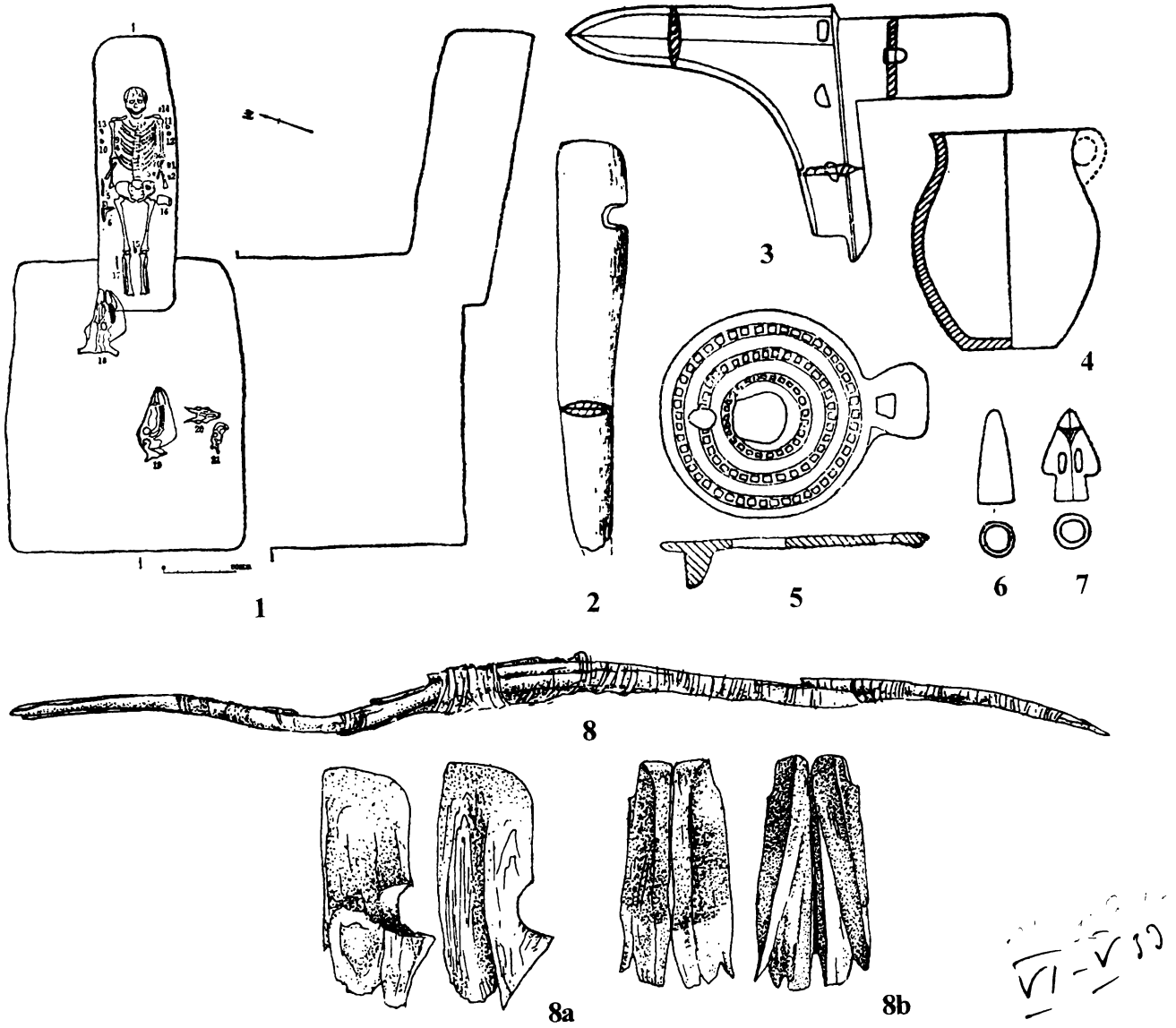


Рис. 6. 1-7 - комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну (уезд Гуюань, Нинся), Юцзячжуан М 17 (по Чжун Кань и др., 1995); 8 - лук из М 406 в Чанша (Хунань): 8a,b - роговые накладки. 2 - кость; 3, 5-7 - бронза; 4 - керамика; 8 - дерево, рог.

СТЕПНАЯ БУРЯТИЯ В СОСТАВЕ ХУННСКОЙ ИМПЕРИИ

Н.Н. Крадин

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (97-06-96759, 99-06-99512)

Большинство хуннских археологических памятников, находящихся на территории Российской Федерации, расположены в пределах современной Республики Бурятия. Здесь на настоящий момент обнаружено более 90 археологических памятников хунну, из них 3 городища, 5 поселений, 3 «царских» и 30 «простых» могильников, более 50 местонахождений. Ограничение территориальных рамок использованных данных обусловлено несколькими важными обстоятельствами:

Во-первых, основной массив информации по археологии хунну сосредоточен на территории Бурятии (около 70 % раскопанных погребений; на территории Монголии нет ни одного памятника хуннской эпохи, сопоставимого по раскопанной площади с Иволгинским городищем). Было бы нелогично экстраполировать информацию, полученную в результате анализа только северной периферии, на всю империю Хунну.

Во-вторых, многие источники, расположенные на территории Китая и, особенно, Монголии недоступны для исследователей, так как не опубликованы и информация о них хранится в архивных учреждениях, а опубликованные данные выборочны. Напротив, источники из памятников Бурятии представительны для статистической обработки и доступны для исследователей. Основной их массив опубликован (Коновалов, 1976; Давыдова, 1995; 1996; Миняев, 1998; Талько-Грынцевич, 1999).

В-третьих, хуннские памятники на территории Бурятии расположены внутри большого степного массива, связанного с долиной Селенги и вклинивающегося в лесостепные и таежные зоны Байкальской Сибири. С экологической точки зрения - это достаточно обособленный район. Можно предполагать, что данная территория не только имела важное экономическое значение, как зона потенциального земледелия и торговых контактов с культурами охотников забайкальской тайги и рыболовов Байкала, но и представляла собой самостоятельное административно-политическое подразделение в структуре Хуннской империи. Данное допущение делает актуальным рассмотрение хуннских археологических памятников Юго-Западного Забайкалья как единой целостной системы и предполагает возможность использования для исследования данной территории пространственных археологических моделей.

По природному районированию Бурятия делится на северную зону, преимущественно занятую тайгой, и южную (ниже 52-53° с.ш.) зону забайкальских лесостепей и степей. Степи Западного Забайкалья приурочены к склонам гор и межгорным котловинам. Им присущи многие признаки поясов горных степей и лесов Монголии. Климат здесь резко континентальный, суровый. Средняя температура июля около 20°, а средняя температура января опускается до отметки минус 28°. В Западном Забайкалье выпадает от 250 до 390 мм осадков.

Исследования специалистов показывают, что сложившиеся на стадии субатлантического периода ландшафты Забайкалья на протяжении последних тысячелетий остались практически неизменными. В хуннскую эпоху на данной территории были распространены карагана золотистая, ковыли, мятлик, житняк, вострец ложнопырейный (Иметхенов, 1993; 1997).

Согласно современным палеогеографическим исследованиям, время существования хуннского этноса приходится на завершающий этап позднего субатлантического увлажнения в степях Монголии и Забайкалья, который постепенно сменяется на рубеже прошлой и новой эр началом этапа аридизации. Это приводит к регрессии Каспийского моря и Арала (Оксийское болото), стимулирует массовые подвижки народов степной Евразии - начинается «великое переселение народов». (Иванов, Васильев, 1995, с.166-167. Табл. 25).

Палеозоологические и палеогеографические исследования на территории Монголии и Забайкалья показывают, что фауна хуннского времени была аналогичной современной (за исключением исчезновения ряда редких ныне видов, уничтоженных человеком). Из хищников и копытных - кулан, косуля, лось, олень, дикая лошадь, дикий козел, горный баран, газель, кабан, антилопа-дзерен, волк, лисица. Из травоядных и грызунов - заяц, пищуха, гоби-алтайская полевка, тушканчик, тарбаган. Из птиц в хуннское время в степном Забайка-

лье и в Монголии обитали гриф, орел, коршун, сокол, утка, гусь, журавль, жаворонок, перепел, дрофа (Динесман, Князев, Болд, 1986; Динесман, Киселева, Князев, 1989; Иметхенов, 1993; 1997 и др.). Эти выводы подтверждаются данными археологических исследований и отчасти письменными источниками (Крадин, 2000 в).

Необходимо также добавить, что, судя по всему, диких животных в хуннскую эпоху было гораздо больше, чем сейчас. Это предполагало более эффективные различные формы охоты (в том числе и облавной) на копытных животных и грызунов. Все это делает возможным привлечение материалов экологического и этнографического характера для реконструкции системы экономической жизнедеятельности хунну Забайкалья.

Согласно письменным и археологическим источникам основным занятием хуннского населения Забайкалья было кочевое скотоводство. Как и номады более позднего времени, хунну разводили типичный для кочевников Евразии набор животных: овец, крупный рогатый скот, лошадей, реже коз и верблюдов. Кроме этого, у них имелись в небольшом количестве и другие виды домашних животных (Гаррут, Юрьев, 1959; Таскин, 1968; Данилов, 1998 и др.).

Общее количество кочевников на территории современной степной Бурятии можно рассчитать при помощи специальных методик, основанных на определении продуктивности пастбищных ресурсов (Железчиков 1984; Тортика, Михеев, Кортиев, 1994; Гаврилюк 1999 и др.). В общей сложности здесь могло проживать от 12 до 26 тыс. номадов. В военном отношении это от 2-3 до 5 «тысяч» лучников. Можно предположить, что в совокупности с земледельческим населением они представляли самостоятельное воинское подразделение с военачальником в ранге так называемого «слабого» *ваньци* (темника), имевшего в подчинении около 5-7 тыс. воинов (Крадин, 1999, с. 373-386; 2000).

Кроме кочевников в подчинении данного правителя находилось и земледельческое население. Для занятия земледелием благоприятными были и земли Северной Монголии и Южной Бурятии. Среднегодовые осадки в этой физико-географической зоне в лучшие годы могут достигать 400 мм., что в совокупности с наличием сети рек является важнейшей предпосылкой для развития в регионе земледелия. Не случайно именно здесь находятся все (известные на настоящий момент) городища и поселения хуннского времени, которые расположены на берегах Селенги и ее притоков: Джиды, Чикоя, Хилка.

Функциональный статус хуннских городищ на территории Забайкалья еще предстоит выяснить. В частности хуннские городища Забайкалья не могли выполнять важную оборонительную роль. Их размеры невелики и они не могли остановить большие армии. Кроме этого, сами хунну скептически относились к возможности пассивной обороны в осаде. Номады делали основной акцент на подвижности своих армейских подразделений и кочевий и видели в этом одну из главнейших причин своей военной неуязвимости. На хуннских городищах в Бурятии [Давыдова, 1995; Данилов, 1998], в отличие от городищ на территории Монголии [Киселев, 1957; Пэрлээ, 1957], не обнаружено черепицы, которая является индикатором строительства зданий с административными или культовыми функциями.

По всей видимости жители оседлых поселений не были этническими хуннами, а представляли иные национальные группы, чей быт и хозяйство традиционно были связаны с оседлым образом жизни. На это указывает: 1) преобладание в материалах из раскопок Иволгинского городища костей таких животных, как собака и свинья, 2) занятие рыболовством, 3) строительство канов, 4) типично ханьские земледельческие орудия, 5) ряд типов сосудов; 6) китайские надписи на керамике, 7) антропологическое изучение захороненных [Гохман, 1960] в Иволгинском могильнике.

Оседлые жители занимались земледелием и ремеслом, обеспечивали кочевников-скотоводов результатами своей деятельности. На примере Иволгинского городища можно реконструировать характер их хозяйственной деятельности (Крадин, 1999, с. 378-408; 2000г; 2000д). Исходя из минимальных норм плотности (1,8-3,6 м2 на человека) и гипотетического количества жилищ, можно вычислить, что максимальная численность одновременно живущих жителей Иволгинского городища могла составлять 2,5-3 тыс. чел. Взрослое население за 40 рабочих дней могло собрать около 1,3 тыс. тонн зерна. По всей видимости, это был минимум, необходимый для воспроизводства жителям городища - 1,3 тыс. тонн зерна минус 900 тонн на питание жителей городища и примерно 300 тонн

(1/4 часть) на посевной запас. Оставшиеся около 100 тонн могли использоваться на подкормку крупного рогатого скота в периоды лактации и посевной, прикорм молодняка и свиней, которые активно разводились населением городища и т.д. Кроме производящего хозяйства, для пополнения диеты белковой пищей жители городища занимались в зимнее время охотой и рыболовством (с мая по конец лета).

Для снабжения продуктами земледелия кочевников были необходимы дополнительные трудовые затраты. Можно подсчитать, что за 77 рабочих дней с территории активного хозяйственного использования (на расстоянии одного часа пути пешком от городища=5 км) можно было сжать еще 1 тыс. тонн зерна. При условии использования собранного зерна в качестве пищевой добавки (скажем, в течение зимы) им можно было снабдить более 13 тыс. номадов. Если же допустить, что население городища использовало под поля территорию, удаленную от жилья более, чем на 5 км или имело заимки, а совокупное число рабочих дней было доведено до 100 в году, то общее количество прибавочного продукты было еще больше.

Как оценивать отношения между номадами и жителями оседлых поселений и городищ - как сложившуюся систему доминирования кочевников и эксплуатацию ими земледельцев или же как партнерские торгово-обменные связи между двумя хозяйственно-культурными группами общества? Очевидно, что номады имели, в целом, более высокий общественный статус в Хуннской кочевой империи. Это прослеживается даже визуально - захоронения номадов из Дэрестуйского Култука или Черемуховой пади богаче и масштабнее, чем погребения Иволгинского могильника. Данный факт предполагает возможность существования определенной эксплуатации населения поселений и городищ (для межэтнической эксплуатации кочевниками земледельческих поселений совсем необязательно создание государства). В то же самое время нельзя забывать, что в среде низших социальных групп Ханьской империи бытовало мнение о привольном образе жизни иммигрантов в среде кочевников. Единственная проблема - это опасность быть пойманным китайскими пограничниками во время побега.

Скорее всего, в Хуннской державе существовал достаточно широкий спектр отношений между кочевниками и земледельцами. Это могли быть как поселения, заселенные пленниками-рабами, так и населенные пункты, жители которых имели статус полувассальных данников, обязанных поставлять номадам определенное количество земледельческой и ремесленной продукции или даже общины земледельцев, поддерживавшие дружеские экономические и торговые связи с кочевой частью населения степной империи при условии общего военного и политического доминирования кочевников. Однако в том и в ином случаях оседлые земледельческие поселения и городища играли важную роль в экономической структуре Хуннской кочевой империи.

Более полную информацию о соотношении номадных и земледельческих групп в хуннском обществе можно получить при изучении социальной структуры на основе анализа погребальных памятников. В качестве методологии для изучения общественной дифференциации по археологическим источникам принята идея о возможности рассмотрения власти как формы социальной энергии [Adams, 1975]. С этой точки зрения величина власти связана с масштабом контроля над источниками энергии (продуктивные ресурсы, военная добыча, товарооборот и др.), накопителями энергии (склады, у номадов - стада, сокровищницы и пр.) и контролем над перераспределением энергетических потоков. Исходя из этого, чем выше был статус индивида при жизни, тем более пышным был опущенный с ним в могилу инвентарь (одежда, украшения, оружие, предметы быта, пища, символы власти, импортные товары). Однако, поскольку многие элитные погребения древности ограблены, можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что такой критерий как количество энергозатрат, затраченных на возведение погребальных сооружений, как правило, коррелируется с рангом умершего, объемом его власти при жизни (Binford, 1971; Массон, 1976; Добролюбский, 1978 и др.).

Таким образом, погребальный обряд может служить достаточно надежным источником для получения информации о социальной дифференциации в исследуемом обществе. Однако процедуре выделения социальных рангов должен предшествовать половозрастной анализ погребений и останков захороненных. Это обусловлено неравным статусом в обществе мужчин и женщин (что должно

отражаться и в погребальной обрядности), а также существованием в архаическом обществе процедур специфических инициаций, без прохождения которых переход в иной, более значимый социальный статус не представлялся возможным (Бунятян, 1985; Афанасьев, 1993 и др.).

Методика исследования предполагает необходимость проведения ряда последовательных операций:

1. Выделение особенностей погребального обряда, составление списка признаков, ввод информации в компьютерную базу данных (для этих целей была использована специализированная программа STATISTICA 5.0 for WINDOWS).

2. Выявление факторов значимых для возрастного деления совокупности.

3. Разделение совокупности на взрослые и детские погребения.

4. Выявление факторов значимых для полового деления массива взрослых погребений.

5. Разделение совокупности на мужские и женские захоронения.

6. Изучение отличий в погребальном обряде в пределах однородных половозрастных групп и интерпретация неопределенных погребений.

7. Выявление существенных факторов, связывающих те или иные внутригрупповые кластеры с различными категориями сопроводительного инвентаря.

8. Интерпретация полученных результатов.

Для выявления признаков, значимых для тех или иных половозрастных и общественных групп, использовался факторный анализ. Данный метод позволяет обнаруживать скрытые **факторы**, объясняющие связи между выбранными признаками. Для вычленения социальных групп внутри однородных половозрастных совокупностей применялся **кластерный** анализ. Этот метод предназначен для разбиения какого либо множества на заданное или неизвестное число классов на основании некоторых критериев сходства-различия.

Для анализа нами были отобраны материалы по четырем наиболее изученным могильникам: Ильмовая падь, Черемуховая падь, Дэрестуйский Култук, Иволгинский могильник (всего было учтено 342 погребения). Изучение погребальных памятников хунну Забайкалья выявило сложную социальную структуру, наличие иерархической системы рангов, прослеживаемой в различных половозрастных и этнокультурных группах общества [подробнее см. Крадин, 1999, с. 409-475; Kradin, Konovalov, Danilov, 2000).

Мужские погребения разбиваются на резко отличающиеся между собой ранги. Элитные курганы резко противопоставлены захоронениям номадов, имевших более низкий статус. Это три кургана (№№ 10, 40, 54), выделившиеся в отдельный кластер 2 комплекса Ильмовая падь. Данные курганы, как и другие подобные нераскопанные комплексы из могильников Ильмовая падь, Оргойтон, Царам, Хухундэр были возведены в память высших региональных вождей (темников) и их ближайших родственников. Кто это были - наместники из «золотого рода» Люаньди или же представители других знатных кланов - едва ли на этот вопрос можно будет получить точный ответ. Нельзя отрицать и вероятности, что часть из этих могильников могла принадлежать каким-либо группам элиты, боровшейся за власть в период гражданской войны 60-36 гг. до н.э., или же была оставлена правителями какой-то из групп северных хунну уже после гибели степной империи. Очевидно одно - власть на протяжении двух с лишним столетий переходила из рук в руки, что и отражает наличие на данной территории нескольких разных родовых (клановых) могильников с элитными захоронениями.

Рассматривая дифференциацию внутри неэлитных мужских захоронений, можно говорить как об отличиях в погребальном обряде и разнообразии сопроводительного инвентаря между могильниками в целом, так и об отличиях между отдельными общественными группами (субкластерами погребений). Различия между отдельными курганными могильниками могли быть обусловлены разным статусом племенных и родовых коллективом, воздвигнувших эти погребальные комплексы, внутриэтнической (межплеменной) спецификой и хронологическими отличиями разных этапов истории хунну.

В Ильмовой пади помимо элитных курганов выделены еще две группы (субкластеры 1А и 1В), первая из которых несколько богаче. В могильниках Черемуховая падь и Дэрестуйский Култук выделяются несколько групп, примерно сопоставимых по статусу. Возможно, отличия между данными группами отражают характер деятельности захороненных при жизни. Кроме этого, в могильнике Дэрестуйский Култук не удалось интер-

претировать пол и возраст захороненных в ряде безинвентарных (потенциально низкоранговых) погребений. В Иволгинском грунтовом могильнике выделено четыре общественных ранга. Самый низший - безынвентарные погребения кластера 1. Другие три группы сопровождаются различными категориями инвентаря. Вторая подгруппа (субкластер 2АВ) отличается от первой (субкластер 2АА) дополнительно наличием пояса, а третья (субкластер 2В) от второй - наличием сбруи.

Количество труда, вложенное в захоронения курганных могильников Ильмовая и Черемуховая падь, Дэрестуйский Култук, в целом больше, чем затраты на погребения грунтового Иволгинского могильника. Это дает основание предположить, что статус кочевников-скотоводов был выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений. Однако, скорее всего, в Хуннской державе существовал достаточно широкий спектр отношений между кочевниками и земледельцами. В кочевой империи могли быть как поселения, заселенные пленниками-рабами, так и населенные пункты, жители которых имели статус полувассальных данников, обязанных поставлять номадам определенное количество земледельческой и ремесленной продукции, или даже общины земледельцев, поддерживавшие дружеские экономические и торговые связи с кочевой частью населения степной империи при условии общего военного и политического доминирования кочевников.

Исследование совокупности женских захоронений показывает наличие определенной иерархии у представительниц слабого пола. Интересно, что в 7 из 12 выделенных кластеров (субкластеров) женских захоронений встречаются предметы вооружения. Это подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт об активном участии женщин в военной жизни номадов. В захоронениях наиболее знатного могильника Ильмовой пади выделяются три социальных ранга: самые «богатые» погребения относятся к субкластеру 1А. Более бедные погребения относятся к кластеру 2. Погребения женщин с самым низким статусом относятся к субкластеру 1В. В женских захоронениях Черемуховой пади (в отличие от мужских) выделено два общественных слоя. Анализ погребений могильника Дэрестуйский Култук не выявил социальной дифференциации. Скорее всего, здесь, как и в случае с мужскими погребениями, захоронения лиц более низкого статуса совершались в безинвентарных могилах, пол погребенных в которых интерпретировать не удалось.

Гораздо более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях Иволгинского могильника. Здесь выявлено пять рангов. Первая группа погребений (1В) безынвентарная, во второй (1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) - появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) - инвентарь становится разнообразнее (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой (2В) - данные признаки становятся массовыми, становится более разнообразной заупокойная тризна.

Как и в погребениях взрослых, в детских захоронениях фиксируется отчетливая разница между курганными (Ильмовая падь, Дэрестуйский Култук) и грунтовыми (Иволгинский могильник) погребальными комплексами. Лучше всего социальная дифференциация прослеживается в Иволгинском могильнике, где совокупность детских погребений распределяется на три группы: безинвентарные погребения (субкластер 2ААВ), захоронения с керамикой (субкластер 2ААА), погребения с разнообразным сопроводительным инвентарем (субкластер 2АВ). Отдельно следует рассматривать погребения в сосуде кластера 1, которые условно обозначены как «младенческие».

При сопоставлении различных кластеров погребений детей разных могильников выясняется, что по разнообразию сопроводительного инвентаря они могут быть объединены в две группы: 1) безинвентарные и «бедные» погребения Иволгинского могильника (кластер 1, субкластеры 2ААА, 2ААВ, 2В); 2) погребения Дэрестуйского Култука и Ильмовой пади к которым примыкает субкластер 2АВ Иволгинского могильника. В целом, это дает основание проследить определенную дифференциацию среди захоронений детей, выделение «богатых» и «бедных» погребений. Однако необходимо иметь в виду, что в данном случае разнообразие погребального инвентаря далеко не всегда является отражением статуса, поскольку ряд погребений детей, возможно, следует связывать с жертвоприношениями (Миняев, 1989 и др.). В последнем случае богатство инвентаря, скорее, свидетельство высокого социального статуса погребенных мужчин.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно констатировать, что территория степ-

ной Бурятии представляла собой отдельную провинцию Хуннской державы. В период расцвета степной империи здесь кочевала административно-территориальная единица в ранге «тьмы». Кроме номадов на данной территории проживало оседло-земледельческое население, снабжавшее кочевников продукцией земледелия и ремесла. Анализ погребальных памятников выявил наличие социальной дифференциации среди различных половозрастных групп в разных могильниках на территории Бурятии. Самые богатые захоронения сконцентрированы в могильнике Ильмовая падь. Здесь выделяются по три ранга в погребениях мужчин и женщин. Мужские захоронения Черемуховой пади и Дэрестуйского Култука объединяются в несколько разных групп, которые, возможно, отражают характер их деятельности при жизни. В женских погребениях Черемуховой пади выделены две группы. Среди женских могил Дэрестуйского Култука дифференциации не выявлено. В Иволгинском могильнике выявлено четыре иерархических ранга у мужчин и пять у женщин. Среди детских захоронений можно проследить определенную дифференциацию на «богатые» и «бедные» (наиболее отчетливые отличия в Иволгинском могильнике, где выделяется 3-4 группы). Однако необходимо иметь в виду, что часть детских погребений, в том числе и не самых бедных, связана с жертвоприношениями.

1. *Бунятян Е.П., 1985.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). Киев: Наукова думка. - 227 с.
2. *Гаврилюк Н.А., 1999.* История экономики Степной Скифии. VI-III вв. до н.э. Киев: Изд-во ИА НАНУ. - 424 с.
3. *Гарутт В.Е., Юрьев К.Б., 1959.* Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949-1959 гг. // Археологический сборник. Вып.1. Улан-Удэ. - С. 80-82.
4. *Гохман И.И., 1960.* Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Труды Бур. КНИИ СО АН СССР. Вып. 3. - С. 166-173.
5. Давыдова А.В., 1995. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение» (Археологические памятники сюнну. Вып. 1.). - 280 с.
6. *Давыдова А.В., 1996.* Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение» (Археологические памятники сюнну. Вып. 2.). - 176 с.
7. *Данилов С.В., 1988.* Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. - 23 с.
8. *Данилов С.В., 1998.* Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Отв. ред. Н.Н.Крадин. Владивосток. - С. 111-114.
9. *Динесман Л.Г., Болд Г., 1992.* История выпаса скота и развития пастбищной дигрессии в степях Монголии // Историческая экология диких и домашних копытных: История пастбищных экосистем /Отв. ред. Л.Г.Динесман. М. - С. 172-216.
10. *Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В.* История степных экосистем Монгольской Народной Республики. М.: Наука. - 214 с.
11. *Добролюбский А.О., 1978.* О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев. - С. 107-119.
12. *Железчиков Б.Ф., 1984.* Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. - I в. н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время /Отв. ред. А.И.Мелюкова и др. -М. - С. 65-68.
13. *Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект. - 264 с.
14. *Иметхенов А.Б., 1993.* Эволюция природной среды бассейна озера Байкал: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Иркутск. - 33 с.
15. *Иметхенов А.Б., 1997.* Природа переходной зоны на примере Байкальского региона. Новосибирск: Изд-во СО РАН. - 232 с.
16. *Киселев С.В., 1957.* Древние города Монголии // Советская археология. № 2. - С. 91-101.
17. *Коновалов П.Б., 1976.* Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во. - 221 с.
18. *Крадин Н.Н., 1999.* Империя Хунну (структура общества и власти): Дис. ...д-ра ист. наук. Владивосток. - 585 с.
19. *Крадин Н.Н., 2000.* Вероятная численность кочевого населения Бурятии в хуннскую эпоху. Вперед... в прошлое (К 70-летию Ж.В.Андреевой) /Отв. ред.: Ю.Е.Вострецов, Н.А.Клюев. Владивосток: Дальнаука. - С. 161-173.
20. *Крадин Н.Н., 2000а.* Имперская конфедерация Хунну: социальная организация суперсложного вождества // Ранние формы социальной организации. Отв. ред. В.А.Попов. - СПб. - С. 195-223.
21. *Крадин Н.Н., 2000б.* Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. - № 3. - С. 5-16.
22. *Крадин Н.Н., 2000в.* Некоторые аспекты экологии древних кочевников Забайкалья // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. Отв. ред. Н.И.Шишлина. - М. - С. 143-152 (Труды ГИМ. Вып. 120).

23. *Крадин Н.Н., 2000г.* О хозяйственной деятельности населения Иволгинского городища // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред.: М.Л.Бережнова, С.С.Тихонов, Н.А.Томилов. Владивосток: Омск. - С. 142-144.
24. *Крадин Н.Н., 2000д.* Хозяйственная деятельность населения Иволгинского городища // Вестник ДВО РАН.- № 6. - С. 111-121.
25 *Массон В.М., 1976.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука. - 191 с.
26. *Миняев С.С., 1989* «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тез. - Ч. 1. - Кемерово. - С. 114-117.
27. *Миняев С.С., 1998.* Дырестуйский могильник. СПб.: Азиатика (Археологические памятники сюнну. - Вып. 3.).
28. *Пэрлээ Х., 1957* К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. - № 3. - С. 43-53.
29. *Талько-Грынцевич Ю.Д., 1999.* Материалы к палеоэтнологи Забайкалья. Под ред. С.С.Миняева. СПб.: Фонд Азиатика (Археологические памятники сюнну. - Вып. 4.).
30 *Таскин В.С., 1968.* Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. Отв. ред. Л.И.Думан. - М. - С. 21-44.
31. *Тортика А.А., Михеев В.К., 1994. Кортиев Р.И.* Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. № 1. С. 49-62.
32. *Adams R., 1975.* Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin: University of Texas Press. - 353 p.
33. *Binford L., 1971* Mortuary Practics: Their Study and Their Potential // Memories of the Society for American Archaeology. Vol. 25. - P. 6-28.
34. *Kradin N.N., Konovalov P.B., Danilov S.V., 2000.* Social Structure of the Transbaikal Hsiung-nu // International Conference «Hierarchy and Power in the History of Civilizations». Abstracts. Moscow. 2000. - P. 72-73.

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА КУЛЬТУРЫ СЯНЬБИ

Ю.С. Худяков
Юй Су-Хуа

Самостоятельное производство керамической посуды было характерно для многих кочевых народов в древности и в средние века. Важным показателем развитости гончарного ремесла является применение гончарного круга в изготовлении керамики, многообразие форм и орнаментации посуды. В то же время наличие в керамическом комплексе типичных, наиболее характерных для той или иной кочевой культуры форм и орнаментации сосудов является одним из отличительных этнических признаков.

Изготовление посуды на гончарном круге получило распространение в кочевом мире в хуннское время. Хуннская гончарная керамика из памятников Забайкалья подробно проанализирована в трудах А.В. Давыдовой, П.Б. Коновалова, С.С. Миняева.[1] Керамическая посуда из хуннских памятников в Монголии охарактеризована Д. Цэвээндоржем.[2] Керамическая посуда из хуннского памятника на территории северного Китая описана У Энем, Чжун Канем и Ли Цзиньцзэном.[3] Хуннская гончарная посуда на обширной территории распространения хуннской культуры от Забайкалья до Китая и Алтая отличается большим разнообразием форм и орнаментации при сохранении общих черт в технологии производства керамической посуды. Вероятно, традиция изготовления гончарной посуды появилась в хуннской культуре в период проживания хуннов в Ордосе, у границ империи Хань.[4] После завоевания степей Монголии, Забайкалья, Тувы, Алтая и Минусинской котловины гончарная керамика, как один из элементов хуннской культуры, получила распространение по всей Центральной Азии.[5]

В сравнении с достаточно основательно исследованной керамической посудой хуннов, керамика племен сяньби, населявших восточные районы Центральной Азии и создавших после распада Хуннской державы могущественное кочевое объединение, подчинившее во II - III вв. номадов от Большого Хингана до Саян и Тянь-Шаня, остается практически не известной для отечественных специалистов.[6] Между тем в результате работ китайских археологов на памятниках, отнесенных к культуре сяньби, на территории Внутренней Монголии и Маньчжурии получена большая серия разнообразной по форме и орнаментации керамической посуды.[7] Сравнительный анализ этих материалов с керамическими комплексами других кочевнических культур дает возможность проследить развитие гончарного производства в кочевом мире в древности и раннем средневековье. Определение сходных черт в изготовлении керамической

посуды позволит выявить следы влияния сяньбийской культуры в керамическом ремесле иных кочевых этносов и может служить одним из аргументов в пользу сяньбийской принадлежности памятников, в которых обнаружена керамика, аналогичная сяньбийской.

При анализе находок керамической посуды из сяньбийских памятников в публикациях китайских исследователей имеются определенные сложности. Поскольку сосуды, как правило, охарактеризованы суммарно по памятникам, без указания на то, из какой могилы происходит тот или иной конкретный сосуд. Также суммарно описана технология производства посуды, характер орнаментации, особенности ее использования в повседневном быту и для ритуальных целей.

По описанию китайских исследователей керамические сосуды изготавливались сяньбийцами как способом ручной лепки, так и с применением гончарного круга. Обжиг производился на костре, он был неравномерным. Поэтому поверхность многих сосудов имеет красноватый цвет с черными пятнами от неравномерного прокаливания. Все сосуды использовались в быту. Об этом может свидетельствовать нагар на стенках сосудов. В погребения ставилась повседневная, бытовая посуда, а не изготовленная специально в ритуальных целях. В зависимости от состава керамического теста, после обжига сосуды приобретали красный, черный, красновато-бурый или бурый цвет. В единичных случаях найдены сосуды белого цвета. Очень редко поверхность сосуда окрашивалась красной краской. Орнамент наносился на верхнюю часть тулова некоторых типов сосудов в виде одного или нескольких горизонтальных поясков, рядов вдавлений, прочерченных и волнистых линий. Изредка встречаются налепные рассеченные валики.

Посуда помещалась в могилы в большинстве могильников и погребений. Как правило, в могиле находилось по 1-2 сосуда. Керамика отсутствовала только в самых бедных захоронениях.

Довольно много фрагментов керамики обнаружено на поверхности памятников Люцзяцзы и Чжэрим. Вероятно, эти фрагменты должны относиться к разрушенному культурному слою поселений, на площади которых были устроены два сяньбийских кладбища, хотя нельзя исключить и принадлежность надлежность некоторых сосудов к остаткам поминальных тризн.

Керамические сосуды из памятников сяньби с территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии различные по форме и размерам. В китайской научной литературе наиболее распространенные типы сосудов названы китайскими терминами «ху» и «гуань». Однако разные авторы относят одни и те же сосуды к различным типам. Поэтому при классифицировании посуды из памятников культур сяньби мы учитываем основные формальные признаки. К сожалению, не в каждом случае в китайской научной литературе приводятся данные о размерах и технологии изготовления сосудов, о принадлежности сосудов к тому или иному погребению в составе могильника.

Тип 1. Вазы. Сосуды с отогнутым венчиком, узким или широким горлом, выделенной шейкой, покатыми плечиками, яйцевидным тутовом и плоским дном. Размеры сосудов в разных памятниках сильно варьируют. Высота сосуда от 12 до 18 см, диаметр тулова от 9 до 17 см, диаметр устья - 6-7 см, диаметр дна 4-9 см. На поверхности сосудов нанесен орнамент в виде горизонтальной одной или двух полос по тулову, волнистой линии, полукругов; полос точечных вдавлений, фестонов. На тулове встречается елочный, сетчатый орнамент, силуэтное изображение лошади. Иногда вертикальные полосы нанесены на шейке сосудов. Большинство ваз изготовлено на гончарном круге. Подобные сосуды обнаружены в памятниках Ваньгун П, м. 1 в; Иминь; Наньянцзяинцзы; Люцзяцзы; Пятигоу; Багоу. В китайской научной литературе эти сосуды отнесены к типу «ху». Такие сосуды, вероятно, применялись для хранения молочных и других напитков. Сосуды небольших размеров могли служить столовой посудой. По форме и орнаментации некоторые сяньбийские вазы из памятников Ваньгун П, Люцзяцзы, Багоу схожи с хуннскими вазами (Рис. 1,1, 8, 10, 14, 16-22, 30, 32-34, 37).

Вариантом данного типа можно считать вазы с боковыми горизонтально расположенными ручками на тулове. Такие сосуды обнаружены в могильнике Лаохэшэнь (Рис. I, 25, 26). Другим вариантом является ваза с вертикальными ручками на шейке из Лабудалиня, Люцзяцзы и Чжалайнора.

Тип 2. Кувшины. Сосуды со слегка отогнутым или прямым венчиком. Узким гор-

лом, выделенной шейкой, яйцевидным туловом и плоским дном. Размеры сосудов варьируют. Высота сосуда - 16-20 см, диаметр тулова - 13-17 см, диаметр устья - 7-8 см, диаметр дна - 6-8 см. Поверхность сосудов залощена, орнамент отсутствует. Подобные сосуды обнаружены в памятниках Ваньгун П и Синьлуншань (Рис. I, 2). В китайской научной литературе они отнесены к типу «ху». Такие сосуды, вероятно, применялись для хранения напитков и могли служить столовой посудой.

Вариантом данного типа можно считать кувшины с боковыми горизонтальными ручками на тулове. Такие сосуды обнаружены в памятниках Ваньгун П, Иминь, Лаохэшэнь (Рис. I, 7, 9, 27). Кувшины с ручками характерны для памятников дунху. Другим вариантом данного типа является кувшин с боковыми вертикальными ручками на шейке из памятника Люцзяцзы. На тулове сосуда орнамент в виде горизонтальных линий и полосы из чередующихся прямых и косых крестов (Рис. I, 28).

Тип 3. Горшки. Сосуды с отогнутым венчиком, широким горлом, слабо выраженными плечиками, яйцевидным туловом и плоским дном. Размеры сосудов: высота - 15-18 см, диаметр тулова - 11-12 см, диаметр устья - 12-13 см, диаметр дна - 7-8 см. Поверхность сосудов залощена. Сосуды изготовлены способом ручной лепки из глины серо-бурого или красновато-бурого цвета. В большинстве случаев лишены орнаментации. Лишь на горшке из могильника Пятигоу под венчиком имеется две полосы точечных вдавлений. А на сосуде из памятника Иминь I по тулову проходит налепной рассеченный валик. Подобные сосуды обнаружены на памятниках Чжалайнора, м. 25; Иминь I, Лабудалинь; Наньянцзяиньцзы; Пятигоу. В китайской научной литературе эти сосуды отнесены к типу «гуань». Горшки служили для приготовления пищи. Они являются одной из наиболее широко распространенных форм лепных сосудов в кочевом мире в древности и средневековье и были характерны и для хуннской культуры (Рис. I, 4, б, 11, 12, 35).

Вариантом данного типа является горшок с рассеченным налепным валиком по тулову на низком поддоне из могильника Иминь I. Подобные сосуды не были характерны для кочевнических культур восточной части Центральной Азии (Рис. I, 5).

Тип 4. Банки. Сосуды с прямым венчиком, широкой горловиной, сферическим туловом, плоским дном. Высота сосудов - 10-19 см, диаметр горловины и тулова - 14-16 см, диаметр дна 6-10 см. Лишены орнамента. Изготовлены способом ручной лепки. Подобные сосуды известны в памятниках Чжалайнора, Люцзяцзы и Баогоу. Подобные сосуды служили для приема пищи. Они были очень широко распространены в кочевом мире. У хуннов встречаются сравнительно редко (Рис. I, 3).

Тип 5. Триподы. Сосуды с отогнутым венчиком, узким горлом, выделенной шейкой, покатыми плечиками, яйцевидным туловом на трех полусферических ножках с цилиндрическими завершениями в виде сосков. Высота сосуда - 14,7 см, диаметр тулова - 12,7 см, диаметр устья - 5,5 см. Изготовлен из бурой глины, поверхность залощена и окрашена красной краской. По тулову нанесен орнамент из четырех горизонтальных полос разделенных вертикальными черточками (Рис. I, 3). Триподы были характерны для культур Маньчжурии, северного Китая и восточной части Центральной Азии в бронзовом и раннем железном веке.

Тип 6. Ладьевидные. Сосуды с прямым венчиком, широким овальным устьем, вытянутым ладьевидным туловом, плоским дном и боковыми ручками-налепами, плоским дном на коротких ножках, напоминающих соски. Высота сосуда - 20,8 см, ширина - 15,5 см, длина - 26 см. Подобные сосуды найдены в памятниках Ваньгун П, м. 1В; Синьлуншань. Назначение подобных сосудов не ясно (Рис. I, 15). Такие сосуды были обнаружены в памятниках дунху: Пиньян, Сжаньдоу, Саньцзяцзы.

Тип 7. Корчаги. Сосуды с прямым венчиком, широкой горловиной, покатыми плечиками, сферическим туловом, широким плоским дном. На тулове имеются боковые вертикальные ручки. Сосуды не имеют орнамента. Размеры не указаны. Подобный сосуд был обнаружен в памятнике Люцзяцзы. Такие сосуды могли применяться для хранения продуктов (Рис. I, 29).

Тип 8. Кружки. Сосуды с прямым венчиком, сферическим туловом, боковой, вертикально расположенной, дуговидной ручкой. Высота сосудов - 2,6-7 см, диаметр устья - 6,6-9,5 см, диаметр дна - 2,8 см. Сосуды изготовлены способом ручной лепки из бурой или красноватой глины. Подобные сосуды найдены в памятниках Лаохэшэнь, Чжалайнор, Наньянинцзи. Такие сосуды

использовались в качестве столовой посуды для питья (Рис. I, 23, 24).

Тип 9. Кубки. Сосуды с отогнутым венчиком, сферическим туловом и боковой ручкой на тулове, на поддоне. Высота сосуда -15 см., прочие размеры не указаны. Такой сосуд обнаружен на памятнике Чжалайнор. Подобные сосуды могли применяться в качестве столовой посуды для питья. Вариантом данного типа является кубок с биконическим туловом на высоком поддоне, обнаруженный в памятнике Лаохэшэнь.

В китайской научной литературе упоминаются сосуды с цилиндрическим туловом, вогнутым дном, ребристым горлом, орнаментированные налепными валиками, однако без указания, из какого памятника он происходит.

О назначении некоторых форм сосудов, помимо нагара, свидетельствуют остатки шелухи в одном из сосудов из памятника Чжалайнор. На одном из сосудов из могильника Багоу был прочерчен китайский иероглиф «доу», что в переводе означает «горшок для пищи».

Обнаруженная в сяньбийских памятниках Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии коллекция керамической посуды достаточно разнообразна и показательна в этнокультурном отношении. Часть форм сосудов восходит к прототипам, известным в культуре племен дунху, этнических предков сяньби. Отдельные сосуды, как например, триподы, имеют на территории, населенной сяньби, еще более длительную традицию изготовления. Они восходят к сосудам бронзового и раннего железного века. Но все эти типы сосудов в сяньбийской посуде достаточно редки. Некоторые типы, как например, кувшины, относятся к раннему этапу существования сяньбийской культуры.

С хуннской керамической традицией сяньбийскую посуду сближают наиболее многочисленные и распространенные типы сосудов - вазы и горшки.[9] Учитывая, что значительная часть хуннского кочевого населения вошла в состав сяньбийского объединения и «приняла народное название сяньби»,[10] вероятно, традиция изготовления подобных форм могла быть следствием подобной этнической ассимиляции. Хотя нельзя исключить, что у хуннской и сяньбийской гончарной посуды мог быть общий прототип.

В то же время, у сяньбийцев, в отличие от хуннов, значительная часть посуды изготавливалась способом ручной лепки, что свидетельствует о местном происхождении подобных форм. Сяньбийское керамическое производство нельзя отнести к профессионально-ремесленному, в отличие от хуннского.

Типологический состав посуды с разных сяньбийских могильников имеет существенные различия между собой. Это может быть свидетельством локальных керамических традиций, не сформировавшихся в единую сяньбийскую гончарную ремесленную традицию в течение П - Ш вв. н.э.

---

1. *Давыдова А.В., 1985.* Иволгинский комплекс - памятник хунну в Забайкалье. -Л. -С. 38-43; *Давыдова А.В., 1995.* Иволгинский комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. -СПб. -С. 24-28; *Давыдова А.В., 1996.* Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. -СПб. -С. 15-16; *Миняев С.С.,* 1998. Дырестуйский могильник. -СПб. -С. 25.
2. *Цэвэндорж Д., 1985.* Новые данные по археологии хунну / Древние культуры Монголии. Новосибирск. -С. 81-82.
3. *У Энь, Чжун Кань, 1990. Ли Цзиньцзэн.* Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. Новосибирск. -С. 93-94.
4. *Миняев С.С., 1979.* Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово. -С. 75-76.
5. *Худяков Ю.С., 1989.* К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. Новосибирск. -С. 139.
6. *Ковычев Е.В., 1987.* К вопросу о памятниках сяньби в восточном Забайкалье // Проблемы археологии степной Евразии: Тезисы докладов. Ч. П. Кемерово. -С. 145-148.
7. Юйшу Лаохэшэнь (Лаохэшэнь в уезде Юйшу). Пекин, 1987; Чжан Байчжун. Ч жэлимумэн фасяньди сяньбэй ицунь (Остатки культуры сяньбэй, обнаруженные в сейме Чжерим) // Вэньу. 1981, № 2; Ян Чжицзюань, Фу Вэйгуан. Цицхаэрши дадао Саньцзянцзы муцзан цинли (Краткое сообщение о раскопках могильника Дадао Саньцзянцзы у г. Цицикар) // Каогу. –1988. -№ 12 /Перевод с китайского Юй Су-Хуа.
8. *Окладников А.П., 1959.* Триподы за Байкалом //Советская археология. -№ 3. -С. 115-124.
9. *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье. -С. 194-197.
10. *Бичурин Н.Я., 1950.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. -М.-Л. Ч.1.С. 151.

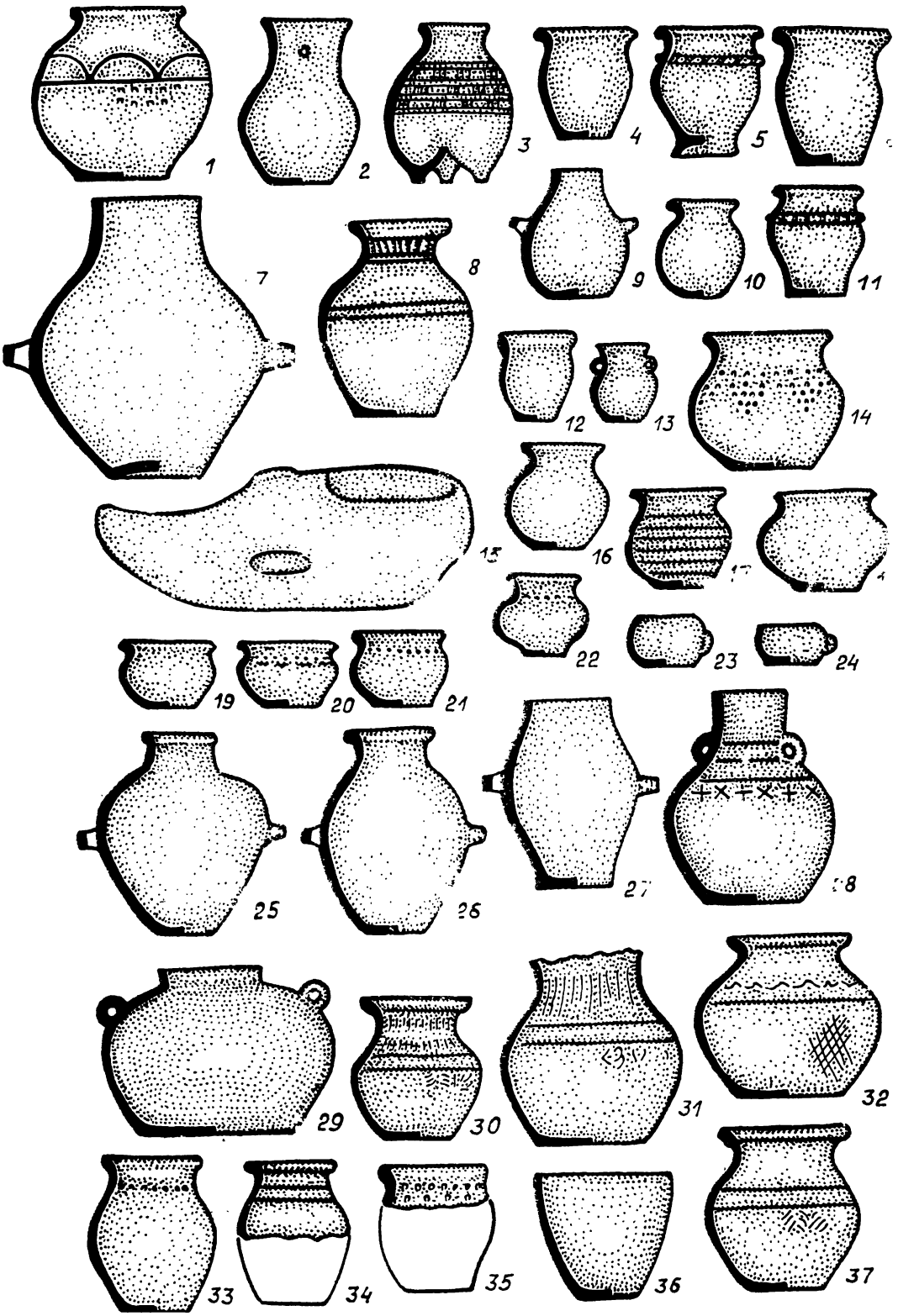


Рис. 1. Керамическая посуда из памятников сяньби: 1,8,10,13,14,16-22,25,26,30,32,37 – тип 1; 2,7,9,28,31, - тип 2; 3 – тип 5; 4-6,11,12,35 – тип 3; 15 - тип 6; 23,24, - тип 8; 29 – тип 7; 36 – тип 44 1-3,7,8,15 – Ваньгун; 4 – Чжалайнор; 5,6,9-11 – Иминь; 12-13 – Лабудалинь; 14,16-24 - Наньянцзяинцзы; 25-27 – Лаохэшэнь; 28-32,37 – Люцзяцзы; 33-35 – Пятигоу; 36 – Багоу.

ГОРОДА В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.В. Данилов

Проблемой возникновения городов в кочевых обществах занимались многие исследователи-представители различных научных специальностей: историки, археологи, географы, архитекторы, изучавшие природную среду обитания, историю, культуру кочевых народов евразийских степей с глубокой древности до современности. Изучались причины, побуждавшие кочевников к переходу к оседлому образу жизни, к строительству стационарных жилищ, укрепленных поселений и городов. Установлено, что процессы седентаризации кочевого населения явление очень сложное и каждый отдельный эпизод появления оседлых поселений требует детальной проработки всех материалов и фактов, его вызвавших.

На территории Центральной Азии, где производящее хозяйство в виде каких-то не до конца выясненных форм скотоводства и возможно примитивного земледелия появляется, по-видимому, в афанасьевское время, а кочевое скотоводство начинает складываться в регионе в бронзовом веке, в карасукскую эпоху. Иньские и чжоуские источники II тыс. до н.э. упоминают о воинственных северных варварах, ведущих необычный с точки зрения оседлых земледельцев кочевой образ жизни, передвигаясь по степям вслед за стадами скота. По всей видимости, население центральноазиатских степей этого времени, оставившее такие памятники как керексуры, оленные камни и плиточные могилы, еще не сооружало стационарных жилищ и не образовывало оседлых поселений, по крайней мере, археология не предоставляет нам никаких свидетельств о существовании таких объектов.

Впервые оседлые поселения и укрепленные городища появляются в Центральной Азии в хуннское время (III в. до н. э. - II в. н. э.). Их изучение началось открытием и раскопками Нижнеиволгинского городища, расположенного в Бурятии, в окрестностях города Улан-Удэ. Г.П. Сосновский, проводивший в 1928 и 1929 годах исследования на городище, идентифицировал добытые здесь находки с материалами из Ноин Улы и Ильмовой пади и датировал их гуннским временем. Им были выявлены фортификационные сооружения, остатки землянок, определены основные виды хозяйственной деятельности обитателей городища. (Сосновский, 1934, с. 150-156).

Крупномасштабные раскопки городища, начатые А.П. Окладниковым и продолженные А.В. Давыдовой, подтвердили датировку памятника, предложенную Г.П. Сосновским, и выявили на городище остатки стационарных наземных жилищ, жилищ типа полуземлянок и хозяйственных построек. Разнообразные материалы, полученные при раскопках, свидетельствовали о внезапном прекращении жизни на городище в результате пожара, вызванного, по-видимому, вражеским нашествием. Анализ вещевого комплекса, полученного в процессе исследования, выявил существование у населения развитого хозяйства с земледелием, скотоводством, ремеслом и различными промыслами. Наличие на городище помимо землянок и полуземлянок сравнительно больших наземных глинобитных зданий, построенных для проживания определенной группы лиц, говорит об известном социальном расслоении его населения. (Давыдова, 1995). Раскопки, проводимые на поселениях в Дуренах, Енхоре, на городище Баян Ундэр (Сосновский, 1947, с.35-39; Давыдова 1978, с.55-59; Данилов, 1995, с.26-36), дали новые дополнительные сведения об оседлости хунну в северных пределах созданного ими государства.

Исследования, проводимые на территории Монголии, показывают наличие там различного типа хуннских поселений, отдельные из которых достигали значительных размеров. Судя по размерам остатков сооружений, находившихся на территории городищ, разнообразию строительных материалов можно говорить о начале формирования у хунну городской культуры. (Киселев, 1957; Пэрлээ, 1957, с 43-53; Шавкунов, 1973, с. 506-507). Однако с полной обоснованностью об этом можно будет говорить только после проведения на памятниках полномасштабных археологических раскопок.

Строительство поселений происходило не только на территории расселения коренных хунну. Раскопки здания дворцового типа хуннского времени в Хакасии, близ Абакана выявили многокомнатное здание, сооруженное из глины, заливаемой в деревянную опалубку, и крытое черепичной крышей. Дворец

находился внутри обнесенного глинобитной стеной городища с остатками различных построек. По всей видимости, здесь проживала определенная группа различного по этническому составу населения, включавшего как местное население, так и пришельцев из монгольских степей. (Евтюхова, 1947, с.79 - 85)

Почти нет сведений о существовании оседлых поселений у сяньбийцев, наследовавших от хунну политическое преобладание в центральноазиатском регионе. Возможно, что они каким-то образом использовали хуннские поселения и городища в своих экономических и политических интересах. В то же время, судя по некоторым данным, у сяньбийцев существовали навыки строительства оседлых стационарных поселений. (Пэрлээ, 1961).

У жужан, чья гегемония в Центральной Азии продолжалась в течение более полутора сотен лет, источники упоминают существование городов, в которых сосредотачивалось управление подвластными территориями и протекала разнообразная хозяйственная и культурная деятельность. Хотя известны названия этих городов и примерное их месторасположение, археологически они пока еще не выявлены. (Пэрлээ, 1961; Хандсурэн,1993).

В тюркское время сведений об оседлых поселениях на территории Центральной Азии имеется сравнительно мало. (Пэрлээ, 1961). Хорошо известны только достаточно сложные по своей конструкции и композиции архитектурные комплексы, сооружавшиеся как поминальные памятники в честь выдающихся деятелей второго тюркского каганата. Среди строительных материалов, применявшихся при их возведении, встречаются черепица, кирпичи. Судя по содержащимся в источниках сведениям, строительные, отделочные, оформительские работы при сооружении поминальных комплексов производились мастерами, присланными китайскими императорами.

В государствах, возникших на месте утративших свое политическое могущество и прекративших существование тюркских каганатов прослеживается существование оседлости. Уйгуры, кимаки, хазары имели крупные оседлые поселения и города. (Плетнева, 1982 с. 96-97; 100-102)

К памятникам уйгурского каганата относится целый ряд городов, городищ и крепостей, расположенных в центральных аймаках Монголии и в Туве. Они имели мощные оборонительные сооружения и хорошо продуманную систему расположения. В городах просматривается сложная планировка застроек, свидетельствующая о достаточно дифференцированной структуре населения, проживавшего в них. (Кызласов, 1979 с.145-158). Столица каганата город Ордубалык был укреплен стенами и имел мощную цитадель, военные казармы, торговые лавки, мастерские ремесленников.

После уйгуро-кыргызских войн, закончившихся победой последних, центр политической жизни региона перемещается в Южную Сибирь на территорию древнехакасского государства. Здесь в пределах Минусинской котловины были выявлены поселения, замки и городища, оставленные средневековым населением.

Вторжение в Центральную Азию киданьских войск и включение значительной части территории региона в состав империи киданей сопровождалось активным строительством городищ, которых насчитывается только в Монголии более десятка. Созданная киданями империя Ляо, центр которой располагался в Манчьжурии, имела сложившиеся еще в доимперское время традиции строительства укрепленных городков. После завоевания Северного Китая в китайских городах размещалась киданьская администрация и военные гарнизоны. Возводили кидани и свои собственные города, которые служили административными, ремесленными и религиозными центрами. (Пэрлээ, 1959; Пэрлээ, 1961; Ивлиев, 1983, с. 120-133). На городищах киданей, расположенных в Монголии, возводились пагоды, подчеркивавшие роль городов как религиозных центров.

В эпоху монгольского владычества по всей территории империи созданной Чингисханом и его преемниками после прекращения кровопролитных завоевательных войн, начинается постепенная стабилизация политической и экономической жизни. Отмечается возрождение разрушенных в результате военных действий и появление новых городов в Китае, Средней Азии, Иране. Возникают города и в степных зонах на территории Золотой Орды, в степях Дешт и Кипчака и, что существенно для нашей темы, в Центральной Азии. Здесь отстраивается столица монгольской империи Каракорум и появляется целый ряд поселений и городов на территории Монголии, Забайкалья, Тувы, Северного Китая. (Кызласов, 1969, с. 138-160; Древнемонгольские города, 1965; Данилов, 1992). Архитектурные особенности и технология строитель-

ства зданий в монгольских поселениях и городах имели целый ряд общих черт: платформы, насыпавшиеся перед началом строительства; каменные подставки под деревянные колонны; полы, вымощенные кирпичом, черепичная крыша. Строительные материалы, изготовлявшиеся по единым стандартам, в первую очередь кирпичи, имели единые заданные размеры и единую технологию изготовления. Единая технология прослеживается и при изготовлении черепицы. Существование такой унификации в строительном деле предполагает существование особого ведомства, курировавшего все вопросы, связанные со строительством.

Строительство оседлых поселений продолжалось и после распада монгольской империи. В XVI-XVII вв. в Монголии начинается и строительство буддийских монастырей. Идет возведение жилых сооружений дворцового типа для монгольской аристократии. Вокруг этих объектов происходит формирование своеобразных торгово-ремесленных посадов, которые при стечении ряда благоприятных факторов превращались в небольшие города. (Пэрлээ, 1961, с. 108-131).

Таким образом, в рассмотренном сжатом обзоре в основном археологических материалов можно увидеть, что на территории Центральной Азии существовал целый ряд кочевых обществ, в которых происходили процессы оседания части населения и строительство населенных пунктов, отдельные из которых выполняли функции городов. Причем это явление фиксируется в различных по хронологии и этническим характеристикам обществах древних и средневековых кочевников. Нетрудно заметить, что в подавляющем большинстве случаев появление оседлости и возникновение городов связано с кочевыми сообществами, в которых происходили сложные социальные и экономические процессы, приводившие родовые и племенные объединения кочевников к созданию особой формы организации общества - государства. Добавим, что одним из основных признаков формирования государственности в древневосточных, античных, средневековых европейских и других обществах неизменно считается появление городов.

..Коротко говоря о причинах возникновения государственности, можно отметить, что это сложнейший процесс, вернее, ряд процессов, проходивших в сферах экономики, политики, мировоззрения, в области социальной организации и т.д. В экономике все большее значение начинают приобретать торговля, ремесло, земледелие. Война также становится одним из средств поддержания экономической стабильности общества. Появление государственности оказывало свое влияние практически на все стороны жизнедеятельности общества.

В кочевых обществах, где основу экономики составляло скотоводство в самых различных формах, часть прибавочного продукта формировалась из добычи, полученной путем военных набегов. Причем объектами таких набегов были как оседлые земледельцы, так и соседние кочевые племена, зачастую связанные с завоевателями родственными отношениям. С появлением предпосылок для объединения и создания вначале союза кочевых племен и перерастания его в дальнейшем в сильное государство начинается целенаправленная политика вторжений с целью захвата соседних территорий и включения их в состав своего государства. Крупные государства с оседлым населением, развитой экономикой и сильной военной организацией подвергались регулярным набегам кочевников с целью захвата разнообразной продукции производимой оседлым населением, и, если у них хватало сил, они аннексировали захваченную территорию. В случае получения мощного отпора кочевники ограничивались установлением торговых отношений и требованием выплаты более или менее регулярной дани.

Однако государственность, появившаяся на смену племенным и родовым организациям кочевников, позволяла вносить существенные изменения во многие стороны жизнедеятельности кочевых обществ. Одной из первоочередных задач, стоявших перед вновь образующимся государством, было создание мощной военной организации для проведения завоевательных походов и создание системы управления собственной и захваченной территориями. Иначе говоря, вначале происходят изменения в надстроечных структурах общества, затем после создания военной организации и соответственно командно - иерархической структуры в управлении армией и населением происходит расширение территории путем военных вторжений и захватов земель у соседних племен и государств. В результате военной реформы создавалась армия, подразделенная, как правило, у кочевников на десятки, сотни, тысячи и десятитысяч-

ные корпуса (тьмы). Верховное командование всеми военными силами кочевой державы осуществлял глава государства. По армейскому принципу осуществлялась и административная реформа: вся территория государства подразделялась на два крыла (левое и правое) и центр, каждое из которых подразделялось в свою очередь на тьмы, тысячи, сотни, десятки.

После преобразований в области общественных отношений происходят изменения в экономике и во внутренней и внешней политики. Наряду с различными формами кочевого скотоводства появляются или получают развитие существовавшие ранее в зачаточном состоянии торговля, ремесло, земледелие. Начинается активное использование экономического потенциала покоренных и зависимых территорий. Концентрация новых экономических структур происходила, по-видимому, вначале при ставках главы государства и наиболее крупных представителей степной аристократии, а затем во вновь образующихся оседлых поселениях, отдельные из которых постепенно перерастали в города.

В настоящее время мало конкретных данных о социальной структуре населения Центральной Азии в эпоху бронзы. Имеющиеся материалы позволяют высказывать какие то суждения о формах общественного устройства лишь в порядке постановки вопроса. Однако появление в это время монументальных памятников, например, керексуров, воздвигавшихся как погребальные сооружения и. возможно, как сакральные центры отдельных родоплеменных групп, свидетельствует о дифференциации общества древних скотоводов по имущественному и социальному признаку. Оленные камни, являвшиеся, по-видимому, материальным воплощением появления культа воина, предводителя кочевых полчищ, дополняют общую картину расслоения общества и доминирования в нем боеспособного, хорошо вооруженного мужского населения. Именно в это время начинают формироваться предпосылки дальнейшей эволюции кочевых обществ, приводившей к созданию сложных социальных организмов, которые рассматриваются в качестве государственных образований.

В современной историографии Центральной Азии принято считать, что первым народом, перешагнувшим порог государственности, были хунну (Киселев, 1951, с. 326; Руденко, 1962, с. 4; Давыдова, 1975, с. 145; Коновалов, 1976, с. 3, Плетнева, 1982, с. 85 - 87). Отдельными исследователями выдвигается положение о существовании в хуннском обществе суперсложного вождества (Крадин, 1999). Однако независимо от формального подхода к социальной характеристике общества хунну ни у кого из исследователей не вызывает сомнений тот факт, что в нем в конце 3 в. до н. э. возникает новая, отличавшаяся от существовавшей ранее, форма организации общества.

Созданная во время правления шаньюя Модэ система управления огромной, возникшей в результате завоевательных походов территорией, наличие всегда готовой к боевым действиям армии, упоминаемой в источниках попытке создания системы налогообложения, аппарат чиновников - все это говорит о качественно ином подходе к организации всего общества в целом.

Возрастающие расходы на содержание государственных структур и увеличивающиеся потребности населения в ремесленной и земледельческой продукции уже не могли обеспечиваться притоком материальных ценностей добытых военным путем. Хунну вынуждены были создавать свою собственную экономическую базу, призванную обеспечивать сбалансированное потребление обществом продуктов земледелия и ремесла. Все больше начинает возрастать роль торговли, которой хунну придавали большое значение. Сейчас очень сложно судить, какая из отраслей экономики и на каком этапе хуннской истории превалировала. Сравнительно сложная военно-административная система, сложившаяся в хуннском обществе, наличие многоотраслевой экономики вызывали потребность в их сосредоточении не в кочевых ставках, а в стационарных оседлых пунктах. Источники довольно скупо сообщают о фактах существования у хунну оседлых поселений и городов. Упоминаются города в Западном крае, отмечаются попытки хунну создавать городки для хранения в них запасов зерна. Археологическими исследованиями в настоящее время выявлено более 20 оседлых поселений и укрепленных городищ, расположенных на территории Монголии и Забайкалья. Исследование этих памятников практически только начато, имеет большое научное значение для изучения первых в истории Центральной Азии центров оседлости, возникших в кочевом обществе.

Сяньби и жужане, чье господство в Центральной Азии продолжалось со II по VI в. как и хунну, прошли сложный путь становления новых общественных отношений, приведший их к созданию государственности. Усиление этих племен было связано с появлением у них выдающихся по своим личным качествам предводителей: Таньшихуая у сяньби и Шелуня у жужан, консолидировавших вокруг себя все силы общества.

Таньшихуай приходит к власти в довольно раннем возрасте благодаря своей смелости, физической силе и уму. За эти качества он становится старейшиной своего кочевья, а затем стал во главе всех западных и восточных сяньбийских кочевий. Возглавив объединенную армию, Таньшихуай предпринимает активные военные действия против пограничных областей Хань и завоевывает все земли, бывшие подвластными хунну. Им проводится административная реформа, подразделившая всю подвластную территорию на три части с определенным числом кочевий в каждой из них. (Материалы..., 1984, с. 75-76). Судя по имеющимся сведениям, основным источником поступления материальных ценностей служили постоянные вторжения на китайскую территорию. Хотя есть данные, что Таньшихуай предпринимал попытки решить проблемы снабжения населения продовольствием.

Жужаньский властитель Шэлунь, принявший титул кагана, одним из первых мероприятий по организации общественных отношений предпринял реформы в армии, подразделив ее, по свидетельствам Вэйских источников, на отряды в 100 и 1000 человек. Те же источники констатируют: «...Шэлунь установил по примеру Срединного государства законы, ввел правила построения воинов и стал угрозой для наших границ». В результате его внешней политики территория государства жужан расширилась от Карашара на западе до Кореи на востоке и от верховьев Амура на севере до Гоби на юге (Материалы..., 1984, с. 269, 408). Вся территория каганата была поделена на два крыла: западное и восточное, во главе которых стояли наместники - селифа. Основой экономики жужанского государства оставалось кочевое скотоводство. Частые войны с Тоба - Вэй свидетельствуют о стремлении жужан восполнить свои потребности в земледельческой и ремесленной продукции за счет набегов и вторжений на территорию Северного Китая. В то же время жужане проводили и торговые операции, ввозя из Тоба - Вэй ряд товаров.

Племена алтайских тюрков, возглавивших движение против жужанского каганата и разгромивших его, создали в Центральной Азии новое политическое образование - тюркский каганат. Судя по интенсивности и масштабам завоеваний, предпринятых тюрками в период с 552 по 580-е годы, они имели сильную и чрезвычайно мобильную армию, благодаря которой границы каганата расширились, занимая территорию от Прикаспия на западе до Кореи на востоке и от Алтая на севере до Великой Китайской стены на юге. Покоренные земли управлялись наместниками, получавшими указания из ставки кагана. Значительно увеличилось количество аристократии, занимавшей различные должности в военно-административной иерархии государства. Основой экономики по-прежнему оставалось кочевое скотоводство. Однако имеются остатки оросительных систем, относимых к тюркскому времени. Часть их применялась для орошения пашен. В земледелии использовались железные сошники. Высокого уровня достигло ремесло, особенно металлургия, кузнечное и ювелирное дело. Широкое развитие получила торговля со странами Средней Азии, Китаем, Ираном, Византией. Несмотря на относительно высокий уровень развития экономики на территории каганата, в его коренных землях не обнаружено остатков оседлых поселений и городов. Известны только, как уже упоминалось, остатки поминальных комплексов выдающихся деятелей тюркского государства. Однако известно, что в состав тюркского государства вошли области с большим количеством городов, расположенные в западной части каганата. Возможно, что частично оттуда поступала так необходимая для кочевого общества продукция, производимая в среднеазиатских городах. (История, МНР 1983, с. 108-113).

Уйгурский каганат, возникший на развалинах государства тюрков, просуществовал более ста лет, сыграв существенную роль в развитии культуры в Центральной Азии. Завоевательная политика, расширившая границы каганата, способствовала созданию системы управления государством во главе с каганом. Властные функции на местах исполняли тутуки и беги. Значительные изменения произошли в экономическом строе общества. Кочевое скотоводство, служившее основой хозяйственной системы, дополняется земле-

делием, различными видами ремесел, торговлей. Началось строительство оседлых поселений и городов, в которых сосредоточивались административные учреждения и разворачивалась хозяйственная жизнь. Столичные города уйгуров, расположенные на Орхоне, служили крупными культурными центрами и сосредоточением караванной торговли. (История МНР, 1983, с. 113-116).

Кидани, кочевавшие на территории Маньчжурии еще до создания государства, имели оседлые укрепленные поселения, население которых занималось земледелием и различными ремеслами. Во главе киданьского общества, подразделенного на несколько племен, стоял верховный хан, периодически выбираемый из числа племенных вождей. Постепенно власть переходит в руки рода Елюй, представитель которого Абаоцзи становится единоличным правителем и основателем правящей династии. Во главе сильного войска он раздвинул границы своего государства до Семиречья на западе и Кореи на востоке, от Байкала на севере до Китая на юге. Причем ряд провинций Китая вошли в состав киданьской империи Ляо. В ходе завоеваний было захвачено значительное число городов Северного Китая и Бохая. Однако кидани и сами строили города, в том числе и на завоеванных территориях Центральной Азии. (Ивлиев, 1983, с. 120 - 133). Города служили местом сосредоточения администрации и воинских контингентов, ведавших сбором дани и исполнением различных повинностей местным населением. На территории коренного проживания киданей и в Северном Китае, куда они переселились в большом количестве, города являлись местом концентрации экономической жизни государства, местом сосредоточения властных структур. (История МНР, 1983, с. 116-121).

Монгольское общество XII-XIII веков также прошло сложный путь общественного развития, предшествовавший созданию государства. Чингис-хан, пришедший к власти после длительной вооруженной борьбы, встал во главе большинства монгольских племен. Имея хорошо вооруженное и обученное войско, он подразделил его по десятичном принципу, поставив во главе отдельных подразделений: туменов, тысяч, сотен своих ближайших соратников. Также он наделяет наделами всех своих приближенных, способствовавших его приходу к власти. То есть первыми действиями Чингисхана после прихода к власти было проведение военно-административных реформ. Последовавшие за этим шаги в области внешней политики ничем существенно не отличались от политики предшествовавших кочевых государств - монгольское государство вступило на путь завоевательных войн. Чингис-хан и его потомки создали империю, равной которой не знала средневековая история. Ее территория простиралась от берегов Тихого океана до Северного Причерноморья. В составе империи оказались страны с различными уровнями экономического развития, разными системами управления, с разнообразным в этническом отношении населением. После прекращения кровопролитных захватнических войн, как уже отмечалось выше, началась стабилизация экономики, возрождались ремесло и торговля, отстраивались разрушенные города. Однако управление такой огромной по размерам и сложной по экономическому и политическому строю империей было невероятно сложно. И довольно быстро возникают несколько, на первых порах полусамостоятельных образований, представлявших собой полузамкнутые политико-экономические системы. Вначале они соответствовали улусам, выделенным Чингис-ханом своим сыновьям, а затем образование вторичных государственных образований проходит в соответствии с закономерностями развития и упадка всех кочевых империй.

В Центральной Азии на коренной территории проживания монголов после создания империи начинают возникать поселения и города. Этот процесс был вызван причинами политического и экономического характера. Концентрация имперской власти и формирование новых отраслей хозяйства вызывала необходимость строительства городов. В Каракоруме - столице монгольской империи отстраиваются императорские дворцы, дворцы знати, здания имперских канцелярий и различных управлений. Город становится крупным торговым и ремесленным центром, в его округе земледельцы выращивают различные сельскохозяйственные культуры. Постепенно города и поселки со стационарными жилищами, здания дворцового типа начинают сооружаться по всей территории коренного расселения монголов. Городская культура становится частью общественной жизни монгольского общества.

Таким образом, рассмотренные сведения и материалы показывают, что на территории Центральной Азии начиная с хуннского времени появляется традиция строительства

стационарных оседлых поселений и городов. Одной из причин появления этого явления послужил факт формирования в отдельных кочевых обществах государственности. По всей видимости, различных объединений кочевников за всю историю степи было великое множество, однако реализоваться в виде государственного образования удавалось немногим кочевым обществам. Одним из основных слагаемых многолинейного процесса создания государственности было появление личности, наделенной организаторским талантом и способной возглавить общество на пути к реформированию. Анализ деятельности вновь создаваемых государственных образований показывает, что их первоочередной задачей было создание мощной военной организации и проведение административных реформ. Причем эти преобразования, проходившие в обществе, были во многом взаимосвязаны, что отразилось в сходстве структуры армейского и гражданского управления. После создания армии, организованной по десятичному принципу, начинается проведение активной внешней политики, выражавшейся в проведении завоевательных войн, направленных на захват материальных ценностей и территории противника, обложение его данью, навязывание торгового партнерства. Однако необходимость создания собственной экономической базы и размещения органов административного управления привели к строительству стационарных поселений и городов.

Данная схема возникновения в центральноазиатском регионе городов является во многом гипотетичной и проверка ее жизнеспособности зависит от получения новых материалов и в первую очередь от получаемых при археологических раскопках.

1. *Давыдова А.В., 1995.* Иволгинское городище. - СПб. - 285 с.
2. *Давыдова А.В., 1975.* Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. - Л. - С. 141-145.
3. *Данилов С.В., Жаворонкова Т.В., 1995.* Городище Баян Ундэр-новый памятник хунну в Забайкалье //Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ. - С. 26-36.
4. *Данилов С.В., 1992.* Средневековые поселения Западного Забайкалья //Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. - Новосибирск. - С. 137-145.
5. Древнемонгольские города. - М. - 1965. - 372 с.
6. *Евтюхова Л.А., 1947.* Развалины дворца в «Земле Хягас» //Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XXI.
7. *Ивлиев А.Л., 1983.* Городища киданей //Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока и смежных территорий. - Владивосток. - С. 120-133.
8. *Киселев С.В., 1957.* Древние города Монголии //Советская археология. - № 2.
9. *Киселев С.В., 1951.* Древняя история Южной Сибири. - М. - 642 с.
10. *Коновалов П.Б., 1976.* Хунну в Забайкалье. - Улан-Удэ.- С. 250.
11. *Крадин Н.Н., 1999.* Империя хунну (структура общества и власти): Автореф. дис... докт. ист. наук. - СПб. - 43 с.
12. *Кызласов Л.Р., 1969.* История Тувы в средние века. Изд.-во МГУ. - 211 с.
13. *Кызласов Л.Р., 1979.* Древняя Тува. Изд.-во МГУ. - 207 с.
14. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. - М. - 1984.- 486 с.
15. *Плетнева С.А., 1982.* Кочевники Средневековья. -М. - 187 с.
16. *Пэрлээ Х., 1957.* К истории древних городов и поселений в Монголии // Советская археология. - №3.
17. *Пэрлээ Х., 1974.* К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике //Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск. - С. 271-274.
18. *Сосновский Г.П., 1934.* Нижне-Иволгинское городище //Проблемы истории докапиталистических обществ. - № 7-8. - С. 150-156.
19. *Сосновский Г.П., 1947.* О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя //Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XIV.
20. *Хандсурэн Ц., 1993.* Жужанское ханство //Этническая история Южной Сибири и Центральной Азии, Новосибирск. - С. 66-106.
21. *Шавкунов Э.В.,1973.* Обследование гуннских городищ в Монголии //Археологические открытия 1972 г. -М. - С. 506-507.

ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ ЭПОХИ РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ю.С. Худяков

Изучение погребальных комплексов кочевых этносов эпохи раннего средневековья Монголии имеет важное значение для решения проблем культурогенеза и этногенеза тюркских и монгольских народов, поскольку на ее территории во второй половине I тыс. н. э. располагались центры каганатов древних тюрок, сейяньто, уйгуров и кыргызов.

Интерес к исследованию памятников этого периода на территории Монголии в мировой и отечественной науке отчетливо проявился в последние десятилетия XIX в., после того, как в 1889 г. Н.М. Ядринцевым были открыты древнетюркские поминальные комплексы в Хушо-Цайдаме.[1] В последующие годы в Монголии работала Орхонская экспедиция Российской академии наук под руководством академика В. Радлова, сотрудники которой Н.М. Ядринцев, Д.А. Клеменц и другие обнаружили несколько поминальных памятников, рунических надписей и каменных изваяний.[2] На некоторых памятниках были проведены разведочные раскопки. Поиском рунических памятников в Монголии занимались ученые А. Гейкель, И.Г. Гранэ, Г. Рамстед, С. Пяльси, польский исследователь В. Котвич.[3]

Расшифровка рунической письменности датским ученым В. Томсеном и переводы текстов памятников В. Радловым, Г. Рамстедом, П. Мелиоранским и другими исследователями позволили соотнести их со времен Второго Восточно-тюркского и Уйгурского каганатов.[4] В. Радлову и И.Г. Гранэ принадлежат первые опыты классификации древних могил Монголии по внешнему облику надмогильных сооружений. Следуя буквально за сообщениями китайских летописей, все исследователи считали древнетюркские поминальные памятники «могилами». Только В. Радлов, изучавший памятники Хушо-Цайдама, пришел к заключению, что «памятники в честь умерших тюркских князей не ставились на самой могиле», а «для празднования поминок строились особые памятники в отдалении от самой могилы».[5] Этот важный вывод не сыграл особой роли в интерпретации древнетюркских поминальников, поскольку могилами тюркской знати он считал «саркофаги» - каменные ящики на поминальных объектах иного типа, чем мемориалы в честь Бильге-кагана и Кюль-Тегина.

Мнение о том, что древнетюркские поминальники являются «могилами», среди исследователей Монголии держалось очень долго, вплоть до 1970-х гг., хотя раскопками в Южной Сибири было уже доказано поминальное значение подобных памятников.[6] Оно служило определенным тормозом для полноценного изучения собственно погребальных памятников средневековых кочевников на территории Монголии, поскольку вместо них изучались поминальные объекты. Только в 1980-е гг. ряд исследователей решительно высказался в пользу поминального характера этих комплексов.[7] Предпринятое В.Е. Войтовым обобщение всех доступных для изучения материалов по данным памятникам подтвердило их поминальное назначение.[8]

В 1920-х гг. средневековые памятники Монголии изучались сотрудниками комплексной экспедиции во главе с П.К. Козловым. Активное участие в исследовании археологических памятников принимали Б.Я. Владимирцов, С.А. Теплоухов, В.А. Казакевич и другие. Важное значение для анализа средневековых комплексов имели работы Г.И. Боровки, который обследовал памятники на р. Толе и раскопал несколько погребений по обряду кремации и ингумации.[9] Г.И. Боровка предложил свою классификацию археологических памятников Монголии, в которой различались плиточные могилы, курганы, херексуры и «турецкие княжеские могилы».[10] Исследовав древнетюркское захоронение с двумя конями на площади херексура в Наинтэ-Сумэ, он посчитал их одновременными. Поэтому и херексуры он отнес к эпохе турок-огузов.[11] В дальнейшем это мнение было принято археологами Забайкалья, которые считали херексуры памятниками древних тюрок и уйгуров.[12] Только в 1980-х гг. раскопками А.Д. Цыбиктарова, П.Б. Коновалова и С.В. Данилова было доказано, что херексуры в Забайкалье, как и в Монголии, Саяно-Алтае, относятся к бронзовому веку.[13] Вероятно, отнесение херексуров к эпохе средневековья,

также негативно сказалось на изучении памятников этого времени, поскольку исследование таких трудоемких, часто лишенных находок, памятников представлялось бесперспективным.

Важное значение для изучения средневековых памятников имели работы Монгольской историко-этнографической экспедиции, проводившейся под руководством С.В. Киселева в 1948-1949 гг. Хотя основные работы были ориентированы на изучение средневековых городищ и, в особенности, монгольской столицы Каракорума, в долине Орхона было раскопано несколько курганных групп. Материалы этих раскопок были систематизированы Л.А. Евтюховой. Она отнесла все исследованные курганы, в которых были обнаружены погребения с конем, погребения со шкурой коня и одиночные захоронения, к тюркам, уйгурам и другим тюркоязычным племенам IX в. н.э. [14] Одно из погребений в могильнике Хушот-Худжиртэ, как отметила позднее А.А. Гаврилова, должно датироваться эпохой развитого средневековья.[15]

В работе этой экспедиции участвовали монгольские археологи. Ц. Доржсурэн занимался изучением хуннских памятников. Им были обнаружены поминальные и триумфальные памятники древних тюрок и уйгуров в Бутуте и на озере Терхин-Цаганнур.[16] Х. Пэрлээ занимался изучением городищ. Им были обобщены материалы по культуре киданей на территории Монголии.[17]

В 1958 г. раскопки памятника Кюльтегина в Хушо-Цайдаме проводили монгольские и чешские археологи во главе с Л. Йислом и Н. Сэр-Оджавом. Хотя памятник был исследован частично, удалось реконструировать его первоначальную конструкцию. Л. Йислом установлено поминальное назначение данного памятника.[18] Позднее Э.А. Новгородова, принимавшая участие в работе этой экспедиции, предложила свою реконструкцию поминального комплекса Кюль-тегина.[19]

Хотя эти работы не были связаны с изучением погребальных памятников древних тюрок, они имели важное значение для выяснения функционального значения поминальных комплексов древнетюркской знати и стимулировали научные исследования в области раннесредневековой археологии.

В 1940-50-е гг. формируются фонды археологических находок, относящиеся к эпохе раннего средневековья, в Институте истории АН МНР, Центральном государственном музее и некоторых аймачных музеях Монголии. При активном участии Х. Пэрлээ создается экспозиция Центрального государственного музея в г. Улан-Баторе, в которой представлены находки с древнетюркских, уйгурских и кыргызских памятников Монголии.

В 1960-е гг. начинаются планомерные исследования Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции, руководимой А.П. Окладниковым, в составе которой работали многие российские и монгольские археологи и этнографы. Экспедиция изучала археологические и эпиграфические памятники в широком хронологическом диапазоне от раннего палеолита до средневековых городищ Монгольской империи. Памятники древнетюркской культуры изучались Н. Сэр-Оджавом. Результаты этой работы были обобщены в книге, в которой упоминаются херексуры, каменные изваяния и другие типы памятников.[20]

Эпиграфические памятники Монголии исследовались С.Г. Кляшторным и В.А. Лившицем. [21] Ревизия известных и изучение новых древнетюркских, уйгурских и согдийских надписей позволили существенно расширить круг источников по истории тюркских и уйгурских каганатов.

В этих работах участвовали монгольские ученые М. Шинэхуу, Б. Базилхан, С. Харжаубай.

В 1970-х гг. были возобновлены работы по изучению монгольской столицы Каракорума, поминальных памятников древнетюркской и уйгурской знати. Материалы раскопок средневековых могильников в окрестностях Каракорума были обобщены В.Е. Войтовым.[22] Им были систематизированы поминальные комплексы тюрок и уйгуров на территории Монголии.[23] Погребальные, монументальные и петроглифические памятники, относящиеся к раннему и развитому средневековью в Монголии, попадали в поле зрения А.П. Окладникова, В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, И.В. Асеева, Ю.С. Худякова, Ю.А. Плотникова, монгольских ученых Д. Наваана, Д. Цэвэндоржа, Д. Баяра, Х. Лхагвасурэна, венгерского археолога И. Эрдейи и других ученых.[24] В последние годы археологические

исследования в Монголии совместно с монгольскими археологами проводят японские, американские, французские ученые.

К настоящему времени на территории Монголии изучено значительное количество средневековых памятников: городищ, поселений, могильников, поминальников, надписей и петроглифов. Некоторые проблемы их исследования постоянно находятся в центре внимания ученых. Камнеписные рунические памятники, каменные изваяния и петроглифы, поминальные сооружения, городища и могильники, относящиеся к культурам древних тюрок и средневековых монголов, активно изучаются тюркологами и монголистами. Некоторые виды памятников подробно освещены в монографиях и статьях многих ученых. В то же время погребальные памятники раннесредневековых кочевников, обитавших в Монголии во второй половине I тыс. н. э., остаются недостаточно исследованными.

В настоящей статье анализируются доступные материалы из погребальных комплексов эпохи раннего и развитого средневековья, раскопанных в разные годы на территории Монголии. Памятники, относящиеся к эпохе, предшествующей образованию Первого Тюркского каганата, когда племена кочевников Центральной Азии находились под властью жужаней, на территории Монголии слабо изучены.

В настоящее время к этому периоду можно отнести только памятник Хад Узуур в Убсу-Нурской котловине на северо-западе Монголии.[25] Это впускное захоронение в каменно-земляном кургане. Скелет погребенного находился в яме, частично перекрывавшей могильную яму основного захоронения. Он лежал на спине, в вытянутом положении, со слегка согнутыми в коленях ногами и согнутой в локтевом суставе левой рукой. Был ориентирован головой на север. На погребенном был пояс с двумя железными пряжками и двумя длинными пластинчатыми накладками. Пряжки имели длинную, вытянутую рамку с треугольным или округлым навершием на конце. У одной пряжки сохранился длинный язычок. Судя по форме пряжек, памятник относится к IV-V вв. н. э.[26]

Впускной характер захоронения не дает возможности выявить конструктивные особенности надмогильных сооружений у погребальных памятников данного периода. Поза погребенного, вытянуто на спине, со слегка согнутыми в коленях ногами и согнутой в локте одной рукой, не является специфичной. Подобньм образом хоронили умерших носители булан-кобинской культуры Горного Алтая.[27] Однако северная ориентировка для данной культуры не характерна. Меридианальная, преимущественно, южная ориентировка была распространена в кок-пашской культуре.[28]

Судя по имеющимся данным, до образования Первого тюркского каганата и широкого расселения древних тюрок по территории Монголии в середине VI в., на ее северо-западе обитали племена, отличающиеся от них в этническом и культурном отношении.

По сведениям китайских летописей, в VI-VII вв. у древних тюрок практиковался обряд сожжения умерших с конем[29]. Подобных погребальных памятников в Монголии пока не обнаружено. Исследованные Г.И. Воровкой курганы с трупосожжениями в Наинтэ-Сумэ и Ихэ-Алыке относятся к хуннскому и кыргызскому времени.[30] Захоронения по обряду кремации в окрестностях Кара-Корума, проанализированные В.Е. Войтовым, датируются монгольской эпохой.[31]

К периоду существования Первого Тюркского каганата может относиться погребение на г. Хайрхан у Наинтэ-Сумэ, раскопанное Г.И. Боровкой.[32] Под округлой каменной насыпью находилась прямоугольная могильная яма, ориентированная по линии север-юг. Погребение было нарушено. Сохранились кости ноги человека в северной части могилы. Здесь же находились кости ноги лошади. Часть костей ног лошади лежала в юго-западной части могилы. Судя по этим данным, в могиле был погребен умерший человек по обряду ингумации. Вероятно, он был ориентирован головой на юг. Кости ног лошади могут свидетельствовать в пользу того, что он был погребен с конем. В могиле находилась лепная ваза, орнаментированная по тулову двумя широкими горизонтальными полосами штампованного елочного орнамента. В ногах умершего найден железный предмет. В головах, рядом с сосудом, находился сильно истлевший кожаный предмет с серебряным кантом и серебряная поделка, напоминающая боковую ручку сосуда, окончание которой оформлено в виде головы грифона.[33]

Определенное сходство этого сосуда с «кыргызскими вазами» из Минусинской котловины, отмеченное Г.И. Боровкой, позволило предполагать принадлежность памятника кыргызской культуре.[34] Однако лепная ваза из Наинтэ-Сумэ, скорее всего, является местным кустарным подражанием образцам импортной ремесленной гончарной посуды, получившей распространение в кочевых культурах Центральной Азии в середине I тыс. н. э.[35] Ввиду ограбленности могилы, определить ее этнокультурную принадлежность затруднительно. Вероятно, погребение на г. Хайрхан у Наинтэ-Сумэ могло принадлежать кочевнику одного из местных племен, включенных в состав Первого Тюркского каганата и испытавших нивелирующее влияние древнетюркской культуры на начальном этапе ее распространения.

Памятники «катандинского этапа» древнетюркской культуры, относящиеся ко времени существования второго восточнотюркского каганата, исследованы в северо-западных районах Центральной Азии весьма основательно. На территории Монголии к этому времени относится большинство поминальных памятников древнетюркской знати и рядовых поминальников. Однако из числа раскопанных погребальных памятников к этому периоду может быть отнесено только одно погребение из могильника Наймаа-Толгой, исследованное монгольскими и венгерскими археологами в Центральной Монголии в 1963 г.[36]

Судя по публикациям, на могильнике Наймаа-Толгой было раскопано одиночное захоронение взрослого человека по обряду ингумации.[37] Скелет погребенного лежал на спине, в вытянутом положении. Левая рука была согута в локтевом суставе, кисть руки находилась на тазовых костях. При погребенном найдены детали наборного пояса: пряжка с овальной рамкой, подвижным язычком и неподвижным щитком, бляхи-оправы прямоугольной и овальной формы с отверстиями для подвесных ремешков, полуовальные наконечники ремней, сердцевидные бляшки. В могиле обнаружены железные черешковые, сильно коррозированные наконечники стрел с костяными, цилиндрическими шариками-свистунками, железная пряжка, обломок гребня и цурка.[38] По данным Н. Сэр-Оджава, к числу древнетюркских относятся памятники Гол Мод и Хутаг Уул в Архангайском аймаке Монголии. В них обнаружены двусоставные удила с эсовидными псалиями, стремена с округлой или пластинчатой петлей, подпружные пряжки, поясные пряжки с овальной рамкой, подвижным язычком и неподвижным щитком, фигурные бляшки, полуовальные наконечники ремней, серьги с подвесками, срединные накладки луков, цурки, фрагменты керамики с полосой волнистого орнамента под венчиком.[39]

Более представительны материалы из раскопок погребальных памятников древнетюркской культуры, относящихся к периоду существования Уйгурского и Кыргызского каганатов. Исследованные на территории Монголии древнетюркские погребения с конями относятся к VШ-X вв. н. э.

Погребение, раскопанное Г.И. Воровкой у Наинтэ-Сумэ, находилось внутри ограды херексура, под округлой каменной насыпью с провалом в центре. На дне могильной ямы находился скелет погребенного, без черепа. Он лежал на спине, был ориентирован головой на восток. Ноги погребенного были слегка согнуты в коленях, правая рука отведена в сторону и согнута в локте. На скелете были обрывки шелковой материи красного цвета, бронзовые сердцевидные бляшки от пояса, обломок китайского зеркала. В ногах находились обломки железных стрел с костяньми свистунками без отверстий. У правого бока находился сильно коррозированный железный предмет-обломок меча, кинжала или ножа. Окисел железа находился и с левой стороны скелета погребенного. Оба коня были взнузданы и заседланы. При них найдены удила, бляшки от узды, стремена, подпружные пряжки, цурка и деревянные остатки седел. Бронзовые пряжки и бляшки от узды были позолочены и украшены розетками [40].

В могильнике Джарааланты погребение женщины с двумя конями находилось на дне могильной ямы под округлой насыпью. Скелет погребенной лежал на спине, вытянуто, головой на восток. У черепа найдены золотые серьги с подвесками. В головах в лаковой чашечке находилось бронзовое китайское зеркало в шелковом футляре, костяной гребень, железный нож с деревянной рукояткой, косточки урюка и сливы, зуб человека. В головах стояли: лепной сероглиняный баночный сосуд с резным орнаментом по венчику и тулову, красноглиня-

ный кувшин с ручкой и носиком-сливом. Красноглиняный сосуд с раздутым туловом и загнутым внутрь венчиком стоял в ногах погребенной. Внутри сосуда найден фрагмент желтой охры. У ног умершей находился шелковый мешочек с семью танскими монетами. В южной части ямы лежало два скелета коня, на животе, с подогнутыми ногами, головами на запад. Оба коня были взнузданы, один заседлан. В зубах у них были удила с эсовидными псалиями. От узды сохранились обоймы, бляшки и пряжки из бронзы и налобная серебряная бляха. От седла остались фрагменты кожи и узорчатой шелковой ткани, обломки деревянного остова, железные стремена с пластинчатыми петлями и железная подпружная пряжка.[41]

Погребение на памятнике Увгунт, исследованное в 1983 г. Х. Лхагвасурэном и Д. Навааном, оказалось основательно нарушенным. От погребения человека сохранились только фаланги пальцев рук и ног и зуб. В могиле найдена также челюсть и лопатка собаки. Скелеты лошадей оказались нетронутыми. Они лежали вдоль западной стенки могильной ямы, на животе, с подогнутыми ногами, были ориентированы головами на север. При скелетах лошадей найдены железные удила с эсовидными псалиями, подпружная пряжка, подвесная бляха с бубенчиками, орнаментированная фигурами противостоящих крылатых львов и золотые сбруйные бляшки, украшенные четырехлепестковыми розетками. Из украшений человека сохранился золотой брактеат с изображением византийского императора и рунической надписью.[42] Из-за ошибки радиокарбонного анализа образца дерева из этого захоронения монгольские ученые отнесли его к хуннскому времени.[43] Однако особенности погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря не оставляют сомнения об его принадлежности к древнетюркской культуре, к VШ-IX вв.[44]

В 1987 г. Д. Навааном и Х. Лхагвасурэном было раскопано в Монгольском Алтае еще одно древнетюркское захоронение с двумя конями. Однако данными об этом памятнике автор настоящей статьи не располагает.

Еще одно древнетюркское захоронение с конем было исследовано в 1987 г. Ю.С. Худяковым на могильнике Цаган-Хайран-Уул в Убсу-Нурской котловине на северо-западе Монголии. Под округлой каменной насыпью с провалом в центре находилась яма с подбоем. Скелет коня лежал в яме на животе, с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. Остатки скелета человека были в подбое. Первоначально он лежал на спине со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. В могиле найдены железные удила с кольчатыми псалиями, цурка, железный нож, оселок с руноподобными знаками, пряслице, изготовленное из стенки сосуда уйгурского времени, которые дают основания для датировки памятника VШ-IX вв.[45]

В музее г. Мурэна хранится комплекс находок из «разрушенного погребения» в долине р. Аргаан-гол, который включает 3 удил, 3 стремени, 4 пряжки, 4 орнаментированных бляхи-оправы, железный котел, наконечник копья и 11 трехлопастных наконечников стрел, которые относятся к IX-X вв.[46] Если сведения о происхождении находок верны, то они должны относиться к захоронению воина с оружием, поясом, походной утварью и сбруей от трех лошадей.

Анализ имеющихся данных по погребальной обрядности древних тюрок на территории Монголии свидетельствует, что в период раннего средневековья она отличалась значительной вариабельностью. Преобладающим являлся обряд ингумации в сопровождении двух коней, реже встречаются захоронения с одним конем или без коня. Погребения совершались в ямах и подбоях. Ориентация варьирует от широтной до меридиональной. Во всех раскопанных могилах люди и лошади ориентированы в разные стороны. В могилах встречаются кости барана и собаки. Состав и облик инвентаря зависел от пола и социального статуса погребенного. (Рис.1).

Обряд погребения в курганах могильника Орхон-Дель в Центральной Монголии, которые были отнесены Л.А. Евтюховой к уйгурам, восстанавливается с трудом.[47] Погребения были совершены в неглубоких могильных ямках, под округлыми и четырехугольными каменными насыпями, по обряду ингумации. Все раскопанные курганы были ограблены, поэтому поза и ориентировка погребенных не устанавливается. Сведения о находках в погребениях костей лошадей, коров и баранов, приведенные Л.А. Евтюховой, противоречивы.[48] Среди находок имеются удила, цурки, пряжка,

кресало, обойма, наконечники стрел и фрагменты уйгурской керамики, которые позволили отнести эти погребения к культуре уйгуров.[49]

На территории Монголии исследованы и захоронения культуры енисейских кыргызов по обряду кремации на горизонте. Курганы с такими погребениями раскапывались Г.И. Боровкой в среднем течении р. Толы.[50] Погребение в кургане у Наинтэ-Сумэ находилось под камнями насыпи, на горизонте. Оно представляло собой «жженое пятно» с необожжеными костями животных. Из находок обнаружен только железный гвоздь. В кургане на Ихэ-Алыке обнаружено под насыпью сожжение на горизонте и железная трехлопастная стрела.[51] Курганы с захоронениями по обряду кремации на горизонте и железными предметами получили распространение в кыргызской культуре с IX-X вв. Это была эпоха «кыргызского великодержавия», когда кыргызы, разгромив уйгуров, завоевали Центральную Азию. (Рис. II, 1) Помимо памятников рядовых кыргызских воинов, исследованных на Ихэ-Алыке и Наинтэ-Сумэ, в Монголии известны курганы кыргызской знати со стелами и руническими надписями.[52]

Кыргызское завоевание существенным образом изменило этнокультурную ситуацию в Центральной Азии. Уйгуры и другие телесские племена в значительной массе покинули территорию Монголии, расселившись на соседних областях Прииртышья, Восточного Туркестана, Ордоса, Маньчжурии и Забайкалья. Сравнительно малочисленные кыргызы и подвластные племена кыштымов не могли заселить все завоеванные земли. Кыргызские погребения эпохи развитого средневековья в Монголии встречаются редко. Одно из таких захоронений обнаружено в местности Нахигуийн-Манхан на западе Монголии.[53] Кыргызские погребения монгольского времени в Каракоруме относятся ко времени подчинения кыргызским княжеством империи Юань.[54] К этому времени относятся отдельные находки кыргызского защитного вооружения в центральных районах Монголии.[55]

Погребения центральноазиатских уйгуров по обряду ингумации со шкурой коня в Монголии встречаются достаточно редко.[56] Скелет погребенного в могиле, на памятнике Хушот-Худжиргэ, лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Чучело коня с уздой и седлом было ориентировано в ту же сторону, что и человек.[57] (Рис. II, 2).

В X в. монгольские степи вошли в сферу влияния киданьской империи Ляо. На территории Монголии исследованы киданьские города и культовые памятники. Однако погребений, которые можно было бы отнести к числу киданьских, пока не обнаружено.

Предположительно кара-киданьским может быть впускное захоронение семи человек в хуннском кургане на могильнике Цогт-Хигист-Хоолой в Гобийском Алтае.[59] Скелеты 6 погребенных лежали в один ряд, вытянуто, головой на запад. В ногах у них находился согнутый скелет человека без инвентаря. Мужской скелет был в панцире, с копьем и кинжалом. При остальных умерших были обнаружены серьги, ножи, бусы, браслеты, прибор для высверливания огня, три сосуда и кости овцы. (Рис. Ш, 1).

С установлением киданьского господства по территории центральной и западной Монголии расселяются монголоязычные кочевые племена. Погребальные памятники этих племен представляют собой одиночные захоронения по обряду ингумации в узких могильных ямах с меридианальной ориентировкой под округлыми или овальными каменными выкладками. Характерной особенностью заупокойной обрядности является помещение в могиле берцовой или бедренной кости барана, устанавливавшейся вертикально. Инвентарь мужских захоронений составляют луки, колчаны со стрелами, предметы сбруи. В женских могилах встречаются украшения и бытовые вещи. Большинство таких памятников относится к монгольской эпохе, XIII-XIV вв. н.э., хотя иногда именуются захоронениями «ранних монголов».[60] (Рис. III, 2).

Подобные памятники изучались в большинстве районов Монголии.[61] Большей частью это памятники рядовых кочевников. Однако на р. Толе Д. Навааном было раскопано монгольское захоронение с золотым поясом с гравированной орнаментацией на пряжке, обойме-бляшке и наконечнике ремня, которое принадлежало представителю кочевой знати.[62] В окрестностях столицы Монгольской империи Каракорума были изучены погребения городского населения. Среди раскопанных захоронений наряду с монгольскими встречаются погребения иноэтнических групп, переселенных в Мон-

голию во времена правления первых монгольских ханов.[63] Погребальные памятники монгольского времени с территории Монголии были систематизированы Х. Лхагвасурэном.[64]

Рассмотренные погребальные памятники тюркоязычных и монголоязычных кочевников, обитавших на территории Монголии в периоды раннего и развитого средневековья, свидетельствуют о значительной вариабельности погребальной обрядности и длительной эволюции различных форм обрядов, что соответствовало основным этапам этнокультурной истории данного региона.

---

1. *Ядринцев Н.М., 1890.* Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // ИРГО. СПб. -Т. XXVI. -Вып.4.-С.260.
2. *Радлов В.В., 1892.* Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. СПб. -Вып. 1. Табл. VIII. XI.
3. *Рамстедт Г.И., 1914.* Как был найден «селенгинский камень» // Труды ТКО ПО ИРГО. СПб. -Т.XV. -Вып. 1. -С. 50-54.
4. *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск. -С. 43-44.
5. *Радлов В.В., 189?.* Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // СТОЭ. -СПб -Вып. IV. -С. 7.13.
6. *Кызласов Л.Р., 1964.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. -№2. -С. 27-39.
7. Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979-1982 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск. 1985. -С. 182-184.
8. *Войтов В.Е., 1996.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М. -С. 23.
9. *Боровка Г.И., 192?* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. -Л. -Вып. II. -С. 64-67.
10. Там же. -С. 55.
11. Там же. -С. 75.
12. *Худяков Ю.С., 198?.* Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск. -С. 137.
13. *Цыбиктаров А.Д., 1988.* О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докладов. Барнаул. 1988. С. 130-132; его же Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ. 1995. С 45; Данилов С.В., Коновалов П.Б. Новые материалы о курганах-херексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ. -С. 76.
14. *Евтюхова Л.А., 1957.* О племенах Центральной Монголии (по материалам раскопок курганов) // СА. -№2. -С. 224.
15. *Гаврилова А.А., 1965.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л. -С. 76.
16. *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение... -С. 52.
17. *Пэрлээ Х., 1959.* Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь. Улаанбаатар. -Зур.7.
18. *Войтов В.Е., 1985.* Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889-1958 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск. -С. 130.
19. *Новгородова Э.А., 1981.* Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник 1977. М. -С. 207.
20. *Сэр-Оджав Н., 1970.* Эртний турэгууд (VI-VIII зуун). Улаанбаатар. -Зур. 1-9.12.13.16.18. 20. 21.
21. *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1973.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М.. 1971. Вып. X. С. 135; Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии 1968-1969 гг.) // Тюркологический сборник 1972 -М. -С. 257.
22. *Войтов В.Е., 1990.* Могильники Каракорума (по материалам работ 1976-1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск. -С. 133-144.
23. *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон... -С. 27-66.
24. *Волков В.В. 1959.* Онд Дундговь Аймагт эртний хайгуул хийсэн тухай // Эртний Судлал-угсаатны зуйн бүтээл. Улаанбаатар. 1963. Табл.49; Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства... С. 212-218; Асеев И.В., 1975. О раннемонгольских погребениях // Сибирь. Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск. -С. 178-186; Окладников А.П.; Худяков Ю.С., Асеев И.В., Конопацкий А.К., 1983. Археологические исследования в Монголии в 1979-80-х гг. // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск. -С. 16-17; Худяков Ю.С., 1982. Древнемонгольское погребение из Бага-Арцат // Проблемы археологии и этнографии из Сибири. Иркутск. -С.124-125; Баяр Д., 1985. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия) // Древние культуры Монголии. Новосибирск. -С. 149.

25. *Худяков Ю.С. Цэвээндорж Д., 1986.* Своеобразное впускное погребение из местности Хад Узуур Сагилсомона // Studiu Mongolica. Ulan-Bator. -L.XI., F.1-15. Tal. 60-62.
26. *Сорокин С.С., 1977.* Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник. Л. -Вып. 17. -С. 59, 64, 65.
27. *Худяков Ю.С., 1991.* Новый памятник хуннского времени в Горном Алтае // Информационный бюллетень МАИКЦА. М. -Вып. 18. -С. 64-65.
28. *Худяков Ю.С., 1993.* Археология Южной Сибири II в. до н. э. - V в. н. э. Новосибирск. -С. 71.
29. *Бичурин Н.Я., 1950.* Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Л. Ч. I. -С.230.
30. *Боровка Г.И* Археологическое обследование... -С. 66-67.
31. *Войтов В.Е.* Могильники Каракорума... -С. 133-144.
32. *Боровка Г.И.* Археологическое обследование... -С. 64-65.
33. Там же. Табл. II. 3-5.
34. Там же. -С. 65.
35. *Худяков Ю.С., 1989.* К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. Новосибирск. -С. 142.
36. Сэр-Оджав Н. Эртний турэгууд...Табл. 27, зур. 20.
37. Сэр-Оджав Н. Эртний турэгууд...Табл. 27.
38. Сэр-Оджав Н. Эртний турэгууд... Зур. 20.
39. Сэр-Оджав Н. Эртний турэгууд...Зур. 16, 18.
40. *Боровка Г.И.* Археологическое обследование... -С. 73-74.
41. *Евтюхова Л.А.* О племенах... -С. 207-216.
42. *Наван Д., Сумьябаатар Б., 1990.* Овог монгол хэл, бичийн чухаг дурсгал. Улаанбаатар. 1987. Табл 30; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в Центрально-азиатской торевтике // Информационный бюллетень МАИКЦА. -М. -Вып. 16. -С. 7-9,11.
43. *Харжаубай С., 1986.* Документ из I века // Монголия. -№5. -С. 31.
44. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г.* Золотой брактеат... -С. 13.
45. *Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1990.* Освоение южной части Убсунурской котловины в эпоху металла // Информационные проблемы изучения биосферы. Убсунурская котловина - природная модель биосферы. Пущино. -С. 386. Рис. 5.
46. *Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1986.* Комплекс находок древнетюркского времени из Аргаан-гола // Археологийн судлал. Улаанбаатар. -Табл. 100.
47. *Евтюхова Л.А.* О племенах... -С. 222.
48. Там же. -С. 221, 225. В тексте сказано: «В кургане №5 костей коня не было».... а в таблице к №5 указан «1 целый» конь и кости от другого коня.
49. Там же. -С. 224.
50. *Боровка Г.И.* Археологическое обследование... -С. 67.
51. Там же. Табл. III. 13.
52. *Кляшторный С.Г., 1959.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. -№ 5 -С. 166.
53. *Худяков Ю.С., Баяр Д., 1992.* Средневековый памятник в местности Нахигуийн-Манхан в пустыне Монгол Элс // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск. -С. 43.
54. *Войтов В.Е.* Могильники Каракорума... -С. 141.
55. *Худяков Ю.С., 1992.* Набор панцирных пластин из собрания Центрального государственного музея МНР // Археологийн судлал. Улаанбаатар. -Табл. 64.
56. *Евтюхова Л.А.* О племенах... -С. 217.
57. Там же. Рис. 11.
58. *Киселев С.В., 1962.* Древние города Монголии // Советская археология. 1957. №2. С. 95-97; Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории Монгольской народной республики (X - начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. М. -С. 56-62.
59. *Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1988.* Реконструкция комплекса вооружения панцирного воина из памятника Цогт-Хиргист-Хоолой в Гобийском Алтае // Проблемы военной истории народов Востока. М. -Вып.1. -С. 23.
60. *Асеев И.В.* О раннемонгольских погребениях...-С. 178-186.
61. *Волков В.В.* Онд Дундговь Аймагт... Табл.49; Окладников А.П., Худяков Ю.С., Асеев И.В., Конопацкий А.К. Археологические исследования... С. 16-17; Худяков Ю.С. Древнемонгольское погребение... -С. 124-125.
62. *Цултэм Н., 1987.* Декоративно-прикладное искусство Монголии. Улан-Батор. Рис. 7.
63. *Войтов В.Е.* Могильники Каракорума...-С. 133.
64. *Лхагвасурэн Х., 1994.* Средневековые погребения монголов (XII-XIII вв.). Автореф. канд. дис. М.

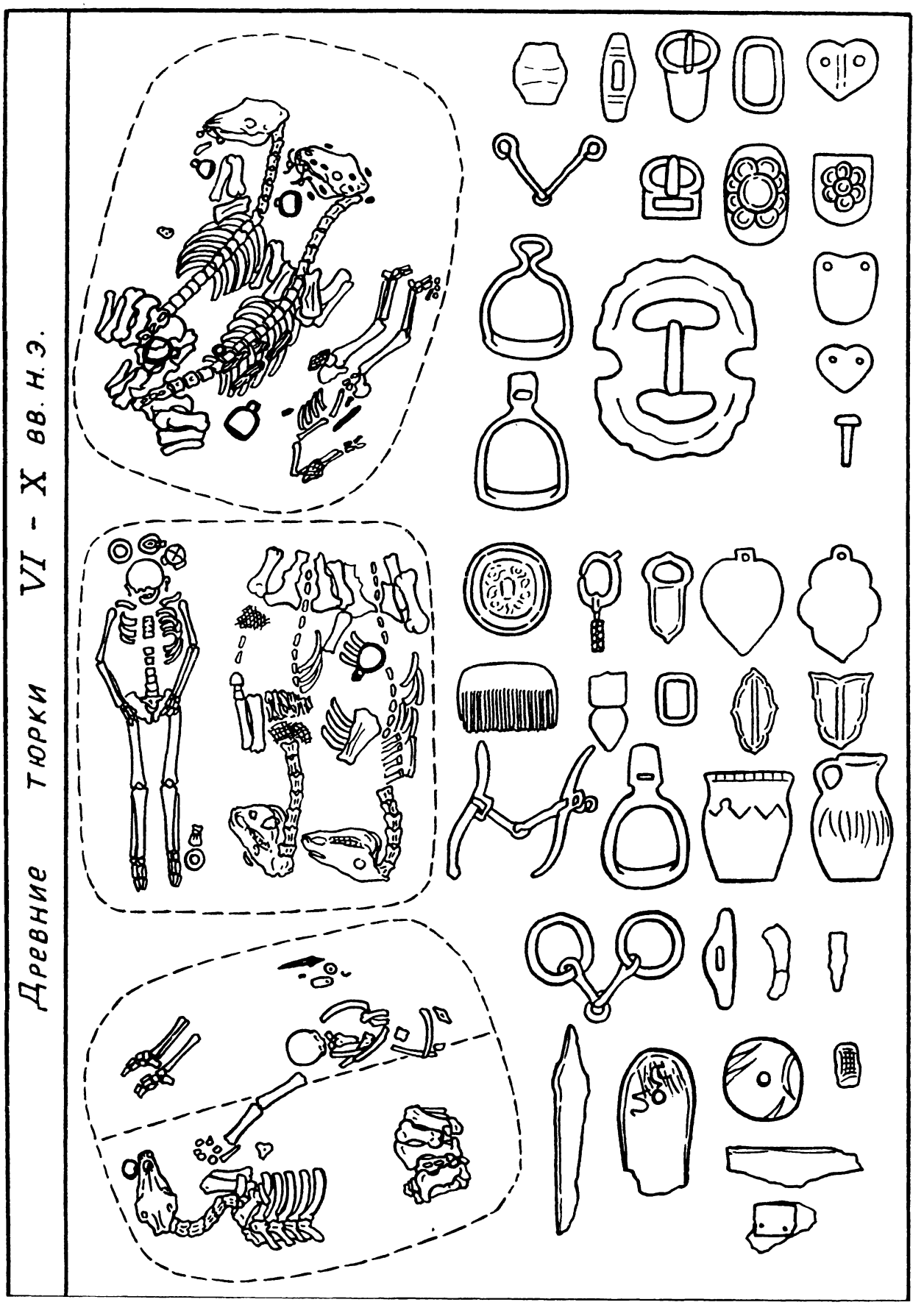


Рис.1. Погребения древних тюрок

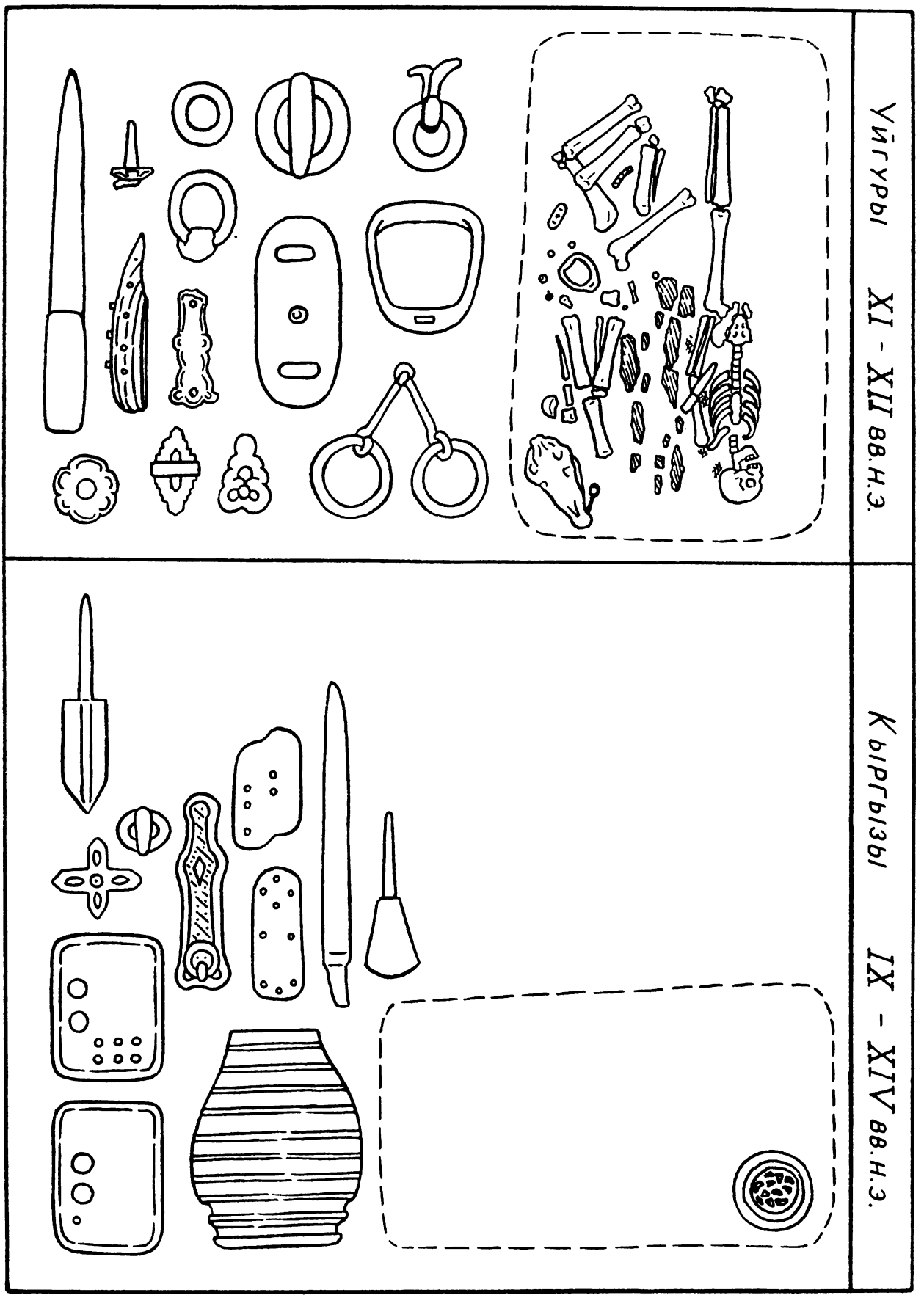


Рис. 2. Погребения кыргызов и уйгуров

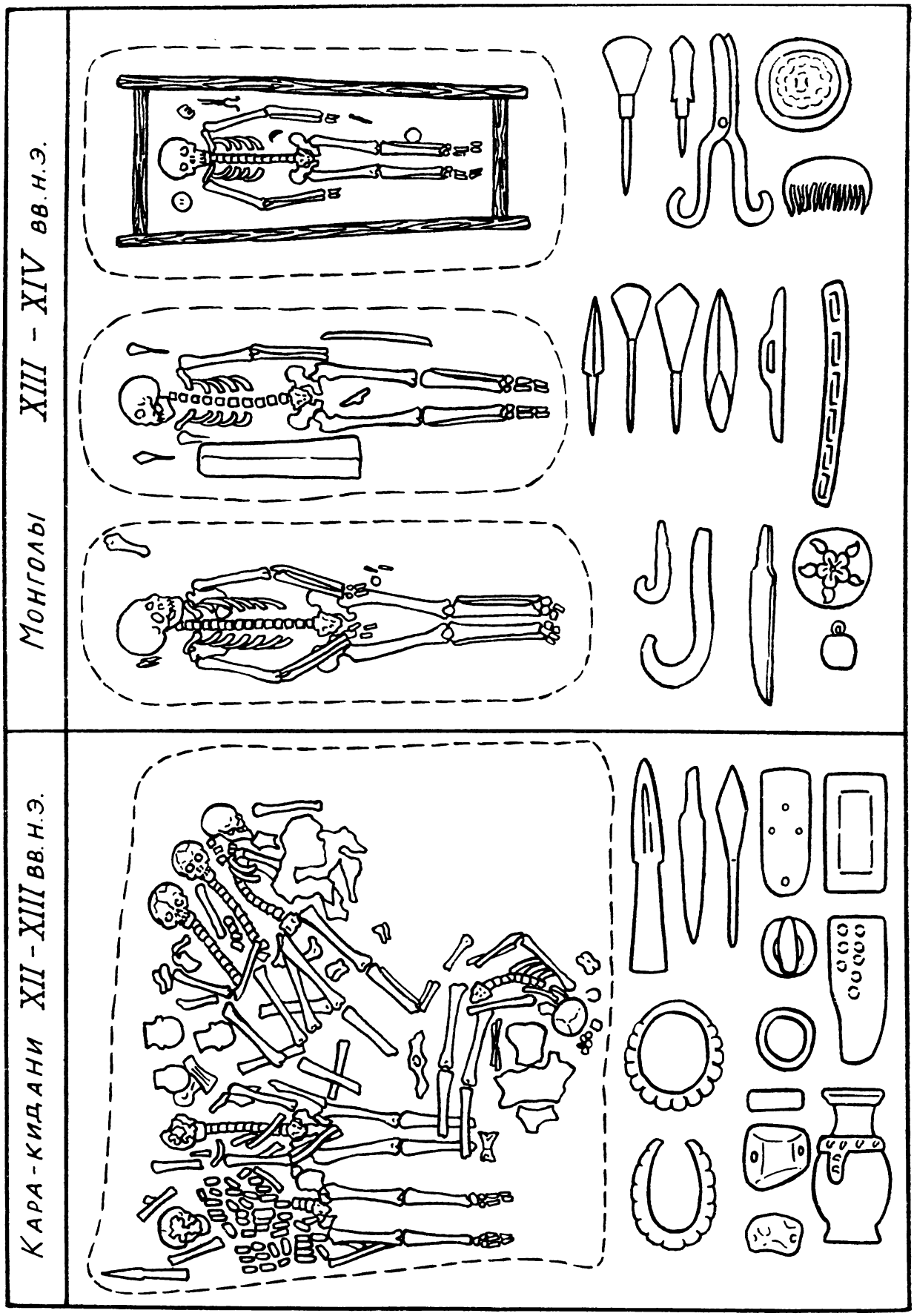


Рис. 3. Погребения кара-киданей и монголов

ПОМИНАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ПРИОЛЬХОНЬЯ I ТЫС.Н.Э.: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

А.В. Харинский

Типология поминальных конструкций Приольхонья

Одним из наиболее распространенных типов археологических объектов байкальского побережья являются ***поминальники*** - ритуальные комплексы, состоящие из каменной конструкции, инвентаря и остатков ритуальных действий, не связанных с захоронением умершего. В данном случае предполагается широкая трактовка термина «поминальный комплекс», охватывающая как конструкции, связанные с поминальными обрядами в честь умерших родственников, так и конструкции, сооруженные в память о живущих людях. К настоящему времени невозможно однозначно определить функциональное назначение каждой разновидности «поминальных» кладок. Поэтому объединение различных искусственных конструкций из камней в одну группу достаточно условно и преимущественно определяется типологическими задачами. Большое количество этих сооружений раскопано на территории Приольхонья (центральная часть западного побережья Байкала). Для систематизации материалов, полученных при их исследовании, археологи прежде всего обращались к вопросам типологии поминальных кладок, исходя из их морфологических и конструктивных особенностей.

И.В. Асеев, проводя типологию погребальных и поминальных конструкций Куркутских комплекса I и II, выделяет среди них 4 разновидности: 1) шатровые с кладкой округлых или четырехугольных очертаний, где плиты ставились по периметру в два-три ряда с наклоном к центру, вершины их сходились, образуя островерхие шатры; 2) плоские, сложенные из плит в два-три слоя, которые имели в плане овальные или округлые очертания; 3) прямоугольные оградки из вертикальных плит, вкопанных в землю и установленных в один-два ряда; 4) разрушенные кладки (Асеев, 1980, 43-44). И.В. Асеев считал, что каменные кладки, под которыми не обнаружены останки умершего, являются погребениями по обряду кремации. Последующие исследования не подтвердили это предположение, поэтому обозначенные И.В. Асеевым разновидности каменных кладок следует рассматривать как объединение различных по своему функциональному назначению археологических объектов.

В работах В.В. Свинина и М.А. Зайцева понятию «поминальный комплекс» (в его широком смысле) соответствует термин «ритуальный комплекс». Содержание их совпадает. Под ритуальным комплексом понимается система «из конструкции (как правило, каменной), остатков ритуальных действий и инвентаря, отличающихся от погребального комплекса иным ритуалом и, как следствие, отсутствием останков погребенного человека» (Свинин, Зайцев, 1992, 5-6). Среди ритуальных комплексов выделяются: 1) шатровые конструкции - сооружения из каменных плит на древней поверхности или в небольшом углублении, организующие замкнутое конусообразное пространство с вертикальной осью симметрии; 2) ритуальные сооружения с плоскими кладками (Свинин, Зайцев, 1992, 16).

Б.Б. Дашибалов каменные конструкции без останков человеческих погребений определяет как поминальные и связывает их сооружение с культом предков и ритуалом поминок (Дашибалов, 1995, 85). На основании формы и конструкции кладки он выделяет 4 типа поминальников: 1) шатровые - с кладкой, выполненной из камня-плитняка, плиты ставятся вертикально под наклоном к центру и образуют замкнутое конусовидное пространство; 2) оградки - с кладками, выложенными из камня в виде квадратной или прямоугольной оградки, плиты могут быть слегка наклонены к центру, но они не смыкаются; 3) купольные - с насыпью, выложенной из камней валунообразной формы; 4) плоские - с однослойными кладками округлой формы, в которых камни уложены широкой плоскостью на поверхность земли, встречаются и на ребре с наклоном к центру (Дашибалов, 1995, 77-79).

В работах, посвященных ритуальным (поминальным) кладкам Приольхонья, мной уже затрагивались вопросы их типологии. Среди плоских кладок местонахождения Хужир III (раскопки В.В. Свинина, М.А. Зайцева) были выделены: 1) крупные и мелкие круглые кладки (диаметром 0,9-1,4 м и 0,50-

0,55 м соответственно); 2) овальные кладки размером 0,7-0,9 х 1,3-9,0 м, ориентированные по линии С-Ю, З - В и СЗ-ЮВ; 3) кладки неясных очертаний. К отдельному типу предложено отнести плоские кладки с вертикально стоящим одним или несколькими камнями Куркутских комплексов I и II, исследованные И.В. Асеевым. (Харинский, 1993). Помимо этого комплексы с плоскими кладками было предложено разделить на две группы: с ямой под кладкой и без ямы (Алтухов и др., 1996).

Исследования местонахождения Курма XII позволили вновь обратиться к типологии ритуальных (поминальных) кладок Приольхонья. По конструктивным особенностям курминские кладки разделены на 3 типа: 1) круглые, диаметром 2,6 м, сложеные из камней в 1-2 слоя, камни располагались разрозненно; 2) круглые сплошные, диаметром 2-2,6 м, сложенные из камней в 1-4 слоя, камни плотно прилегали друг к другу; 3) овальные сплошные, размером 3,8 х 6 м, сложенные из камней в 2-3 слоя, ориентированные по линии ЮЗ-СВ. Кладки сооружались на древней поверхности земли. В каждой конструкции фиксировались вертикально или наклонно стоящие камни. Возле всех кладок или под ними обнаружены угольные линзы или пятна. Под одной кладкой 2 типа Курмы XII выявлена яма. Она круглой формы, диаметром 0,7 м, глубиной 0,8 м (Харинский, 1999).

Накопленные к настоящему времени материалы по поминальным комплексам позволяют подойти к их типологии, основываясь на двух морфологических характеристиках - форма поминальной кладки в поперечном разрезе (профиль) и форма кладки в продольном разрезе (план). Исходя из первого показателя, поминальные конструкции можно разделить на группы, а второй показатель может стать основой для выделения типов. Среди поминальных кладок Приольхонья выделяется четыре типа: 1) ***шатровые*** (треугольные); 2) ***оградки*** (прямоугольные); 3) ***купольные*** (сегментовидные); 4) ***плоские*** (линейные). Более подробно остановимся на плоских кладках. В эту группу включены каменные конструкции, в которых подавляющее большинство камней располагается горизонтально. Среди плоских кладок фиксируются и конструкции с одним или несколькими вертикально или наклонно установленными камнями.

Плоские кладки представлены круглыми и овальными конструкциями. Если отношение наименьшего размера кладки к наибольшему размеру меньше 75%, то эта кладка относится к овальным, в противном случае она считается круглой. Диаметр круглой кладки высчитывается путем сложения наименьшего и наибольшего размеров и последующего деления полученной суммы на два. Размеры кладок позволяют выделить среди них несколько видов: малые, средние и крупные. Для круглых кладок предлагаются следующие видовые характеристики: малые - диаметр 0,5-1,5 м; средние - диаметр 1,5-4,0 м; крупные - 4,0-6,0 м. Овальные кладки имеют следующие параметры: малые - наибольший размер 0,5-1,5 м; средние - наибольший размер 1,5-4,0 м; крупные - наибольший размер 4,0-6,0 м.

Так как подробно описывать все типы и виды плоских поминальных кладок Приольхонья не позволяют объемы предлагаемой статьи, обратимся только к одному их виду - крупным круглым кладкам.

Топография и конструкция поминальных комплексов с крупными круглыми кладками

Крупные поминальные кладки круглой формы к настоящему времени исследованы на двух местонахождениях Приольхонья - Олзонтэй II и Хужиртуй VIII.

Поминальный комплекс **Олзонтэй II** располагается в 3,8 км к востоку от пос.Черноруд, в микролощине, спускающейся к пади Олзонтэй (рис.1). Ширина микролощины 40-50 м, с двух сторон ее окаймляют гряды скальных выходов, поросшие лиственницами. Микролощина ориентирована по линии ЮЗ-СВ, понижение склона фиксируется в юго-западном направлении.

Местонахождение открыто в 1995 г. А.В. Харинским. На нем отмечены две каменные выкладки, расположенные у правого борта микролощины. Северо-восточной кладке присвоен № 1, юго-западной - № 2. Расстояние между кладками 20 м. В 1998 г. обе кладки вскрыты.

Кладка № 1 круглой формы диаметром 5 м. В центральной части конструкции, диаметром 1,2 м, камни уложены горизонтально в 2-3 слоя (рис.2). Центр кладки окружали верти-

кально установленные плиты, располагавшиеся в 1-4 ряда. Большинство из них имело наклон наружу конструкции. С внешней стороны вертикальные камни окружены однослойной выкладкой из горизонтально уложенных плит. Размеры камней кладки от 3 х 9 х 15 см до 12 х 50 х 98 см. Среди камней, в центральной части кладки, на глубине 18 см от поверхности земли обнаружена железная панцирная пластина (рис.2 - 2).

Кладка № 2 круглой кольцевой формы, диаметром 5,6 м. Во внутренней части конструкции камни отсутствовали (рис.3). Незаполненное камнями пространство имело вид овала размером 2 х 3 м, ориентированного по линии С-Ю. Кладка состояла из горизонтально уложенных камней, располагавшихся в 1-3 слоя. Их размеры от 3 х 5 х 15 см до 17 х 32 х 103 см. Несколько камней установлено наклонно. Археологический материал не обнаружен.

В 1998 г. к юго-востоку от поминального комплекса Олзонтэй II А.В. Харинским и Г.В. Туркиным обнаружено еще два местонахождения Олзонтэй XIV и Олзонтэй XV, раскопки на которых не производились. Местонахождение **Олзонтэй XIV** отделяется от поминального комплекса Олзонтый II грядой скальных выходов высотой 1-4 м. Оно локализуется в микролощине, спускающейся к пади Олзонтэй (рис.1). Ширина микролощины 30-45 м, с двух сторон ее окаймляют гряды скальных выходов, поросшие лиственницами. Невысокая гряда скальных выходов проходит и по центру микролощины. Микролощина ориентирована по линии ЮЗ-СВ, понижение склона фиксируется в юго-западном направлении. На местонахождении отмечено две каменные выкладки, расположенные у правого борта микролощины. Юго-западной кладке присвоен № 1, северо-восточной - № 2. Расстояние между кладками 10 м.

Кладка № 1 круглой формы, диаметром 0,8 м, сложена в виде шатра. Наиболее крупные плиты установлены с северо-восточной стороны конструкции. Высота кладки 33 см. Размер камней от 10 х 15 см до 24 х 27 см. ***Кладка № 2*** округлой формы, диаметром 1,2 м, сложена в виде шатра. По периметру конструкции камни имеют небольшой наклон к центру, составляющий примерно 30°-40°. Их размеры от 5 х 22 см до 18 х 45 см. Камни установлены в 3 ряда.

Местонахождение **Олзонтэй XV** находится в 0,8 км к югу от поминального комплекса Олзонтэй XIV, в микролощине, на правом борту пади Олзонтэй (рис.1). Ширина микролощины 30-60 м, с двух сторон ее окаймляют невысокие гряды скальных выходов. Микролощина ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На местонахождении отмечено шесть кольцевых каменных выкладок, являющихся, по всей видимости, основанием жилищ, и одна поминальная кладка. Остатки жилищ расположены в центре микролощины. Самому северо-восточному из них присвоен № 1, а самому юго-западному - № 6. Ритуальная кладка, получившая № 7, локализуется у правого борта микролощины.

Кладка № 1 кольцевой формы, диаметром 4,85 м. Камни уложены в один ряд и хорошо задернованы, поэтому создается впечатление, что в кольце имеются разрывы. Размеры камней от 10 х 26 см до 65 х 78 см. В центре конструкции камни отсутствуют. Остальные кольцевые кладки по своей конструкции напоминают кладку № 1. ***Кладка № 2*** располагается в 4 м к югу от кладки № 1. Ее диаметр 6,3 м. ***Кладка № 3*** с юго-запада примыкает к кладке № 2. Ее диаметр 7,1 м. С запада к кладке № 3 примыкает ***кладка № 4***. Ее диаметр 6 м. ***Кладка № 5***, диаметром 4,5 м. находится в 20 м к юго-западу от кладки № 4. В 10 м к юго-западу от кладки № 5 локализуется ***кладка № 6***, диаметром 6,15 м. ***Кладка № 7*** круглой формы, диаметром 1,5 м. сложена в виде шатра. Хорошо сохранилась лишь восточная часть конструкции. Основная масса камней располагается горизонтально или с небольшим наклоном к центру кладки. Высота кладки 17 см. Размеры камней от 9 х 19 см до 23 х 45 см.

Выявленные на местонахождениях Олзонтэй XIV и Олзонтэй XV каменные конструкции при визуальном осмотре хорошо отличаются от крупных плоских поминальных кладок. Часть из них является шатровыми кладками круглой формы малых и средних размеров. Другие кладки - кольцевой формы, определяются как остатки жилищ, хотя эта трактовка достаточно условна, так как систематических раскопок конструкций этого типа не производилось.

Местонахождение **Хужиртуй VIII** находится в 4,2 км к востоку от с.Елга, в верхней части Тагайской пади, в 150 м к северу от дороги Хужир-МРС. Состоит из 3 каменных выкладок округлой формы. Падь ориентирована по линии З-В, понижение склона фиксируется в западном направлении.

Памятник открыт в 1996 г. А.В. Харинским. В 1997 г. на нем проведены раскопки. Комплексы № 1 и 2 оказались поминальными сооружениями. Под кладкой ***комплекса № 3*** (самой восточной на местонахождении) обнаружено захоронение конца I - начала II тыс. Погребенный (ребенок 8-9 лет) помещался в берестяном веретенообразном чехле, ориентированном по линии запад-восток. Вместе с погребенным обнаружено 10 бусин и фрагменты железных изделий. Надмогильная кладка практически не отличалась по своей конструкции от поминальных кладок (№ 1 и 2). Она круглой кольцевой формы диаметром 4 м, сложена из камней размером от 8 х 20 см до 50 х 77 см. Камни располагались разрозненно в один слой. Наиболее плотно они уложены в восточной части кладки (Харинский, 2001, 70-71, рис. 56; 57).

Кладка № 1 - самая юго-западная на местонахождении. Она круглой формы диаметром 5,6 м (рис.4). Кладка сложена из камней размером от 8 х 15 см до 52 х 88 см, которые располагались неплотно, преимущественно в один слой. Меньше всего камней зафиксировано в средней части конструкции. Среди камней кладки обнаружены: железные седельные скобы (рис.5 - *6, 7*); железные наконечники стрел (рис.5 - *1, 2*); бронзовая бляшка от узды (рис.5 - *3*); кремневый отщеп с подработкой (рис.5 - *4*); обломанная четырехугольная пластина из железа (рис.5 - *5*); бронзовая пряжка (рис.5 - *8*).

Кладка № 2 находилась в 37 м к северо-западу от кладки № 1. Она круглой формы, диаметром 5,5 м. В средней части конструкции камни отсутствовали. Свободное от камней пространство имело форму овала размером 0,5 х 0,3 м, ориентированного по линии ЮЗ - СВ. Камни, расположенные по периметру конструкции, образовывали кольцо, наибольшая толщина которого фиксировалась в южной части кладки - 2,3 м, а наименьшая толщина в северо-западной части - 0,4 м. Камни уложены в один слой. Их размеры колеблются от 9 х 18 см до 69 х 182 см. В средней части конструкции обнаружены обгоревшие фрагменты древесины и кости животных.

Инвентарь

Обнаруженный в поминальных кладках инвентарь немногочислен и представлен оружием и элементами конской сбруи. К предметам вооружения отнесены два железных наконечника стрел из Хужиртуя VIII - 1 и панцирная пластина из Олзонтэя II - 1. ***Наконечники стрел*** черешковые плоские. Один из них с пером арочной формы, острие округлое, плечики пологие, вогнутые (рис.5 - *1*). Короткая шейка оканчивается упором, переходящим в черешок. Длина наконечника - 9,2 см, длина пера - 5 см, ширина пера - около 3,8 см, длина шейки - 0,8 см, ширина шейки - 0,9 см, длина черешка - 3,4 см. Второй наконечник - секторный (рис.5 - *2*). У него округлое острие и пологие стороны. Перо плавно переходит в шейку, отделяющуюся от черешка уступом. Длина наконечника - 9,4 см, длина пера - 4,3 см, ширина пера - 1,9 см, длина шейки - 0,9 см, ширина шейки - 0,8 см, длина черешка - 4,2 см.

Арочный наконечник стрел к настоящему времени не имеет аналогий среди прибайкальских наконечников. В отличие от него, секторные наконечники достаточно широко представлены среди байкальских древностей II тыс. и встречались вплоть до XIX в. (Зайцев и др., 1994, рис.7 - *3*). Наряду с другими типами плоских наконечников стрел (верхнеярусными, томарами и узкими асимметрично-ромбическими), они фиксировались на территории Приольхонья с X в. (Харинский, 2001, 140). Хотя не исключено, что некоторые типы плоских наконечников появились на западном берегу Байкала уже в IX в. (Зайцев, 1992). С XII в. в Приольхонье употреблялись широкие секторные наконечники стрел (ширина пера более 3 см) (Харинский, 2001, рис. 40 - *6*).

Панцирная пластина, обнаруженная в Олзонтэе II - 1, четырехугольной формы с округлыми углами, размером 2,6 х 5,5 см. (рис.2 - *2*). С одной стороны пластины расположено шесть отверстий, а с другой - четыре. Еще четыре отверстия находятся вдоль одного из концов пластины. У противоположного конца пластины имеются два отверстия, лежащие в ряд на продольной оси пластины. Схожая панцирная пластина обнаружена в захоронении Черенхын V - 3, датирующемся первой половиной XIV в. (Харинский, 2001, рис. 35 - *6*). Ю.С. Худяков и А.И. Соловьев относят подобные пластины к отделу III - панцири с вертикальным расположением пластин, соединенных кожаным ремешком, группе 1 - плоские пластины, типу 5 - прямо-

угольные пластины. Они отмечены в Приобье, Прииртышье, Туве и на Алтае, где использовались на протяжении VI-XIV вв. (Худяков, Соловьев, 1987, рис.8).

Элементы конской сбруи обнаружены в Хужиртуе VIII - 1. В их число входят ***железные скобы***, которые вбивались в седло и служили для крепления груза (рис.5 - *6, 7*). Зубья скоб располагаются под прямым углом к дужке. Дужка слегка выгнута наружу. В сечении скобы четырехугольной формы. Длина скоб - 10,0-10,2 см, длина зубьев - 2,5-2,7 см. Толщина дужек - 0,5 см, ширина дужек - 0,8-0,9 см.

Украшением узды служила ***бронзовая округлая бляшка*** диаметром 2,7 см (рис. 5 - *3*). У бляшки ажурный край, напоминающий соединяющиеся вместе восемь лепестков. По краю бляшки идет бортик шириной 0,1 см. На каждом из лепестков имеется спиралевидный зигзаг. В центре бляшки располагается сферическая шишка высотой 0,4 см и диаметром 0,7 см. В основании шишки находится круглая база диаметром 0,9 см и высотой 0,1 см. База обрамляется восьмилепестковым ободком диаметром 1,5 м. С внешней стороны к бляшке крепятся две петли скобовидной формы, расположенные параллельно относительно друг друга. Дужки петель вогнуты внутрь. Расстояние между петлями 0,8 см. Высота петель - 0,5 см, ширина - 0,4 см, толщина - 0,1 см.

Вероятно, ***бронзовая пряжка*** (рис.5 - *8*) также являлась частью конской сбруи. С внешней стороны пряжка напоминает фигурку черепахи. В ее центре располагается пятиугольный щиток, одна из коротких сторон которого имеет округлый край. Остальные стороны прямые. Щиток крепится на фигурной рамке, имеющей пять овальных выступов. Выступы располагались напротив углов щитка. С внешней стороны пряжки крепится четырехугольная рамка, размером 1,7 х 2,7 см и шириной 0,4 см. Язычок пряжки шириной 0,4 см и толщиной 0,2 см. С внешнего края язычка имеется овальное утолщение длиной 1,9 см и толщиной 0,5 см. С внутреннего края язычка находится расширение овальной формы длиной 0,5 см и шириной 0,8 см. Язычок выдвигается наружу на 1,2 см, до упора расширения в рамку с внутренней стороны.

Среди камней кладки Хужиртуй VIII - 1 обнаружена обломанная ***четырехугольная пластина*** из железа размером 4,2 х 5,4 см (рис.5 - *5*), назначение которой установить не удалось. Возможно, к числу случайных находок хужиртуйской кладки относится ***кремневый отщеп*** с подработкой (рис.5 - *4*). Скорее всего, он попал в нее из культурного слоя более раннего времени.

Датировка

Обнаруженный инвентарь позволяет достаточно четко говорить лишь о нижней дате существования поминальных комплексов с крупными плоскими кладками круглой формы в Приольхонье. Она соответствует X в. С этого времени на западном берегу Байкала распространяются многие типы плоских наконечников, в том числе и секторный, найденный в Хужиртуе VIII - 1. О датировке других изделий, найденных в Олзонтэе II и Хужиртуе VIII, в настоящее время можно только догадываться. Предварительно время их существования определяется первой четвертью II тыс. Соответственно, в этих рамках пока следует датировать и крупные поминальные кладки. Не расходится с этим возрастом и радиоуглеродная дата, полученная по углю из кладки Хужиртуя VIII - 2 - 995±35 л.н. (СОАН-3706), соответствующая концу X - началу XI вв.

Датировка крупных круглых поминальных кладок может быть удревнена, если удастся проследить их связь с крупными овальными кладками. Одна из них исследована на Курме XII. Под камнями кладки найден сосуд, украшенный прочерченным скобовидным орнаментом (Харинский, 1999). По нагару на стенках сосуда получена дата - 1530±35 л.н. (AA-37467). К сожалению, к настоящему времени больше не раскопано ни одной кладки по своим конструктивным особенностям схожей с курминской. Поэтому говорить о происхождении поминальных комплексов Олзонтэя II и Хужиртуя VIII от комплексов, близких Курме XII - 41, пока преждевременно. Разница во времени сооружения этих поминальных кладок составляет около 500 лет. К настоящему времени в Приольхонье не обнаружены поминальные кладки крупных размеров, датирующиеся второй половиной I тыс. Исключение составляет поминальник Хужир-Нугэ XX - 4 (Алтухов и др., 1996). Его кладка круглой формы, диаметром около 4,2 м. Но в отличие от олзонтэйских и хужиртуй-

ских поминальников, под кладкой Хужир-Нугэ XX - 4 находилась яма, напоминающая по форме треугольник с округлыми углами, глубиной 0,35 см. Размеры ямы 1,6 х 1,5 м. Наличие под хужир-нугэйской кладкой ямы позволяет отнести ее к особой разновидности поминальников, датирующейся концом I тыс. и, возможно, началом II тыс. Ее связь с кладками без ям к настоящему времени недостаточно выяснена.

Заключение

Поминальные кладки, исследованные на местонахождениях Олзонтэй II и Хужиртуй VIII, обладают рядом общих конструктивных черт, позволяющих отнести их к единому таксону - плоские кладки круглой формы крупных размеров. Диаметр кладок составляет 5,0-5,6 м. Особенно сильно походят друг на друга кладки Хужиртуя VIII - 1, 2 и Олзонтэя II - 2. В центральной части их конструкций камни отсутствуют или располагаются разрозненно. В отличие от них в центральной части кладки Олзонтэя II - 1 камни плотно уложены в 2-3 слоя. Снаружи центральную часть кладки окружают вертикально установленные плиты, располагающиеся в 1-4 ряда. Большинство из них имеют наклон наружу конструкции. С внешней стороны вертикальные камни окружены однослойной выкладкой из горизонтально уложенных плит.

Топография двух местонахождений с крупными кладками также совпадает. Они находятся на юго-западном или западном пологом склоне возвышенности. На каждом из местонахождений фиксируется по два поминальных комплекса. Причем на Хужиртуе VIII вместе с поминальниками располагалось захоронение. Сверху его перекрывала каменная кладка, схожая по своим конструктивным особенностям с кладками поминальников. Вероятно, и захоронение, и поминальники следует рассматривать как единый культурный, хронологический и ритуальный комплекс.

Топографическая, морфологическая и конструктивная близость олзонтэйских и хужиртуйских поминальников позволяет говорить об их культурной общности. Возраст поминальников предварительно определяется в пределах X-XII вв. и соответствует харанцинскому культурно-хронологическом этапу в истории Приольхонья, хотя, в перспективе, не исключается и более широкий диапазон их датировки. Вопросы генезиса и функционального назначения этого вида поминальных комплексов требую уточнения.

1. *Алтухов В.В., Сидорчук М.Л., Туркин Г.В., Харинский А.В., 1996.* Ритуальные кладки Приольхонья конца I тысячелетия нашей эры // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. - Иркутск. - Ч.2.- С.122-125.
2. *Асеев И.В., 1980.* Прибайкалье в средние века. - Новосибирск. - 149 с.
3. *Дашибалов Б.Б. 1995.* Археологические памятники курыкан и хори. - Улан-Удэ.- 189 с.
4. *Зайцев М.А., 1992.* Железные наконечники стрел курумчинской культуры в Приольхонье // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии.- Новосибирск.- С.102-107.
5. *Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В., 1994.* Старобурятские погребения из бухты Хагун // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э.- Кемерово.- С.233-250.
6. *Свинин В.В., Зайцев М.А., 1992.* Памятники курумчинской культуры Приольхонья.- Иркутск.- 156 с.
7. *Харинский А.В., 1993б.* О датировке некоторых типов ритуальных кладок в Приольхонье // Цибиковские чтения: проблемы истории и культуры монгольских народов.- Улан-Удэ.- С.71-74.
8. *Харинский А.В., 1999б.* К вопросу о генезисе ритуальных кладок Приольхонья в I тыс. н. э. (по материалам местонахождения Курма XII) // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез.- Улан-Удэ.- С.501-504.
9. *Харинский А.В., 2001.* Приольхонье в средние века: погребальные комплексы.- Иркутск. - 238 с.
10. *Худяков Ю.С., Соловьев А.И., 1987.* Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии.- Новосибирск.- С.135-163.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНГОЛОВ

Д. Баяр

Антропоморфные каменные изваяния, являющиеся одним из важнейших памятников материальной и духовной культуры кочевников, встречаются по всей территории Монголии, начиная с отрогов Хингана на востоке и вплоть до Алтайских гор на западе. Начало научных исследований каменных изваяний Монголии следует связывать с деятельностью Г.Н. Потанина - организатора нескольких научных экспедиции по Монголии. В его трудах содержатся первые описания и тщательные зарисовки каменных изваяний и оленных камней, обнаруженных им в Западной Монголии (1). Затем в изучении каменных изваяний Монголии внесли свой вклад В.В. Радлов, Н.М. Ядринцев, Д.А. Клеменц, Г.И. Боровка, В.А. Казакевич, Л.А. Евтюхова, Л. Йисл, Н. Сэр-Оджав, В.Е. Войтов, И. Эрдели, Д. Цэвэндорж, Ю.С. Худяков, Г. Мэнэс, В.Д. Кубарев и др.

К настоящему времени во всех аймаках МНР известно более 500 (2) изваяний, большинство из которых относится к древнетюркскому периоду, которые также широко распространены на сопредельных территориях России и Среднеазиатских республик (3) и КНР (4). Достоверность датировки древнетюркских изваяний никем не оспаривается благодаря результатам многолетних, систематических исследований археологов.

Среди всех каменных изваяний Монголии особое место занимает исключительно оригинальная группа памятников, распространенная главным образом в восточных районах Монголии. Здесь же отметим, что данный тип памятников, который давно стал известен среди исследователей, долгое время считался каким-то особым, локальным вариантом древнетюркских изваяний (5). Только в последние годы, в результате целенаправленного и систематического их изучения, была выдвинута новая точка зрения относительно хронологии к этнокультурной принадлежности данных памятников. Детальное исследование всех реалий этих изваяний в сравнении с подобными памятниками из других регионов Евразии, со сведениями письменных источников, археологическими и этнографическими данными и также материалы раскопок убедительно доказали, что исследуемая нами группа изваяний является памятником периода Монгольской империи XIII-XIV вв. (6).

Ареал распространения данной группы памятников, которые впервые были обнаружены в Дариганге - районе, расположенном на юго-востоке Монголии, постепенно расширяется по мере увеличения интенсивности археологических исследований. Так, к настоящему времени изваяния подобного типа известны, кроме Сухэ-Баторского аймака (в пределы которого входит и район Дариганга), в Восточном, Хэнтэйском, Восточногобийском и Среднегобийском аймаках, а совсем недавно они были обнаружены в Центральной (Убурхангайский и Центральный аймаки) и Западной (Гоби-Алтайский аймак) Монголии. Таким образом, в данный момент западной границей распространения изваяний этого типа можно признать Гоби-Алтайский аймак, расположенный на юго-западе Монголии. Тут следует отметить, что изваяния подобного типа так же были обнаружены в немалом количестве на территории Шилийн-гольского аймака Внутренней Монголии (7). Большой интерес вызывает и то, что бурятский исследователь Б. Дашибалов исследовал могилу с каменным изваянием, которая относится к XII-XIII вв.

Поскольку такие изваяния впервые были обнаружены в Восточной Монголии, а также исходя из того, что основная их масса концентрируется именно в этом районе, наиболее приемлемым на наш взгляд является определение их как «изваяния восточномонгольского типа».

При тщательном, визуальном исследовании этих изваяний был обнаружен комплекс особенностей, отличающих их от хорошо известных в археологической науке древнетюркских статуй. Это - иконография изваяний, тип реалий, а также форма и конструкция сооружений, на которых установлены изваяния. Как известно, древнетюркские изваяния всегда ставились с восточном стороны четырехугольной оградки из плит, которая, как правило, сопровождается длинной цепочкой вертикально поставленных камней, так называемых балбалов. Каменные изваяния восточномонгольского типа не имеют ни оградок, ни балбалов. Они устанавливались на

круглых каменных насыпях, имеющих диаметр 5-10 м и высоту 0,4-1 м.

По иконографическим особенностям эти памятники также резко отличаются от древнетюркских скульптур, которые, главным образом, изображаются в виде стоящих людей. В настоящее время известны 67 изваяний восточномонгольского типа, из них 51 расположены в Сухэ-Баторском, 5 - в Восточном, 3 - в Среднегобийском, по 2 - в Центральном, Убурхангайском, Гоби-Алтайском, по 1 - в Хэнтэйском и Восточногобийском аймаках. Все изваяния восточномонгольского типа можно подразделить на 2 основные группы - изображение всей фигуры полностью и частичное изображение фигуры (рис. 1 и 2).

Далее - изваяния I группы делятся на сидящих и стоящих, как и половецкие статуи, хотя количество стоящих фигур сравнительно небольшое. Из 48 фигур, изображенных полностью, 43 выполнены в виде сидящего человека. Из всех этих фигур на 29 изваяниях хорошо видны сиденья типа кресел со спинкой, которые ни в одном случае не были зафиксированы на древнетюркских изваяниях. У остальных форма сиденья недостаточно хорошо обработана. Отсюда следует, что главной особенностью иконографии восточномонгольских изваяний, кроме полной человеческой фигуры, является также и сидячая поза, которая нетрадиционна для древнетюркской скульптуры.

Как показывают материалы исследований каменных изваяний древнетюркского периода, одной из иконографических особенностей памятников данного типа является крайне редкое изображение ног. Ноги изображены на некоторых Хушо-Цайдамских изваяниях и так же на отдельных фигурах, обнаруженных в различных районах распространения данного типа памятников. Число таких фигур несравненно меньше, чем остальная масса древнетюркских изваяний, выполненных без изображения ног. Так, из 92 изваяний из Монголии и Южной Сибири, опубликованных Л.А. Евтюховой, всего 4 (8), а из 145 семиреченских фигур, опубликованных Я.А. Шером, только 3 имеют изображения ног (9). Среди 58 тувинских изваяний, которые были исследованы А.Д. Грачом (10), и 256 алтайских изваяний, опубликованных В.Д. Кубаревым (11), не было зафиксировано ни одной фигуры с изображением ног.

В отличие от древнетюркских статуй, одним из главных отличий иконографии восточномонгольских скульптур является именно четкое выделение ног. Из 67 изваяний восточномонгольского типа, известных к настоящему времени, на 36 фигурах - как стоящих, так и сидящих, видны ноги, которые изображены обутыми в сапоги. Заметно выделяется среди остальных по манере исполнения одно изваяние, выполненное в виде бюста. У этой фигуры подчеркнуто не изображены ноги и сиденье, на уровне пояса скульптура завершается, а внизу сделан специальный постамент (рис. 2-3).

Также одним из элементов иконографии изваяний является положение рук. Для различных типов каменных скульптур Евразии присуще определенное положение рук, держащих сосуд. Так, характерной особенностью положения рук древнетюркских изваяний является асимметричное положение, т.е. изваяние держит сосуд в одной руке, а уйгурские и половецкие изваяния имеют симметричное положение рук, т.е. изваяние держит сосуд двумя руками. На исследуемых нами памятниках, мы наблюдаем в большинстве случаев асимметричное положение рук. Из 48 фигур, изображенных полностью - 45, а из 23, имеющих частичное изображение, 12 имеют асимметричное положение рук. Симметричное положение имеют 3 фигуры из полностью изображенных и также 3 из частично изображенных изваяний. Из всех фигур, имеющих изображение сосуда, 52 держат сосуд в правой, и только 3 в левой руке, кроме того, 5 изваяний держат сосуд двумя руками. Только одно изваяние, изображенное полностью в виде стоящего человека со сложенными на животе руками, не имеет сосуда.

Таким образом, для иконографии изваяний восточномонгольского типа наиболее характерны сидячая поза и асимметричное положение рук. По положению рук они больше подходят к иконографической традиции древнетюркских изваяний. Вместе с тем иконографии изваянии восточномонгольского типа вовсе не характерны стилистические особенности, присущие древнетюркской скульптуре. Это, прежде всего, подчеркнутая манерность и изящность пальцев и кисти рук древнетюркских изваяний, которая, по мнению исследователей, отражает влияние согдийского и буддийского искусств (12). Кисти рук на изваяниях восточномонгольского типа изображались полностью охватывающими ножку сосуда, при этом четыре пальце расположены в горизонтальном положении, а один большой палец противопоставлен ос-

тальным. Следует также отметить, что на этих изваяниях полностью отсутствует такой широко распространенный изобразительный прием древнетюркского искусства, как изображение носа и бровей одним сплошным рельефом в виде буквы «Т», имеющий различные варианты (13), и стилизация бровей, являющаяся специфической тюркской манерой (14).

Для группы изваяний восточномонгольского типа характерны не только мужские фигуры, но и женские.фигуры. Если мужские фигуры, составляющие большинство из всех изваяний, характеризуются такими признаками атрибуции, как головной убор с округлой тульей и толстыми оторочками, особые прически (рис. 3) неоднократно отмечаемые средневековыми путешественниками, посетившими Монголию в XIII в. (15) ременный пояс с фигурными бляшками и подвешенными к нему сумочками (рис. 1-*1*), то женские выделяются четко выделенными грудями, имеют некоторые отличия в трактовке фигур, в оформлении одежды, в головном уборе (рис. 4-*1,2*). Особо примечательным является то, что на изваяниях с подчеркнуто женскими признаками имеется остроконечный головной убор, который можно идентифицировать со своеобразным головным убором замужних женщин XII-XIV вв., т.н. «богтагом», многократно описанным в источниках (16) и часто изображаемым в произведениях искусства указанного периода (17). Это подтверждается наличием на трех изваяниях височной подвески в виде соединеных между собой ромбиков, точные аналогии которых имеются на портретах императрицы Юаньской династии (рис. 4-*3*).

Одним из изобразительных приемов, характерных для этих памятников, является и то, что наряду с изваяниями, на которых можно наблюдать различные элементы верхней одежды, существуют и фигуры, нарочито изображенные без одежды (рис. 2-*2*). Последних отличают такие особенности, как отсутствие каких-либо элементов верхней одежды, тщательная обработка грудных мышц, выпуклого живота и других частей тела, наличие изображения фаллоса. Интересно, что на этих изваяниях, несмотря на отсутствие одежды, нередко изображался головной убор, обувь, пояс с сумочками, которые еще более подчеркивали общую обнаженность данных фигур. Следует также отметить, что на двух таких изваяниях подробно изображены все детали особой мужской прически монголов XIII-XIV вв. На другом изваянии, которое выполнено в виде бюста, хотя и четко видны выпуклые грудные мышцы, свисающие складками, подчеркивающие обнаженность фигуры, вместе с тем на руках наблюдаются складки одежды и манжета, обрамляющая конец рукава (рис. 2-*3*). Изготовление подобных фигур не столь широко распространенное явление в традиции камнерезного искусства во всем регионе и, по-видимому, имеет в своей основе какой-то ритуальный смысл. Среди половецких статуй известна только одна фигура, изображенная полуодетой, но с женским половым признаком (18). Одно изваяние с изображением фаллоса было зафиксировано при исследовании древнетюркского поминального комплекса в местности Унгет, на реке Толе (19).

Высокохудожественная работа, хорошее соблюдение пропорций тела людей, тщательная отделка каждой детали, наблюдаемая на многих изваяниях, свидетельствуют о мастерстве ваятелей, создавших эти замечательные творения искусства. К сожалению, у некоторых особо хорошо изготовленных фигур не сохранились головы, но те немногие памятники, на которых хорошо сохранились черты лица, отличаются реалистичностью изображения и неповторяемостью образа каждого изображаемого. Вот что писал В.А. Казакевич об одном из изваяний из местности Алтан-обо: «Лицо поражает тонкостью отделки и стремлением к портретному сходству. Широко открытые глаза под прямыми надбровными дугами, небольшой нос (слегка попорчен), маленький рот с плотно сжатыми губами, угловатый овал лица с сильно развитыми челюстями придают ему серьезный, несколько даже грозный вид» (20). Данное определение, на наш взгляд, очень правдиво отражает характер этого изваяния, выполненного из беловатого мрамора, которое ныне, даже без головы (она отбита и утеряна) производит сильное впечатление монументальностью и величавостью фигуры, прекрасной обработкой всех деталей атрибуции.

Один из замечательных образцов изваяний данной группы - это прекрасно сохранившаяся статуя из синеватого мрамора, находящаяся в местности Шонх таван толгой Восточного аймака, которая представляет сидящего человека в кресле с изогнутой спинкой и перекрещивающимися ножками, с кубкообразным сосудом в левой руке (рис. 1-*1*). Особенно впечатляет лицо этой статуи, моло-

дое, скуластое, глаза с чуть раскосым разрезом, брови с оттяжкой к вискам, с жесткой складкой в углу рта и вместе с тем спокойное и величавое. По сравнению с ним совсем иное впечатление производит лицо другого изваяния, обнаруженного в местности Ламт, в Дариганга сомоне Сухэ-Баторского аймака, круглое, почти детское, с очень добрым выражением (рис.1-*2*). Эти особенности свидетельствуют о высоком мастерстве камнерезов той далекой эпохи, сумевших придать каждому изваянию строго индивидуальный образ, раскрывающий внутренний мир и характер изображаемых персонажей.

Для характеристики изобразительного канона изваяний восточно-монгольского типа небезынтересным представляется антропологический тип изваянных людей. На всех мужских изваяниях мы наблюдаем отсутствие усов и бороды, чем они отличаются от изображений древнетюркских воинов во всем их ареале. Из 67 изваяний монгольского времени ни на одном не было зафиксировано усов и бороды, что действительно отражает одну из антропологических признаков монголов, у которых не так сильно развита растительность на лице. Кроме того, тип лица этих изваяний очень близок к особенностям центрально-азиатского типа большой монголоидной расы, который характеризуется широкими скулами, небольшим прямым носом, средней толщины губами.

Этими особенностями черт обладают и персонажи, изображенные на персидских миниатюрах XIV в., дворцовых портретах монгольских императоров и императриц, и этот стиль восходит к более древним традициям центральноазиатского искусства. Это свидетельствует о том, что в XIII-XIV вв. в монгольском искусстве, в частности в живописи и скульптуре, уже существовал единый изобразительный канон.

Каменные изваяния восточномонгольского типа отличаются и богатой орнаментацией различных деталей и их дальнейший анализ будет играть немаловажную роль в решении вопроса их этнокультурной принадлежности. Заслуживает внимания тот факт, что в украшении изваяний это группы фигурируют растительные, зооморфные, геометрические и пейзажные мотивы, передача и композиция которых является традиционной для орнаментики монголоязычных народов (21).

Растительный орнамент. Этот наиболее распространенный орнамент главным образом встречается в качестве украшения различных деталей сидений, на которых восседают фигуры людей. Так, задняя сторона спинки кресел трех изваяний украшена прекрасно выполненной резьбой в виде цветочного орнамента. В центре композиции выделяется большой цветок, напоминающий лотос, а вокруг него изображено множество листьев данного растения, которые служат фоном в отношении центральной (рис. 5 - *1, 2, 3*). Цветок на спинке одного из них изображен с 11 лепестками, а у другого с 13 лепестками. Спинка сиденья третьего изваяния украшена цветком, оформленным в виде раскрывающегося бутона-лотоса. Лотос наиболее широко распространенный мотив в орнаментике народов Востока и также широко встречается среди растительного орнамента монголов, символизируя чистоту и благородство (22). По мнению исследователей, распространение данного мотива в изобразительном искусстве монголов нельзя объяснить только влиянием проникновения ламаизма в Монголию. Один из вариантов этого орнамента был известен народам Центральной Азии задолго до распространения ламаизма, и имеет не менее чем тысячелетнюю историю (23).

Поясные пряжки и бляшки некоторых изваяний оформлены в виде четырех, шести, восьми лепестковых розеток (рис. 5). Лицевая сторона постамента одного изваяния украшена четырехлепестковыми розетками, помещенными в центре квадратов с вогнутыми сторонами (рис. 5-*6*). Так же одним из вариантов этого орнамента являются фигуры в виде вытянутых по горизонтальной линии четырехлепестковых розеток, изображенные на лицевой стороне постамента одного из памятников (рис. 5-*5*). Детали, оформленные в виде розеток, имеются и на сумочках, подвешенных к поясу некоторых изваяний.

Зооморфный орнамент. Различные варианты роговидных орнаментов, присутствие которых, по представлению древних монголов, способствовало успешному развитию скотоводства (24), имеются на постаментах кресел и на отдельных частях верхней одежды изваяний (рис. 5 - *7,8*).

Особый интерес вызывает оформление халатов трех изваяний, которые имеют на груди и спине высеченную резными линиями, летящего над облаками, фигуру дракона, голова которого находится на левой части груди, туловище на спине, а хвост на правой стороне груди (рис. 5-*4*).

Образ дракона - широко распространенный мотив в культурной традиции многих стран Центральной Азии и Дальнего Востока.

Особое развитие он получил в китайской культуре, где дракона почитали как божество рек и озер. Кроме того, «изображение дракона считалось символом императорской власти, поэтому оно очень часто встречалось на одежде императора, членов императорской фамилии» (25).

Северные соседи Китая - кочевники Центральной Азии, в частности хунну, тоже почитали дракона (26). В героических эпосах монголов дракон упоминается главным образом при определении характеристики и действия героя (27). Так, к примеру, в эпосе «Хан Харангуй» говориться, что у главного героя «в груди утвердилась мощь тринадцати драконов» (28). Так же дракон связывался с дождем и молнией. Это отмечал и Рашид-ад-Дин : «У монголов считается, что молния исходит некоторого животного, подобного дракону, и в их областях жители (будто бы) видят своими глазами, как он падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из его пасти извергается пламя» (29). Все это свидетельствует, что у средневековых монголов и их предков дракон почитался как символ силы и величия и связывался с небом и облаками. Судя по некоторым сюжетам персидских миниатюр, монголы XII-XIV вв. носили халаты с изображением драконов (30). О традиции украшать фигурами драконов некоторые предметы отметил китайский чиновник Чжао Хун, посланный к монголам в 1221 г. Он писал, что «император восседает в кресле северных варваров, украшенном головами драконов, обложенным золотом» (31).

В процессе исследования выяснилось, что в украшении некоторых изваяний этой группы использовалась краска. Так, на одном изваянии был заметен нанесенный черной краской орнамент в виде полукругов и других геометрических фигур, украшавший нижнюю часть данного памятника. По всей вероятности, первоначально краской покрывалась вся фигура этого изваяния, т.к. остатки краски сохранились и между пальцами рук. Кроме того был зафиксирован случай, когда сумочка, подвешенная на одном боку, была нарисована черной краской, тогда все другие детали изваяния были вырезаны из камня. Как показывает материалы исследований, подобная традиция зародилась в глубокой древности в Центральной Азии и в дальнейшем была унаследовано ваятелями последующих поколений.

Следует отметить ещё технический прием, применявшийся создателями каменных изваяний восточномонгольского типа, а именно - изготовление отдельных деталей не из самого камня, а из гипсового раствора. К примеру, ступни ног одного памятника были вылеплены отдельно из гипса и затем приклеены к изваянию. Выше изложенное свидетельствует о многообразии технических приемов, которыми обладатели памятников.

Как известно из специальной литературы, посвященной истории Монголии XIII-XIV вв., в указанный период культура и искусство достигли высокого уровня и руками монгольских умельцев создавались такие замечательные памятники камнерезного искусства, как фрески высеченные Тогус Тэмуром в пещерах Ханчжоу, скульптурные изображения монгольских героев около гробницы Елюй Чу Цая и др. (32). Поскольку эти памятники создавались не в самой Монголии из-за завоевательской политики монгольских феодалов и перемещения политического центра в чужую страну, то в этом отношении особую ценность имеют восточномонгольские изваяния, которые создавались на исконной монгольской земле и являются бесценными шедеврами камнерезного искусства монголов.

Таки образом, анализ иконографических и художественных особенностей изваяний восточномонгольского типа показывает их отличие и самобытность по сравнению с другими группами каменных изваяний Евразии, что и позволяет выделить их в новую, ранее неизвестную группу подобных памятников, которые относятся к периоду расцвета Монгольской империи XIII-XIV вв.

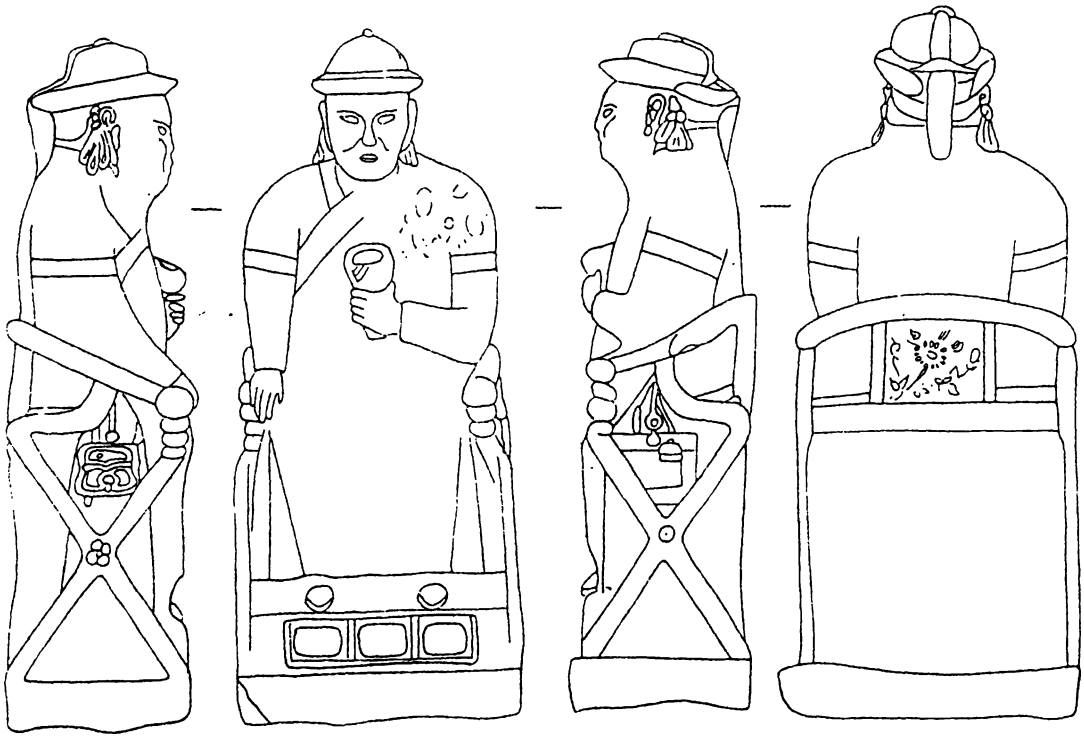
Список сокращений

КСИНА - Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР

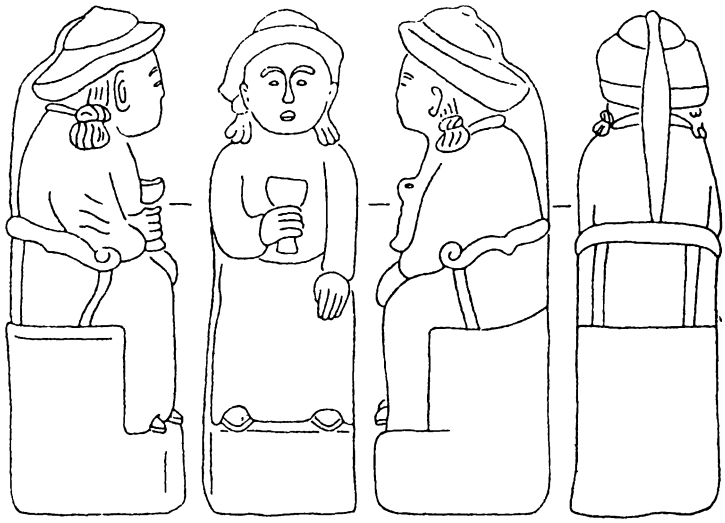
Материалы - Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-

МОНК	Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР
МИА	- Материалы и исследования по археологии
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СМ	- Северная Монголия
СМАЭ	- Сборник музея антропологии и этнографии
ТИВ	- Труды Института Востоковедения
SE	- studia ethnograhica

1. *Потанин Г.Н., 1881.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. СПб. -С. 64-74. фиг. 25.26.31-34.35.37.
2. Данная статистика составлена на основе сведений из научных трудов по археологии Монголии, работ отдельных авторов, посвященных специальному изучению каменных изваяний, а также из списка регистрации историко-культурных памятников аймачных краеведческих музеев.
3. *Евтюхова Л.А., 1976.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА. М., 1952. №24.; Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей. СА. 1964. №2. - С. 27-39; Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М-Л., 1966; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск; 1984; Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана. С.А. -№4 и др.
4. *Итс Р.Ф., 1958.* О каменных изваяниях в Синьцзяне. СЭ.- №2.
5. *Казакевич В.А., 1981.* Намогильные статуи в Дариганге. - Материалы МОНК. Вып.5. Л., 1930. С.35; Кляшторный С.Г. Лубо-Лесниченко Е.И. Древние изваяния в Гоби //Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: Тезисы докладов. -М. -С. 49-50.
6. *Викторова Л.Л., 1985.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980; Баяр Д. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака // Древние культуры Монголии. Новосибирск. -с. 148-159 и др.
7. *Цагаан Д., 1993.* Чулуун соёл. Хайлаар, (на старомонгольском).
8. *Евтюхова Л.А.* Каменные .... рис. 27,28,30,31.
9. *Шер Я.А.* Каменные изваяния.... Табл . XXIII - 105; XXIV - 117; XXV - 120.
10. *Грач А.Д.* Древнетюркские.... Табл.1, II.
11. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские.... Табл. I.
12. *Шер Я.А.* Каменные изваяния.... -С.68.
13. *Чариков А.А., 1986.* Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана. СА. -№ 1. С. 88,89, рис. 1, 1 -3.
14. *Шер Я.А* Каменные изваяния.... С.67.
15. *Мэн да бэй лу. 1968.* («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа /Перевод о китайского, введение, комментарии и приложения Н.Ц. Мункуева. М., 1975. С.75; Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М., 1957. С.26,99; Сычев Л.П. Об иконографии Чингисхана и его преемников // Народы Азии и Африки. - №6. -С.88-89.
16. *Мэн да бэй лу....* С. 80.81;191,192; Путешествие.... С.100, 147, 227.
17. Юан улсын уе улирлын хаан хуанхугийн херег (Портреты императоров и императриц Юаньской династии). Монгол бичгийн хороо дармаллав. 1926 он; Путешествие.... С.160,177.
18. *Плетнева С.А., 1974.* Половецкие каменные изваяния. САИ. Вып. Е4-2. М. -С.74, рис. 37.
19. *Боровка Г.И., 1987.* Археологическое обследование среднего течения р.Толы. СМ. Вып. II. Л., 1927. табл.VI, 2. с.78. прим.I; Войтов В.Е. Каменные изваяния из Унгету. - Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М. -С.98,101. рис.III - 6.
20. *Казакевич В.А.* Намогильные.... С. 8.
21. *Кочешков Н.В., 1973.* Народное искусство монголов. М. - С.8.
22. *Майдар Д., 1972.* Монголын архитектур ба хот байгуулалт (Архитектура и градостроительство Монголии) УБ. - С. 53.
23. *Нямбуу Х., 1968.* Халхын зарим нутгийн хээ угалзны зүйлээс (Из орнамента некоторых районов Халхи). XIX-XX зууны эхэн. SE. т.III. f.3. УБ. - С.52.
24. *Кочешков Н.В., 1973.* Орнамент монголоязычных народов как исторический источник // Этнографические вести. №3. Элиста. - С.7-8.

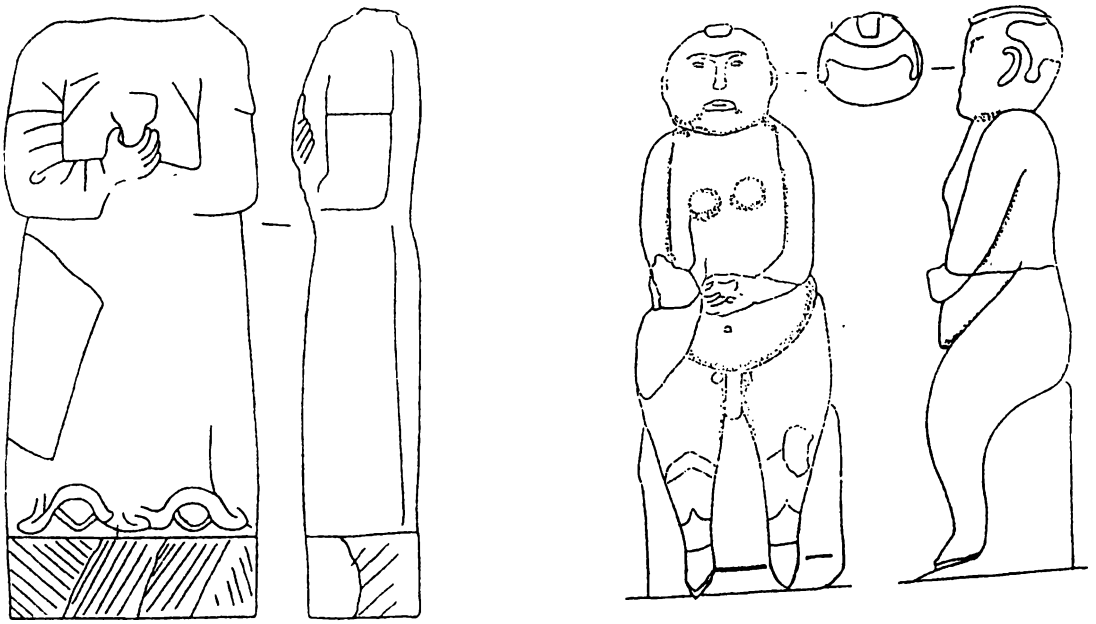


Сидячее изваяние из местности Шонх Таван Толгой Восточного аймака

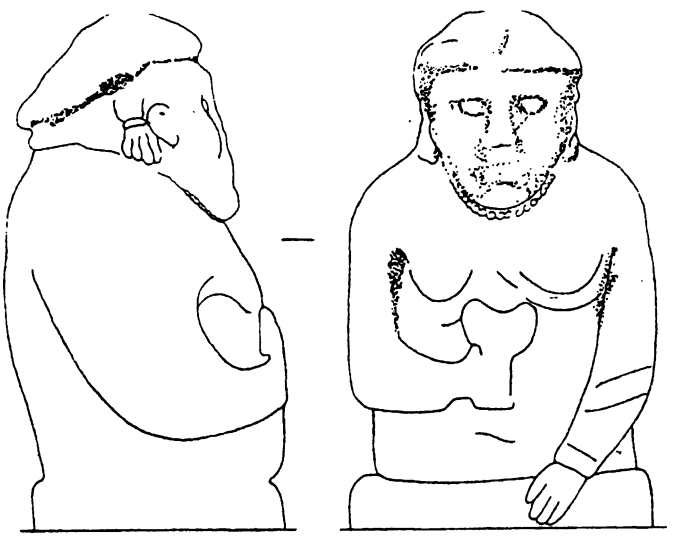


Сидячее изваяние из местности Ламт Сухэ-Баторского аймака

Рис. 1.

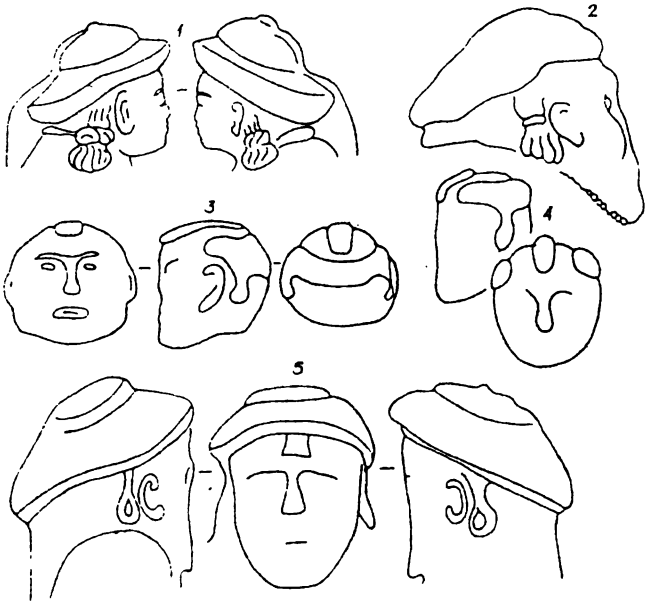


Стоячее изваяние из местности Дугнарын даваа Сухэ-Баторского аймака
Изваяние без одежды из местности Хунт уха Сухэ-Баторского аймака



Изваяние в виде бюста из Сухэ-Баторского аймака

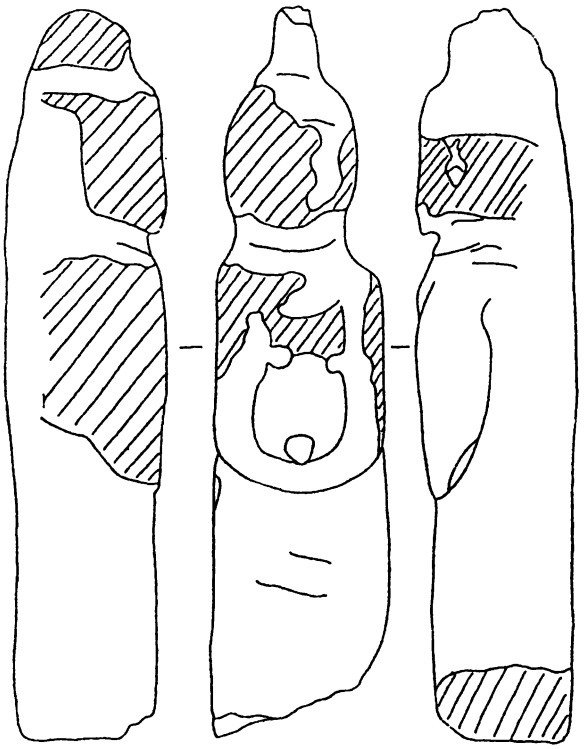
Рис. 2.



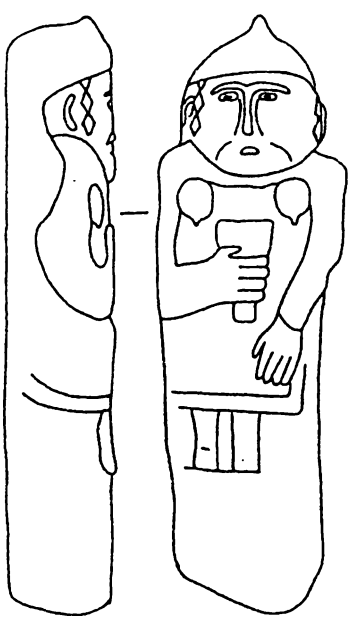
Изображение мужских причесок на каменных изваяниях

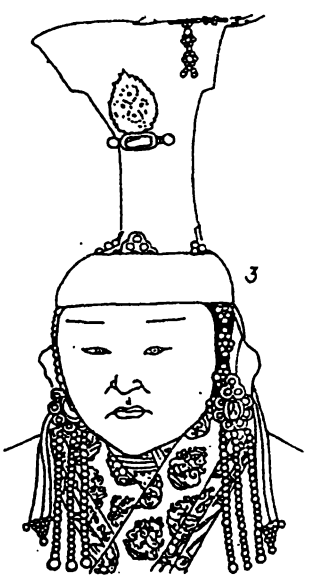
Портрет Юаньского императора Туб Тамура

Рис. 3.



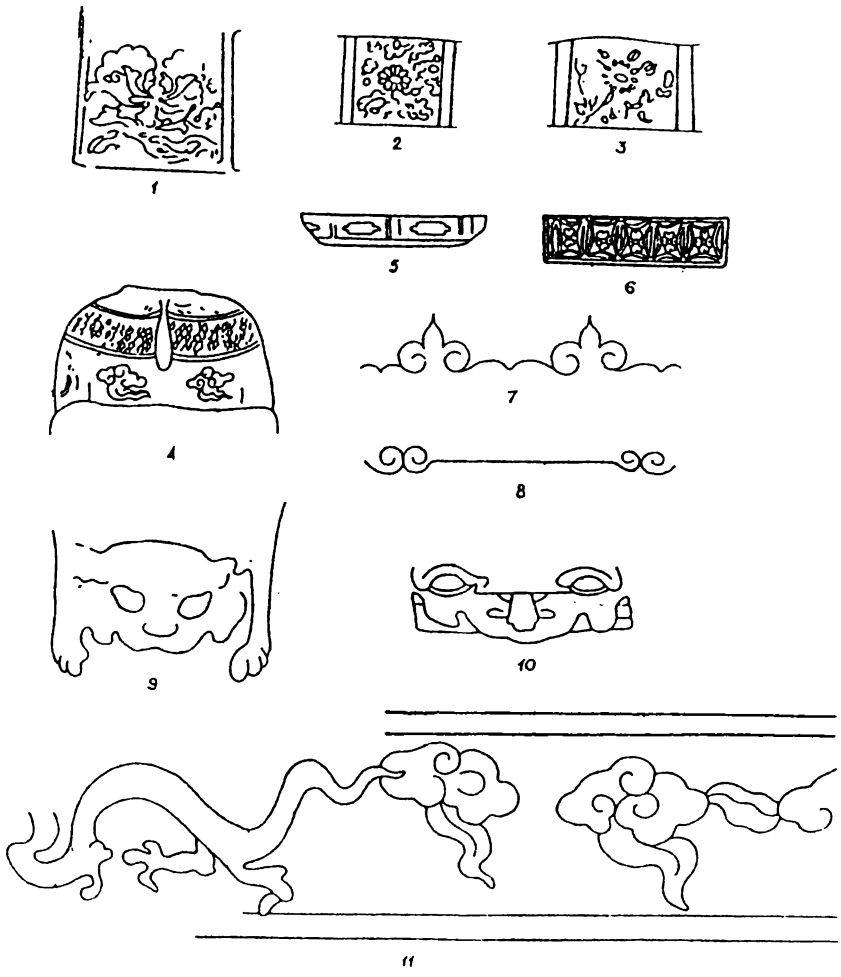
Женское изваяние из местности Хушон дэнж Убурхангайского аймака



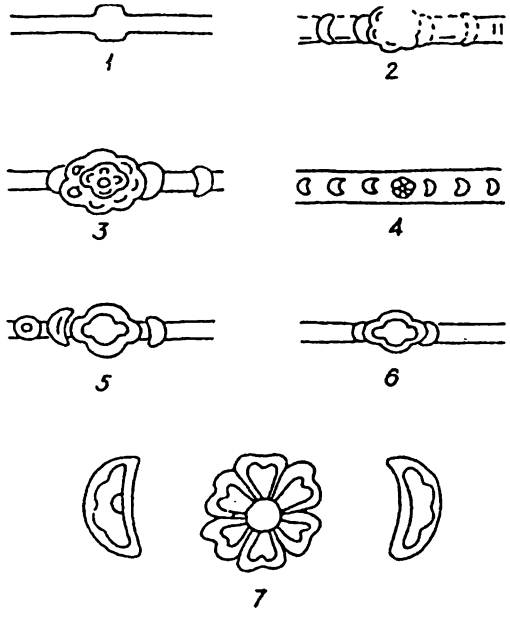


Женское изваяние из местности Сэнж Мандал Сухэ-Баторского аймака
Портрет Юаньской императрицы

Рис. 4.



Орнаменты на изваяниях: 1,2,3 - на спинке сидений изваяний; 5,6 - на постаменте сидений; 4,11 - орнамент в виде дракона и облачный орнамент; 7,8 - роговидный орнамент



Украшение поясов в виде цветочного орнамента

Рис. 5.

25. *Решетов А.М., 1981.* Дракон в культурной традиции китайцев. - Материальная культура и мифология. СМАЭ. Т. XXXVII. Л.- С. 9.
26. *Далай Ч., 1980.* Монголын бөө мергелийн товч түүх (Очерк истории монгольского шаманства). УБ., 1959. - С.10; Сүхбаатар Г. Монголчуудын эртний өвөг. Хүннү нарын аж ахуй, нийгмийн байгуудал, соёл, угсаа гарвал (МЭ-IV - МЭ II зуун) (Хозяйство, общественный строй, культура и этногенез хуннов с IV в. до н.э. до II в. н.э.). УБ. - С.141.
27. *Михайлов Г.И., 1963.* Луу и лус в произведениях героического эпоса монгольских народов. КСИНА. Литературоведение, фольклористика и изучение памятников. -№ 63. -С.76.
28. *Санжеев Г.Д., 1937.* Монгольская повесть о Хане Харангуй. ТИВ XXII. М-Л. - С.47,81.
29. *Рашид ад-Дин. 1952.* Сборник летописей. Т. I. Кн.I /Пер. с персидского Л.А. Хетатурова, ред. и примеч. А.А .Семенова. М.-Л. - С.156.
30. Путешествие..... С.176-177.
31. Мэн да бэй лу .... С.76.
32. *Далай Ч., 1983.* Монголия в XIII-XIV веках. -М. - С.161.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕМОНГОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Б.Ч. Арданов

Средневековые памятники Западного Забайкалья попали в поле зрения исследователей еще в конце XIX в. Впервые погребения подобного типа упоминаются в работах врача-антрополога Ю.Д. Талько-Грынцевича, которым были проведены исследования большого количества могил разных типов в долинах рек Джиды, Хилок, Чикой и среднем течении Селенги. Все исследованные могилы Ю.Д. Талько-Грынцевич классифицировал на 4 разновременные группы и пытался установить их этническую принадлежность (Талько-Грынцевич, 1907). Так, к первой группе могил исследователь отнес керексуры (Талько-Грынцевич, 1907, с. 34), которые он датировал каменным веком. Вторую группу составляют погребения в лиственничных срубах, датированные III в. до н. э. (Талько-Грынце-вич, 1907, с. 46). К третьей группе Ю.Д. Талько-Грынцевич отнес могилы «четырехугольной формы, покрытые и обставленные плитами» (Талько-Грынцевич, 1907, с. 39). В этническом плане исследователь считал их тюркскими. К четвертой группе Талько-Грынцевич отнес 3 могильника и датировал их средневековым временем. Это Шарагольский могильник (в долине р. Чикой), Дырестуйский могильник (в долине р. Джида), Хойцегор (в долине р. Хилок). На основании этих раскопок исследователь сделал описание погребального инвентаря, положений костяков, внешнего вида этих могил (Талько-Грынцевич, 1898, 1900, 1905). Также ученым была проведена работа по описанию и классификации черепов, найденных в могилах. На основании этой работы была выдвинута версия об этнической принадлежности этой группы памятников монголоязычным племенам. Таким образом, Ю.Д. Талько-Грынцевич высказал мнение об этнической принадлежности средневековых памятников монголоязычным племенам и датировал их средневековой эпохой.

В 1925 г. Г.Ф. Дебец раскопал 7 погребений у с. Зарубино на р. Селенге. По описаниям Г.Ф. Дебеца, кладки этих могил были округлой или овальной формы диаметром до 7 м, высота не превышала 1 м, глубина могильной ямы достигала 1 м. Инвентарь был представлен железными орудиями труда, оружием, фрагментами одежды. Исследователь отметил отсутствие в погребальном инвентаре керамики (Дебец, 1926, с. 15). На основе полученных материалов Г.Ф. Дебец выделил общие черты в положении костяков и в сопровождающем инвентаре. Он также сравнил Зарубинский могильник с памятниками по р. Чикой и низовьях р. Джиды, раскопанными Ю.Д. Талько-Грынцевичем (Дебец, 1926, с. 15). Таким образом, Г.Ф. Дебец исследовал однотипный погребальный комплекс, выделил общие черты, присутствующие в погребальном обряде и провел аналогию с погребениями, исследованными Ю.Д.

Талько-Грынцевичем. Материалы Зарубинского могильника были датированы Г.Ф. Дебецем началом II тыс н. э. и отнесены к монголоязычным племенам Забайкалья. Хозяйство было охарактеризовано как кочевое скотоводческое с незначительной ролью охоты (Дебец, 1926, с. 16).

Несколько позже значительные материалы по раннемонгольским памятникам были получены Г.П. Сосновским, исследовавшим ряд могильников в Ильмовой пади, у горы Еныскей, Кумын, вблизи с. Саянтуй и другие. Однако материалы остались в основном неопубликованными. По данным Е.А. Хамзиной и Н.В. Именохоева, Г.П. Сосновский классифицировал памятники I и II тыс. н. э. и на основе этого выделил саянтуйскую стадию, которую датировал XIII и XIV вв. Население этого времени он считал монгольским (Хамзина, 1970, с. 12; Именохоев, Коновалов, 1985, с. 77-78; Именохоев, 1989, с. 59; Именохоев, 1992, с. 26).

В 1937 г. вышла обобщающая работа А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят». В этой книге нашли отражение археологические памятники, исследованные не только им самим, но и Б.Э. Петри, Г.Ф. Дебецем и другими учеными, которые частично до этого времени не были опубликованными. Особый интерес представляют описания 2-х могильников: Сэгэнутского, исследованного А.П. Окладниковым в 1929 г., и Тункинского, изученного Б.Э. Петри (Окладников, 1937, с. 282). А.П. Окладников датирует Сэгэнутский могильник XI-XII вв. н. э. и считает его «переходным». «Памятники этого общества (могильник в устье р. Манзурки) генетически связаны с курумчинскими, а позднейшими звеньями доходят до момента русского завоевания, т.е. могут охватывать и всю первую половину II тысячелетия н. э., иными словами - эпоху становления бурят-монгольской народности» (Окладников, 1937, с. 285). Он также дал характеристику Тункинского могильника, датируемого им XII-XIV вв. По мнению А.П. Окладникова, он принадлежал монголоязычным племенам, утвердившимся к этому времени на большой территории (Окладников, 1937, с. 286).

В 1947-50 гг. Бурят-Монгольская археологическая экспедиция АН СССР под руководством А.П. Окладникова раскопала значительное количество могил позднего железного века в Хоринском, Джидинском и Кяхтинских аймаках (Окладников, 1960). Ученый провел подробные описания могил и погребального инвентаря и датировал их II-VII вв. н. э.

В 1963-70 гг. новые памятники были раскопаны Е.А. Хамзиной. Она проанализировала и обобщила все накопленные материалы по погребениям данного типа в монографии «Археологические памятники Западного Забайкалья» (Улан-Удэ, 1970).

Историографическая часть работы посвящена обзору исследований средневековых памятников Забайкалья, опубликованных разными исследователями (Хамзина, 1970, с. 5-19). В монографии Е.А. Хамзина опубликовала подробное описание погребального обряда и инвентаря Тапхарского, Баргузинского комплексов, а также Баянгольского и Телятниковского могильников (Хамзина, 1970, с. 20-64).

Отдельная глава в монографии Е.А. Хамзиной была посвящена датировке и периодизации позднекочевнических могил Западного Забайкалья. Все имеющиеся памятники она разделила на 3 типа: хойцегорский - V-VII вв, тапхарский - X-XIII вв, саянтуйский - XIII-XIV вв.

К памятникам хойцегорского типа Е.А. Хамзина отнесла: Хойцегорские могилы (3, 7, 8, 10, 11 и 12), могилы Узкого места и Киприяновки, Тапхарские могильники III и V, Баянгольский могильник, Темниковское поселение (Хамзина, 1970, с. 84). Внутри памятников хойцегорского типа она выделила три территориальные группы: южная - Хойцегорский могильник, Узкое место, могилы Киприяновки, Капчеранка и Темниковское поселение; 2) центральная - Тапхарские могильники III и V; 3) северная - Баянгольский могильник (Хамзина, 1970, с. 84).

Южная группа могил, по данным Е.А. Хамзиной, на поверхности земли отмечена выкладками из камня в виде круга или небольшой насыпи, слегка возвышающейся над поверхностью, диаметром от 3 до 5 м. Под ними в могильных ямах на глубине 0,5 м лежали костяки в вытянутом положении, головою в основном на восток, в Киприяновской могиле - на юго-запад. Подводя итоги, Е.А. Хамзина пишет, что эти памятники принадлежат селенгинским уйгурам, населявшим верховья р. Селенги в V-VIII вв. (Хамзина, 1970, с. 88).

Центральная группа могильных памятников была представлена двумя могильниками с сопки Тапхар (III и V). Е.А. Хамзина подробно рассмотрела обряд погребения и

вещи могильников III и V. Также ею были даны датировки этих памятников: так, могильник III был продатирован VII-X вв., а могильник V – X в. (Хамзина, 1970, с. 94).

Северную группу памятников хойцегорского типа представляли три могилы Баянгольского могильника. Как отмечает Е.А. Хамзина, он по инвентарю ближе к могилам южной группы, но погребальный обряд его не имеет никакого сходства с ними, да и вообще отличается от известного погребального обряда на территории Западного Забайкалья. Исследователь отметила близость баянгольского обряда погребения к алтайскому древнетюркскому обряду (Хамзина, 1970, с. 94). Ею дано подробное описание обряда погребения и вещей Баянгольского могильника. В этническом плане население, оставившее этот могильник, по мнению Е.А. Хамзиной, было близко к курыканам, имело сходную культуру, но в то же время развивалось самостоятельно (Хамзина, 1970, с. 103). Сопоставление найденных в могильнике вещей с известными ранее позволило ей утверждать, что Баянгольский могильник возник не ранее VII в. (Хамзина, 1970, с. 100).

К памятникам тапхарского типа Е.А. Хамзина отнесла могильники Тапхар (I, IV и VI), Телятниковский и отдельные могилы с Юго-Западного Забайкалья, раскопанные Ю.Д. Талько-Грынцевичем и Г.П. Сосновским (Хамзина, 1970, с. 103). По данным Е.А. Хамзиной, погребальный обряд во всех тапхарских могильниках в основных чертах тождественен: усопший погребался в сравнительно неглубоких ямах, над которыми сооружалась невысокая каменная кладка округлой формы.

Погребения Телятниковского могильника, по сведениям Е.А. Хамзиной, характеризуются сходством между собой в положении костяка и различием в погребальных сооружениях. Как обязательный элемент был отмечен ритуал установки во всех могилах, за исключением детских, кости ноги барана, поставленной вертикально. На основе анализа обряда погребения данного типа Е.А. Хамзина проследила процесс вытеснения тюркских черт монгольскими. К XI в. н. э. в Северной Монголии и низовьях р. Селенги расселились монгольские племена, которые в первое время находились под влиянием более развитого в культурном отношении местного населения, т.е. уйгуров (Хамзина, 1970, с. 124).Только этим, по мнению Е.А. Хамзиной, можно объяснить смешение тюркских и монгольских погребальных обрядов в исследованных памятниках (Хамзина, 1970, с. 125).

И, наконец, саянтуйский тип, отражает утверждение монголоязычного населения в крае в XIII-XIV вв., что нашло свое отражение в погребальном обряде и типологии сопровождающего инвентаря. Характеристика погребений саянтуйского типа Е.А. Хамзиной не дана, но, судя по заключению, она согласна с их характеристикой в работах Г.Ф. Дебеца, Г.П. Сосновского и А.П. Окладникова (Хамзина, 1970, с. 125).

Таким образом, Е.А. Хамзиной была проведена работа по периодизации позднекочевнических памятников Забайкалья. Ею были выделены 3 разновременных типа памятников: хойцегорский, тапхарский, саянтуйский с определением хронологических рамок каждого. В каждом типе памятников Е.А. Хамзина выделила характерные черты погребального обряда. Также ею были введены новые данные по погребальному обряду и инвентарю Тапхарского, Баргузинского комплексов, а также Баянгольского и Телятниковского могильников.

В конце 1980-х гг. П.Б. Коновалов и С.В. Данилов, исследовав могильник у с. Кибалино, дали характеристику надмогильных сооружений и погребального обряда этого памятника. Ими было исследовано 8 курганов из 26 обнаруженных в Кибалинском могильнике. Согласно их описаниям, обследованная группа памятников в Кибалино составляет довольно однообразный погребальный комплекс. Исследователи дали характеристику надмогильных сооружений, форм кладки, могильных ям (Коновалов, Данилов, 1981, с. 70). Были описаны положения костяков в могилах и их ориентировки: на спине, головой преимущественно на ССВ и СВ, но встречается и восточная ориентация (Коновалов, Данилов, 1981, с. 71). Сопровождающий инвентарь был охарактеризован как неравномерный по количеству, но относительно однородный по содержанию. И, наконец, в качестве особой черты авторы статьи выделили обычай класть в изголовье покойного баранье стегно, причем его обычно ставили вертикально или чуть наклонно, нижним эпифизом вниз. У некоторых кроме стегна находятся отдельные бараньи позвонки - либо в ногах, либо в области пояса. Для того, чтобы установить культурно-хронологическое место описанного погребального комплекса, авторы рассмотрели из-

вестные сравнительные материалы из Западного Забайкалья. На основании сравнения с материалами раскопок Ю.Д. Талько-Грынцевича, Г.Ф. Дебеца, Г.П. Сосновского и Е.А. Хамзиной П.Б. Коновалов и С.В. Данилов пишут: «Нетрудно заметить, насколько совпадают основные черты этого погребального комплекса с той характеристикой, которую мы дали выше кибалинским средневековым могилам. Культурная принадлежность их, таким образом, вполне определена ...» (Коновалов, Данилов, 1981, с. 71).

Что касается датировки данного памятника, авторы статьи на основании сопоставления материалов исследований Б.Э. Петри, Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова и Е.А. Хамзиной задаются вопросом: каким временем датировать его: XI-XIII в. как Г.Ф. Дебец, или XIII-XIV вв.. как Г.П. Сосновский? (Коновалов, Данилов, 1981, с. 71).

В 1981 г. Л.Р. Кызласов в своей обобщающей работе предложил оставить введенные Г.П. Сосновским и Е.А. Хамзиной названия групп или типов погребений, но с внесением изменений в их содержание и хронологию (Кызласов, 1981, с. 59). Так, Л.Р. Кызласов выделил две отдельные культуры: хойцегорскую (IX-X вв. н. э.) и саянтуйскую (XIII-XIV вв.), что касается промежуточного этапа, то он его не выделяет, ссылаясь на слабую изученность. На основе анализа надмогильных сооружений, положений костяков и сопутствующего инвентаря Л.Р. Кызласов пришел к выводу, что хойцегорские могилы и по устройству погребальных сооружений, и по обряду захоронений, и по инвентарю очень схожи с могилами тюркоязычных племен Тувы, хоронивших своих умерших в периоды Уйгурского каганата (VIII-IX вв. н. э.) и древнехакасского государства (Кызласов, 1969, с.79, с. 112-114). Особое внимание Л.Р. Кызласов уделил жертвенно-поминальным курганам, которые были раскопаны Г.П. Сосновским и Е.А. Хамзиной на горе Тапхар и на Баянгольском могильнике. По хорошо сохранившимся кладкам устанавливается, что первоначально это были юртообразные сооружения из плитника в виде округлых оградок из вертикально установленных плиток, покрытых плитами, положенными плашмя. Внутреннее их заполнение состояло из мощного слоя гумуса, в которых обнаружены лепные баночные сосуды. Таким образом, в этих курганчиках захоранивалась, очевидно, во время последних поминок, жидкая или полужидкая пища, предназначенная для «кормления» душ умерших. Также Л.Р. Кызласовым было отмечено, что в жертвенно-поминальных памятниках на Баянгольском могильнике встречаются гладкие узкогорлые сосуды. Проводя аналогию между керамикой хойцегорского типа и некоторыми типами древнехакасской керамики, он также отмечает и близость хойцегорских жертвенно-поминальных курганов к жертвенно-поминальным курганам и сооружениям древних тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья. В более поздний период очевидны некоторые изменения в погребальном обряде, которые выразились в появлении монгольских черт в погребальном обряде и инвентаре. Эти изменения, по мнению Л.Р. Кызласова, происходили под влиянием монголоязычных племен, проникавших на территорию Западного Забайкалья с начала II тыс. н. э. с территории Северной Монголии.

В последние десятилетия значительное внимание средневековым памятникам Западного Забайкалья уделяет Н.В. Именохоев. Ему принадлежит обобщающая характеристика погребального обряда раннемонгольских захоронений и предварительная датировка данной группы памятников (VII-XIV вв. н. э.) (Именохоев, 1989, с. 62; 1992; с. 27). Согласно описаниям Н. В. Именохоева, погребения этого типа имеют вид утолщенной каменной кладки овальной, округлой, подквадратной и подпрямоугольной в плане форм, размерами до 4-5 м. по длинной оси. Надмогильные сооружения составлены из камней средних (до 30 см) и крупных (до 80 см) размеров в один или несколько слоев. Глубина могильной ямы варьирует от 0,5 до 2 м. Ямы обычно с прямым стволом, но встречаются и с подбоем или с имитацией под подбой. Исследователь отметил и разнообразие в видах внутримогильных конструкций: на грунте, берестяных мешках и коробах, дощатых гробах, в деревянных рамах и колодах (Именохоев, 1989, с. 56; 1992, с. 28). Положение костяка - на спине. Ориентировали погребенных головой на С, СВ, В. Погребальный инвентарь, по описанию Н.В. Именохоева, практически однотипен: это оружие, охотничье снаряжение, предметы быта и украшения (Именохоев, 1989, с. 56 - 57; 1992, с. 28). По мнению Н.В. Именохоева, единым признаком, объединяющим все погребения, является обряд установки у изголовья покойного задней ноги барана (Именохоев, 1992, с. 27.- 36).

Анализ имеющихся архивных и опубликованных материалов позволил Н.В. Имено-

хоеву разделить средневековые погребальные памятники Западного Забайкалья по наличию в могильной яме костей животного происхождения на 2 группы - без костей и с костями. Внутри этой группы делятся на типы по культурно-хронологической характеристике, а типы на виды, или варианты, по положению в могильной яме костных останков погребенного и внутримогильным конструкциям (Именохоев, 1988, с. 123).

Совокупность признаков погребального обряда этой группы захоронений, отличающая их от других известных погребальных комплексов средневековой эпохи, позволила Н.В. Именохоеву выделить погребения данного типа в особую группу средневековых памятников и рассматривать в целом как особую археологическую культуру, датируемую VII-XIV вв. Данную культуру он предложил назвать раннемонгольской. В ее развитии Н.В. Именохоев выделил 2 этапа: хойцегорский VII-X вв. и саянтуйский X-XIV вв. (Именохоев, 1989, с. 62; 1992, с. 27).

В 1989 г. П.Б. Коновалов в статье «Корреляция средневековых археологических культур Западного Забайкалья» обращает внимание на средневековые памятники Западного Забайкалья. На основании анализа исследований своих предшественников П.Б. Коновалов предложил оставить за названиями этапов: хойцегорского (VII-X вв.) и саянтуйского (XI-XIV вв.) лишь хронологический смысл (Коновалов, 1989, с. 13), так как, по его мнению, этот однородный погребальный комплекс в целом отражает эволюцию одной и той же культуры. На ранней стадии она имела как бы тюркизированный облик, который П.Б. Коновалов связывает с тогузогузами рунических надписей или хойху-уйгурами киданьских летописей. На поздней стадии, в эпоху господства монголов, она приобрела те черты, которые характеризуют саянтуйский погребальный комплекс. По мнению П.Б. Коновалова изменения произошли несущественные. Таким образом, в рассмотренном археологическом материале исследователь выделяет уйгурский и монгольский этапы развития одной археологической культуры, которую по конечному результату называет раннемонгольской. Датировка этой культуры, по П.Б. Коновалову, - VII-XIV вв. Начальные этапы формирования раннемонгольской археологической культуры исследователь видит в эпохе тюркских и жужанского каганатов (Коновалов, 1989, с. 13).

Ю.С. Худяков в статье «Об этнической интерпретации средневековых памятников юго-западного Забайкалья» отметил наиболее актуальные проблемы средневековой археологии Забайкалья. По мнению Ю.С. Худякова, погребальные памятники, выделенные Е.А. Хамзиной в хойцегорский тип, точнее, относящиеся к так называемой южной группе, представляют особый интерес. Ю.С. Худяков считает, что эти материалы нуждаются в дополнительном изучении (Худяков, 1989, с. 28), так как среди них будут выявлены обособленные группы, что позволит более точно провести их локализацию во времени и в пространстве и соотнести с конкретными этнонимами, известными по средневековым источникам. В частности, автор считает, что данную группу памятников можно соотнести с одним из этнических объединений Центральной Азии второй половины I - первой половины II тыс. н. э. под названием *байегу* (байырку) (Худяков, 1989, с. 29).

Далее он приводит данные об истории существования байегу, основанных на письменных источниках. По предположению Ю.С. Худякова, во II тыс. байегу-байыркубаргуты подверглись сильному влиянию монголоязычных племен, в этой связи памятники баргутов исследователь связывает с «раннемонгольскими погребениями» или с «погребениями поздних кочевников» Забайкалья и Северной Монголии, относящихся к первой половине II тыс. н. э. (Худяков, 1989, с.32).

Таким образом, начиная с конца XIX в. исследователи неоднократно обращались к описаниям погребального обряда памятников средневекового населения, ныне объединяемого в рамках раннемонгольской археологической культуры. Однако, как правило, они описывают его по материалам отдельных могильников, которые ими были исследованы и опубликованы.

В 1999 г. А.Д. Цыбиктаров в учебном пособии «Бурятия в древности» дает обобщающую характеристику раннемонгольской археологической культуры. Автор очертил ареал распространения памятников данного типа на территории Забайкалья, Монголии и Прибайкалья (Цыбиктаров, 1999, с. 177). Вслед за предшественниками А.Д. Цыбиктаров отметил датировку культуры в целом VII-XIV вв. с выделением в ее развитии 2 этапов: раннего хойцегорского VII-X вв. и позднего саянтуйского X-XIV вв. Им было отмечено, что на территории Прибайкалья пока обнару-

жены курганы только саянтуйского этапа. Здесь они отражают собой процесс смены тюркоязычного населения курумчинской культуры монголоязычным населением в начале II тыс. н. э. Уже на хойцегорском этапе развития раннемонгольские курганы в небольшом количестве начинают появляться в Восточном Забайкалье. Но массовое распространение они получили там с начала II тыс. н. э. в монгольское время с процессом утверждения в этот период монголоязычных племен на исторической арене Центральной Азии (Цыбиктаров, 1999, с. 178). А.Д. Цыбиктаров приводит описания внешнего вида надмогильных кладок, внутримогильных конструкций, положений костяков, сопровождающего инвентаря. На основе анализа сопровождающего инвентаря он пишет, что «на начальном этапе своего развития население раннемонгольской культуры испытывало значительное влияние древнетюркской культуры. Это хорошо прослеживается в инвентаре погребений» (Цыбиктаров, 1999, с. 178-181). Определенное внимание автор уделяет средневековым памятникам поселенческого типа: это феодальные усадьбы в Сутае и Нарсатуе в Бурятии, Кондуйский дворец и Хирхиринское городище в Читинской области. Помимо них в Забайкалье известно большое количество так называемых дюнных стоянок, среди материалов которых встречаются находки, связанные с раннемонгольской культурой (Цыбиктаров, 1999, с. 184). Подводя итоги, А.Д. Цыбиктаров пишет, что раннемонгольская археологическая культура все еще не получила всестороннего и детального изучения. Тем не менее ни у кого из исследователей не вызывает сомнения связь этой культуры со средневековыми монголами, создавшими в XIII в. в результате завоеваний в Азии и Европе огромную империю. Единый обряд погребения на огромной территории, на которой расселялись монголоязычные племена, по мнению А.Д. Цыбиктарова, говорит о том, что несмотря на разную родовую и племенную принадлежность население, оставившее эти памятники, ощущало себя одним единым народом (Цыбиктаров, 1999, с. 187).

Б.Б. Дашибалов в статье «Об этнической принадлежности могил саянтуйского типа Юго-Восточной Сибири» подверг сомнению утвердившееся мнение о том, что могилы саянтуйского типа, систематизированные Г.П. Сосновским, отражают процесс расселения монголоязычных племен в крае в начале II тыс. н. э. Согласно его точке зрения столь важное положение не имеет под собой достаточных оснований (Дашибалов, 2001, с. 59). Исследователь на основании изучения погребального инвентаря датирует Сэгэнутский могильник XVI-XVII вв. В частности, на это указывают найденные при раскопках удила с выгнутыми стержнями, появившиеся после монгольского времени. Погребальный обряд Сэгэнутского могильника - захоронения коня в отдельной яме, по мнению Б.Б. Дашибалова, сопоставим с бурятскими захоронениями XVI-XVIII вв. (Дашибалов, 2001, с. 59). Далее он рассмотрел могилы саянтуйского типа по видам внутримогильных конструкций. Погребения в бересте, на основании типологии инвентаря, малого процента обнаружения в могилах кости ноги барана, анализа найденных украшений Б.Б. Дашибалов связывает с урало-алтайскими племенами (Дашибалов, 2001, с. 60-61). Погребения в бересте характерны для населения лесных зон, в то время как захоронения в колоде несут в себе больше степных черт. Захоронения в колоде отличаются стабильным присутствием среди погребального инвентаря костей животных. На основании сопоставления погребального обряда могил, оставленных тюркоязычным населением в Туве, Минусинской котловине и на Алтае, Б.Б. Дашибалов считает, что погребения в колоде с баранами и конями были принесены в Забайкалье и Прибайкалье тюркоязычными племенами (Дашибалов, 2001, с. 62.). Погребения с подбоями в основном концентрируются в долине р. Селенги и ее притоков, где в свое время жили уйгуры. Могилы с подбоями саянтуйского типа, относящиеся ко 2 тыс. н. э., по мнению автора, возможно, связаны с населением, сохранившим традиции селенгинских уйгуров (Дашибалов, 2001, с. 62-63). Захоронения в каменных ящиках автор связал с населением курумчинской культуры, которое приняло участие в сложении новой общности, оставившей памятники саянтуйского типа. Совмещения разных типов внутримогильных конструкций, по мнению Б.Б. Дашибалова; ярко свидетельствуют о процессе смешения разных по происхождению этнических групп, происходившем в первой половине 2 тыс. н. э. на территории юга Восточной Сибири. Основной признак, который позволил Н.В. Именохоеву и П.Б. Коновалову выделить раннемонгольскую археологическую культуру, - положение кости

ноги барана в могилу - Б.Б. Дашибалов считает недостаточным для подобных выводов. По мнению исследователя, положение кости ноги барана в могилу - деталь, характерная для погребальных обрядов многих кочевых народов, имеет тюрко-иранские корни (Дашибалов, 2001, с. 64). Другая традиция, появившаяся на юге Восточной Сибири в захоронениях саянтуйского типа, - это обряд установки в надмогильной насыпи вертикально стоящего камня. Б.Б. Дашибалов на основании анализа архитектуры могил Южной Сибири связывает погребения с этим признаком с тюркоязычным населением (Дашибалов, 2001, с. 64).

Таким образом, обряд помещения в могилу кости задней ноги барана и установка вертикального камня в надмогильной насыпи указывают, по мнению автора, на ирано-тюркские корни памятников саянтуйского типа (Дашибалов, 2001, с. 65). Б.Б. Дашибалов привлекает антропологический материал из могил саянтуйского типа. По мнению исследователя, то, что могилы саянтуйского типа были оставлены монголоязычным населением, не бесспорно и не имеет достаточной аргументации. Причина этого - непростая этническая обстановка, сложившаяся на территории Юго-Восточной Сибири в начале 2 тыс. н. э. (Дашибалов, 2001, с 67).

Данный историографический обзор позволяет выделить в истории изучения памятников раннемонгольской археологической культуры 2 основных этапа. Первый этап-это период с конца XIX в. до середины XX в. К этому времени относятся исследования Ю.Д. Талько-Грынцевича, Г.Ф. Дебеца, Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова. Основным содержанием этого этапа было составление обобщающей характеристики культуры, определение времени ее существования и этнической принадлежности. Ю.Д. Талько-Грынцевич первый описал могилы монгольского времени в научной литературе и попытался определить их этническую принадлежность и датировку. Он считал, что могилы, раскопанные в Дырестуйском Култуке, Шараголе и Хойцегоре, относятся к послехуннскому времени, т. е. средневековой эпохе. В этническом плане исследователь, опираясь на антропологические данные, связал население, оставившее эти памятники, с монголоязычными племенами (Талько-Грынцевич, 1900, с.49-50). В 1926 г. Г.Ф. Дебец исследовал могильник у с. Зарубино. Он отметил общие черты погребального обряда, провел аналогию с материалами, полученными Ю.Д. Талько-Грынцевичем, дал датировку Зарубинского могильника (нач. II тыс. н. э) и связал его в этническом плане с монголоязычными племенами (Дебец, 1926, с.15-16). Затем Г.П. Сосновский расширил район исследований памятников данного типа, классифицировал их и на основе этого впервые выделил саянтуйскую стадию, которую датировал XIII-XIV вв. Население этого периода он считал монгольским (Хамзина, 1970, с. 12; Именохоев, Коновалов, 1985, с. 77-78; Именохоев, 1989, с. 59; Именохоев, 1992, с. 26). А.П. Окладников исследовал Сэгэнутский могильник на Верхней Лене. Он, по мнению исследователя, являлся памятником с признаками более поздней «переходной» культуры. Сэгэнутский могильник был продатирован XI-XIII вв. Также А.П. Окладниковым была проделана сводка материалов из раскопок своих предшественников. Он дал характеристику Тункинского могильника, изученного Б.Э. Петри, Зарубинского могильника по материалам Г.Ф. Дебеца, датируемых монгольским временем (Окладников, 1937, с. 284). Таким образом, к концу 30-х гг. были зафиксированы основные особенности и этническая принадлежность рассматриваемых памятников, за которыми утвердилось название монгольских.

2-й этап охватывает период с 50-х гг. XX в. и до наших дней. Благодаря исследованиям Е.А. Хамзиной, Н.Н. Мамоновой, И.И. Кириллова, Е.В. Ковычева, И.В. Асеева, В.Ф. Немерова, П.Б. Коновалова, С.В. Данилова, И.В. Именохоева, Ю.С. Худякова, А.Д. Цыбиктарова и Б.Б. Дашибалова на территории как Восточного, так и Западного Забайкалья получен значительный материал по погребениям монгольского времени. Е.А. Хамзина ввела новые материалы по средневековым погребениям, а также разделила все известные памятники на 3 типа: хойцегорский V-VII вв., тапхарский X-XIII вв. и саянтуйский XII-XIII вв. В каждом типе она выделила характерные черты погребального обряда. В 1981 г. Л.Р. Кызласов внес изменения в содержание и хронологию типов средневековых памятников. Особое внимание исследователь уделил жертвенно-поминальным курганам сопки Тапхар и Баянгольского могильника. Также им была отмечена близость керамики хойцегорского типа с древнехакасской керамикой, т.е. тюркской. Он выделил 2 самостоятельные археологические культуры: хойцегорскую (IX-X вв.) и саянтуйскую (XIII-XIV вв.). Н.В. Име-

нохоев на основании изучения средневековых памятников предложил выделить погребения с наличием кости задней ноги барана (овцы) в особую археологическую культуру, которую он назвал раннемонгольской и датировал VII-XIV вв. В ее развитии он выделил 2 этапа: хойцегорский (VII-X вв.) и саянтуйский (X-XIV вв.). Его поддержал П.Б. Коновалов и предложил оставить за названием этапов хойцегорского VII-X вв. и саянтуйского XI-XIV вв. лишь хронологический смысл. Б.Б. Дашибалов продатировал Сэгэнутский могильник, исследованный А.П. Окладниковым, XVI-XVII вв. На это, по его мнению, указывают некоторые детали погребального инвентаря. С точки зрения Б.Б. Дашибалова, вопрос о принадлежности памятников саянтуйского типа монголоязычным племенам достаточно спорен.

Таким образом, на сегодняшний день сложилось три точки зрения о культурной принадлежности и датировке памятников средневековой эпохи. Сторонники первой выделяют две археологические культуры: хойцегорскую и саянтуйскую, которые, по их мнению, были различны между собой в этническом плане. Этой версии придерживаются Е.А. Хамзина, Л.Р. Кызласов, Л.Г. Ивашина. Сторонники второй считают, что памятники хойцегорского и саянтуйского типов являлись лишь этапами одной археологической культуры (раннемонгольской). Наличие тюркских черт в погребениях хойцегорского этапа они объясняют тем, что монголоязычные племена, проникавшие на территорию Западного Забайкалья с Северной Монголии, находились под сильным влиянием тюркоязычного населения. Это нашло свое отражение в облике материальной культуры того времени. Данную точку зрения поддерживают Н.В. Именохоев и П.Б. Коновалов. Б.Б. Дашибалов подверг сомнению устоявшееся мнение о том, что памятники саянтуйского типа принадлежат монголоязычным племенам и на основе анализа погребального обряда захоронений II тыс. н. э. исследователь связал их с тюркоязычным населением, проживавшим на территории Западного Забайкалья.

1. *Дашибалов Б.Б., 2001.* Об этнической принадлежности могил саянтуйского типа юго-восточной Сибири // Бурятия: Проблемы региональной истории,и исторического образования. Ч.1. -Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та. - С. 58-68.
2. *Дебец Г.Ф., 1926.* Могильник железного периода у села Зарубино // Бурятиеведение.-№2. Верхнеудинск. - С.14-16.
3. *Дебец Г.Ф., 1926.* Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье (окончание) // Жизнь Бурятии. -№ 7-9. Верхнеудинск. - С.102-107.
4. *Именохоев Н.В.. Коновалов П.Б., 1985.* К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С 69-86.
5. *Именохоев Н.В., 1988.* Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде (предварительные результаты исследования) // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. - С. 108-128.
6. *Именохоев Н.В., 1989.* К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы Юго-Восточной Сибири в средние века. - Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С 55-62.
7. *Именохоев Н.В., 1992.* Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С. 23-48.
8. *Коновалов П.Б., Данилов С.В., 1981.* Средневековые погребения в Кибалино. (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука. Сибир. отделение. - С. 64-73.
9. *Коновалов П.Б., 1989.* Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С. 5-20.
10. *Кызласов Л.Р., 1981.* Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX-X вв.). // Археология СССР. Т. 4: Степи Евразии в эпоху средневековья. - М.: Наука.
11. *Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г., 1989.* Курганы средневековых тюрков в Северо - Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С. 34-52.
12. *Окладников А.П., 1937.* Очерки из истории западных бурят - монголов. - Л.: Гос. соц.-эк. изд-во. Ленингр. отделение. - 425 с.
13. *Окладников А.П., 1958.* Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье //Филология и история монгольских народов (Памяти акад. Б. Я. Владимирцова). - М.: Изд-во вост. лит-ры. - С. 200-213.
14. *Талько-Грынцевич Ю.Д., 1902.* Археологические памятники долины р. Хилка// Труды Троицкосавско-Кяхтинского отдела Приамурского отдела ИРГО. -Т. III. Вып. 1. - Иркутск.
15. *Талько-Грынцевич Ю.Д., 1901.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. //Труды Троицкосавско-Кяхтинского отдела Приамурского отдела ИРГО. - Т. IV. Вып. 2. - С. 32-55.
16. *Хамзина Е.А., 1970.* Археологические памятники Западного Забайкалья. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. - С. 141.
17. *Худяков Ю.С., 1989.* Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, Сибир. отделение. - С. 27-34.
18. *Цыбиктаров А.Д., 1999.* Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). -Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета. - С. 264.

«ЯКУТСКАЯ ПРОБЛЕМА» В АРХЕОЛОГИИ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Б.Б. Дашибалов

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 00-06-80374.

Можно утверждать, что средневековая археология Прибайкалья началась с поиска памятников и вещественных следов, оставленных якутами. Очевидно, это связано с тем, что почти во всей научной и публицистической литературе XVIII-XIX веков ранняя история якутов приурочивалась именно к берегам Байкала.

В 1881 г. Н.Н. Агапитов предпринимает поездку в Кудинские степи и на остров Ольхон. Писаницы на реке Куртун Н.Н. Агапитов сравнивает с несколькими изображениями, имеющимися на Лене возле Якутска. Так как куртунские и ленские рисунки нанесены красной краской, это позволяет ученому поставить вопрос о связи байкальских рисунков с якутами. Также якутами или же чистыми монголами, по мнению Н.Н. Агапитова, были сооружены на Байкале городища и могилы (1881, с. 23).

Исследователем, который взялся археологически доказать прибайкальский этап якутской истории, был М.П. Овчинников. Он заинтересовался историей и этнографией якутов, у олекминских якутов были записаны легенды о вытеснении их бурятами. Знакомство с трудами авторитетных историков - Миллера и Фишера, видевших в якутах недавних пришельцев с юга, очевидно, укрепило в М.П. Овчинникове веру в реальность якутских преданий. Судьбе было угодно, чтобы он прошел путями легендарных предков якутов - Омогоя и Эллея, только двигался он в обратном направлении. В 1891 г. М.П. Овчинников переезжает в Иркутск. Здесь он знакомится уже с бурятскими преданиями, где говорится, что «они (буряты.- *Б.Д.*) пришли из Монголии.., но до появления их в степи жил народ, знавший железо и руды железные. Последний был ими прогнан к вершине Лены. Народ этот пришел со стороны Байкала и назывался он Уранхай» (1916, с. 388). Далее М.П. Овчинников пишет: некоторые буряты считают, что уранхай не кто иные, как якуты. М.П. Овчинников, где бы ни был в Иркутской губернии, старается отыскать следы пребывания якутов. В Тункинской долине, у Братского острога, около Киренска, в Иркутске собираются им наконечники стрел, которые, по его мнению, напоминают стрелы, виденные им у якутов. Вместе с наконечниками стрел возле Киренска М.П. Овчинников находит принадлежности якутских шаманов. В окрестностях Иркутска он обнаружил кусочек глинистого сланца с изображением женщины. Как пишет М.П. Овчинников: «Божок, судя по рисунку, принадлежит тюркскому племени, что может наводить на мысль, что по берегам Ангары жили племена тюркского типа, к которым, например, принадлежат якуты» (1904, с. 65). В Глазковском предместье М.П. Овчинников находит «...два округлых голыша, имеющих на плоскостях какие-то неправильные линии загадочного свойства. Разгадать эти линии предоставляю ученым археологам. Но я ставлю только вопрос - жертвенные ли это руны» (1904, с 75). По поводу этих находок Б.Э. Петри писал: «К разряду... смешения разнородных черт (имеется в виду в характере. - *Б.Д.*), надо отнести и фантазерство Михаила Павловича... Часто Михаил Павлович приносил с собой с экскурсий окатанные водой голыши, уверяя, что это несомненные орудия, или горячо убеждал, что выветрившиеся бороздки на круглой гальке суть доисторические письмена» (1922, с. 101). Удивительно, что этими двумя голышами М.П. Овчинников как бы предугадал дальнейшие находки двух пряслиц с руническими надписями. Они были изданы Б.Э. Петри в 1923 г.

Читая немногочисленные работы М.П. Овчинникова, невольно приходишь к мысли, что автор увлекся доказательством пребывания якутов в Прибайкалье. К тому же археологическая коллекция, собранная им, - это прежде всего предметы подъемных сборов, целенаправленных и методически поставленных раскопок М.П. Овчинников не вел и не имел соответствующей подготовки (Петри, 1922, с.124).

М.П. Овчинников подключал к своим поискам предков якутов, всех заинтересованных в этом исследователей. По его указанию А.С. Еленев проводил раскопки в обозначенных им местах. Надо полагать, что М.П. Овчинников излагал свои идеи и показывал материалы, подкрепляющие их, и ученому, прибывшему из Петрограда - Б.Э. Петри. Причем Б.Э. Петри,

собирая этнографический материал среди бурят Иркутской губернии, очевидно, слышал легенды о древнем народе, жившем здесь до прихода бурят, что усиливало в нем убежденность в верности поисков М.П. Овчинникова. Поэтому вполне понятно, что взгляды, которые будут опубликованы Б.Э. Петри позднее, сформировались при совместном общении и обсуждении их с М.П. Овчинниковым. Вот как об этом вспоминает сам Б.Э. Петри: «Заинтересовавший так за последнее время иркутских археологов и историков вопрос о происхождении якутов через области, лежащие к северу от Байкала, получил ряд археологических обоснований от М.П. (Михаила Павловича Овчинникова. - *Б.Д.*). Когда мною были открыты остатки неизвестного скотоводческого народа, знакомого с выделкой железа, названного мною провизорно «курумчинские кузнецы», я пришел к выводу, что это остатки предков якутов. Поделившись своими выводами с М.П., я узнал от него, что он свои находки тоже приписывает древним якутам. С тех пор мы начали рука об руку с М.П. разрабатывать «якутскую проблему», как мы шутя окрестили эти изыскания».

Б.Э. Петри продолжает дело, начатое М.П. Овчинниковым, и делает дальнейший решительный шаг - берется за трудную задачу доказательства сходства открытой им культуры курумчинских кузнецов с якутской культурой. Б.Э. Петри хорошо понимает всю сложность поставленной проблемы и малочисленность для ее решения имеющегося материала. Об этом можно судить из слов: «Вопрос о том, какому народу приписать культуру «курумчинских кузнецов», в настоящее время решить нельзя», тем не менее статью Б.Э. Петри заканчивает утверждением: «мною найдены остатки древнего народа, обитавшего вокруг Байкала до заселения этого района бурятами. Все данные говорят за то, что этот народ должен быть предком якутов» (1923, с.18).

Через некоторое время была опубликована рецензия археолога Е.Д. Стрелова «К вопросу о доисторическом прошлом якутов (по поводу брошюры проф. Б.Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье»)». В ней ученый пытливо разобрался со всеми аргументами, выдвинутыми Б.Э. Петри в обосновании своего вывода. Рассмотрим работу Е.Д. Стрелова более подробно, так как она оказалась в какой-то степени обойденной вниманием исследователей. Е.Д. Стрелов насчитал 11 аналогий, по которым Б.Э. Петри проводил сопоставления.

1. Сходство орнаментации керамики «курумчинских кузнецов» с якутской гончарной орнаментацией. Здесь Е.Д. Стрелов вполне убедительно развивает мысль, что орнаменты, выделенные Б.Э. Петри: «накладной рубчатый валик», «вдавленные подковки», «ямки», «линии, пересекающиеся в виде треугольников или изогнутые в виде арок» - могли существовать у разных народов и в разных местах. Он ставит справедливый упрек автору, что Б.Э. Петри не знакомит читателя, где он вообще наблюдал якутскую керамику.

2. Как у «доисторических кузнецов», так и у якутов гончарами являются женщины. По мнению Е.Д. Стрелова, это обстоятельство может одинаково послужить основанием для сближения «курумчинских кузнецов» не только с якутами, но и с другими народностями, изготовлявшими керамику.

3. Якутский бык так же, как и бык «курумчинских кузнецов», имеет примесь яка. Е.Д. Стрелов приводит факты, указывающие на то, что примесь крови яка не является характерной особенностью только якутского быка.

4. Вильчатые наконечники стрел, имеющиеся в Иркутском музее, могут считаться характерными для якутов. Е.Д. Стрелов показывает, что такими стрелами пользуются многие народы. Также он отмечает, что вильчатые стрелы найдены не на стоянке «курумчинских кузнецов», а относятся к подъемным материалам из коллекций Иркутского музея, а среди стояночного материала стрел с раздвоенным жалом нет.

5. Ножи «курумчинских кузнецов» обладают теми же характерными признаками, какие свойственны якутскому ножу. В этом пункте Б.Э. Петри ссылался на рисунки якутских ножей, помещенные в книге В. Серошевского «Якуты». Е.Д. Стрелов обращается к этой же книге, но в описании В. Серошевским якутских вещей автор находит широкие аналогии якутским ножам.

6. Лошадиная подкова «курумчинских кузнецов» является характерной якутской подковой. Рецензент показывает, что до прихода русских якуты не знали подков, об этом свидетельствует факт отсутствия этого слова в якутском языке.

7. На стоянке «курумчинских кузнецов» найдена «горбуша»; горбуша - характерное якутское орудие. По мнению Е.Д. Стрелова,

найденная Б.Э. Петри горбуша, орудие для сенокошения, отличается от якутской горбуши. Добавим, что в сопроводительном тексте коллекции (МАЭ № 2117) указано, что горбуша найдена при распашке поля, принадлежащего улусу Шохтой, следовательно, она не относится к материалу стоянки.

8. Ножницы «курумчинских кузнецов» в точности повторяют форму своеобразных якутских ножниц. Автор рецензии поясняет, что якутские ножницы ничем не отличаются от ножниц, употребляемых русскими крестьянами Иркутской губернии.

9. Курумчинские кузнецы курили из железных трубок китайской формы. Точно такие же трубки и сейчас выделываются кузнецами.

Е.Д. Стрелов показывает, что для якутов характерны деревянные трубки с костяной или медной чашечкой, а железные трубки попадали вместе с китайцами и корейцами с золотых приисков Олекмы и Витима.

10. На стоянках «курумчинских кузнецов» найдены остатки берестяной посуды, сшитой конским волосом. Шитье бересты конским волосом характерно для якутов. По мнению Е.Д. Стрелова, и этот аргумент не может служить основанием для сближения курумчинских кузнецов с якутами.

11. Якутская юрта, как и курумчинская землянка, четырехугольной формы и так же врыта в землю. Е.Д. Стрелов показывает, что четырехугольная форма жилищ существовала не только у якутов, но и у других народов, например, у гольдов и мангунов (орочей) Амура. Причем якутские жилища не являются землянками и углубление в землю столь незначительно, что даже не делается ступенек.

В заключение анализа Е.Д. Стрелов говорит еще о двух находках, которые Б.Э. Петри сравнивал с якутскими изделиями - пряслица для веретена и ассиметричные удила. Е.Д. Стрелов указывает, что прядильное ремесло якутам не знакомо, а все удила, обнаруженные в старинных якутских могилах, имеют равные звенья. Подробно разобрав статью Б.Э. Петри, рецензент пришел к противоположному выводу: «Доисторические кузнецы Прибайкалья не являются предками якутов» (Стрелов, 1926, с.25). Е.Д. Стрелов пишет, что для доказательства столь серьезного положения нужны памятники, отражающие верования, обычаи - погребения, и нужно сопоставлять такие признаки, как ориентация покойника, положение рук, размеры костяка и черепа, форма погребения (1926, с. 13).

В 1928 г. в Иркутске опубликована статья В.И. Подгорбунского. Он давно собирал материалы по гончарству у якутов и решил принять участие в дискуссии между Б.Э. Петри и Е.Д. Стреловым. Он пишет: «Указанная теория проф. Б.Э. Петри была подвергнута основательной критике археолога Е.Д. Стрелова, на основании обильного материала указавшего, что предметы, принятые проф. Б.Э. Петри за типично якутские, или совершенно отсутствуют у якутов, как, например, подковы, неравносторонние удила и землянки, или вместе с наличием у якутов имеются и у других туземцев Сибири, как например у - образные наконечники стрел... Присоединяясь всецело к выводам упомянутого труда, мы не вполне согласны с ним только в одной детали, касающейся отсутствия лепного орнамента на гончарных изделиях якутов» (Подгорбунский, 1928, с.137).

Так как В.И. Подгорбунский детальнее исследовал якутские горшки, основательно изучил керамику в фондах Иркутского музея, а также ознакомился с литературой, имеющейся по этой теме, то его вывод оказался, как мы видим, не таким категоричным, как у Е.Д. Стрелова. Он все-таки согласен с Б.Э. Петри в том, что якутские горшки и керамика, находимая на стоянках и в могильниках древнежелезного века Иркутской губернии и Забайкалья близки, причем сходство наблюдается не только в орнаменте, но и в форме сосудов. Это сходство, по мнению В.И. Подгорбунского, обусловлено тем, что в культуре якутов сохранились элементы культуры древнетюркских племен, живших когда-то в Прибайкалье. Также В.И. Подгорбунский очерчивает территорию географического распространения подобных горшков: Прибайкалье, Забайкалье, Монголия и пределы Енисея (1928, с. 136, 137).

А.П. Окладников в «Истории Якутии», написанной им в 1949 г., продолжил развитие теории о южном происхождении якутов. Он полностью согласился с отождествлением Б.Э. Петри предков якутов с населением курумчинской культуры. Вся последующая историография рассматривает курумчинскую культуру как культуру южных предков якутов.

Мы видим, что критические замечания Е.Д. Стрелова и его вывод о несопоставимости материалов культуры «курумчинских кузнецов» с якутской культурой, а также то, что рецензия была поддержана еще В.И. Под-

горбунским, не получили соответствующего освещения в научной литературе.

Следовательно, нужно вновь обратиться к этим проблемам. Итак, перечислим те вопросы, на которые предстоит ответить, чтобы подробнее рассмотреть эти спорные сюжеты. Во-первых, следует изучить материалы «курумчинских кузнецов» из раскопок Б.Э. Петри. Надо заметить, что Б.Э. Петри не опубликовал полученные находки, а лишь привел краткие описания и сравнительные характеристики, поэтому необходимы источниковедческая обработка этих материалов, определение хронологии и места их в историко-культурной шкале средневековых древностей Прибайкалья. Во - вторых, ответить на вопросы, поставленные в рецензии Е.Д. Стрелова, и определиться, прав ли рецензент в своем выводе, что «Доисторические кузнецы» Прибайкалья не являются предками якутов. В - третьих, рассмотреть, насколько возможно, проблему южного компонента в якутском этногенезе по результатам последних археологических изысканий Прибайкалья.

Коллекции Б.Э. Петри по «курумчинским кузнецам» хранятся в Музее антропологии и этнографии (Санкт-Петербург) и Иркутском краеведческом музее. Если ранее мы полагали, что к случайным вещам из Шохтоя относятся лишь этнографические материалы (1995, с.25), то теперь, вновь вернувшись к этим коллекциям, все больше склоняемся к мнению, что значительная часть находок является сборной. Сейчас практически невозможно определить, какой же все-таки материал происходит из раскопок на поселении Шохтой, а какие вещи составляют подъемные сборы.

Количество находок из металла и их типологическое разнообразие говорят в пользу того, что материал не из раскопок. Железных наконечников найдено 20 экз., удил - 4 экз., стремян - 3 экз. Все предметы относятся к разным хронологическим периодам - от IX-X вв. до XVIII-XIX вв. (Дашибалов, 1995. Рис. 5,6). Даже самый насыщенный находками культурный слой такого обилия предметов дать, пожалуй, не мог. Хотя Б.Э. Петри и подчеркивал, что культурный слой стоянки очень богат, но главным образом керамикой, костями животных, шлаками, костяными орудиями. К сожалению, отсутствие чертежей и дневниковых записей не позволяет получить представление о размерах вскрытого поселения. По описанию Б.Э. Петри, раскапывались в основном землянки, вряд ли раскопанная площадь была значительной. Судя по всему, и число участников работ не могло быть большим.

На то, что коллекция Шохтоя неоднородна и является смешанной, указывает и состояние железных предметов. Одна часть находок покрыта ржавчиной, что говорит об их нахождении в земле, вполне возможно, что эти предметы происходят из культурного слоя. Некоторые стрелы и удила отличаются хорошей сохранностью, обычно таким бывает железо, найденное на дюнах и обнажениях. Какая - то часть стрел и стремян с окалиной, такой вид металл приобретает в кремированных погребениях.

К культуре «курумчинских кузнецов» Б.Э. Петри относил пряслица с руническими надписями, но Г.В. Ксенофонтов написал в своей книге, что они представляют случайный подъемный материал, найденный другими людьми (1937, с. 67). Получается, что и эта находка также не относится к раскопанному материалу. Как уже указывалось, не имеет отношение к стоянке и железная горбуша.

В отличие от металла керамика поселения Шохтой, за исключением нескольких фрагментов эпохи неолита, достаточна однородна (Дашибалов, 1995. Рис. 7). После изучения керамики, полученной из среднеазиатских торговых поселений, исследованных в Бурятии, в частности Темник (раскопки Г.П. Сосновского и С.В. Данилова) и наших сборов в Баргузинской долине можно сказать, что керамика поселений Шохтой и Тотхон, очевидно, связана с гончарными традициями, сложившимися среди населения среднеазиатских факторий. Состав теста, характер оформления венчиков, налепные ручки - во многом близки именно керамике Темниковского и Баргузинского поселений. Местные особен-ности отложились в орнаментике: рассечен-ный валик с загнутым или опущенным вниз отростком, резная арка или зигзаг.

После того, как мы сделали это наблюдение, стало понятно, почему Г.П. Сосновский в своих записях сравнивал керамику «курумчинских кузнецов» и керамику поселения Темник, то есть он после раскопок в Западном Забайкалье увидел близость этих керамических комплексов и поэтому культуру «курумчинских кузнецов» относил к XII-XIV вв. (Архив ИИМК.- Ф.42, д. № 235, 262).

Становится ясным, что материалы «курумчинских кузнецов Б.Э. Петри не могут служить основанием для выделения археологической культуры, так как в своей основе это случайный сборный материал. Следовательно, Е.Д. Стрелов, анализируя материалы поселения Шохтой, был прав, когда писал, что «доисторические кузнецы» Прибайкалья не являются предками якутов (1926, с.25).

Вместе с тем нельзя согласиться с категоричным выводом автора, которым он закончил свою рецензию: «...брошюра «Доисторические кузнецы в Прибайкалье» является ложной вехой в литературе по доистории якутов. Исследователь, который доверится этой вехе, забредет в такие дебри, где нога якутского народа не ступала никогда» (1926, с. 25).

Мы характеризуя курумчинскую культуру начали исследования с шатровых «могил», которые до наших раскопок считались могилами курыкан. Полученный Байкальской экспедицией материал показал, что шатровые сооружения следует рассматривать как поминальные памятники курумчинской культуры. Эта гипотеза нашла поддержку и в трудах других археологов (П.Б. Коновалов, А.В. Харинский). Затем Байкальской экспедицией были впервые открыты и могилы, которые интерпретировались как погребения курыкан. Получена впервые антропологическая коллекция населения курумчинской культуры, что дало возможность поставить этногенетические проблемы на новом до этого не использовавшемся материале. Поминальные сооружения и могилы, а объединялись они в первую очередь по керамике, а также по тому, что составляли взаимосвязанные погребально-поминальные комплексы, дали возможность говорить о новом содержании в понимании курумчинской культуры.

Итак, появился материал для анализа, и именно тот материал, на который возлагал большие надежды Е.Д.Стрелов, считая, что именно погребальные обряды могли бы помочь воссоздать древнюю историю якутов (1926, с.13).

К сожалению, имея погребальные и поминальные памятники курумчинской культуры эпохи раннего средневековья (VI-X вв.) в Прибайкалье, мы еще не знаем хронологически одновременных комплексов в Якутии. У нас есть материалы косвенного порядка. Они позволяют понять общую причину родственности древностей Якутии и Прибайкалья.

Курумчинская культура рассматривалась как культура курыкан - тюркоязычного народа. Г.Н. Румянцевым было высказано мнение, что курыканы и есть ранние хори, народ монгольского происхождения (1962, с.128). Если ранее, в рамках существующей традиции, мы поддерживали гипотезу тюркоязычности курыкан, то выявление дальневосточного субстрата в курумчинской культуре, а также антропологические данные, свидетельствующие о близости к дальневосточным народам (Дашибалов, 2000), - все это склонило нас к концепции Г.Н. Румянцева о монголоязычности населения курумчинской культуры. Г.Н. Румянцев предположил, что народ с самоназванием хори в разноязычных источниках писался как курыкан-кули, фури и кури (1962, с.122,123).

Таким образом, в эпоху раннего средневековья на берегах Байкала жили монголоязычные хоринцы, но ведь и в составе якутского народа есть роды с таким же названием - хоринцы, хори, хоролоры. А.П. Окладников привел исчерпывающий материал о якутских хоринцах. Предком хоринцев считается старец Улуу-Хоро, который прибыл с востока. Его потомки широко расселились по Якутии. Хоринцы жили в Западно-Кангаласском улусе, в Намском, Баягантайском, Мегинском, Батурусском, Верхне-Вилюйском, Сунтарском улусах, Олекминском округе. По преданиям, хоро жили на далеком севере - на реке Яна, а также в Колымском округе (Окладников, 1949, с. 370-371). Столь широкое распространение хоринцев свидетельствует об их былой численности и значительной роли в сложении якутского народа.

Хоринцы говорили не по - якутски, на это указывает якутская пословица «не говори по - хорински, говори по - якутски», а также рассказы о шаманах, говоривших на особом «хоринском языке». Из хоринской среды было много знахарей и колдунов, поэтому они почитались и приглашались для исполнения обрядов и лечения. В обращении к священному огню говорилось: «Сверкай, сверкай, сияй, сияй! Хоринский род, хоринский род!» (Окладников А.П.,1949, с.371).

Следовательно, в Якутии и Прибайкалье в прошлом проживали хоринцы. Но это не значит, что материальная культура, оставленная ими, должна быть во всем схожей. Разные географические условия заставляют любую культуру измениться и приспособиться к окружаю-

щей среде. Большое значение имеет и влияние местной, давно сложившейся культуры.

Мы рассмотрели монгольскую линию родственности бурят и якутов, но эти два народа, говорящие на разных языках, связывает и тюркская этническая ветвь.

Эта линия хорошо изучена. Достаточно назвать работы таких известных исследователей, как Т.М. Михайлов и А.И. Гоголев. Археологами раскопаны якутские погребения с захоронениями коней в отдельной яме. И.В Константиновым (1970), а затем А.И. Гоголевым (1986) убедительно показана связь якутских погребений с конями с аналогичным обрядом, получившим распространение в Прибайкалье. Назовем лишь такие известные памятники, как Усть-Талькин, Сэгенут, Анга. В последнее время иркутские археологи открыли ряд новых могильников также с конскими захоронениями. В якутских и бурятских захоронениях с конями сопоставимо то, что чаще всего конь расположен в отдельной яме. Одинакова ориентировка умерших на запад, ранее в Прибайкалье практиковалась ориентировка на север, восток. Надо сказать, что обряд захоронений с конями для Прибайкалья является пришлым.

По мнению А.И. Гоголева, в якутской культуре довольно велик кыпчакский компонент. Именно с кыпчакскими традициями, по его мнению, следует сравнивать обычай погребений в специальной нише черепа, передних и задних ног коня (1986, с.33). Близкий обряд выявлен забайкальскими археологами. Здесь на реке Онон, также рядом с умершими за перегородкой расчищены останки коня (череп, кости передних и задних ног). Люди лежали головой на северо-запад. Исследователи совершенно справедливо определили данный обряд как тюркский (Ковычев, Беломестнов,1988). Думается, есть все основания рассматривать данные могилы именно как кыпчакские.

Таким образом, можно говорить, что последняя волна тюрков, появившаяся в Восточной Сибири, связана с кипчакским движением на восток. Исследования Л.Р. Павлинской бурятского металла показали, что ряд технических приемов его обработки, очевидно, сформировался в кыпчакской среде. Это позволило исследовательнице высказать предположение, что движение кыпчаков на запад не было единственным направлением, часть их могла уйти на восток и принять участие в этногенезе бурят (1988, с. 85). Вероятно, это движение продвинулось далее на север и ушло в Якутию.

Видимо, с кыпчакской основой, смешанной с неясным еще местным или пришлым лесным субстратом, связано появление уже перечисленных нами бурятских могильников Усть-Талькин и Сэгенут, где погребенные лежат в колодах и сопровождаются круглодонной керамикой, рядом в отдельных ямах произведены погребения коней. Удила с изогнутыми стержнями говорят о довольно поздней дате некоторых погребений - не раньше XV века. Совершенно нельзя исключать и того, что часть прибайкальских хори, смешавшись с вновь прибывшими кипчаками, также ушла в Якутию. По крайней мере наличие хоринцев почти среди всех западнобурятских групп позволяет прийти к такому выводу (Дашибалов, 1995, с.170).

Следовательно, именно через Прибайкалье шла тюркская ветвь якутского этноса. Мы остановились лишь на последней тюркской миграции, очевидно, кипчакской. Пока трудно говорить о предыдущих тюркских движениях, но то, что они были, вне всякого сомнения (Алексеев, 1999). Эта тюркская волна сыграла большую роль и в этногенезе бурят, вместе с тем хори-монгольская линия также объединяет якутов и бурят.

Итак, рассмотренный нами материал позволяет говорить, что буряты и якуты - это народы близнецы, давно связанные общностью исторической судьбы.

1. *Агапитов Н.Н.*,18881. Прибайкальские древности // Изв. ВСОРГО.-Т.12. № 4,5.
2. *Алексеев А.Н.*,1999. Основные этапы проникновения тюркских этнических групп на среднюю Лену // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология.- Новосибирск.
3. *Гоголев А.И.*,1986. Историческая этнография якутов . - Якутск.
4. *Дашибалов Б.Б.*,1995. Археологические памятники курыкан и хори.- Улан-Удэ.
5. *Дашибалов Б.Б.*, 2000. Курумчинская культура Байкальской Сибири // Россия и АТР.- № 2.
6. *Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И.*, 1988. Погребения с конем из Поононья: хронология и этническая принадлежность // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье.- Улан-Удэ.
7. *Константинов И.В.*,1970. Захоронения с конем в Якутии // По следам древних культур Якутии.-Якутск.
8. *Ксенофонтов Г.В.*,1937. Ураангхай - сахалар. Очерки по древней истории якутов.- Иркутск.
9. *Овчинников М.П.*, 1904. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска // Изв. ВСОРГО.- XXXV.-№ 3.

10. *Овчинников М.П.*, 1916. Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов, от Иркутска до Киренска // Тр. Иркут. архив. комиссии.- Иркутск.-Вып.3.
11. *Окладников А.П.* , 1949. История Якутии.- Якутск.- Т.1.
12. *Павлинская Л.Р.*, 1988. Художественная обработка металлов // Сб. МАЭ.- Л.-Т.XLII.
13. *Петри Б.Э.*, 1922. М.П. Овчинников как археолог // Сибирские огни.-№.4.
14. *Петри Б.Э.*, 1923. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Изв. Ин-та народного образования в Чите.- Чита.- № 1.
15. *Подгорбунский В.И.*, 1928. Заметки по изучению гончарства якутов //Сибирская живая старина.-Иркутск.-Вып.7.
16. *Румянцев Г.Н.*, 1962. Происхождение хоринских бурят. - Улан-Удэ.
17. *Сосновский Г.П.* Архив ИИМК.- Ф.42, д. № 235, 262.
18. *Стрелов Е.Д.*, 1926. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (По поводу брошюры проф. Б.Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье») // Саха Кескиле.- Вып.3.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПЕЩЕР ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗ. БАЙКАЛ

О.И. Горюнова, Т.А. Вдовина, А.В. Осинцев

Исследование пещерных археологических объектов на побережье оз. Байкал начато П.А. Кропоткиным в 1865 г. К настоящему времени на этой территории изучено 50 древних карстовых пещер, гротов и шахт, в 20 из которых зафиксирован археологический материал (Горюнова, Филиппов и др., 1996). В 1993-1998 гг. поисковые работы, направленные на выявление новых пещерных полостей, проводились на западном побережье оз. Байкал (Ольхонский район Иркутской области) спелеологами Иркутского клуба «Арабика» (А.В. Осинцев). В результате открыты новые пещерные археологические объекты - Саган-Заба V, грот №4 и Усть-Ангинская, впервые зафиксированы древние артефакты в пещере Октябрьская, получены новые материалы из ранее известных объектов - Большая Байдинская (1 зал) и Саган-Заба V, гроты №1, 2 (рис.1-*1*). Цель предлагаемой статьи - введение в научный оборот новых материалов, полученных из пещер в результате работ 1993-1998 гг., их анализ и определение датировки.

Пещерный комплекс Саган-Заба V находится в скальном массиве СВ мыса бухты Саган-Заба, в 12 км к ЮЗ от устья р. Анга и в 15 км к ЮВ от пос. Еланцы (рис.1-1). В глыбовом завале в разные годы отмечено 4 грота, расположенные в непосредственной близости друг от друга.

Первые два грота обнаружены сотрудниками экспедиции КТМК «Байкал» А.Г. Докучаевым и А.Е. Индюковым в 1987 г. Тогда же было проведено их археологическое обследование (Горюнова, Филиппов и др., 1996). В результате работ спелеологов Иркутского клуба «Арабика» (А.В.Осинцев) в 1993 г. были собраны новые материалы в гротах №1 и 2 и найдены в 1997 г. два грота, в одном из которых (№4) зафиксирован археологический инвентарь.

Находки грота №1

В 1993 г. зафиксировано 14 предметов, из которых: 12 фрагментов керамики от 5 сосудов и 2 куска шлака. Практически вся керамика гладкостенная (фрагменты от одного сосуда с затертыми оттисками грубых штрихов), с толстыми стенками (0,8-1,0 см). Венчики - от сосудов сложной формы, их верхние поверхности - округлые. Один сосуд украшен по шейке поясом штамповых вдавлений прямоугольной формы (рис.1-*3*). Расположение штампа - вертикальное. Фрагмент от второго сосуда орнаментирован двумя тонкими резными линиями, выше которых - оттиски овального штампа (рис.1-*4*). Фрагменты от 3 сосудов - без орнамента (рис.1-*5*).

Хронологический диапазон существования подобной керамики достаточно широк, поэтому датировка этого комплекса определяется в пределах поздний железный век - период этнографической современности (V-XIX вв.).

Находки грота №2

В 1993 г. найдены фрагменты гладкостенной керамики от сосуда простой закрытой формы (рис.2-*7*). На расстоянии 2,0-2,5 см от среза венчика нанесен орнамент. Он состоит из горизонтального незамкнутого налепного валика (треугольного в сечении), один конец которого свисает вниз, образуя «усик». Над валиком проходит поясок дырочек. Диаметр сосуда по венчику - 17 см, наибольший диаметр тулова - 19 см.

Налепные валики (чаще всего рассеченные насечками) с опускающимися вниз концами встречаются на сосудах из ритуальных шатровых комплексов позднего железного века Приольхонья: Нурэ (раскопки 1959 г.), Куркутский комплекс II, №5, датируемых авторами VIII-IX вв. (Мандельштам, 1974; Асеев, 1980). В сочетании с этим орнаментом часто встречается поясок ямочек (над или под налепным валиком). Исследования последних лет позволили расширить диапазон существования шатровых сооружений до раннемонгольского периода включительно (Дашибалов, 1995, с.90-91). Подобные орнаментальные композиции встречены в комплексах Манхайского городища и поселения Шохтой, время существования которых определено IX-XIV вв. (Асеев, 1980; Дашибалов, 1995). Учитывая археологические материалы, зафиксированные в гроте №2 в 1987 г. (Горюнова, Филиппов и др., 1996), мы склонны датировать весь этот комплекс IX-XIV вв.

Находки грота №4

На поверхности пола пещеры найдены: 5 фрагментов керамики от 4 сосудов, обломок изделия из глины, фрагмент ручки от туеска, костяное острие и массивный отщеп кремня.

Вся керамика толстостенная (0,7-0,8 см), с гладкой поверхностью. Фрагменты от сосудов простой, закрытой формы. По композиции и технике нанесения орнамента выделяется несколько групп:

1. С пояском ногтевых защипов - 1 (рис.2-*6*). Диаметр венчика - 24,5 см.
2. Сочетание ногтевых защипов и широкой (0,6-0,7 см) прочерченной линии (2). Венчики орнаментированы насечками. По расположению ногтевых защипов выделяются две подгруппы: а) с горизонтальным построением (рис.2-*5*) - 1 (диаметр венчика - 24 см, тулова - 25,5 см); б) в виде горизонтального зигзага (рис.2-*4*) - 1 (диаметр венчика - 23 см, тулова - 25 см).
3. Фрагменты от плоскодонного сосуда, украшенного налепным валиком с насечками, ниже которого поясок ямочек (рис.2 - *1,2*).

Фрагменты плоскодонной керамики, украшенные налепным рассеченным валиком в сочетании с ямочками, аналогичны керамике из погребальных, культовых и ритуальных шатровых сооружений Приольхонья, а также из комплексов слоев I - II А,Б многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал). Авторы датируют ее поздним железным веком - раннемонгольским периодом (V-XIV вв.) (Мандельштам, 1974; Асеев, 1980; Дашибалов, 1995; Горюнова, Новиков, 1997).

Группа толстостенной керамики с гладкой поверхностью, орнаментированная ногтевыми защипами находит аналогии в комплексах пещер: Малая Кадильная (Кропоткинская), Большая (1 зал) и Малая Байдинские, культовом объекте Саган-Нугэ III, на поселении Шохтой, датируемых авторами раскопок поздним железным веком - раннемонгольским периодом - IX-XIV вв. (Яковлева, Горюнова, 1990; Горюнова, Филиппов и др., 1996; Дашибалов, 1995). И.В. Асеев отмечал, что керамика с ногтевыми защипами сосуществует с сосудами, орнаментированными подковообразными вдавлениями и «резным орнаментом», возраст которых определяется им и рядом исследователей IX-XIV вв. (Асеев, 1980, 1989; Дашибалов, 1995).

Среди обнаруженных материалов несомненный интерес вызывает обломок изделия из глины (рис.1-*2*). В настоящее время он представляет собой «трапециевидную» фигуру (подставку-?). Его боковые стороны и основание орнаментированы резными линиями. На трех сторонах узор в виде косой решетки, на четвертой - наклонных параллельных и крестом пересекающих их линий. На дне - хаотично нанесенные резные линии. Размеры изделия: в основании 8,5 х 7,5 см, в верхней части 6,0 х 5,8 см, его высота 6-9 см.

Орнамент в виде косой решетки часто фиксируется на игральных костях - астрагалах, на наскальных рисунках, встречается на сосудах и берестяном туеске. Как правило, он связан с комплексами железного века и встречается вплоть до периода этнографической современности (Асеев, 1980; Адамов, 1989; Филиппов, Алексеев и др., 1997).

Найденный предмет (в связи с широким, устойчивым основанием) мог, вероятно, служить подставкой для какого-то изделия. В настоящее время аналогов ему не зафиксировано.

Фрагмент ручки от туеска (рис.2-*3*) - в виде веточки, обмотанной до середины тонким прутиком (ива-?). По центру к ней примотана (снизу) плоская галька. Берестяная посуда с подобными ручками на терри-

тории Прибайкалья достоверно известна с раннего железного века (VII-VI вв. до н. э.) и встречается вплоть до настоящего времени (Филиппов, Алексеев и др., 1997).

В целом, материалы из грота №4 хронологически не противоречат друг другу, поэтому, их можно рассматривать единым комплексом и датировать IX-XIV вв.

Усть-Ангинская пещера находится в скальном массиве левого берега устьевого участка р. Анга, в 9,5 км к ЮВВ от пос. Еланцы (рис.1-*1*). Пещера обнаружена спелеологами Иркутского клуба «Арабика» (А.В. Осинцев) в 1993 г.

Археологический материал представлен крюком из железа (рис.3-*3*), обнаруженным на поверхности пола пещеры. Он изготовлен из металлического стержня прямоугольного сечения. Его верхний конец приострен и отогнут под углом 45 градусов. Длина изделия - 10,5 см. Ориентировочная датировка крюка - железный век - период этнографической современности.

Пещера Октябрьская расположена на плато СВ оконечности безымянного мыса, ограничивающего с севера бухту Ая, в 13 км к востоку от пос. Еланцы (рис.1-*1*).

Представляет собой щелевидный колодец, в 7 м от входа которого (в глубь пещеры) в 1998 г. найдены вытаявшие из многолетнемерзлотных отложений археологические предметы. В их числе: фрагмент ручки от туеска (рис.3-*1*), изделие из кости, берестяные поплавки от рыболовных сетей. По сведению А.Г. Филиппова в пещере отмечен берестяной туесок (торба), вмороженный во вмещающие отложения (Филиппов, 1997).

Подобная ручка найдена в пещере Саган-Заба V, грот №4 (рис.2-*3*). Ее отличие - в способе крепления (крест на крест, через середину камня) и расположения гальки (сверху ручки).

Изделие из кости (12,3 см) - в виде пластины со срезанными концами, на расстоянии 1,0-1,5 см от которых вырезаны боковые пазы для привязывания (рис.3-*2*).

По куску бересты от туеска А.Г. Филипповым получена радиоуглеродная дата 470±90 (СОАН-3405) л.н. (Филиппов, 1997). Считаем вполне допустимым этим возрастом датировать весь комплекс археологических материалов, зафиксированных в пещере Октябрьская, и отнести его к раннемонгольскому времени.

Над входом в пещеру, на плато, найден рубленый рог оленя.

Большая Байдинская пещера находится на плато между падями Малое Орсо и Нугды (в 160 м к СЗ от пещеры «Мечта»), в 9 км к ЮЗ от пос. Сахюртэ (МРС) и в 30 км к СВ от пос. Еланцы (рис.1-*1*).

Памятник открыт Б.Э. Петри в 1913 г., исследован им в 1916 г. (Петри, 1916, 1923). Дальнейшее изучение продолжено: П.П. Хороших в 1923 и 1953 гг. (Хороших, 1924, 1928, 1955), Археологической экспедицией Иркутского госуниверситета (П.П. Хороших, Э.Р. Рыгдылон, В.В. Свинин) в 1956 г., совместной экспедицией КТМК «Байкал» и Байкальской КАЭ ИГУ в 1987 г. (Горюнова, Филиппов и др., 1996). Эпизодический сбор археологических материалов из пещеры проводился спелеологами Иркутской городской секции (А.Б. Алексеев) в 1996-1998 гг. (Филиппов, Алексеев и др., 1997).

В 1998 г. спелеологами Иркутского клуба «Арабика» (А.В. Осинцев) в 1 зале найдены на поверхности пола (в месте оттаивания ледника) бытовые предметы из дерева и рога и точильный брусок (абразив).

Деревянный стержень (округлый в сечении) - с закругленным концом, отделенным срезами (нанесенными по всей окружности) от основного изделия (рис.3-*7*). Тем самым как бы образована «шляпка» - навершие. Длина изделия - 38 см, диаметр стержня 1,3-1,5 см, высота «шляпки» - 1,5 см. Возможно, на стержень насаживалась крестовина, и орудие использовалось для сбивания масла.

Ручка составного изделия из дерева (сечение - овальное, диаметром 3 х 2 см) - один конец закруглен, второй - прямо срезан (рис.3-*5*). Размеры изделия - 29 см. На расстоянии 1,5 см от нижнего конца по всему периметру нанесены срезы, отделяющие часть изделия от рукояти. На фронтальной стороне орудия вырезан широкий паз (высота - 5 см, ширина в основании - 2 см). Выше его (в 1 см) выжжена ямка прямоугольной формы. Видимо, паз и ямка служили для крепления какого-то металлического предмета.

Обломок изделия из дерева (рис.3-*4*). Длина сохранившейся части - 24 см. Верхняя половина орудия в сечении округлая (диаметр 1,8-2,2 см), нижняя расширенная половина - уплощенная (ширина до 4,5 см). В основании изделия - полукруглый вырез. Верхний конец орудия завершен овальной «шляпкой» - навершием. Ее высота - 1,8 см, диаметры: 3,3 х 2,5 см. Функциональное назначение изделия не определено.

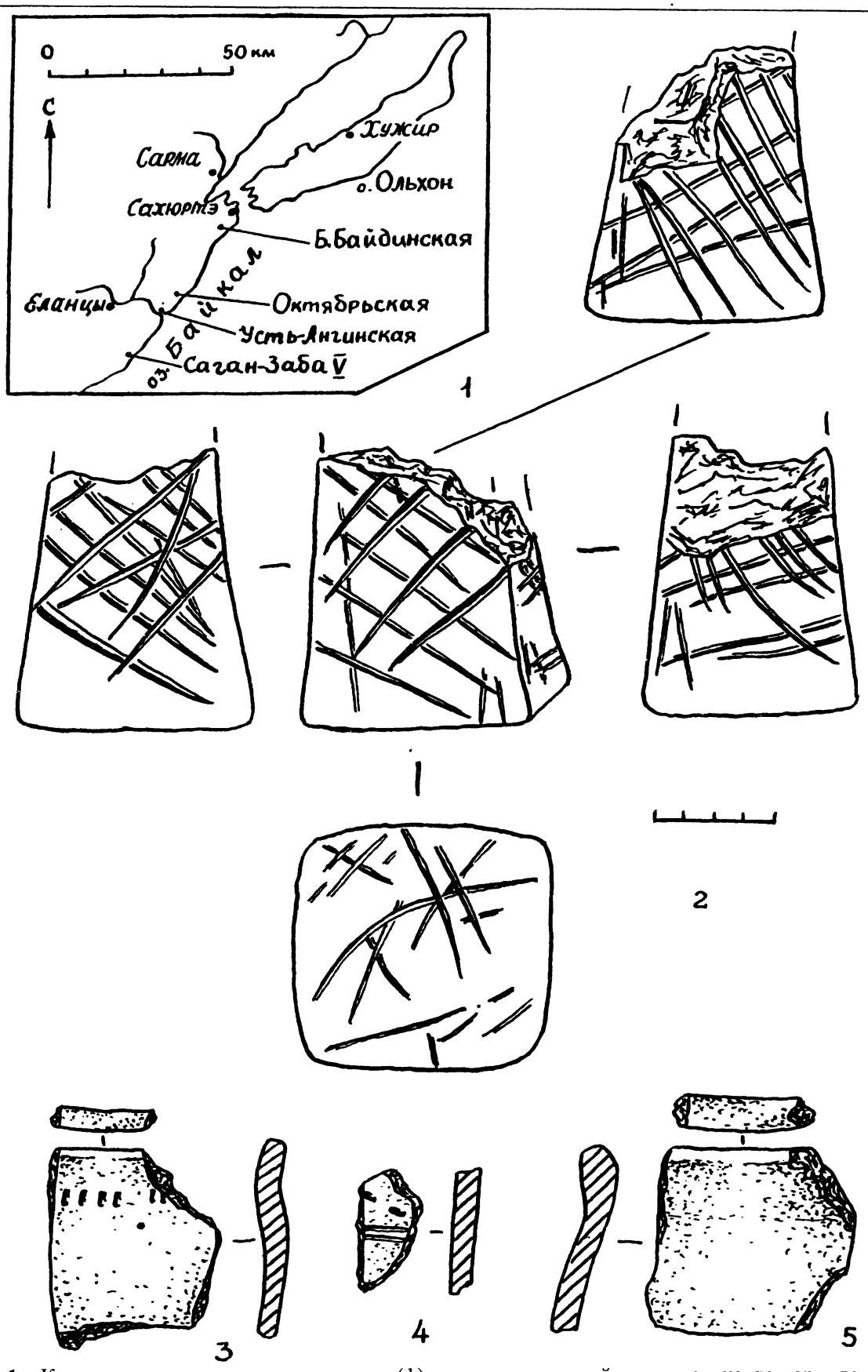


Рис. 1. Карта-схема расположения пещер (1), археологический материал из пещерного комплекса Саган-Заба V: грот 4(2), грот 1(3-5).

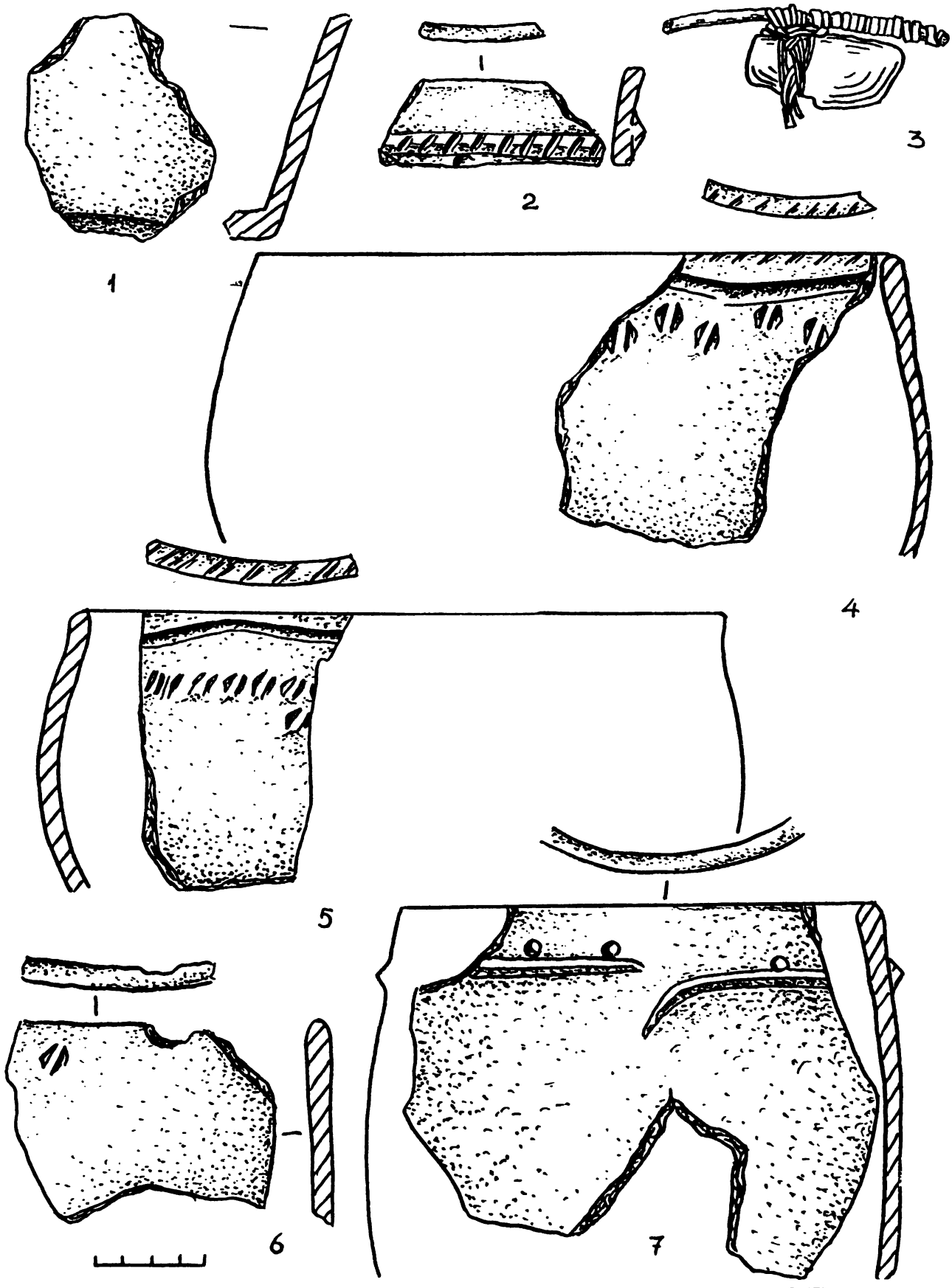


Рис. 2. Материал из пещерного комплекса Саган-Заба V: грот 4 (1-6), грот 2 (7)

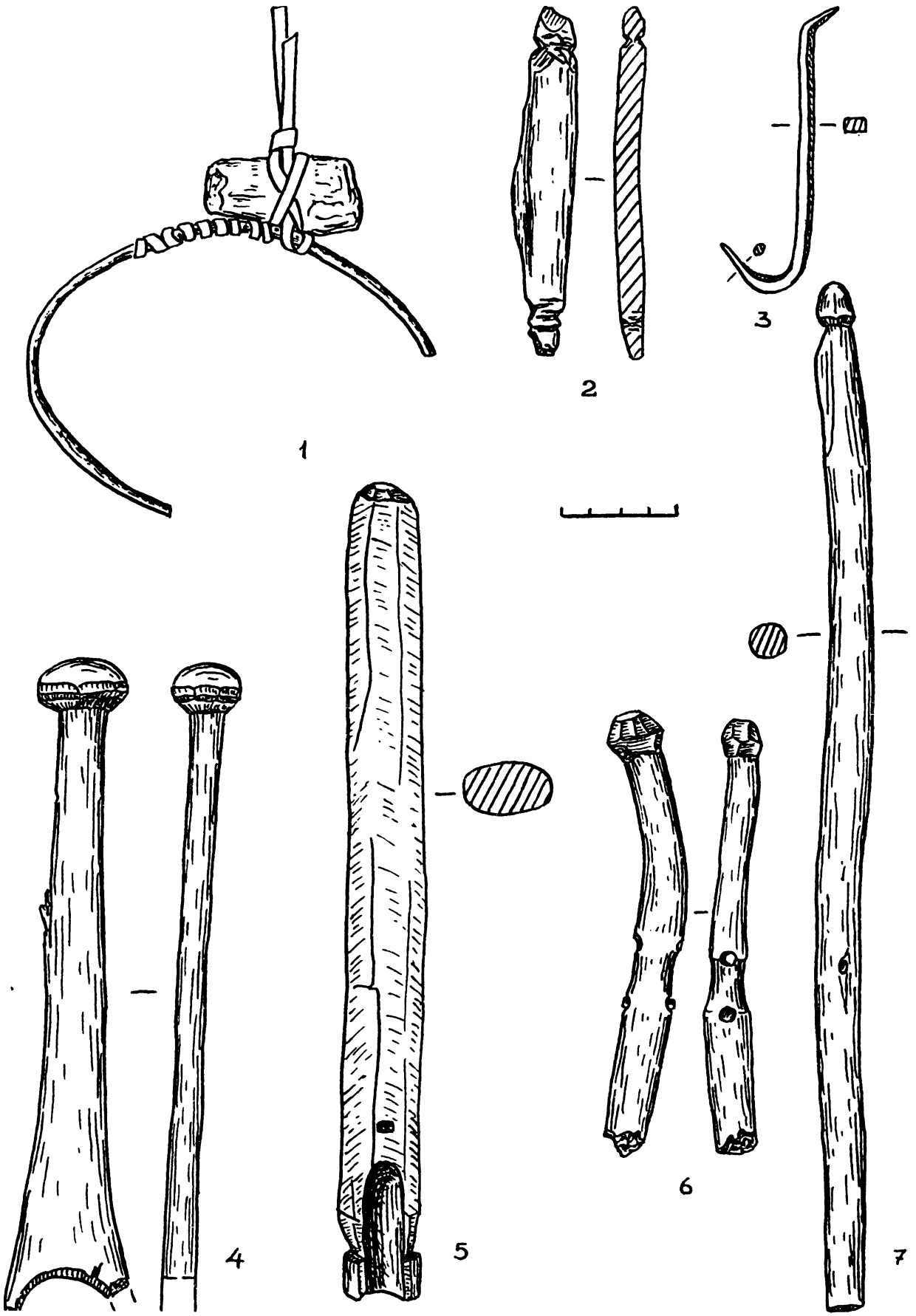


Рис. 3. Археологический материал из пещер: Октябрьская (1-2), Усть-Ангинская (3). Большая Байдинская, 1 зал (4-7)

Обломок орудия из рога (рис.3-*б*). Длина сохранившейся части - 15,7 см. Форма изделия - изогнутая, сечение - округлое (диаметр - 1,5-1,6 см). Один конец завершен «шляпкой» - навершием (высота - 1,5 см, диаметры 2,0 х 1,5 см). На расстоянии 8 см от этого конца стержень изделия утолщен по всей окружности, образуя перехват (его размеры - 2 см). Снизу и сверху его ограничивают по одному отверстию (диаметр - 0,5 см). В нижнем отверстии отмечена деревянная втулка. Функциональное назначение изделия не определено.

Набор орудий, обнаруженный в 1 зале Большой Байдинской пещеры, представляет собой бытовые изделия, датируемые, на наш взгляд, периодом этнографической современности.

В целом, новые материалы, публикуемые в статье, расширяют источниковую базу по пещерным археологическим объектам западного побережья оз. Байкал и пополняют наши знания по материальной культуре от средневековья до периода этнографической современности.

1. *Адамов А.А., 1989.* Астрагалы со следами обработки из Новосибирского Приобья II тыс. н. э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. -Новосибирск. - С. 93-97.
2. *Асеев И.В., 1980.* Прибайкалье в средние века. - Новосибирск. - 152 с.
3. *Асеев И.В., 1989.* О формировании культуры курыкан в Прибайкалье // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. - Новосибирск. - С. 52-54.
4. *Горюнова О.И., Филиппов А.Г., 1996. Ветров В.М., Бердникова Н.Е.* Пещеры Прибайкальского национального парка (материалы к Своду археологических памятников Иркутской области) // Археологическое наследие Байкальской Сибири. – Иркутск. - Вып.1. - С.101-110.
5. *Горюнова О.И., Новиков А.Г., 1997.* Комплексы железного века многослойного поселения Катунь - I // Гуманитарные науки в Сибири. - №3. - С.27-35.
6. Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. - Улан-Удэ, 1995. - 191 с.
7. *Мандельштам А.М., 1974.* Шатровый могильник у оз.Нурэ (о.Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск. - С.150-155.
8. *Петри Б.Э., 1916.* Отчет о командировке на Байкал для археологических разведок // Отчет о деятельности Имп. Академии наук по отделениям физ.-мат. наук, ист. наук и филологии за 1916 г. - СПб. - С.142-143.
9. *Петри Б.Э.* Доисторические кузнецы в Прибайкалье: (к вопросу о доисторическом прошлом якутов). - Чита, 1923. - 19 с.
10. *Филиппов А.Г., 1997.* Пещерные льды Иркутской области // Свет. - №2 (17). - С.13-16.
11. *Филиппов А.Г., Алексеев А.Б., 1997.* Сергиенко Т.Ю., Горюнова О.И. Берестяное ведро из Большой Байдинской пещеры (Приольхонье) // Дуловские чтения 1997 года. - Иркутск. - С.82-88.
12. *Хороших П.П., 1924.* Исследования каменного и железного века Иркутского края: (остров Ольхон) // Изв. / БГНИИ при ИГУ. - Т.1. -Вып.1. - 50 с.
13. *Хороших П.П., 1928.* Доисторический человек на Байкале. - Иркутск. - 15 с.
14. *Хороших П.П., 1955.* Находки в пещерах острова Ольхон // Природа. - № 11. - С. 110-112.
15. *Яковлева В.В., Горюнова О.И., 1991.* Ритуальный комплекс Саган-Нугэ III на Байкале // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. - Иркутск. - С. 157-164, 237-242.

ОТ РЕДАКТОРОВ

В изучении древней истории Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии в XX столетии были достигнуты впечатляющие успехи. Благодаря исследованиям нескольких поколений отечественных и монгольских археологов эти области азиатского материка, представлявшие к началу XX века почти сплошное «белое пятно» на археологической карте Евразии, покрылись обозначениями реальных археологических культур. Изучение стоявших за ними этнических общностей приоткрыло многие страницы древней истории этих регионов Азии.

Важнейшей вехой в истории археологического исследования Сибири и Монголии стали 20-30-е годы прошлого века - время создания основ археологической периодизации древней истории этих обширных областей евразийского материка. В послевоенные годы вышел ряд крупных монографических работ, посвященных древней истории Восточной, Южной и Западной Сибири, а позже и Монголии. В золотой фонд историографии археологии Северной и Центральной Азии вошли труды А.П. Окладникова, С.В. Киселева, М.П. Грязнова, В.Н. Чернецова и других исследователей. Интенсивность археологических исследований резко возросла с началом работ крупнейших новостроечных экспедиций в разных районах Сибири: Байкальской в Прибайкалье, Красноярской на Среднем Енисее, Саяно-Тувинской в Туве и др., а в Монголии – Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. Огромный вклад в разработку проблем древней истории Северной и Центральной Азии внесли академические и вузовские центры Сибири, Дальнего Востока и Монголии, значение которых особенно возрастает с 1960-х годов после создания Института истории, филологии и философии в Сибирском отделении АН СССР. В настоящее время Институт археологии и этнографии СО РАН является координационным центром всего Сибирско-Дальневосточного региона. Важнейшим результатом их деятельности стало формирование археологических центров во всех областях и автономиях азиатской части нашей страны, ныне субъектах Российской Федерации.

В каждом из академических и вузовских центров Сибири и Дальнего Востока с созданием археологических подразделений начинается публикация сборников статей, материалов конференций и монографических работ. Процесс этот не обошел стороной и восточно-сибирский регион, в частности в Иркутске серия сборников издается госуниверситетом, а в Улан-Удэ – Институтом общественных наук БФ СО АН СССР (ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН). В последнее время к этому процессу подключился и Иркутский педагогический университет. С 60-х годов интенсивные и успешные археологические исследования проводятся читинскими археологами, результаты которых широко известны специалистам. Материалы их исследований нашли отражение и в ряде изданий, вышедших в трудах Читинского пединститута и областном книжном издательстве С созданием Бурятского государственного университета и реорганизацией Читинского государственного педагогического института в педагогический университет была достигнута договоренность о совместном издании сборника, в котором находили бы отражение результаты исследований в области археологии и древней истории Центральной Азии и Прибайкалья.

Данный сборник статей открывает публикацию такого издания. В нем будут печататься результаты исследований специалистов не только прибайкальско-забайкальского региона, но и отечественных и зарубежных ученых, чьи интересы связаны с древней историей Байкальской Сибири и Центральной Азии. В настоящем издании приняли участие ученые не только Улан-Удэ и Читы, но и Иркутска, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Владивостока. Зарубежные исследователи представлены учеными Института истории АН Монголии. Статьи сборника освещают разные аспекты древней истории Центральной Азии и Прибайкалья от времени первоначального заселения древними людьми этих районов Азии в эпоху палеолита до средневековья. В сборнике, в аспекте обсуждения вопросов, связанных с использованием методов естественных наук в решении проблем археологии, представлены результаты изучения палеопочв из-под кладок плиточных могил эпохи бронзы и раннего железа Южного Забайкалья почвоведами Института почвоведения СО РАН и Иркутского университета.

Первые выпуски сборника будут посвящены обсуждению самых разных проблем древней истории Прибайкалья и Центральной Азии очень широкого хронологического и тематического диапазона от палеолита до эпохи средневековья. В последующем предполагается их сужение по тематическому или хронологическому принципу: будут рассматриваться проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников этих регионов Азии, палеоэкономики и социальной структуры древних обществ, древних миграций и их последствий и т.д. Таким образом планируется идти по пути, апробированному в разных научных центрах нашей страны и хорошо доказавшему свою эффективность и целесообразность. Подобного рода издания выходят в Новосибирске, Томске, Барнауле и других городах Сибири и Дальнего Востока. Надеемся, что представленные в сборнике материалы будут интересны для специалистов, работающих в области изучения древней истории Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, а сам сборник и его последующие выпуски внесут свой скромный вклад в дело изучения древней истории Северной и Центральной Азии.

CONTENTS

Lbova L.V. [The Museum of Buryat Science Centre. Russian Academy of Science. Ulan-Ude] *Prospects of search and investigation of the early paleolith in Buryatiya* 5

Razgildeeva I.I. [Zabaikalsky Pedagogical University, Chita] *Analysis of 17th cultural horizontal settlement Studyonoe–1* 13

Konstantinov A.V. [Zabaikalsky Pedagogical University, Chita] *The reconstruction of ancient dwellings of Southern Zabaikal during the epoch of paleolith-mezolith(on the basis of facts of archeology, ethnography, ethnoarcheolody and experiments)* 23

Tsybiktarov A.D. [Buryat State University,Ulan-Ude] *Burial grounds of Afanasyev type in Mongolia and Tuva(questions of cultural characteristics and dates)* 42

Kubarev V.D. [Institute of archeology and ethnography Siberian Department. Russian Academy of Science. Novosibirsk] *About one thing of Altai petroglifs* 53

Tsybiktarov V.A. [Buryat State University. Ulan-Ude] *Woodland elements in petroglifs of Selenga type and a question about genesis of Selenginsky pisanit of Southern Zabaikal and Northern Mongolia* . 56

Granina N.I., Dergachyova M.I., Tsybiktarov A.D., Vashukevich N.V., Fedeneva I.N., Nikerova T.V. [Irkutsk State University. Institute of Soil Science Siberian Department Russian Academy of Science, Buryat State University] *Some characteristics of paleological situation in of Selenginsky Midlands during the epoch of late bronze* 64

Erdenbator D. [Mongolian Institute of History, Ulan-Bator Mongolia] *About the results of investigation of cherecsurov in Mongolia* 70

Bechter A.V., Chavrin S.V. [State Hermitage, Saint-Petersburg] *Steppe bronze from Gansu and Sintsyan provinces, Ugursky autonomous region of China, and problems of oriental lines of synchronization* 73

Marsadolov L.S. [State Hermitage. Saint-Petersburg] *Burial mount of the 6th-5th centuries B.C. near the settlement Arzhan in Tuva* 78

Semyonov V.A. [Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Science. Saint-Petersburg] *Apothropeic circle (apothropeic-things and protecting ritual in funeral ceremony of Sayano-Altaisky Scythians)* . 88

Vetrov V.M., Ineshin E.M. [Irkutsk State Pedagogical University, Irkutsk]. *Interments of the river basin Vitim (dates and cultural belonging)* 92

Kovalyov A.A. [Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Science, Saint-Petersburg] *About the birth of Chunnu* 103

Kradin N.N. [Institute of History, Archeology, Ethnography of Far-Easten Science Centre. Russian Academy of Science, Vladivostok] *Steppe Buryatia as a part of Chunnsky Empire* . 132

Chudyakov U.S., Yu Su-Chua [Institute of Archeology and Ethnography, Russian Academy of Science, Novosibirsk] *Ceramic dishes belonging to the culture of Syanby* . . 138

СОДЕРЖАНИЕ

Лбова Л.В. [Музей БНЦ СО РАН, г. Улан-Удэ] *Перспективы поиска и исследования раннего палеолита в Бурятии* . 5

Разгильдеева И.И. [Забайкальский госпедуниверситет, г. Чита] *Анализ 17 культурного горизонта поселения Студеное – 1* 13

Константинов А.В. [Забайкальский госпедуниверситет, г. Чита] *Реконструкция древних жилищ Южного Забайкалья эпохи палеолита-мезолита (на основе данных археологии, этнографии, этноархеологии и эксперимента)* . 23

Цыбиктаров А.Д. [Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ] *Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы (вопросы культурной принадлежности и датировки)* 42

Кубарев В.Д. [Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск] *Об одном сюжете из петроглифов Алтая* 53

Цыбиктаров В.А. [Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ] *Лесные элементы в петроглифах селенгинского типа и вопрос о генезисе селенгинских писаниц Южного Забайкалья и Северной Монголии* 56

Гранина Н.И., Дергачева М.И., Цыбиктаров А.Д., Вашукевич Н.В., Феденева И.Н., Никерова Т.В. [Иркутский госуниверситет, Институт почвоведения СО РАН, Бурятский госуниверситет] *Некоторые характеристики палеоэкологической обстановки в Селенгинском среднегорье в эпоху поздней бронзы* . 64

Эрдэнбатор Д. [Институт истории АН Монголии, г. Улан-Батор, Монголия] *О некоторых итогах исследования херексуров в Монголии* 70

Бехтер А.В., Хаврин С.В. [Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург] *Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации* 73

Марсадолов Л.С. [Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург] *Курган VI-V вв. до н.э. около поселка Аржан в Туве* 78

Семенов В.А. [Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург] *Апотропеический круг (вещи-апотропеи и охранительные ритуалы в погребальной обрядности саяно-алтайских скифов)* . . 88

Ветров В.М., Инешин Е.М. [Иркутский госпедуниверситет, Иркутский госуниверситет, г. Иркутск] *Погребения раннего железного века бассейна р. Витим (датировка и культурная принадлежность)* 92

Ковалев А.А. [Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург] *О происхождении хунну* 103

Крадин Н.Н. [Институт истории, археологии и этнографии ДВНЦ РАН, г. Владивосток] *Степная Бурятия в составе хуннской империи* 132

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа [Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск] *Керамическая посуда культуры сяньби* 138

Danilov S.V. [Institute of Mongolian studies, Buddology and Tibetology, Siberian Department, Russian Academy of Science, Ulan-Ude] *Towns in nomadic societies of Central Asia* 143

Chudyakov U.S. [Institute of Archeology and Ethnography, Russian Academy of Science, Novosibirsk] *Types of funeral monuments in Mongolia of the early and developed medieval epoch* 150

Charinsky A.V. [Irkutsk State Politechnical University, Irkutsk] *Burial constructions of Priolchon 1000AD Some questions of typology and chronology* 161

Bayar D. [Mongolian Institute of History, Ulan-Bator, Mongolia] *Iconographical and artistic peculiarities of stone sculptures of Medieval Mongolians* 167

Ardanov B.C. [Buryat State University, Ulan-Ude] *The history of investigation of early archeological culture (Western Zabaikal)* 178

Dashibalov B.B. [Institute of Mongolian Studies, Buddology and Tibetology Siberian Department, Russian Academy of Science, Ulan-Ude] *Yakutsk problem in archeology of Pribaikal* 186

Goryunova O.I., Vdovina T.A., Osintzev A.V. [Irkutsk State University, Irkutsk] *New archeological materials from caves situating in the Western coast of Lake Baikal* 192

Данилов С.В. [Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ] *Города в кочевых обществах Центральной Азии* 143

Худяков Ю.С. [Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск] *Типология погребальных памятников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья* 150

Харинский А.В. [Иркутский государственный политехнический университет, г. Иркутск] *Поминальные конструкции Приольхонья I тыс. н.э.: некоторые вопросы типологии и хронологии* 161

Баяр Д. [Институт истории АН Монголии, г. Улан-Батор, Монголия] *Иконографические и художественные особенности каменных изваяний средневековых монголов* 167

Арданов Б.Ч. [Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ] *История исследования раннемонгольской археологической культуры (Западное Забайкалье)* 178

Дашибалов Б.Б. [Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ] *«Якутская проблема» в археологии Прибайкалья* 186

Горюнова О.И., Вдовина Т.А., Осинцев А.В. [Иркутский госуниверситет, г. Иркутск] *Новые археологические материалы из пещер западного побережья оз. Байкал* 192

Научное издание

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ПРИБАЙКАЛЬЕ В ДРЕВНОСТИ

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы
д-р. ист. наук *М.В. Константинов*
канд. ист. наук *А.Д. Цыбиктаров*

Редактор
И.Х. Оширова

Подготовка оригинал-макета
Т. А. Олоева
Оформление обложки
Б.Р. Цыдендамбаев

Подписано в печать 05.09.02.
Формат 60x84 $^{1}/_{8}$.
Уч.-изд.л. 22.64. Усл.-печ.л. 23.72 .
Тираж 300 экз.
Заказ № 449. Цена договорная.

Издательство Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24 а

Обложка отпечатана в ОАО «Республиканская типография»
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева 13